

ЯДЕРНЫЙ МИР

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ
ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

**ЯДЕРНЫЙ МИР:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ
ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 327.37
ББК Ф4(0),303
Я343

Ответственный редактор
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории
международных отношений Уральского федерального университета
Е. Б. Михайленко

Рецензенты:

Р. Г. Пихоя, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра политологии и новейшей истории России Института российской истории;
В. Н. Конышев, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории
международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;
Н. В. Перфильев, специалист отдела по развитию потенциала и тренингов
подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем
запрещении ядерных испытаний

Я343 Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения [под. ред. Е. Б. Михайленко] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 432 с.

ISBN 978-5-7996-2225-1

Монография посвящена вызовам режиму ядерного нераспространения. Освещается деятельность его глобальных и региональных институтов. Анализируется роль государств, регионов, негосударственных акторов в его поддержании. Показано, что современный режим ядерного нераспространения сталкивается с новыми вызовами – общесистемными, связанными с изменением баланса сил в мире, и региональными. Отдельно рассматривается роль общества и государственной политики в области мирного атома.

Для специалистов в области международных отношений и политологии, преподавателей, студентов, работников госструктур и всех, интересующихся международной тематикой.

В оформлении обложки использован рисунок А. Бразгиной

УДК 327.37
ББК Ф4(0),303

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Шведского агентства по радиационной безопасности (SSM)

ISBN 978-5-7996-2225-1

© Уральский федеральный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	10

Часть 1

ИНСТИТУТЫ И РЕЖИМЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

<i>Глава 1. Международный режим нераспространения ядерного оружия – новые риски и вызовы (Д. И. Победаш)</i>	17
<i>Глава 2. Роль обзорных конференций ДНЯО в контексте режима ядерного нераспространения (Е. Б. Михайленко)</i>	44
<i>Глава 3. Проблема сохранения российско-американского режима контроля над ядерными вооружениями и будущее режима ядерного нераспространения (А. Ю. Павлов)</i>	74
<i>Глава 4. Инспекции по запросу в ДВЗЯИ и КЗХО: сравнительный анализ (А. А. Малыгина)</i>	89

Часть 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРАСТРОНЕНИЯ

<i>Глава 5. Ближневосточная «петля Мёбиуса»: в поисках выхода из ядерного тупика (Г. Н. Валиахметова)</i>	105
<i>Глава 6. Региональный режим ядерного нераспространения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Г. В. Торопчин)</i>	127
<i>Глава 7. Роль ядерного оружия в политике безопасности НАТО в XXI в.: достаточное сочетание символизма и минимализма (Е. А. Лапанович)</i>	146
<i>Глава 8. Центральназиатская зона, свободная от ядерного оружия: история становления и ее влияние на региональную архитектуру безопасности Центральной Азии (Н. А. Кутнаева)</i>	176
<i>Глава 9. Дискурсы ядерного нераспространения в Центральной Азии (И. А. Черных, А. Е. Фоминых)</i>	204

Часть 3

АТОМНЫЙ МИР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИК

Глава 10. Влияние последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» на внутреннюю и внешнюю политику Японии (К. Г. Муратишина) 218

Глава 11. Быстрый старт и долгий финиш – развитие атомного проекта Италии (К. М. Табаринцева-Романова) 230

Глава 12. Ядерное образование в России: история и современность (Н. П. Дронишинец, Г. С. Зиновьев) 246

Глава 13. Банк ядерного топлива в Казахстане: имиджевый проект или вклад в нераспространение? (Абен Д. А). 272

Часть 4

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР

Глава 14. Ядерный фактор в российском общественном мнении, 1991–2016 (Л. В. Дериглазова, Н. К. Рожановская) 287

Глава 15. Ядерная энергия и гражданское общество в России: опыт Томска через призму европейской модели (А. Жермон) 320

Глава 16. Политика государства в отношении территорий Урала, подвергшихся радиоактивному заражению в результате аварий на производственном объединении «Маяк» (В. Д. Камынин) 344

Глава 17. Повседневная жизнь в закрытых городах: особенности восприятия (А. В. Лямзин) 368

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 394

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 399

ОБ АВТОРАХ 412

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 419

CONTENTS

FOREWORD	7
PREFACE.....	10

Part 1

NUCLEAR NONPROLIFERATION INSTITUTIONS AND REGIMES

International Nuclear Nonproliferation Regime: New Risks and Challenges (<i>D. I. Pobedash</i>)	17
Role of NPT Review Conferences within the Nuclear Nonproliferation Regime (<i>E. B. Mikhailenko</i>)	44
Preservation of Russian-Usa Arms Control Regime and the Future of Nuclear Non-Proliferation (<i>A. Yu. Pavlov</i>).....	74
Challenge Inspections under CTBT and Under CWC: Comparative Analysis (<i>A. A. Malygina</i>)	89

Part 2

REGIONAL CHALLENGES TO NUCLEAR NONPROLIFERATION

Middle Eastern Möbius Strip: Looking for a Way out of the Deadlock (<i>G. N. Valiakhmetova</i>)	105
Regional Nuclear Nonproliferation Regime in Asia Pacific (<i>G. V. Toropchin</i>).....	127
Evolution of Nato Nuclear Deterrence in Post-Bipolar Period (<i>E. A. Lapanovich</i>)	146
Central Asian Nuclear Weapon Free Zone: History of its Development and its Influence on the Regional Security Architecture of Central Asia (<i>N. A. Kutnaeva</i>).....	176
Nuclear Nonproliferation Discourses in Central Asia (<i>I. A. Chernykh, A. E. Fominykh</i>)	204

Part 3

NUCLEAR WORLD MIP IN THE CONTEXT
OF NATIONAL POLITICS

Influence of Fukushima-Daiichi Nuclear Accident on Domestic and Foreign Policies of Japan (<i>K. G. Muratshina</i>)	218
Faststart and Slow Finish: Defelopment of Italian Nuclear Project (<i>K. M. Tabarintseva-Romanova</i>).....	230
Nuclear Education in Russia: Past and Present (<i>N. P. Dronishinets, G. S. Zinovyev</i>).....	246
Nuclear Fuel Bank in Kazakhstan: an Image Campaign or a Contribution to Nonproliferation (<i>D. Aben</i>)	272

Part 4

RUSSIAN SOCIETY AND THE NUCLEAR FACTOR

The Nuclear Factor in the Russian Public Opinion, 1991–2016 (<i>L. V. Deriglazova, N. Rozhanovskaya</i>)	287
Nuclear Energy and Civil Society in Russia; Tomsk Experience Through the Prism of the European Model (<i>A. Germon</i>).....	320
State Policy Toward Ural Territories Exposed to Radiation Contamination After Accidents at “Mayak” Production Association (<i>V. D. Kamynin</i>)	344
Everyday Life in Closed Cities: Peculiarities of Perception (<i>A. V. Lyamzin</i>).....	368
EPILOGUE	394
BIBLIOGRAPHY	399
AUTHORS’ CREDENTIALS	412
LIST OF ABBREVIATIONS.....	419

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Нашим детям,
будущему поколению нераспространенцев,
посвящается!*

Эта книга является продуктом продолжительного и содержательного проекта, направленного на формирование академического экспертного сообщества по вопросам ядерного нераспространения в России и странах бывшего СССР. Начало проекта было заложено в 2002 г. благодаря семинару «Нераспространение оружия массового уничтожения», проводимого в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России при участии ПИР-Центра. Далее последовала череда научных событий – семинаров, программ повышения квалификации, стажировок, конференций, которые сыграли важную роль как в формировании команды исследователей и преподавателей, работающих в сфере нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), так и в качественной подготовке, обучении этой команды.

В 2013 г. прошло два важных мероприятия, ставших отправной точкой для написания данной монографии. 28–29 октября 2013 г. в Уральском федеральном университете (УрФУ) состоялся научный методологический международный семинар «Практика академического письма: как опубликовать научную статью в международном издании». 30–31 октября 2013 г. в УрФУ проходила конференция «Международные отношения в XX–XXI вв.», в рамках которой была организована работа секции «Современная международная безопасность и вопросы нераспространения». В семинаре приняли участие 20 преподавателей-международников из вузов Уральского региона, Томска,

Новосибирска, Йошкар-Олы, с Украины, из Казахстана и Киргизии. Участники представили свои научные разработки по тематике нераспространения.

Следующие три года были посвящены работе над материалами. Было проведено несколько практических и методических семинаров в России, Казахстане, Швеции и Австрии. В марте 2016 г. участники проекта снова встретились на конференции в Екатеринбурге, где были представлены результаты научных исследований. Тогда и было принято окончательное решение опубликовать совместную коллективную монографию.

Команда проекта включает несколько стран: Россию, Казахстан, Францию, Киргизию. Состав участников разнообразен. Это историки, политологи, филологи, социологи, независимые эксперты. В команде работали доктора и кандидаты наук, аспиранты, молодые эксперты.

Огромную благодарность авторы монографии выражают Шведскому агентству по радиационной безопасности (ССМ) за неоценимую помощь в подготовке книги. Благодаря нашим коллегам из ССМ Ларсу ван Дассену и Сармите Андерсен в России и за рубежом было организовано несколько семинаров, тренингов, конференций, через участие в которых стало возможным формирование в России и в странах бывшего СССР сообщества экспертов и преподавателей по ядерному нераспространению. ССМ оказало также серьезную финансовую поддержку. Отдельные слова благодарности мы выражаем профессору Стокгольмского университета Томасу Йонтеру и профессору Сьянс По (Париж) Бенуа Пелопидасу за консультационную и экспертную поддержку нашего проекта.

Коллектив авторов выражает признательность за конструктивную критику, дельные предложения и полезные рекомендации рецензентам – доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Центра политологии и новейшей истории России Института российской истории Р. Г. Пихое, доктору политических наук, профессору кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ В. Н. Конышеву и специалисту отдела по развитию потенциала и тренингу подготовительной комиссии Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ) Н. Перфильеву.

Представленное издание является результатом большой и важной работы авторского коллектива. Рассчитываем, что наш труд окажется интересным и полезным не только для нас, но и для наших коллег, учеников. Надеемся, что эта книга станет предметом гордости наших родителей, а также найдет продолжение в деятельности наших детей.

*Е. Б. Михайленко.
Март 2017, Екатеринбург*

ВВЕДЕНИЕ

ЯДЕРНЫЙ МИР В ХХІ ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Прошедший век справедливо может быть назван ядерным. Человечество прошло стремительный путь от открытия модели атома Э. Резерфордом до овладения сложнейшими процессами извлечения ядерной энергии в мирных и военных целях.

Американский исследователь Льюис А. Данн сделал прогноз относительно того, что в ХХІ в. все человечество без исключения на глобальном, региональном и национальном уровнях будет вовлечено так или иначе в решение вопросов, связанных с ядерным оружием¹. Согласно выстроенной им иерархии позиционирования к ядерному оружию, государства делятся на 12 категорий. Это и официальные ядерные государства, и ядерные «рецидивисты», и ядерные защитники, выступающие против ядерного оружия, и др.² Таким образом, весь мир, все государства вращаются вокруг ядерного вопроса.

Современные аналитики обращают внимание на опасность усиливающейся разобщенности мира, снижение управляемости глобальными процессами в результате утраты стремления руководства великих держав к поддержанию универсального мирового порядка, наметившийся тренд к политике национальных эгоизмов.

Попытка теоретического обоснования «геополитической деконструкции», перехода от постмодернистского агностицизма к неомодернизму в международных отношениях предпринята российским политологом А. В. Картуновым³. Автор выделяет четыре

---

¹ *Dunn L. A. A World of Nuclear Powers : A Gedanken Experiment / Forecasting Nuclear Proliferation in the 21st Century : The Role of Theory. Vol. 1. Stanford : Stanford Univ. Press. 2010. P. 193–230.*

² *Ibid.* P. 195–196.

³ *Картунов А. В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (дата обращения: 18.04.2017).*

базовые характеристики неомодернизма. В обобщенном виде речь идет об акцентировании внимания государств на национальных интересах и центральной роли государств в мировой политике при одновременной утрате интереса к универсалистским ценностям и моделям сотрудничества, к межгосударственным институтам. Складывается новое видение современного мира, в том числе как мира новой холодной войны, с новыми правилами или их отсутствием, а также с возрастающей ролью ядерного оружия в повестке дня международной безопасности. Естественно, что это ведет к формированию опасений в профессиональной среде относительно будущей судьбы пострадавших международной практикой режимов ограничений военных средств и технологий массового уничтожения.

Предложенная читателю монография ставит целью показать современное состояние проблем ядерного мира на разных уровнях освоения атома и отношение к ядерным проблемам на глобальном, региональном, национальном и индивидуальном уровнях. Наибольшее внимание привлечено к режиму контроля над распространением ядерного оружия, который, как и другие системные институты ограничений оружия массового поражения, подвергается в XXI в. сильному давлению со стороны государств и террористических групп, имеющих намерение его приобрести.

Первый раздел «Институты и режимы ядерного нераспространения» посвящен новым вызовам на глобальном уровне.

Д. Победаш в главе «Международный режим нераспространения ядерного оружия – новые риски и вызовы» предлагает переосмысление и систематизацию ядерных угроз на современном этапе. Глава интересна тем, что она представляет собой попытку не только составить список и кратко охарактеризовать основные новые угрозы для международного режима ядерного нераспространения, но и выделить основные причины, по которым эти новые угрозы появляются или становятся более серьезными. Автор предлагает проанализировать эти причины на основе изучения взаимодействия трех основных концепций – власти, институтов и идей.

Глобальный уровень становится все более сложным полем дальнейших договоренностей для режима ядерного нераспространения. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г. не приняла заключительный документ. *Е. Михайленко* в главе «Роль

обзорных конференций ДНЯО в контексте режима ядерного нераспространения» анализирует через призму теорий режимов, используя конструктивистский подход, проблемы Обзорной конференции 2015 г. Сформированный в 1970-е г., режим нераспространения проходит испытание новыми действующими лицами, региональными неядерными сообществами. Классическая двухуровневая система распределения сил внутри режима между ядерными и неядерными государствами сопровождается сложной борьбой интересов и амбиций новых групп акторов.

Россия и США остаются важными игроками в рамках глобального режима ядерного нераспространения. А. Павлов в главе «Проблема сохранения российско-американского режима контроля над ядерными вооружениями и будущее режима ядерного нераспространения» полагает, что двусторонние отношения между РФ и США в области разоружения могут рассматриваться как отдельный режим в рамках глобального режима ядерного нераспространения. Ухудшение двустороннего режима контроля над вооружениями способно привести к развитию серьезных экзистенциальных проблем для режима ДНЯО. Автор утверждает, что политические советники и лица, принимающие решения в обоих правительствах, должны принять во внимание это обстоятельство.

Поддержание действенности режимов ядерного нераспространения является важным элементом устойчивости глобального режима безопасности. А. Малыгина в главе «Инспекции по запросу в ДВЗЯИ и КЗХО: сравнительный анализ» рассматривает особенности процедур проведения инспекций по запросу в контексте переговоров на Женевской конференции по разоружению и в рамках режимов КЗХО и ДВЗЯИ. Исследование носит двоякую цель: показать усиление действенности режимов контроля над вооружениями и осуществить дальнейшую теоретическую проработку концепций теории международных режимов.

Региональный уровень исследования является сегодня одним из важнейших показателей взаимодействия. Регионы становятся самостоятельными акторами на международной арене. В разделе «Региональные вызовы режиму ядерного нераспространения» авторы исследуют четыре важных региона мира: АТР, Ближневосточный регион, Евро-Атлантику и Центральную Азию.

Ближний Восток является регионом с наиболее высокой концентрацией угроз распространения ядерного оружия. В этой

части света не только уже имеют место нарушения режима ДНЯО, но также сформирован целый комплекс факторов, способствующих его дальнейшему ослаблению. Многолетние усилия мирового сообщества по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, так и не увенчались успехом, о чем свидетельствуют итоги обзорной конференции ДНЯО 2015 г. *Г. Валиахметова* в главе «Ближневосточная “петля Мёбиуса”: в поисках выхода из ядерного тупика» предпринимает попытку выявить причины сложившейся ситуации в рамках топологического подхода, рассматривая геополитическое пространство Ближнего Востока в качестве «петли Мёбиуса». По мнению автора, следует ставить вопрос не столько о путях выхода из ближневосточного ядерного тупика, сколько о методах выявления, нейтрализации и устранения факторов, которые затягивают в поле действия «петли Мёбиуса» новых геополитических игроков, порождая тем самым новые топологические феномены.

Г. Торпчин в главе «Региональный режим ядерного нераспространения в Азиатско-Тихоокеанском регионе» анализирует предпосылки формирования различных сторон системы нераспространения ядерного оружия в АТР, включая военные, политические и экономические. Особое внимание автор уделяет актуальным проблемам нераспространения ядерного оружия, зонам, свободным от него, и роли ядерного фактора в повестке дня региональных организаций.

Роли ядерного оружия как фактора сдерживания в Евроатлантической системе безопасности посвящена глава *Е. Лапанович* «Эволюция ядерного сдерживания в политике НАТО в постбиполярный период». Автор, анализируя эволюцию подходов к сдерживанию, приходит к выводам, что НАТО вынужден менять свою концепцию сдерживания на современном этапе с целью усиления убедительности своих военных возможностей, предоставив гарантии безопасности прежде всего восточно- и центральноевропейским союзникам.

Центральная Азия занимает особое место в монографии. Работа исследователя из Киргизии *Н. Кутнаевой* «Центральноазиатская зона, свободная от ядерного оружия: история становления и ее влияние на региональную архитектуру безопасности Центральной Азии» посвящена договору о самой «молодой» Центральноазиатской зоне, свободной от ядерного оружия (ЦА ЗСЯО). Автор демонстрирует уникальность данной зоны как регионального института.

Несомненный интерес представляет исследование влияния ЦА ЗСЯО на архитектуру региональной безопасности в регионе.

Глава «Дискурсы ядерного нераспространения в Центральной Азии» открывается исследованиями *А. Фоминых* и *И. Черных*, в которых заявленные вопросы рассматриваются в официальном, экспертном и бытовом дискурсе стран Центральной Азии. Авторы приходят к выводу, что на фоне других стран Центральной Азии вопросы ядерного нераспространения наиболее активно звучат в официальном и экспертном дискурсе Республики Казахстан. Более того, продвижение безъядерной тематики во внешнеполитической повестке Астаны позволяет говорить о нераспространении как о дипломатической специализации или элементе национального бренда Казахстана.

В третьем разделе «Атомный мир в контексте национальных политик» сгруппированы исследования, в которых рассматриваются проблемы мирного атома в национальной повестке дня. Авторы исследуют четыре страны: Японию, Италию, Россию и Казахстан.

Глава «Влияние последствий аварии на АЭС “Фукусима-1” на внутреннюю и внешнюю политику Японии» представлена *К. Муратишиной*, которая анализирует трансформацию внутренней политики Японии не только в области системы безопасности в атомной сфере, в банковском секторе, но и в рамках развития внешнеполитической деятельности Японии в области ядерного нераспространения, активизации взаимодействия в области технологий и обеспечения безопасности. В исследовании *К. Табаринцевой-Романовой* «Быстрый старт и долгий финиш – развитие атомного проекта Италии» рассматриваются перспективы атомной промышленности Италии. Автор анализирует атомную проблематику от появления первых исследовательских центров и атомных электростанций до референдума по отказу от атомной энергии и перехода к новым формам взаимодействия с другими странами в областях атомной политики. В главе «Ядерное образование в России: история и современность» *Н. Дронишениц* и *Г. Зиновьев* исследуют систему российского образования в ядерной отрасли, обращая внимание на особенности подготовки кадров и динамику развития атомной отрасли в России. Глава *Д. Абена* «Банк ядерного топлива в Казахстане: имиджевый проект или вклад в нераспространение» посвящена рассмотрению роли Казахстана в формировании банка ядерного топлива. Автор анализирует сложный путь создания данного проекта от идеи *Д. Эйзенхауэра* в 1953 г. до предложения *Н. Назарбаева* в 2009 г. сделать Казахстан местом

размещения банка ядерного топлива, а также современное состояние проекта через призму казахской национальной политики.

Четвертый раздел «Российское общество и ядерный фактор» обращен к особенностям восприятия российским обществом роли ядерного оружия и мирного атома.

Л. Дериглазова и *Н. Рожановская* в главе «Ядерный фактор в российском общественном мнении, 1991–2016» анализируют особенности восприятия российским обществом вопросов, связанных с ядерной энергетикой и ядерным оружием, а также факторы и события, оказавшие влияние на формирование общественного мнения по данной проблематике в постсоветский период. Опираясь на данные опросов общественного мнения, авторы утверждают, что на отношении к ядерной энергии сказываются традиционная закрытость сектора и наличие нерешенных экологических проблем советского периода, а вопросы сохранения, модернизации и/или сокращения ядерного арсенала рассматриваются россиянами в тесной привязке к динамике отношений России с западными странами, прежде всего с США. При этом в целом можно говорить о национальном консенсусе в России относительно рисков и преимуществ ядерной энергетике и важной роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности.

В главе *А. Жермона* «Ядерная энергия и гражданское общество в России: опыт Томска через призму европейской модели» рассматривается эволюция российского гражданского общества, которое в настоящее время сталкивается со структурными вызовами. Сквозь призму мобилизации «за» или «против» ядерной энергетике данное исследование направлено на то, чтобы подчеркнуть влияние средств массовой информации и официальных властей на развитие гражданского общества в России. Проводя сравнение с европейскими гражданскими движениями, автор показывает, что гражданское общество в России существует, но отличается по форме и причинам возникновения от зарубежных.

Мобилизационной политике советского, а впоследствии российского государства посвящена написанная *В. Камыниным* глава «Политика государства в отношении территорий Урала, подвергшихся радиоактивному заражению в результате аварий на производственном объединении “Маяк”». В ней анализируется роль государственной политики в решении вопросов в отношении населения, проживающего на загрязненных территориях Челябинской области, рассматриваются не решенные до сих пор пробле-

мы загрязненных территорий Урала, связанные с деятельностью ПО «Маяк». Несомненный интерес представляет исследование А. Лямзина «Повседневная жизнь в закрытых городах: особенности восприятия». Автор показывает специфику функционирования системы закрытых городов, важных для атомной энергетики и ядерной безопасности России. В последнее время поднимается вопрос об изменении статуса этих городов. Минэкономразвития РФ планирует в ближайшее время лишить их статуса закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). В исследовании проанализированы своеобразные черты российских ЗАТО, связанные с особенностями их возникновения и современного существования. Особый интерес вызывает специфика восприятия жителями закрытых городов их положения и статуса.

Представленные в книге четыре уровня анализа не являются замкнутыми и изолированными. Многие проблемы режима нераспространения проявляются на всех уровнях одновременно. Таким образом, исследование отражает современный уровень аналитики проблем ядерного нераспространения и проблем, связанных с сохранением и модернизацией режима. Авторы сходятся во мнении, что режим нераспространения является одним из краеугольных камней в системе международной безопасности.

В. И. Михайленко

Часть 1

ИНСТИТУТЫ И РЕЖИМЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Глава 1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ – НОВЫЕ РИСКИ И ВЫЗОВЫ

Д. И. Победаш

Проблемы безопасности в постбиполярном мире кардинально изменились. Ядерное противостояние двух сверхдержав, грозящее уничтожением всей планеты, уже не представляется столь напряженным, как это было в период холодной войны. Тем не менее, сам факт наличия значительных ядерных арсеналов не может не вызывать беспокойства. Не следует сбрасывать со счетов сценарии случайного возникновения ядерной войны либо эскалации неядерного конфликта до уровня ядерной войны. Особенно тревожащим в данном случае представляется дальнейшее распространение ядерного оружия, а также возможное снижение «порога чувствительности» к его применению. Кроме того, возрастающую обеспокоенность вызывают новые угрозы, связанные с негосударственными акторами международных отношений. Весь этот сложный комплекс угроз и вызовов привлекает пристальное внимание как соответствующих правительственных структур, так и независимых зарубежных

и отечественных экспертов. Характеристики современного этапа развития международного режима нераспространения приводят основополагающие документы по национальной безопасности, разрабатываемые ведущими ядерными державами, например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.¹, Стратегия национальной безопасности США 2015 г.², британская Стратегия национальной безопасности 2015 г.³ Развернутые оценки новых угроз и вызовов международному режиму ядерного нераспространения дают фонд «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (*Nuclear Threat Initiative*)⁴, Стокгольмский институт исследований проблем мира (СИПРИ)⁵, фонд Карнеги⁶, ПИР-Центр – ведущая российская неправительственная организация, специализирующаяся на исследовании проблематики ядерного нераспространения⁷. Целый ряд публикаций, посвященных вызовам режиму нераспространения, разместил на своем сайте Московский центр Карнеги⁸.

Учитывая наработки упомянутых выше организаций, можно предложить следующий примерный перечень конкретных прояв-

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 28.12.2016).

² National Security Strategy. Febr. 2015 // National Security Strategy Archive [official website]. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (mode of access: 05.02.2016).

³ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review // Gov-UK [official website]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (mode of access: 15.01.2017).

⁴ Rising Nuclear Dangers : Assessing the Risk of Nuclear Use in the Euro-Atlantic Region // Nuclear Threat Initiative [official website]. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NTI_Rising_Nuclear_Dangers_Paper_FINAL.pdf?_=1443443566 (mode of access: 11.10.2016).

⁵ Global nuclear weapons: downsizing but modernizing. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2016/global-nuclear-weapons-downsizing-modernizing> // Stockholm International Peace Research Institute [official website] (mode of access: 21.11.2016).

⁶ Perspectives on the Evolving Nuclear Order / ed. by T. Dalton, T. Kassenova, L. Wilians // Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2016 [official website]. URL: http://carnegieendowment.org/files/NuclearPerspectives_final.pdf (mode of access: 21.11.2016).

⁷ Рекомендации ПИР-Центра по укреплению международного режима ядерного нераспространения в 2016–2020 гг. // ПИР-центр [официальный сайт]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14684049980.pdf> (дата обращения: 07.07.2016).

⁸ Московский Центр Карнеги [официальный сайт]. URL: <http://carnegie.ru/> (дата обращения: 07.07.2016).

лений новых угроз и вызовов режиму нераспространения ядерного оружия:

- Продолжающееся развертывание системы противоракетной обороны (ПРО) США в Европе. Россия считает, что этот процесс может представлять угрозу ее потенциалу ядерного сдерживания и рассматривает возможности противодействия этому процессу или принятие ответных мер.

- Сохранение американского тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе, сохранение значительных арсеналов российского ТЯО.

- Расширение НАТО, а также активные действия России в пространстве, которое Россия считает своей сферой влияния/интересов. Данный процесс представляется возможным считать одним из вызовов ядерному нераспространению, поскольку обе противостоящие друг другу стороны обладают ядерным оружием и продолжают учитывать это в своем планировании.

- Отсутствие прогресса по ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

- Отсутствие прогресса по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке.

- «Ползучая» легитимизация ядерных государств, не являющихся участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Индоамериканская ядерная сделка и последовавшее за ней принятие Группой ядерных поставщиков исключения для Индии привели к признанию Индии де-факто ядерной державой. Международное сообщество не оказывает сколько-нибудь значимого давления на Пакистан или Израиль по отношению к их военным ядерным программам.

- Отсутствие какого-либо прогресса в попытках наладить переговорный процесс с КНДР на фоне продолжающегося развития северокорейской ядерной и ракетной программы.

- Отсутствие гарантий обеспечения суверенитета со стороны мирового сообщества, приводящее к тому, что представители подвергшихся иностранному вторжению государств открыто высказывают сожаление о своем неядерном статусе и заявляют, что только обладание ядерным оружием могло бы реально обеспечить их суверенитет.

- Возрастающая обеспокоенность по поводу обеспечения культуры безопасности на предприятиях ядерной отрасли. Авария на АЭС Фукусима, угроза затопления в 2011 г. АЭС Форт Кэл-

хун в штате Небраска, утечка 2013 г. из хранилища Ричленд в штате Вашингтон⁹ ставят на повестку дня проблему противоречия между национальной системой борьбы с чрезвычайными происшествиями, национальной культурой ядерной безопасности и глобальным характером последствий. Кроме того, общественное восприятие технологических катастроф изменилось по сравнению с временами холодной войны. Возможно, совокупные последствия атомной деятельности в 1944–1971 гг. в г. Хэнфорде в штате Вашингтон или авария на комбинате «Маяк» в 1957 г. были хуже Чернобыля и Фукусимы, но во время биполярного противостояния воспринимались как неизбежное зло. И если ранее ядерные проекты были полностью засекречены, то сейчас многие предприятия ядерной отрасли могут попасть под прицел глобальных СМИ¹⁰.

– Возросшие возможности террористов по приобретению или созданию оружия массового уничтожения, использованию радиоактивных веществ, осуществлению диверсий на предприятиях ядерной отрасли.

– Развитие информационных технологий. Киберугрозы могут привести к сбоям в работе предприятий ядерной промышленности, что, по мнению некоторых экспертов, способно повлечь за собой эскалацию неядерных конфликтов¹¹. Возможно также использование информации или дезинформации относительно ядерного оружия и средств его доставки в информационной войне.

– Обострение отношений между ядерными и неядерными государствами по поводу закрепленного в ДНЯО обязательства первых стремиться к ядерному разоружению. Гуманитарная инициатива, объединившая неядерные государства (НЯОГ), стала ярким проявлением обострения отношений между ядерными и неядерными государствами, а также продемонстрировала рост значимости

---

⁹ Stone M. We should be very worried about that leaky nuclear waste facility in Washington // Gizmodo [official website]. Apr. 21, 2016. URL: <http://gizmodo.com/we-should-be-very-worried-about-that-leaky-nuclear-wast-1771933003> (mode of access: 25.11.2016).

¹⁰ Brady M. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters // Wilson Center [official website]. May 28, 2013. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/plutopia-nuclear-families-atomic-cities-and-the-great-soviet-and-american-plutonium#sthash.5DCDNCI3.dpuf> (mode of access: 21.07.2016).

¹¹ К российско-американскому двустороннему сотрудничеству в сфере кибербезопасности // Доклады рабочей группы по будущему российско-американских отношений. Вып. 7. 2016. Май. URL: https://futureofusruissrelations.files.wordpress.com/2016/06/2016_05_16_wg_working_paper7_ru_final.pdf (дата обращения: 21.07.2016).

«средних держав» и их синергетического сотрудничества с неправительственными организациями.

Нами предпринимается попытка не просто перечислить и кратко охарактеризовать основные угрозы международному режиму нераспространения ядерного оружия (РНЯО) в целом, но и выделить основные группы причин появления или обострения этих угроз. Иными словами, если принять, например, в качестве угрозы ядерный терроризм, то нами ставится цель не просто констатировать возрастание угрозы ядерного терроризма для мира вообще и России в частности, но и попытаться рассмотреть основные группы причин возрастания данной угрозы.

Методологически в качестве отправной точки для рассмотрения этих угроз принимается комплексная взаимосвязь трех ключевых концепций в рассмотрении международных отношений: могущества, институтов и идей. Подобный подход, призванный учитывать сильные стороны наиболее распространенных парадигм – реалистской, неолиберальной и когнитивистской, разрабатывали, среди прочих, Генри Нау, Амитав Ачарья, Андреас Хазенклевер, Питер Майер, Фолькер Риттбергер¹².

Свобода выбора ключевых игроков международных отношений в принятии ими политических решений ограничивается как относительным могуществом самого этого игрока, так и распределением силовых потенциалов в мировой политике в целом и в конкретном регионе, где этот игрок находится, в частности. Появление нового игрока, относительное усиление или ослабление старых во многом ограничивают свободу геополитического маневра. При этом понятие «могущество», общепринятое и зачастую принимаемое как интуитивно понятное в реалистских подходах, критикуется сторонниками других теорий за неопределенность и расплывчатость. Традиционно могущество понимается реалистами как способность оказывать влияние на поведение других государств или контролировать его.

Институты облегчают сотрудничество, структурируют его, повышают транспарентность и предсказуемость, что снижает риск принятия оптимального решения в ситуации «дилеммы

¹² Acharya A. *Rethinking Power, Institutions and Ideas in World Politics: Whose IR?* Abingdon: Routledge, 2014 ; Nau H. *At Home Abroad : Identity and Power in American Foreign Policy*, Ithaca ; NY : Cornell Univ. Press, 2002 ; Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. *Integrating Theories of International Regimes* // *Rev. of Intern. Studies*. Vol. 26. No. 1. Jan. 2000. P. 3–33. URL: <http://www.jstor.org/stable/20097653> (mode of access: 11.09.2016).

заключенного» во взаимодействии государств. С другой стороны, они затрудняют те виды сотрудничества, которые противоречат зафиксированным ими же нормам и процедурам. Так, ядерное сотрудничество с Индией было почти полностью остановлено Группой ядерных поставщиков на протяжении трех десятилетий после испытания этим государством ядерного взрывного устройства в 1974 г.

Широко распространенные идеи, как указывают когнитивистские подходы, ложатся в основу общепринятых социальных конструктов и играют значительную роль в создании политических реалий. Международная политика в рамках этой парадигмы понимается скорее как отражение идей людей о мире, чем воздействие материальных факторов. Как указывает, например, Кристиан Реус-Смит, акторы международной политики социальны по своей сути, и их интересы и идентичности не даны извне, а вырабатываются как социальные конструкты. В случае с ядерным оружием, как отмечает Нина Танненвальд, можно говорить о постепенном вырабатывании достаточно жесткой моральной нормы, которая говорит о неприемлемости применения ядерного оружия¹³.

Продолжающиеся споры о теориях и метатеории международных отношений не могут прийти к консенсусу. Могущество и его распределение можно воспринимать как данность, как институт, как социальный конструкт. Институты можно рассматривать сами по себе, либо как социальные конструкты, закрепляющие наиболее распространенные идеи, либо как отражение сложившегося распределения могущества. Идеи, в свою очередь, также можно интерпретировать как отражение сложившихся институтов или силовых потенциалов. В данной главе предпринимается попытка избежать подобных теоретических споров и делается сознательный выбор в пользу того, что К. Реус-Смит назвал аналитическим эклектизмом, стремящимся вывести метатеорию за скобки¹⁴.

В целом триаду «могущество – институты – идеи» можно рассматривать как совокупность факторов, создающих «воронку выбора», ограничивающую свободу действий акторов мировой политики и во многом определяющую складывание международных режимов, в том числе в сфере ядерного нераспространения.

¹³ *Tannenwald N. The Nuclear Taboo : The United States and the Normative Basis of Nuclear Non-Use // Intern. Organization. Vol. 53, no. 3. Summer 1999. P. 433.*

¹⁴ *Reus-Smith Ch. Beyond Metatheory? // Europ. J. of Intern. Relations. Sept. 2013. Vol. 19, no. 3. DOI 10.1177/1354066113495479.*

Режим нераспространения ядерного оружия понимается нами с опорой на широко распространенное определение международных режимов С. Краснера как совокупность явно или неявно выраженных принципов, норм, правил, а также процедур принятия политических решений в области противодействия распространению ядерного оружия, которые отражают согласованные на момент их создания позиции участников. По мере накопления изменений как в международной ситуации, так и в позициях государств может нарастать потребность в институциональном закреплении данных изменений.

Теория режимов позволяет использовать указанное выше триединство «могущество – институты – идеи». Так, реалистские толкования теории режимов акцентируют то, что режимы создаются наиболее могущественными государствами и отражают их интересы. Для таких последовательных реалистов как Кеннет Уолц, Джо-зеф Грико, Джон Миршеймер существование режимов в сфере обеспечения безопасности видится возможным только при наличии государства-гегемона, которое гарантирует безопасность, убеждает или принуждает другие государства к сотрудничеству. Теория гегемонистской стабильности соотносит существование эффективных международных институтов с униполярным распределением могущества в данной сфере и привязывает международные режимы к существованию доминирующего в данной сфере государства. Согласно данной теории, как только исчезает структура распределения могущества, лежавшая в основе режима, сам режим рушится или превращается в неэффективный набор норм и правил, которые государства нарушают, когда считают это выгодным.

Если, например, К. Уолц сознательно подчеркивал узость своего структурного реализма и противопоставлял его теориям, входящим в идеалистическую парадигму, то другие сторонники реализма стремились учесть в своих концепциях не только могущество, но и идеи. Так, Стивен Уолт выдвигает идею о том, что государства могут сотрудничать, объединяясь не столько против материального могущества своих потенциальных противников, сколько против субъективно понимаемой ими угрозы, которую тот представляет. Такая позиция может рассматриваться как некий «мостик» между реализмом и социальным конструктивизмом.

Режимы и составляющие их институты и нормы для реалистов в конечном итоге являются второстепенными в мировой политике и расцветают и угасают вследствие изменения силовых

потенциалов и интересов главных акторов – государств. В качестве иллюстрации указанных позиций можно, например, предположить, что принятие Группой ядерных поставщиков (ГЯП) «исключения» для Индии было в одностороннем порядке инициировано США ради выстраивания в потенциале стратегического партнерства с Индией против растущего могущества Китая. Интересно, что одобрение этого решения Россией можно в рамках данной парадигмы истолковать как проявление заинтересованности России в Индии как союзнике в построении многополярного мира, который Россия уже традиционно противопоставляет доминированию США.

Либеральный институционализм исходит из положения, что международные режимы вырабатываются рационально действующими государствами для преодоления проблем, создаваемых анархической структурой международной системы. Государства рационально стремятся максимизировать свои выгоды и избежать издержек, к которым привели бы нескоординированные действия отдельных государств, и ради этого соглашаются в более или менее явной форме придерживаться определенных норм и процедур, регулирующих их взаимоотношения. Режимы выгодны для их участников, поскольку снижают операционные издержки, то есть расходы, связанные с обсуждением и заключением соглашений, а также с контролем их соблюдения. Кроме того, режимы облегчают легитимные сделки и повышают издержки по заключению нелегитимных. Так, институты режима ядерного нераспространения призваны способствовать мирному использованию ядерной энергии, в том числе за счет международного сотрудничества и торговли, но при этом как можно более затруднить такую торговлю, которая может способствовать распространению ядерного оружия. Сторонники данного подхода при анализе решения ГЯП по Индии могут подчеркивать, например, перспективность индийского рынка ядерных технологий и выгоды сотрудничества с этим государством.

Когнитивистский подход подчеркивает значимость общепринятых идей и норм, вырабатываемых участниками международных отношений в общении между собой. Так, например, Н. Танненвальд говорит о складывании табу на применение ядерного оружия. Табу в данном случае понимается как категоричный нормативный запрет и включает в себя социальные конструкторы понимания некоей опасности, а также подразумевает создание институциональных

механизмов, призванных ограничить эту опасность и регулировать поведение акторов соответствующим образом¹⁵. В рамках данной парадигмы принятие ГЯП исключения для Индии демонстрирует разделяемое ее участниками представление об Индии как «хорошем» государстве, которое не будет распространять ядерное оружие либо использовать его в ущерб интересам принявших это решение акторов.

Таким образом, при использовании триады «могущество – институты – идеи» решение о принятии исключения для Индии обосновывается тем, что она рассматривается ведущими мировыми державами как стратегический партнер в силовом балансировании, как ценный торговый партнер, как «хорошее» демократическое государство, соблюдающее разделяемые основными игроками нормы.

Составные элементы международного режима нераспространения ядерного оружия

К юридически обязывающим элементам режима нераспространения ядерного оружия можно отнести ДНЯО, резолюции Совета Безопасности ООН, многосторонние и двусторонние договоры. В пользу включения двусторонних договоров в международный режим говорит то, что они опираются на международные нормы, подкрепляют их самим этим фактом. Кроме того, успешное заключение и соблюдение таких договоров, вокруг которых выстраиваются целые комплексы дополнительных соглашений, оказывает существенное нормативное давление на мировое сообщество в целом. Важно отметить, что ДНЯО – краеугольный камень всего режима нераспространения – не носит универсального характера, в него не входят обладающие ядерным оружием Индия, Пакистан, КНДР, Израиль. Как отмечается в докладе Службы внешней разведки РФ, «главный из недостатков политики нераспространения проистекает не из содержания самого договора, а из факта неполного охвата им государств мирового сообщества»¹⁶.

---

¹⁵ Tannenwald N. The Nuclear Taboo : The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 10.

¹⁶ Изъяны ДНЯО и практики его применения // Служба внешней разведки Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://svr.gov.ru/material/4-3.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

Особое место в режиме нераспространения занимает МАГАТЭ, цель которого – обеспечить возможно более широкое применение ядерной энергии в мирных целях, осуществляя контроль над тем, чтобы оно не способствовало какой-либо военной цели¹⁷. Документы МАГАТЭ сами по себе не носят юридически обязывающего характера, однако имеющие такой характер резолюции Совета Безопасности ООН принимаются на основе представленных МАГАТЭ докладов. В качестве примера можно привести целый ряд таких резолюций по иранской ядерной проблеме. Таким образом, МАГАТЭ выполняет при СБ ООН функции контрольно-надзорного органа, следящего за выполнением положений ДНЯО его участниками. В качестве единственного в рамках ООН многостороннего переговорного форума международного сообщества для выработки соглашений по разоружению была создана Конференция по разоружению¹⁸.

Обязательные к исполнению участниками договоры могут непосредственно относиться к сокращению вооружений (например, договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ)), ограничивать средства доставки ядерного оружия (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности – РСМД). Такие межгосударственные соглашения могут также налагать дополнительные запреты на некоторые аспекты разработки и размещения ядерного оружия – Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Кроме того, договоры могут затруднять создание ядерного оружия, например, за счет запрета на его испытания (ДВЗЯИ) или запрета на наработку необходимых для его создания материалов (Договор о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств – ДЗПРМ).

Нормативное давление на участников мировой политики оказывают такие элементы режима нераспространения как зоны, свободные от ядерного оружия, которые на данный момент охватывают около половины земного шара. Режим НЯО дополняют такие международные соглашения как Вассенаарские договоренности,

¹⁷ Устав // МАГАТЭ [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/bylaws/iaea_statute.pdf (дата обращения: 02.09.2016).

¹⁸ Конференция по разоружению ООН // ООН [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/peace/disarmament/conf/> (дата обращения: 02.09.2016).

ГЯП, Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ). Они занимаются проблемами экспортного контроля и нацелены на то, чтобы способствовать как можно более широкой и выгодной, но при этом безопасной с точки зрения распространения ядерного оружия торговле товарами и технологиями, связанными с потенциальным риском развития военной ядерной программы. В эти режимы экспортного контроля входят не все государства, а только основные стейкхолдеры, то есть в данном случае государства, владеющие соответствующими технологиями и материалами. Кроме того, в режим нераспространения можно включить такие нормообразующие элементы как односторонние объявленные моратории на проведение ядерных испытаний, политические заявления отдельных государств и международные декларации – например, позитивные и негативные гарантии безопасности.

Растущие угрозы – изменение расклада сил

Для аналитических целей сложный взаимосвязанный комплекс причин обострения угроз режиму нераспространения можно условно в соответствии с описанной выше триадой «могущество – институты – идеи» разделить на три группы: 1) изменения в структуре мировой системы, 2) «провалы» институтов глобального управления, 3) углубление противоречий между различными системами ценностей, различной трактовкой безопасности, различным пониманием норм сотрудничества вообще и, в частности, явно и неявно выраженных правил, по которым выстраиваются отношения между глобальными институтами, государствами, обществом и индивидом.

Во-первых, обострение рисков связано со структурными изменениями мировой системы, которые ведут к обострению политической ситуации в мире в целом. Об этом прямо говорит принятая в 2015 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: «Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности»¹⁹. Усиление геополитического соперничества констатирует и международная группа экспертов, подготовившая в марте 2016 г. обзор различных связанных с ядерным оружием и соответствующими технологиями сценариев, которые

---

¹⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. П. 13 // Рос. газ. 2015. 31 дек.

могут представлять угрозы для международной безопасности²⁰. О принципиальном изменении стратегической ситуации и ее обострении говорят и основополагающие документы министерства обороны США, при этом наиболее серьезными системными изменениями называются появление ИГИЛ и подъем России²¹.

Растущее могущество и влияние Китая, Бразилии, России, Индии и следующий вследствие этого переход к многополярности, с точки зрения сторонников реалистской парадигмы, значительно усложняют стратегическую ситуацию, увеличивают вероятность ошибок и просчетов, умножают количество конфликтов. При этом крайне трудно с уверенностью предсказать, удастся ли сохранить, с некоторыми преобразованиями и изменениями, международный режим нераспространения в целом, как это произошло после обретения ядерного оружия Индией и Пакистаном. Вполне вероятным представляется проявление «эффекта домино», что может привести к краху всего РНЯО в целом. Именно поэтому серьезную обеспокоенность у экспертов вызывает продолжающаяся ядерная программа Северной Кореи²².

Кроме относительного роста или снижения могущества игроков, что приводит к изменению силовых потенциалов в мировой системе, необходимо учитывать и выбор ключевых государств в этой системе основной модели своего поведения как ревизиониста или как актора, стремящегося к сохранению статус-кво. Этот выбор во многом зависит от внутривнутриполитических, культурных и идеологических факторов, что вновь демонстрирует уместность анализа всей триады «могущество – институты – идеи» в целом. При этом стратегические отношения, на которые оказывает значительное влияние культурное и политическое многообразие, все более усложняются²³. Еще более усложняет положение то, что, наряду с достаточно традиционным

²⁰ World Economic Forum White Paper: The Future of Nuclear Security 2016. March 2016 // World Economic Forum [official website]. URL: www3.weforum.org/docs/WEF_Nuclear_Futures_Exercise_report.pdf (mode of access: 17.04.2016).

²¹ 2017 Defense Posture Statement : Taking the Long View, Investing for the Future Secretary of Defense Ash Carter. Febr. 2016. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2017DODPOSTURE_FINAL_MAR17UpdatePage4_WEB.PDF (mode of access: 07.10.2016).

²² Дворкин В. А вот это грозит крахом уже всему режиму ядерного нераспространения! // Московский центр Карнеги [официальный сайт]. 2016. 09 сент. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/09/ru-64543/j5b2> (дата обращения: 29.08.2016).

²³ Rynning S., Ringsmose J. Why Are Revisionist States Revisionist? Reviving Classical Realism as an Approach to Understanding International Change // Intern. Politics. 2008. N 45. P. 20.

просчитыванием баланса сил в системе межгосударственных отношений, приходится учитывать и влияние негосударственных участников. Изменение роли национального государства в мировой политике в связи с появлением могущественных негосударственных игроков вынуждены признать даже такие классические реалисты как З. Бжезинский²⁴ и Г. Киссинджер²⁵.

Перераспределение могущества в мировой системе идет на фоне продолжающегося роста взаимозависимости и взаимосвязанности мира, что еще более обостряет противоречие между глобальностью стоящих перед мировым сообществом вызовов – таких как распространение ядерного оружия, экологические проблемы, в том числе вызванные авариями на предприятиях ядерной отрасли, международный терроризм, в том числе ядерный – и принципом суверенитета. Этот принцип настолько усугубляет сложности институционализации международного сотрудничества суверенных государств, что А. Ачарья и Б. Бузан даже называют данное положение дел «вестфальской смиренной рубашкой»²⁶.

Нарастающее противоречие между во многом размывающими сам принцип суверенитета глобализационными процессами и основанными на примате суверенитета глобальными институтами управления отмечается и в документах Европейского союза. Так, например, Сирил Фижно, анализируя доклад о европейской системе безопасности, убедительно демонстрирует, что традиционная забота о сохранении примата суверенитета постоянно заводит в политический тупик попытки выработать более эффективные и всеобъемлющие механизмы обеспечения безопасности²⁷.

Несмотря на это, такие ведущие игроки как США, Россия, Китай продолжают отстаивать верховенство принципа суверенитета как в отношении самих себя, так и для того, чтобы осудить своих геополитических соперников за то, что они считают вмешательством во внутренние дела. Например, В. В. Путин 4 декабря 2014 г. в ежегодном Послании Федеральному собранию назвал госу-

---

²⁴ Brzezinski Z. Strategic Vision // Huffington Post. Jan. 01, 2012. URL: http://www.huffingtonpost.com/zbigniew-brzezinski/strategic-vision_b_1242976.html (mode of access: 19.02.2015).

²⁵ Kissinger H. World Order : Reflections on the Character of Nations and the Course of History. N. Y. : Penguin Press, 2014.

²⁶ Acharya A., Buzan B. Why is there no non-Western international relations theory? An introduction // Non-Western International Relations Theory Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L. ; N.Y. : Routledge, 2010. P. 17.

²⁷ The Viability of Human Security / ed. by M. den Boer, J. de Wilde. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2008. P. 13.

дарственный суверенитет России абсолютно необходимым условием ее существования и прямо сравнил тех, кто пытался оказывать какое-либо влияние на внутренние дела России, с Гитлером²⁸.

Впрочем, сами великие державы готовы отступить от принципа верховенства суверенитета при необходимости оправдать собственное вмешательство во внутренние дела других, более слабых государств. Тем не менее, основанная на верховенстве суверенитета Вестфальская система международных отношений представляется наиболее могущественным державам гораздо более понятной и управляемой, чем новые политические реалии. С этих позиций серьезной угрозой для традиционных могущественных игроков представляется то, что главенству суверенитета – и заодно могуществу великих держав – бросают вызов, например, полностью отрицающие сакральность суверенитета международные террористические, экстремистские и преступные сети. Более того, даже действия легитимных международных негосударственных организаций зачастую истолковываются как нарушения принципа суверенитета. Так, например, В. В. Путин резко негативно высказывался о деятельности международных образовательных организаций, которые «шарят» по российским школам и «пылесосом высасывают» талантливую молодежь из страны²⁹.

Сам факт роста значимости негосударственных акторов в мировой политике вызывает серьезную озабоченность у политиков, привыкших строить свои действия исключительно на анализе межгосударственных отношений. Б. Скоукрофт, советник по национальной безопасности в администрациях Дж. Форда и Дж. Буша, 21 января 2015 г. на слушаниях в комитете сената США по вооруженным силам подчеркивал, что глобализация подрывает Вестфальский миропорядок, выстроенный из единственного типа элементов – суверенных государств. По его мнению, это чрезвычайно усложняет управление миром³⁰. С другой стороны, эксперты, занимающиеся проблемами урегулирования информационного пространства, достаточно оптимистично оценивают возможно-

²⁸ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 29.08.2016).

²⁹ Заседание Совета по науке и образованию. 24 июня 2015 г. // Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49755> (дата обращения: 29.08.2016).

³⁰ National Security Threats : Former National Security Advisers Zbigniew Brzezinski and Brent Scowcroft testified at a Senate Armed Services Committee hearing on threats to US national security. Jan. 21, 2015. URL: <http://www.c-span.org/video/?323887-1/hearing-national-security-threats> (mode of access: 08.09.2016).

сти создания институтов глобального управления на основе новой модели многостороннего международного сотрудничества с привлечением всех заинтересованных сторон³¹.

Кроме совершенно отрицающих самим своим существованием принцип суверенитета международных сетей, групп и движений, в создании ограничивающих безраздельное господство принципа суверенитета наднациональных институтов активно участвуют средние и малые государства, а также неправительственные организации (НПО). Во время биполярного противостояния эпохи холодной войны средние державы и НПО не могли оказывать значительного влияния на мировую политику. Две сверхдержавы принимали решения в двустороннем порядке и убеждали или принуждали малые и средние государства следовать в своем кильватере по ключевым вопросам, в том числе связанным с ядерным нераспространением. НПО же в биполярном мире игр с нулевой суммой зачастую воспринимались как агенты влияния противника. За десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, средние державы и международные неправительственные организации (МНПО) стали играть значительно более важную роль в формировании мировой политики. Как отмечают М. Болтон и Т. Нэш, и средние державы, и МНПО, представляющие глобальное гражданское общество, заинтересованы в стабильности и предсказуемости мировой политики и стремятся связать воинственно настроенные великие державы с помощью международных норм, законов и институтов³². Примечательна позиция Евросоюза, занимающего ведущие позиции в мире по «мягкой силе», социальным и экономическим показателям, но не обладающего военным потенциалом, сопоставимым с потенциалом США, России, Китая. Вполне в духе реалистской трактовки концепции баланса сил Стратегия ЕС – 2016 говорит о необходимости достижения Евросоюзом «стратегической автономности» и объединения усилий средних и малых европейских держав для совместного противостояния внешним и внутренним угрозам³³. При этом за счет объединения усилий предполагается

³¹ Якушев М. «Что удалось сделать в отношении IANA, может сработать и в других ситуациях, связанных с международной политикой и международной безопасностью» // Пульс Кибермира. 2016. № 3 (21). Сент. С. 10.

³² Bolton M., Nash T. The Role of Middle Power – NGO Coalitions in Global Policy: The Case of the Cluster Munitions Ban // Global Policy. Vol. 1. Iss. 2. May 2010. P. 172.

³³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe : A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 4 // European Union [official website]. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/about/eugs_review_web_4.pdf (mode of access: 01.08.2016).

отстаивать принятие согласованных правил, которые позволили бы сдерживать традиционную политику с позиции силы³⁴.

Вызов со стороны средних держав и гражданского общества серьезно воспринимается в Америке. Так, в оборонной стратегии США 2005 г. прямо отмечено: «Могуществу нашего государства будут продолжать бросать вызов те, кто используют стратегию слабых, прибегая к международным форумам, судебным процессам и терроризму»³⁵. Интересно, что официальные круги России, признавая растущую сложность мира и появление новых, в том числе негосударственных игроков, склонны приписывать практически все негативные тенденции мировой политики злой воле и циничному расчету США³⁶. В целом можно утверждать, что, апеллируя к институтам ООН и международному праву, США и Российская Федерация в определении своей стратегии в сфере безопасности по большей части руководствуются аксиомами политического реализма.

Работа институтов ООН, даже когда они ставят на повестку дня вопросы человеческой безопасности и защиты прав индивидов и сообществ, также во многом сводится к отстаиванию и защите принципа суверенитета в самом традиционном, вестфальском его толковании. Современные сложности и противоречия обусловлены в том числе тем, что глобальные институты управления во многом полагаются на миропорядок, выработанный державами-победительницами после окончания Второй мировой войны³⁷.

Таким образом, изменение баланса сил и появление новых игроков не только становятся вызовом для вынужденных считаться с этим великих держав, но и ставят под вопрос репрезентативность институтов глобального управления и эффективность их работы. В рамках реалистской парадигмы в связи с этим может быть сделан весьма пессимистичный прогноз относительно будущего режима нераспространения ядерного оружия – он разрушится или потеряет смысл, что может привести к неуправляемому распространению ядерного оружия, попаданию его в руки новых игроков, в том числе негосударственных. Более оптимистичные

---

³⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe : A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. P. 16.

³⁵ The National Defense Strategy of the United States of America. March 2005. P. 5

³⁶ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 01.09.2016).

³⁷ National Security Strategy. Feb. 2015. P. 23 // National Security Strategy Archiv. [official website]. URL: nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf (mode of access: 05.02.2016).

реалистские сценарии рассчитывают, что ядерное сдерживание позволит избежать ядерной войны между государствами, а общая для всех государств угроза попадания ядерного оружия к негосударственным игрокам приведет к созданию альянса государств для совместной борьбы против этой угрозы. Заявления о необходимости совместной борьбы с ядерным терроризмом уже звучат на высшем уровне. Так, 2 апреля 2016 г., выступая перед главами государств на Саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне, Б. Обама несколько раз подчеркнул крайнюю важность мер по предупреждению попадания ядерных материалов к террористическим группам³⁸. На том же саммите свое согласие с этим выразил и Председатель КНР Си Цзиньпин³⁹. Об этом же говорил и В. В. Путин в своем приветствии участникам и гостям встречи высокого уровня, посвященной десятилетию Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма⁴⁰. Совершенно очевидно, что участие России как одной из двух держав, обладающих подавляющим превосходством над всем остальным миром по размеру ядерного арсенала, а также как одного из ведущих мировых поставщиков ядерных материалов, оборудования и технологий настолько значимо, что обсуждение каких-либо аспектов укрепления РНЯО, в том числе противодействие ядерному терроризму, без нее не имеет смысла. Отказ России участвовать в упомянутом выше Ядерном саммите 2016 г. продемонстрировал ненадежность новых институтов РНЯО, создаваемых без широкого консенсуса среди наиболее значимых игроков.

Растущие угрозы – инерция институтов

Вторая группа причин обострения кризиса международно-го режима нераспространения обусловлена растущей неудовлетворенностью институтами этого режима. Договоры, соглашения

---

³⁸ Remarks by President Obama and Prime Minister Rutte at Opening Session of the Nuclear Security Summit // The White House [official website]. Office of the Press Secretary. April 01, 2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/04/01/remarks-president-obama-and-prime-minister-rutte-opening-session-nuclear> (mode of access: 20.09.2016).

³⁹ Си Цзиньпин призвал страны к укреплению системы ядерной безопасности // ТАСС: Международная панорама [официальный сайт]. 2016. 2 апр. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3171292> (дата обращения: 11.04.2016).

⁴⁰ Путин: РФ настроена на тесную координацию усилий по борьбе с ядерным терроризмом // ТАСС [официальный сайт]. 2016. 15 июня. URL: <http://tass.ru/politika/3365131> (дата обращения: 30.06.2016).

и организации режима нераспространения складывались в условиях биполярного противостояния холодной войны и отражали реалии того времени. Исключительно двусторонними договоренностями между СССР и США были такие важные элементы режима нераспространения как Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 г., договоры об ограничении стратегических вооружений ОСВ-1, ОСВ-2, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. Данные двусторонние договоры, как справедливо указывает Д. Вердье, не только не противоречат многостороннему характеру режима НЯО, но и являются его чрезвычайно важной частью⁴¹. Вследствие этого односторонний выход государства из такого договора может привести к ослаблению РНЯО в целом. Еще более опасной для режима в целом может стать «цепная реакция» односторонних действий государств. Так, достаточно обоснованные опасения и резкую критику вызывают, например, как действия США по развертыванию системы противоракетной обороны⁴², так и ответные заявления России о возможности ее выхода из РСМД. Отметим, что в последнее время обоюдные обвинения в несоблюдении противоположной стороной положений РСМД достигли в американо-российской политической риторике накала, сравнимого с худшими периодами холодной войны⁴³.

Основными элементами режима нераспространения по-прежнему остаются ДНЯО и МАГАТЭ. ДНЯО сохраняет свое фундаментальное значение как «одной из главных опор глобальной стратегической стабильности и международной безопасности»⁴⁴. В тексте ДНЯО оговаривается ключевая роль МАГАТЭ в выработке

⁴¹ Verdier D. Multilateralism, Bilateralism, and Exclusion in the Nuclear Proliferation Regime // Intern. Organization. Vol. 62, no. 3. Summer, 2008. P. 439–476.

⁴² Интервью В. В. Путина немецкому изданию Bild 5 января 2016 г. Ч. 1 // Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/51154> (дата обращения: 11.01.2016).

⁴³ 2016 Report on Adherence to and Compliance With Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments. Apr. 11, 2016. URL: http://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/2016/255651.htm#INF_TREATY (mode of access: 30.04.2016) ; Комментарий Департамента информации и печати МИД России по докладу Госдепартамента США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, нераспространения и разоружения. 15.04.2016 // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2237950 (дата обращения: 25.04.2016).

⁴⁴ Михаил Ульянов: обзорная конференция подтвердила значимость ДНЯО // РИА Новости [официальный сайт]. Интервью. 01.06.2015. URL: <https://ria.ru/interview/20150601/1067514136.html> (дата обращения: 01.07.2015).

гарантий – системы мер, призванных обеспечить развитие мирной ядерной энергетики в государствах таким образом, чтобы эти государства не приобрели возможность обладания ядерным оружием. ДНЯО также возлагает на МАГАТЭ задачу контроля за соблюдением государствами этих гарантий (ст. 3). Право государств заключать региональные договоры с целью создания зон, свободных от ядерного оружия, также основывается на положениях ДНЯО (ст. 7). Выработывавшиеся в ответ на появление новых угроз составные части РНЯО соотносились с ДНЯО и МАГАТЭ, даже если это не было выражено явным образом. Например, ГЯП была создана в 1975 г., когда после произведенного Индией испытания ядерного взрывного устройства появилось осознание необходимости создания новых международных норм экспортного контроля, дополняющих договоренности Комитета Цангера. Формально ГЯП не была непосредственно привязана к ДНЯО юридическими обязательствами, что дало возможность участвовать в ее работе странам, не присоединившимся в то время к ДНЯО, например, Франции. Тем не менее, ГЯП создавалась как часть режима, основанного на ДНЯО и ведущей роли МАГАТЭ. Так, группа выработала руководящие принципы ядерного экспорта, которые затем были изданы как Информационный циркуляр МАГАТЭ INFCIRC/254. Таким образом, национальные правительства участвующих в торговле ядерными материалами и технологиями государств договариваются между собой, а затем разрабатывают на основе принятых совместно документов национальные нормативно-правовые меры по контролю за ядерным экспортом и экспортом товаров двойного назначения. С другой стороны, использование ГЯП в качестве «обходного пути» там, где ДНЯО не срабатывает, вызывает неоднозначные оценки. Так, например, принятие ГЯП «исключения» для Индии в 2008 г. привело к достаточно болезненной коллизии. Заинтересованные в ядерной торговле с Индией великие державы потребовали принятия позволяющего такую торговлю исключения для Индии, но выступили против предоставления таких же прав Израилю и Пакистану. Подобное применение двойных стандартов может быть истолковано как подрыв авторитета международного права вообще и правовых основ режима ядерного нераспространения в частности.

Институты НЯО, создававшиеся в реалиях Ялтинско-Потсдамского миропорядка и биполярного противостояния, перестают соответствовать современным политическим реалиям. Тем не менее,

несмотря на их недостаточность перед лицом новых угроз, заменить или реформировать их достаточно сложно, поскольку подобные действия предполагают достижение определенных компромиссов, как минимум, между ключевыми игроками. Кроме того, появляются новые угрозы и вызовы, на которые эти институты не были рассчитаны. Выше уже упоминалось возрастающее значение негосударственных акторов, легитимных, как МНПО, и нелегитимных, как, например, ИГИЛ. Появляется также новое оружие, не подпадающее под действие сложившегося РНЯО. Так, например, заместитель министра обороны РФ А. Антонов отмечает, что разрушительный потенциал стратегического оружия в неядерном оснащении «становится все ближе к уровню ядерного оружия»⁴⁵. И в США, и в России разрабатываются боевые беспилотные летательные аппараты, которые уже обладают такими характеристиками, что их развертывание может рассматриваться как нарушение положений РСМД. После выхода США из договора о ПРО в 2001 г., по мнению российской стороны, полным ходом идет создание системы ПРО⁴⁶, причем российское руководство считает, что это может снизить возможности России по осуществлению ядерного сдерживания. Кроме того, с российской точки зрения, развитие системы ПРО в комплексе с разработкой концепции быстрого глобального обезоруживающего удара, возможным военным освоением космоса и ростом интереса к использованию стратегического оружия в неядерном исполнении ведет к нарушению стратегического баланса сил⁴⁷. К новым угрозам, которые серьезно меняют традиционные стратегические расчеты, основанные на ядерном сдерживании и не могут быть урегулированы с помощью имеющихся институтов, относят также совершенствование обычных вооружений и «резкое ускорение развития военных информационных технологий»⁴⁸.

---

⁴⁵ Антонов А. Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении // Индекс безопасности. № 2 (105). Т. 19. С. 11–18. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/11/13722618170.pdf> (дата обращения: 07.04.2016).

⁴⁶ Совещание по вопросу разработки проекта госпрограммы вооружения на 2016–2025 годы. 10 сент. 2014 г. Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46589> (дата обращения: 07.04.2016).

⁴⁷ Встреча с руководителями международных информагентств 17 июня 2016 года // Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52183> (дата обращения: 25.06.2016).

⁴⁸ Антонов А. Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении.

Неэффективность и недостаточность имеющихся механизмов РНЯО в отношении этих новых вызовов очевидна, и эксперты предлагают разные подходы к выработке новых решений. Например, член Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия Е. В. Мясников полагает, что «вряд ли проблему стратегических неядерных вооружений удастся решить путем введения новых договорных ограничений. По-видимому, путь ее решения состоит в повышении транспарентности и принятии односторонних обязательств»⁴⁹. А. И. Антонов считает, что необходимо возобновление нацеленных на заключение соответствующих договоров двусторонних переговоров с США, но с обязательным привлечением к ним таких могущественных в военном отношении держав как Великобритания и Франция⁵⁰.

Новой угрозой для РНЯО стала также проблема обеспечения кибербезопасности. Развитие современных информационных сетей и технологий несет в себе несколько опасностей. Становится все сложнее контролировать распространение чувствительных технологий и информации об объектах ядерной отрасли, о мероприятиях с большим количеством людей, об имеющих символическую значимость объектах и событиях, которые могут представлять интерес для террористов. Тревожную тенденцию облегчения доступа индивидов к технологиям отмечали еще в 2008 г. известные исследователи вопросов безопасности Б. Бузан и Л. Хансен, констатируя, что все более чудовищные средства убийства и разрушения становятся доступны малым группам и даже индивидам. По их словам, «не только ядерное оружие становится все более доступным. Индивиды могут без особых усилий и затрат создавать и распространять компьютерные вирусы»⁵¹. Указанное распространение разрушительных технологий, скорее всего, необратимо. По мнению Б. Бузана и Л. Хансен, оно может даже вызывать серьезные сомнения в дальнейшем развитии демократии и управляемости общества⁵².

Появились возможности совершать кибердиверсии на предприятиях ядерной отрасли. Так, атаки с использованием вируса

---

⁴⁹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимое военное обозрение. 28.09.2012. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html (дата обращения: 18.10.2016).

⁵⁰ Антонов А. Указ. соч.

⁵¹ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. P. 270.

⁵² Ibid.

Stuxnet в 2009–2010 гг., задержавшие развитие иранской ядерной программы, были нацелены на предприятия ядерной отрасли Ирана, в частности, на нарушение работы центрифуг для обогащения урана. Компания *Symantec*, занимающаяся разработкой программного обеспечения в области информационной безопасности, утверждает, что первые попытки нарушить работу иранских центрифуг относятся еще к 2005 г. Высказываются предположения, что одновременно с кибератакой 2009–2010 гг. на иранскую программу обогащения урана подобное нападение могло планироваться и против объектов ядерной отрасли Северной Кореи⁵³.

Резко возрастают возможности планирования, организации, вербовки и координации противоправных действий, а также отмывания денег. Остается недооцененной растущая значимость виртуальных сообществ, в которых убеждения потенциальных террористов могут формироваться за счет просмотра материалов экстремистского характера, размещенных в свободном доступе в сети Интернет. Киберпространство становится территорией, на которой складываются различные виртуальные сообщества, в том числе радикальные, экстремистские. В глобальном интернет-общении создаются дискурсивные поля, способные оказывать значительное влияние на формирование убеждений и тем самым становиться основой идентичности. Террорист уже может быть продуктом виртуального сообщества и формировать свои взгляды в глобальном информационном поле, создаваемом такими сообществами.

Растущие угрозы – конфликт идей

Третья группа причин обострения кризиса РНЯО – то, что у ведущих мировых игроков формируются разные идеи о ядерном разоружении и нераспространении, а также складывается разное понимание безопасности. После окончания биполярного противостояния военная составляющая безопасности стала отходить на второй план. Помимо традиционного понимания национальной безопасности, все активнее на международной повестке поднимаются вопросы человеческой безопасности. Кроме того, идет секью-

---

⁵³ *Menn J.* Exclusive: US tried Stuxnet-style campaign against North Korea but failed – sources // Reuters. World News [official website]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-northkorea-stuxnet-idUSKBN0OE2DM20150529> (mode of access: 11.01.2016).

ритизация все более широкого круга проблем, когда они изображаются как несущие серьезную угрозу для самого существования чего-либо важного. Затем признается необходимость принятия чрезвычайных мер для того, чтобы справиться с этой проблемой. При этом те политические слои, которые и прибегают к секьюритизации проблемы, обычно получают расширенные полномочия и ограничивают свободу общества в целом. В случае с РНЯО это приводит к тому, что предотвращение термоядерного самоуничтожения человечества из самой насущной проблемы превращается всего лишь в один из целого ряда вызовов, каждый из которых представляется значимым и имеющим непосредственное отношение к безопасности.

Б. Бузан и Л. Хансен описывают подобные процессы как расширение и углубление повестки безопасности. При этом расширение повестки безопасности подразумевает включение в нее угроз невоенного характера, таких как терроризм, экологические проблемы, миграционные потоки. Углубление же повестки безопасности означает включение в нее не только государств, но и индивидов, организаций, различных социальных групп⁵⁴.

Глобализация увеличивает взаимозависимость между государствами и обществами, для которых характерны различные, зачастую трудно совместимые друг с другом ценности. Новые технологии и растущие возможности трансграничной мобильности людей, товаров, финансов, а также идей влияют на понимание международной безопасности. Изменяется природа войны, снижается количество межгосударственных конфликтов, но растет количество «конфликтов низкой интенсивности», повстанческих движений, межэтнических и гражданских войн. Кроме того, глобализация способствует беспрецедентному росту значимости негосударственных акторов в сфере международной безопасности. Как отмечает, например, Б. Айрондель, в качестве примеров в данном отношении можно привести не только террористические движения и преступные сети, в том числе вовлеченные в незаконный оборот ядерных и чувствительных материалов и технологий, но и эпистемические сообщества, играющие значительную роль в выработке норм⁵⁵.

⁵⁴ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies.

⁵⁵ New and Evolving Trends in International Security / ed. by A.-M. Le Gloanec, B. Irondelle, D. Cadier // Transworld Paper [official website]. No. 13. Apr. 2013. P. 4–5. URL: <http://www.transworld-fp7.eu/?p=1175> (mode of access: 29.01.2015).

Исключительную важность эпистемических сообществ в сфере ядерного нераспространения подчеркивали, например, Э. Адлер, С. Кутчесфাহани, Н. Митчелл и другие авторы⁵⁶.

Для ученых, работающих в одной сфере, объединяющими факторами становятся не только общее знание и совместные исследовательские проекты. Зачастую такие ученые обучаются и стажировались в одних и тех же научных центрах, становятся близкими друзьями. Тем не менее, само понимание в различных регионах сути мировой политики, ее действующих лиц, институтов и процессов глубоко коренится в истории и культуре этих регионов и может значительно отличаться от европоцентристских трактовок международных отношений⁵⁷. Таким образом, эпистемические сообщества могут не только способствовать облегчению международного сотрудничества за счет выработки общих идей, понимания и подходов, но и воспроизводить внутри себя политические и культурные противоречия, тем самым закрепляя или даже углубляя расхождения как между государствами, так и внутри национальных академических кругов. В этом отношении весьма характерен комментарий корреспондента Русской службы Би-би-си Ю. Савченко относительно российско-американских отношений в сфере ядерного нераспространения: «Несмотря на очевидное желание сторон сотрудничать в сфере сокращения стратегических вооружений, перетягивание ядерного одеяла до сих пор остается любимым упражнением российских и американских переговорщиков»⁵⁸. Достаточно ярко проявляется и нарастающее противостояние внутри отечественного круга исследователей проблем нераспространения, когда одни предупреждают о серьезнейшем кризисе всей системы контроля

⁵⁶ *Adler E.* The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control // *Intern. Organization*. 2009. No 46 (1). P. 101–145 ; *Mitchell N. J., Herron K. G.* Elite Beliefs, Epistemic Communities and the Atlantic Divide : Scientists' Nuclear Policy Preferences in the United States and European Union // *British J. of Political Science*. № 37 (4). P. 753–764 ; *Kutchesfahani S. Z.* Politics & The Bomb : Exploring the Role of Epistemic Communities in Nuclear Non-Proliferation Outcomes : PhD dissertation in Political Science. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/767199/1/767199.pdf> (mode of access: 29.11.2016).

⁵⁷ *Non-Western International Relations Theory Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L. ; NY : Routledge, 2010. P. 197–199.*

⁵⁸ *Савченко Ю.* Американский взгляд на российскую военную доктрину // Русская служба Би-би-си [официальный сайт]. Вашингтон. 2009. 30 авг. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2009/08/090830_russia_doctrine_us.shtml (дата обращения: 21.09.2009).

над ядерным оружием и возможном крахе РНЯО, за которым неизбежно последует получение ядерного оружия террористами⁵⁹, а другие предлагают идти на силовые демонстрации и подчеркивать свою готовность к его применению, выходить из договоров по разоружению и возобновлять программу подземных ядерных испытаний⁶⁰. Одни подчеркивают крайнюю важность международного сотрудничества в деле противодействия ядерному терроризму, а другие вообще отрицают его угрозу⁶¹.

* * *

В целом представляется возможным принять положение А. Вендта о принципиальной невозможности рационального управления сложнейшими процессами мировой политики, однако возможности и необходимости рациональных действий, несколько подправляющих ход этих процессов в требуемом направлении⁶². При этом триада «могущество – институты – идеи» показывает системные ограничители, во многом определяющие мировую политику в целом. При использовании этого инструментария растущая угроза, например, международного ядерного терроризма предстает не просто отдельным пунктом в списке новых угроз, а достаточно закономерным последствием нескольких взаимосвязанных причин, взаимодействие которых можно проследить по всем остальным пунктам такого списка.

Во-первых, свою роль сыграла смена четких правил биполярного противостояния неясными контурами нового миропорядка, в котором у государств появилось несколько новых вариантов поведения. Так, например, США в постбиполярном мире мета-

---

⁵⁹ Арбатов А. Осторожно, грабли! // Огонёк. № 32. 2016. 15 авг. С. 18. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3058657> (дата обращения: 11.09.2016).

⁶⁰ Фененко А. Россия недооценивает проблему ядерного нераспространения // Защищая Россию [сайт]. URL: https://defendingrussia.ru/a/rossija_nedooecenivajet_problemu_nerasprostranenija_jadernogo_oruzhija-1761/ (дата обращения: 21.09.2016).

⁶¹ Торин А. Актуальные вызовы и угрозы режима ядерного нераспространения // Междунар. жизнь. 2015. 5 марта. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12676> (дата обращения: 21.09.2016).

⁶² Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. P. 376.

лись в выборе своей стратегии от стремления к мировому лидерству в «новом мировом порядке» до самоустранения, граничащего с неоизоляционизмом. Вместо характерных для биполярного мира достаточно четких сфер влияния, где зачастую весьма жестко наводила порядок одна из сверхдержав, появились некие расплывчатые регионы со сложной мозаикой взаимодействия различных центров силы. В образовавшемся «вакууме» могущества возросло значение как региональных держав, так и негосударственных акторов. Открытый и взаимозависимый мир во время перехода от биполярности к некоей новой, еще не сформировавшейся многополярности оказался без международных «полицейских» и не смог противодействовать распространению, по выражению бывшего российского министра иностранных дел И. С. Иванова, террористического интернационала⁶³.

Во-вторых, институты глобального управления не успевают меняться вслед за изменениями в силовом раскладе. С одной стороны, теряющие в относительном могуществе государства прилагают усилия, чтобы сохранить статус-кво, а государства-ревизионисты колеблются в выборе между несколькими возможными стратегиями. При этом выстраивание новых межгосударственных институтов превращается в длительный и сложный процесс поиска приемлемого для всех компромисса. С другой стороны, сложившиеся институты обладают своей собственной бюрократической инерцией и стремятся продолжить свое существование, даже если они уже не соответствуют новым реалиям. Так, Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма была принята только в 2005 г. Это произошло через десять лет после террористического акта с применением радиоактивных веществ в Измайловском парке в 1995 г., после попыток террористических групп провести разведку двух баз хранения ядерного оружия в 2001 г., неудавшейся попытки нанести удар по АЭС 11 сентября 2001 г., перехвата предназначавшихся для совершения теракта контейнеров с радиоактивными материалами в 2003 г. Кроме того, глобальные институты управления, строившиеся в мире, состоявшем из суверенных государств, не могут реагировать на чрезвычайно быстро меняющиеся реалии глобализирующегося мира, в кото-

---

⁶³ Иванов И. С. Новая российская дипломатия : Десять лет внешней политики страны. М. : ОЛМА-Пресс, 2002. С. 52.

ром группы и даже индивиды приобретают невообразимые ранее возможности.

В-третьих, построенные в рамках Ялтинско-Потсдамских соглашений институты не только перестали соответствовать новому раскладу сил и новым – или, как терроризм, существовавшим и ранее, но сильнее проявившимся – угрозам, но и перестали отражать заложенный в них изначально ценностный консенсус. Еще в 1944 г. Р. Нибур, один из влиятельнейших в США политических философов, пришел к выводу о наличии глубинного сходства между классической либеральной теорией и марксизмом, тогда как различия между ними он считал поверхностными. После окончания холодной войны и периода краткой эйфории, когда казалось, что восторжествовало единое понимание общечеловеческих ценностей, резко обострились и культурно-ценностные различия. Исчезла общая для либерализма и марксизма идеологическая платформа, отмеченная Р. Нибуrom и Г. Morgентау в 1945 г., зафиксированная в Уставе ООН и затем закреплённая Хельсинкскими соглашениями 1975 г. Кроме распада мира на регионы, тяготеющие к разным полюсам силы, в мире нарастают тенденции углубления культурных и ценностных разделительных линий. Сопротивление нивелирующему воздействию глобализации привело к обострению религиозных, этнических противоречий, способствовало росту экстремизма и стало питательной почвой для развития терроризма.

Таким образом, международный терроризм вырос в возникшем силовом «вакууме», развивается быстрее не успевающих за ним международных институтов и подпитывается за счет нарастания идейных и культурно-ценностных противоречий.

В заключение представляется возможным высказать мнение, что применение в качестве аналитического инструментария рассмотренной выше триады «могущество – институты – идеи» может позволить анализировать совокупность наиболее значимых факторов, ограничивающих свободу выбора игроков международных отношений. Кроме того, применение этого подхода предоставляет возможность комплексно использовать сильные стороны наиболее распространенных и влиятельных теорий международных отношений.

Глава 2

**РОЛЬ ОБЗОРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ДНЯО
В КОНТЕКСТЕ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ***Е. Б. Михайленко*

В апреле-мае 2015 г. состоялась Конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (далее – Обзорная конференция ДНЯО). Конференция закончилась без принятия заключительного документа. Ряд экспертов обозначили наличие серьезных проблем в функционировании режима ядерного нераспространения, таких как ближневосточный фактор, позиции ряда стран по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, замороженные российско-американские отношения¹. Другие утверждали, что отсутствие заключительного документа не является поводом считать режим неэффективным, поскольку Обзорная конференция 2015 г. является далеко не первым прецедентом, когда переговоры заканчиваются без принятия итоговой резолюции².

Российские эксперты объясняли провал конференции кулуарными играми участников переговорного процесса³. По мнению

¹ Disappointing NPT conference // The Japan Times. 2015. May 26. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/05/26/editorials/disappointing-npt-conference/#.V8BhHyOLTJw> (mode of access: 20.08.2016); *Arbatov A.* An Unnoticed Crisis: The End of History for Nuclear Arms Control // Carnegie Moscow Center. [official website]. 2015. June 16. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/ians> (mode of access: 20.08.2016).

² *Salander H.* Reviewing a Review Conference: Can there ever be a successful NPT RevCon? // European Leadership Network. June 8, 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/reviewing-a-review-conference-can-there-ever-be-a-successful-npt-revcon_2827.html (mode of access: 20.08.2016); *Jaramillo C.* NPT Review Conference: No outcome document better than a weak one // Bulletin of the Atomic Scientists. June 3, 2015. URL: <http://thebulletin.org/npt-review-conference-no-outcome-document-better-weak-one8366> (mode of access: 20.08.2016); *Baklitskiy A.* The 2015 NPT Review Conference and the Future of the Nonproliferation Regime // Arms Control Association [official website]. July-Aug. 2015. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_0708/Features/The-2015-NPT-Review-Conference-and-the-Future-of-The-Nonproliferation-Regime (mode of access: 20.08.2016).

³ *Орлов В. А.* Стекланный зверинец нераспространения // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyannyi-zverinets-nerasprostraneniya-17639> (дата обращения: 20.08.2016).

В. Орлова, инициативы «неядерных активистов» уводят от решения ключевых вопросов разоружения. Действительно, в рамках Обзорной конференции ДНЯО проявили себя несколько групп и коалиций⁴. Ряд стран и групп выдвинули на повестку дня новые проблемы, такие как гуманитарные последствия применения ядерного оружия. Является ли появление подобных инициатив вызовом режиму?

Дискуссия об эффективности режима ядерного нераспространения остается актуальной на протяжении нескольких десятилетий. Среди основных вызовов начала 2000-х гг. можно выделить следующие: ядерные испытания и ядерный статус Индии и Пакистана, ядерная программа Северной Кореи, развитие иранской ядерной инфраструктуры⁵.

Две обзорные конференции ДНЯО в 2000 и 2010 г. принято считать результативными. В рамках данных конференций в качестве итоговых документов были приняты конкретные планы действий для стран – участниц режима. Тем не менее, в 2015 г. страны – участницы ДНЯО не только не смогли доказать эффективность выполнения 64 шагов итогового документа 2010 г., но и не смогли договориться о дальнейших совместных действиях.

Что происходит с режимом нераспространения сегодня и какую роль играют обзорные конференции ДНЯО? Почему важен факт принятия итогового документа? Какие вызовы дают о себе знать в случае его отсутствия?

---

⁴ Mukhatzhanova M. Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative. Febr. 24, 2015. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (mode of access: 20.08.2016).

⁵ См.: Есин В. И. Кризис международного режима ядерного нераспространения : Что же следует предпринять? // Россия и Америка в XXI веке. 2010. № 2. URL: www.rusus.ru/?act=read&id=193 (дата обращения: 31.07.2012) ; Орлов В. Пациент в реанимации : Судьба нераспространения после иракского кризиса // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль-сент. ; Пикаев А. Международный режим нераспространения ядерного оружия // Перспективы [официальный сайт]. URL: www.perspektivy.info/rus/desk/mezhdunarodnyj_rezhim_nerasprostraneniya_jadernogo_oruzhija_2007-10-25.html (дата обращения: 31.07.2012) ; Сидорова Е. А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления : автореф. дис. ... канд. юридич. наук. М., 2010 ; Тимербаев Р. М. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы : К предстоящей обзорной конференции по ДНЯО 2005 года // Науч. зап. ПИР-Центра. 2004. 1 (25). URL: www.pircenter.org/data/publications/nz25.pdf (дата обращения: 31.07.2012) ; Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина ; Моск. центр Карнеги. М. : РОССПЭН, 2011. 511 с.

Значение итогового документа Обзорной конференции ДНЯО

Режим ядерного нераспространения является составной частью современной мировой договорной системы. Это режим безопасности, который, по мнению С. Краснера, включает принципы, правила, нормы и процедуры принятия политических решений. Великие державы, как правило, образуют режимы безопасности с целью создания более предсказуемой глобальной системы безопасности. Подобные режимы безопасности возникают, если участники режима считают, что все государства, участвующие в нем, разделяют общие интересы взаимной безопасности, и/или полагают, что индивидуальная безопасность может обходиться слишком «затратно»⁶.

Международный режим ядерного нераспространения, правовой основой которого является ДНЯО, представляет собой режим безопасности, в котором большая часть участников отказывается от права создания и обладания ядерным оружием в пользу пяти стран, которые не только обязуются не передавать его неядерным странам, но и выступают гарантами создания ЗСЯО, развития мирного атома и дальнейшего разоружения.

Данный режим был установлен великими державами и юридически закрепил статус пяти государств в качестве обладателей ядерного оружия. Режим предполагает многостороннее сотрудничество стран в области мирного атома, развитие территорий, свободных от ядерного оружия, переговорный процесс в области разоружения и т. д. Сегодня под режимом ядерного нераспространения понимается набор документов и договоренностей в области ядерного нераспространения и разоружения, а также деятельность разного рода институтов и организаций, нацеленная на поддержание режима. Соблюдение международного режима ядерного нераспространения является одним из краеугольных камней международной безопасности.

Проблема режима ядерного нераспространения, основой которого принято считать ДНЯО, заключается в том, что с правовой точки зрения он является не совсем ясным и четко определенным явлением. Текст ДНЯО является скорее рамочным документом, определяющим контуры и направления в области

---

⁶ Krasner St. D. International Regimes. Cornell Univ. Press, 1983. P. 173.

ядерного нераспространения и использования мирного атома. По мнению экспертов, это была «великая сделка» (*grand bargain*)⁷ о том, что страны, обладающие ядерным оружием, будут разоружаться в обмен на то, что безъядерные страны не будут стремиться приобрести такое оружие. Рамочность, или условность текста ДНЯО была частично компенсирована заключением других договоров и соглашений, тем не менее, ряд статей ДНЯО до сих пор вызывает дискуссии с точки зрения их интерпретации. Другой особенностью ДНЯО является отсутствие бюрократического института, который бы позволил работать представителям стран – участниц ДНЯО на постоянной основе для соблюдения действенности договора, уточнения или интерпретации статей и положений его текста. Несмотря на то, что в ООН работают несколько параллельных институтов, способных усилить координационную деятельность в рамках ДНЯО (Комитет по разоружению, Конференции ООН по разоружению), а также институты для решения вопросов ядерной безопасности (Комитет Цангера, ГЯП, МАГАТЭ, ядерные саммиты), собственного штаба, бюрократического аппарата у ДНЯО нет. Обзорные конференции ДНЯО, а также работа Подготовительного комитета являются единственным универсальным механизмом для сбора стран – участниц ДНЯО и для обсуждения ключевых вопросов режима.

Обзорные конференции ДНЯО и работа Подготовительного комитета являются одним из важных и немногочисленных механизмов решения текущих проблем и вызовов безопасности. Обзорные конференции позволяют адаптировать режим ДНЯО к современным вызовам и изменениям международной системы в целом.

Почему важен Заключительный документ Обзорной конференции ДНЯО? По мнению К. Стойберга, юридически обязывающего положения о необходимости принятия заключительных документов по итогам обзорных конференций нет⁸. Тем не менее, с политической точки зрения такой документ важен. Он демонстрирует достижение консенсуса. Во-первых, совместно принятый заключительный документ показывает важность ДНЯО и его жизнеспособность. Во-вторых, документы обзор-

---

⁷ Weiss L. Nuclear-Weapon Syayes and the Grand Batgain // Arms Control Association [official website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2003_12/Weiss (mode of access: 12.01.2016).

⁸ Stoiber C. The Evolution of NPT Review Conference Final Documents, 1975–2000 // The Non-proliferation Rev. 2003. Fall-Winter. P. 127.

ных конференций служат руководством к действию для стран – участниц договора. Они позволяют дать понимание ответственности сторон – участниц договора. В-третьих, они позволяют идентифицировать слабые стороны ДНЯО. В-четвертых, эти документы могут служить оружием информационного давления на страны, которые не участвуют в ДНЯО. В-пятых, документы обзорной конференции являются важным источником информации для негосударственных акторов (негосударственных организаций, медиа, академических кругов). Заключительный документ предыдущей обзорной конференции является отправной точкой для последующей обзорной конференции. И наконец, документы обзорных конференций позволяют привлечь к решению проблем нераспространения другие институты и режимы (МАГАТЭ, Совет безопасности ООН)⁹. С функциональной точки зрения, на обзорных конференциях ДНЯО происходит постоянное уточнение правил игры между ЯОГ и НЯОГ.

Деятельность обзорных конференций ДНЯО можно разделить на три этапа. Первый включает конференции, проходившие с 1975 по 1990 г., когда происходило самоопределение стран-участниц в режиме нераспространения и формирование основ режима ДНЯО. Второй этап работы в 1995–2010 гг. был посвящен проблемам ДНЯО после окончания холодной войны. Три конференции из четырех приняли итоговые резолюции. Важнейшим достижением Обзорной конференции 1995 г. стало бессрочное продление действия договора. В этот период количество участников режима достигло своего максимума. Третий этап можно отсчитывать с Обзорной конференции 2015 г. В этот период появляются новые внутривидовые вызовы режиму, а также ставится под вопрос правомочность сохранения ядерного оружия.

Обзорная конференция 2015 г. проходила на фоне трансформации международной системы, когда некоторые эксперты начали прогнозировать начало новой холодной войны¹⁰. В. Орлов пишет

---

⁹ *Stoiber C.* The Evolution of NPT Review Conference Final Documents, 1975–2000. P. 128.

¹⁰ «Устанавливается мировой беспорядок»; «называйте это холодным миром». Началась ли новая холодная война? Объясняют эксперты // Медуза. 2016. 12 окт. URL: <https://meduza.io/feature/2016/10/12/ustanavlivaetsya-mirovoy-besporyadok-nazyvayte-eto-holodnym-mirom> (дата обращения: 11.11.2016); *Ознобищев С.* «Новая холодная война»: воспоминания о будущем // Совет по внешней и оборонной политике [официальный сайт]. URL: <http://svop.ru/main/18966/> (дата обращения: 11.11.2016).

о пяти факторах, повлиявших на ход Обзорной конференции 2015 г.: 1) конфронтация между двумя ЯОГ (РФ и США); 2) ухудшение ситуации с европейской безопасностью; 3) отсутствие прогресса по ближневосточной ЗСОМУ и разочарование государств этого региона; 4) отсутствие прогресса с ратификацией ДВЗЯИ; 5) рост напряженности в Восточной Азии в связи с ядерной программой КНДР¹¹.

С нашей точки зрения, фоновые факторы, повлиявшие на ход Обзорной конференции 2015 г., не могут рассматриваться как определяющее внешнее явление, которого ранее не наблюдалось. Первые конференции проходили в условиях холодной войны, когда СССР и США также находились в сложных отношениях, а европейская безопасность была камнем преткновения в вопросах международной безопасности.

О. Янг предлагает три уровня анализа при изучении трансформаций режимов: изменения во внутренней среде режима, изменение баланса сил в международной системе, влияние внешних факторов на режим¹². Изменения происходят на всех трех уровнях одновременно и приводят к сложной системе взаимоотношений между игроками в рамках режима ядерного нераспространения. Ни один из этих уровней анализа не является определяющим, первостепенным или второстепенным. Тем не менее, изменения во внутренней среде режима являются наиболее сложным предметом анализа. Важно понять, являются ли процессы, происходящие на обзорных конференциях ДНЯО, демонстрацией кризиса режима или его трансформации. В рамках нашего анализа мы сконцентрируем внимание на процессах, происходящих внутри обзорных конференций ДНЯО, и определим, насколько важным является факт принятия заключительного (итогового) документа.

---

¹¹ Орлов В. Стекланный зверинец нераспространения : Почему не удалась Обзорная конференция // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyanniy-zverinets-nerasprostraneniya-17639> (дата обращения: 25.01.2016).

¹² Young O. R. Regime dynamics: the rise and fall of international regimes // International Regimes. Cornell Univ. Press, 1983. P. 106–111.

Таблица 1

Обзорные конференции ДНЯО

Год	Место проведения	Кол-во участников	Председатель	Принятие итоговой декларации
1975	Женева	91	Посол И. Торссон (Швеция)	Да
1980	Женева	112	Посол И. Киттани (Ирак)	Нет
1985	Женева	131	Посол М. Шейкер (Египет)	Да
1990	Женева	140	Посол О. де Ривьера (Перу)	Нет
1995	Нью-Йорк	178	Посол Дж. Данапала (Шри-Ланка)	Нет / «Пакетная сделка»; бессрочное продление ДНЯО
2000	Нью-Йорк	187	Посол А. Баали (Алжир)	Да / «13 шагов»
2005	Нью-Йорк	188	Посол С. Де Кейрос Дуарте (Бразилия)	Нет
2010	Нью-Йорк	190	Посол Л. Кабактулан (Филиппины)	Да / «План действий»
2015	Нью-Йорк	190	Посол Т. Ферухи (Алжир)	Нет

Основные вопросы первых обзорных конференций

ДНЯО предусматривает проведение один раз в пять лет совещания государств-участников для «рассмотрения прогресса, достигнутого после подписания договора». В 1970–1995 гг. было проведено четыре конференции (1975, 1980, 1985, 1990), и только две обзорные конференции в 1975 и 1985 г. завершились принятием итоговых деклараций.

Переговорный процесс в рамках обзорных конференций ДНЯО в 1975–1990 гг. проходил на фоне относительной стабилизации отношений между СССР и США. Тем не менее, первые обзорные конференции ДНЯО выявили серьезные разногласия

и проблемы между странами – участниками договора. Среди основных спорных вопросов можно выделить следующие: проблема универсальности договора, взаимоотношения между ЯОГ и НЯОГ в вопросах выполнения обязательств ДНЯО (*grand bargain*), вопросы разоружения и гарантии безопасности ЯОГ, передача ядерных технологий, а также процедурные и внутриинституциональные проблемы режима ДНЯО.

Вопрос об универсальности ДНЯО обсуждался на всех четырех конференциях. В работе первой приняла участие 91 страна – участница договора, во второй – уже 112 государств. Практически все выступавшие в 1980 г. с удовлетворением отмечали, что число государств – участников договора значительно возросло¹³. В то же время некоторые страны полагали, что медленное увеличение стран – участниц договора оказывает негативное влияние на его реализацию, и отметили, что растет число государств, имеющих развитые ядерные программы и не являющихся членами ДНЯО. Подобные заявления звучали и на конференции 1990 г. Также две страны, обладающие ядерным оружием (Франция и Китай), не ратифицировали ДНЯО.

Проблема взаимных обязательств между ЯОГ и НЯОГ. Начиная с первой обзорной конференции возникло противостояние между группой НЯОГ и тремя ядерными державами ДНЯО. Группа-77¹⁴ стала инициатором выдвижения претензий на конференции 1975 г. к ядерным государствам¹⁵. Большинство стран, не обладающих ядерным оружием (НЯОГ), выразили свое недовольство положениями договора и утверждали, что особый акцент был сделан на степени выполнения обязательств неядерными странами, и недостаточно внимания уделялось обязательствам ЯОГ. Это мнение

---

¹³ History of the NPT 1975–1995 // Reaching Critical Will [official website]. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/npt/history-of-the-npt-1975-1995> (mode of access: 21.11.2016).

¹⁴ «Группа 77» (G-77), или «группа семидесяти семи» (Group of Seventy Seven) – крупнейшая межгосударственная организация развивающихся стран, действующая в рамках ООН и ее органов. Решение о создании группировки было принято на совещании министров развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1964 г., а официально оформлена она была на 1-й сессии Конференции ООН по торговле и развитию, проходившей в Женеве 15 июня того же года. Первоначально количество стран – членов новой организации равнялось 77, но их число росло по мере принятия новых стран в состав ООН.

¹⁵ Dhanapala J. The management of NPT diplomacy // On the Global Nuclear Future [official website]. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.amacad.org/content/publications/pubContent.aspx?d=908> (mode of access: 15.11.2016).

нашло отражение в дискуссиях о ядерном разоружении, о гарантиях безопасности неядерным государствам и о вопросах мирного использования ядерной энергии.

Особенно острые дискуссии касались выполнения *обязательств ЯОГ в области ядерного разоружения* согласно ст. 6 ДНЯО. Эта статья предполагает, что ЯОГ будут вести переговоры в духе доброй воли по принятию эффективных мер по прекращению гонки ядерных вооружений и достижению ядерного разоружения. Советский Союз и Соединенные Штаты утверждали, что два соглашения по ограничению стратегических наступательных и оборонительных вооружений (ОСВ-1¹⁶, ОСВ-2¹⁷) представляли значительный прогресс в деле реализации ст. 6.

Несмотря на прогресс, достигнутый на первой специальной сессии ГА ООН по разоружению в 1978 г., Обзорная конференция ДНЯО 1980 г. проходила в условиях кризиса в отношениях между СССР и США из-за советского вторжения в Афганистан, а также в условиях раскола внутри Движения неприсоединения из-за ирано-иракской войны. Острые разногласия возникли по ст. 6 и по заключению Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), по вопросам гарантий безопасности, ст. 3 и политики НАТО в области распространения ядерного оружия (*nuclear-sharing*) как противоречащей ст. 1 и 2¹⁸.

Гарантии безопасности для НЯОГ, подписавших ДНЯО, стали еще одним важным вопросом. На конференции 1975 г. НЯОГ выдвинули предложение принять три дополнительных протокола к ДНЯО. Первый касался вопросов запрещения ядерных испытаний, второй предполагал ограничение вооружений ЯОГ, третий требовал от ЯОГ гарантий неприменения и неиспользования угрозы применения ядерного оружия в отношении неядерных стран – участниц ДНЯО¹⁹. Тем не менее, эти протоколы не были приняты. В 1978 г. на первой специальной сессии ООН по разоружению США сделали официальное заявление о неприменении ядерного оружия против стран – участниц ДНЯО. На второй сессии ООН

¹⁶ Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений от 26 мая 1972 г.

¹⁷ Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Barkenbus J. N. Whither the Treaty? // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 36. Iss. 4. Apr. 1980. P. 37–39.*

по разоружению в 1982 г. к этим гарантиям присоединились Франция, Китай и СССР. Однако вопрос о гарантиях безопасности против применения или угрозы применения ядерного оружия в отношении НЯОГ продолжает оставаться на повестке дня обзорных конференций ДНЯО.

Проблемы гарантий МАГАТЭ. Многие участники конференций высказались в пользу всеобъемлющих гарантий на всех ядерных объектах во всех НЯОГ. Некоторые считали, что принятие таких мер должно быть условием для поставки ядерных материалов. В то время как системе гарантий МАГАТЭ была дана высокая оценка в целом, государства-участники выступали за дальнейшее усиление таких гарантий за счет выделения дополнительных ресурсов, требуемых в связи с технологическими новациями и увеличением числа объектов и видов деятельности, находящихся под гарантиями.

Проблема институционального взаимодействия. По мере увеличения числа участников обзорных конференций стало сложнее достигать консенсуса по основным вопросам конференций. Активную роль в конференциях играли Движение неприсоединения и Группа-77. Нередко противоположные позиции занимали группы Восточного и Западного блока. Таким образом, первые четыре конференции ДНЯО определили три группы стран с разнонаправленными интересами: западный и восточный блок и движение неприсоединения.

Противоречия между странами – участницами ДНЯО практически по всем статьям договора демонстрировали концептуальные разночтения его основных положений и способов реализации, причем эти противоречия наметились по всем линиям отношений и внутри различных групп стран. Это сказалось на принятии итоговых документов обзорных конференций. Тем не менее, принятие итоговых документов не всегда проходит гладко. Важную роль в этот период стал играть председатель конференции и его дипломатическое мастерство.

Значение дипломатического мастерства. Обзорная конференция 1985 г. стала примером успеха дипломатии, что позволило достичь консенсуса по многим осаждавшимся вопросам и принять итоговый документ. Несмотря на негативный внешнеполитический фон, предшествовавший конференции (проблема ядерных программ Израиля и ЮАР, бомбардировка Израилем Ирака), дипломатия ДНЯО, по мнению президента Пагуошского движения Джаянта

Дханапала, «достигла новых высот под умелым председательством посла Египта Мохаммеда Шакера»²⁰.

«Инновационная дипломатия» состояла в создании групп, которые могли оказать поддержку председателю конференции в формировании общей позиции и итогового документа. Шакер назвал их «друзьями председателя»²¹. Эти группы готовили документы, содержащие как позитивную, так и негативную оценку деятельности режима ДНЯО. На подготовительной конференции к Обзорной конференции 1985 г. было принято решение о формировании трех комитетов для работы на ней. Первый занимался вопросами нераспространения и разоружения, второй – гарантиями и ЗСЯО, третий рассматривал вопросы мирного атома. Шакер распределил председателей комитетов в соответствии с тремя блоками ДНЯО: первый комитет возглавлял представитель западного блока, второй – восточного, третий – представитель движения неприсоединения. Механизмом выработки общей позиции стала формула «согласившись, не согласен», которую в 1972 г. применил президент США Р. Никсон в Шанхайском коммюнике, где были представлены позиции США и Китая по всем вопросам отдельно без выработки совместной позиции²².

Таким образом, первые обзорные конференции выявили следующие тенденции внутри режима ДНЯО: противоречия между ЯОГ и НЯОГ по вопросам взаимных обязательств, поиск общего понимания положений договора, появление трех больших групп участников ДНЯО с нередко противоречивыми интересами, а также поиск новых форм управления в рамках обзорных конференций.

Обзорные конференции ДНЯО, 1995–2010 гг.: проблемы *Modus operandi*

Обзорные конференции этого периода свойственно рассматривать как наиболее успешные. Три обзорные конференции из четырех приняли важные документы по итогам обсуждений. В 1995 г. был принят пакет документов (три решения и резолюция по Ближнему Востоку), в 2000 г. был принят итоговый документ «13 шагов»,

²⁰ *Dhanapala J.* The management of NPT diplomacy.

²¹ *Shaker M. I.* The Legacy of the 1985 Nuclear Non-Proliferation Review Conference: the Presiden's Reflections // Nuclear Non-Proliferation: an agenda for the 1990s / ed. J. Simpson. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. P. 12.

²² *Dhanapala J.* The management of NPT diplomacy.

в 2010 г. был утвержден «План действий», включавший 64 пункта. Тем не менее, формальный успех обзорных конференций этого периода выявил серьезные внутриинституциональные проблемы ДНЯО.

Оценивая период 1991–2010 г., можно отметить, что это было время трудных испытаний для режима ДНЯО и достижения конкретных результатов. Его устойчивость обеспечивалась координацией работы ЯОГ, в первую очередь России и США, в вопросах разоружения и сдерживания появления новых ядерных государств. Основными вызовами режиму стали испытание ядерного оружия Индией и Пакистаном, ядерная программа и испытание ядерных взрывных устройств Северной Кореей и ядерная программа Ирана.

Проблема универсальности договора продолжала быть открытой, поскольку вне рамок его действий оставались три страны, обладающие ядерным оружием. Вхождение Индии в состав ГЯП стало вызовом для режима и вызвало серьезную дискуссию об эффективности ДНЯО. Несмотря на прогресс в области разоружения в рамках СНВ-3, ДВЗЯИ не был ратифицирован. Несмотря на успехи Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., большинство экспертов осознавали проблемы реализацией «Плана действий»²³. Неясными оставались перспективы переговоров по СНВ-3 и ратификация Соединенными Штатами ДВЗЯИ. Будущее режима зависело от исхода шестисторонних переговоров по Северной Корее, от решения проблемы ядерной программы Ирана и результатов конференции 2012 г. по ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

Тем не менее, внутренние вызовы режиму оказались не менее значимыми. Увеличение количества участников ДНЯО с 1992 г., появление внутри него новых групп интересов, продолжающаяся географическая и политическая регионализация стран – участниц ДНЯО обозначили серьезную институциональную слабость договора.

В течение многих лет Канада возглавляла усилия по реформированию и реструктуризации процесса пересмотра положений ДНЯО. Канада также предлагала создать небольшой постоянный

---

²³ *Dhanapala J.* Evaluating the 2010 NPT Review Conference. Special Report // United States Institute for Peace [official website]. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/SR258%20-%20Evaluating%20the%202010%20NPT%20Review%20Conference.pdf> (mode of access: 21.11.2016) ; NPT Action Plan monitoring reports // Reaching Critical Will [official website]. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/resources/publications-and-research/publications/5456-npt-action-plan-monitoring-reports> (mode of access: 21.11.2016)

секретариат ДНЯО для эффективного осуществления деятельности договора. В частности, Канада предлагала сократить продолжительность трех заседаний Подготовительного комитета, заменить их на одну неделю ежегодных совещаний и, следуя модели Конвенции о запрещении биологического оружия, проводить данные совещания по определенной теме или проблеме. Эти предложения встретили сопротивление со стороны ЯОГ, которые не желали создания дополнительной бюрократии, и неприсоединившихся стран, выразивших обеспокоенность по поводу возможности отхода от ранее принятых решений в отношении процесса пересмотра ДНЯО²⁴.

Р. Джонсон с соавторами в работе «Отказаться или трансформировать: ядерное разоружение и безопасность за рамками процесса пересмотра положений ДНЯО» указывают на серьезную институциональную слабость ДНЯО, которая проявляется в неясности процедуры выхода из договора (ст. 10 ДНЯО)²⁵.

Эксперты Центра изучения проблем ядерного нераспространения им. Дж. Мартина отмечают отсутствие действующих бюрократических форм (секретариата) ДНЯО, что не позволяет эффективно отвечать на вызовы режиму²⁶. В период с 1995 по 2010 г. в рамках деятельности ДНЯО была предпринята попытка создать *квази-организационную структуру ДНЯО*. Одним из важных решений Обзорной конференции ДНЯО 1995 г. стало принятие документа «Решение 1» (*Decision 1*). Документ был инициирован канадской и южноафриканской делегациями и касался усиления эффективности рассмотрения положений ДНЯО²⁷. Было принято решение о том, что в течение пяти лет, предшествующих обзорной конференции, будут собираться три сессии подготовительного комитета. На них планировалась работа трех главных комитетов,

---

²⁴ Potter W., Lewis P., Mukhatzhanova G., Pomper M. The 2010 NPT Review Conference: Deconstructing Consensus // CNS Special Report. P. 17. URL: http://www.non-proliferation.org/wp-content/uploads/2016/07/100617_npt_2010_summary.pdf (mode of access: 01.12.2016).

²⁵ Johnson R., Borrie J., Caughley T. Decline or Transform : Nuclear Disarmament and security beyond the NPT Review Process // Acronym Inst. for Disarmament Diplomacy 2012. P. 25. URL: http://acronym.org.uk/old/sites/default/files/Decline_Transform_2012.pdf (mode of access: 03.12.2016).

²⁶ Potter W., Lewis P., Mukhatzhanova G., Pomper M. The 2010 NPT Review Conference: Deconstructing Consensus.

²⁷ Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) // Nuclear Threat Initiative [official website]. URL: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (mode of access: 04.12.2016).

по аналогии с 1985 г.²⁸ Также было принято решение о создании вспомогательных органов внутри комитетов для обсуждения конкретных вопросов²⁹.

Согласно решениям Обзорной конференции ДНЯО 1995 г., всем последующим конференциям предшествовала работа Подготовительного комитета ДНЯО. Тем не менее, это не всегда гарантировало успех. Накануне Обзорной конференции 2000 г. было проведено три заседания Подготовительного комитета. На третьей сессии, которая проходила в Нью-Йорке в мае 1999 г., были согласованы все процедурные и организационные вопросы, тем не менее, в течение последних двух дней сессии возник раскол между делегациями по вопросам, относящимся к сокращению ядерных вооружений³⁰.

Работа Обзорной конференции 2005 г. была осложнена тем, что страны-участницы не смогли определить, какие вопросы будут обсуждаться в главных комитетах, а какие – в процессе работы вспомогательных органов. Дискуссии завершились согласованием повестки лишь на девятый день конференции, а рабочую программу утвердили на семнадцатый день. Для работы комитетов фактически не осталось времени. Были созданы три вспомогательных органа для обсуждения проблем ядерного разоружения и гарантий безопасности, региональных вопросов и проблем Ближнего Востока. Было также решено, что Главный комитет 1 будет заниматься проблемами разоружения и нераспространения, Главный комитет 2 – вопросами гарантий и региональными вопросами, Главный комитет 3 – вопросами, связанными с использованием ядерной энергии и проблемами выхода из договора.

В итоге Обзорная конференция ДНЯО 2005 г. не смогла предложить каких-либо эффективных мер для предотвращения новых угроз, создаваемых государствами вне договора или государствами, которые нелегитимно используют гарантии в рамках выполнения соглашений о праве на мирное использование ядерной энергии.

---

²⁸ На подготовительной конференции к Обзорной конференции 1985 г. было принято решение о формировании трех комитетов для работы на ней. Первый занимался вопросами нераспространения и разоружения, второй – гарантиями и зонами, свободными от ядерного оружия (ЗСЯО), третий рассматривал вопросы мирного атома.

²⁹ Rydell R. Looking back: The 1995 Nuclear Nonproliferation Treaty Review and Extension Conference // Arms Control Association [official website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2005_04/LookingBack (mode of access: 04.12.2016).

³⁰ Тимербаев Р. Россия и конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия // Науч. зап. ПИР-Центра. № 12. М., 1999. С. 12.

Конференция не смогла обязать ЯОГ выполнять свои обязательства по снижению ядерной угрозы и предпринять практические шаги по ликвидации ядерного оружия³¹. Обзорная конференция ДНЯО 2005 г. не смогла принять итоговую резолюцию. Ряд экспертов видят причину этого в неэффективности руководства конференцией³².

Институциональная слабость ДНЯО усилила разночтения в интерпретации положений договора. Одним из вызовов данного периода стало заявление Северной Кореи о выходе из ДНЯО. Однако конференция 2005 г. поставила задачу по крайней мере уточнения политических, финансовых и технологических издержек при выходе из ДНЯО. Вспомогательный орган, возглавляемый уругвайским дипломатом Хосе Луисом Кансела провел большую часть своего времени, обсуждая положения ст. 10 ДНЯО. Многие государства хотели договориться о мерах предотвращения выхода из договора посредством уговоров «потенциальных перебежчиков» и увеличения финансовых и политических издержек и рисков выхода. Несколько делегаций движения неприсоединения и государства Ближнего Востока, включая Иран, Сирию и Египет, выступали против любого языка, который мог изменить толкование ст. 10 ДНЯО. Несмотря на многочисленные дискуссии, текст не был в достаточной степени согласован и включен в документ с выводами и рекомендациями³³.

Успех в принятии итоговой резолюции обзорных конференций зачастую зависел от *дипломатического мастерства команды председателя конференции*. Отсутствие бюрократического аппарата компенсировалось «креативной дипломатией». В 1995 г., следуя опыту председателя конференции 1985 г., посол Шри-Ланки Дж. Данапала, который председательствовал на конференции, смог провести принятие пакета документов, получившего название «пакетной сделки» (*Package Deal*). На конференции были приняты три документа под общим названием «решение» и резолюция по Ближнему Востоку.

«Решение 1» определяло процедурные вопросы о созыве подготовительного комитета. «Решение 2» касалось оценки прогресса

---

³¹ Granoff J. The Nuclear Nonproliferation Treaty and its 2005 Review Conference: A Legal And Political Analysis // International Law and Politics [official website]. Vol 39. Sept. 2007. P. 1004–1006. URL: <http://nyujilp.org/wp-content/uploads/2013/02/39.4-Granoff.pdf> (mode of access: 05.12.2016).

³² Johnson R. Politics and Protection: Why The 2005 NPT Review Conference Failed // Acronym Institute for Disarmament Diplomacy [official website]. URL: <http://acronym.org.uk/old/dd/dd80/80npt.htm> (mode of access: 11.12.2016).

³³ Johnson R. Politics and Protection. P. 25.

действий договора в следующих областях: универсальность, нераспространение ядерного оружия, разоружение, зоны, свободные от ядерного оружия, гарантии безопасности, гарантии МАГАТЭ и мирное использование ядерной энергии. «Решение 3» определило бессрочное продление ДНЯО. Третье «решение» было принято благодаря дипломатическому успеху посла Шри-Ланки Дж. Данапалы. Понимая, что большинство стран не против продления действия договора, он использовал процедуру сбора голосов через консультационную группу при председателе, включив в нее представителей ключевых делегаций. Многосторонняя дипломатия Данапалы привела к итоговому заявлению о том, что большинство стран – участников договора согласились продлить его на неопределенный срок³⁴. Решение было принято без голосования.

Ключевым компонентом пакетной сделки была резолюция по Ближнему Востоку, которая одобрила создание ЗСЯО, а также от других видов оружия массового уничтожения, включая средства их доставки. Бессрочное продление ДНЯО было бы невозможным без принятия этого решения, которое являлось целью арабских государств и многих других сторон. Конференция 1995 г. рассматривается как успех профессиональной дипломатии и пример эффективного управления переговорным процессом³⁵.

Другим примером эффективной дипломатии стала Обзорная конференция ДНЯО 2010 г. Перечень действий в рамках процедурных вопросов был быстро согласован, что позволило государствам-участникам приступить к работе по текущим вопросам. Проекты докладов главных комитетов и вспомогательных органов имели четкое разграничение по вопросам обзора действий договора и планов дальнейшего развития. Председатель конференции посол Филиппин Л. Кабактулан провел неофициальные консультации с фокус-группой³⁶, которая включала представителей Соединенных Штатов, России, Китая, Франции, Великобритании, Бразилии, Кубы, Египта, Германии, Ирана, Индонезии, Японии, Мексики, Норвегии, Испании, Южной Африки и других государств.

---

³⁴ *Dhanapala J.* The management of NPT diplomacy.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ Под фокус-группой подразумевается совещание ключевых стран (от 16 до 24) для обсуждения вопросов и проблем ДНЯО. Фокус-группа служила основной площадкой для обсуждения и сужения разногласий по наиболее спорным вопросам до начала работы конференции.

На неформальных встречах обсуждались наиболее спорные вопросы с целью преодоления разногласий. Норвежский посол Штеффен Конгстад выступал в качестве модератора переговоров.

На основе материалов, полученных от комитетов, вспомогательных органов, назначенных координаторов и фокус-группы, председатель подготовил текст итогового документа. Он разделен на секции по обзору действий договора и перспектив его развития. Обзорная конференция приняла к сведению первый раздел, отмеченный в примечании как часть, за которую отвечал председатель. Этот раздел содержал ряд вопросов, по которым не был достигнут консенсус, но они получили поддержку большинства государств (например, вопрос о конкретных сроках ядерного разоружения)³⁷.

Раздел заключительного документа под названием «Выводы и рекомендации для последующих действий», состоящий из 64 пунктов, был принят единогласно. В этом разделе присутствовали четыре части: ядерное разоружение, ядерное нераспространение, мирное использование ядерной энергии и создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В целом переговорный процесс, в ходе которого были достигнуты решения на конференции, очень напоминал русскую матрешку. Он проходил на нескольких уровнях, большинство из которых не были понятны большинству дипломатов³⁸. Только на одном уровне, а именно на пленарном заседании конференции, все делегации имели равные права голоса в принятии официальных решений. Большая часть ежедневной работы конференции для большинства делегатов проходила в трех главных комитетах, которые были открыты для неправительственных наблюдателей и прессы, а также в трех вспомогательных органах, закрытых для наблюдателей. Председатели этих органов имели значительную свободу действий в определении характера дискуссий и резюмировании итогов консультаций с ключевыми государствами-участниками, некоторые из которых имели четкие установки и ограничительные линии по текстам проектов отчетов³⁹.

---

³⁷ Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). Overview // Nuclear Threat Initiative [official website]. URL: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (mode of access: 07.12.2016).

³⁸ Potter W., Lewis P., Mukhatzhanova G., Pomper M. The 2010 NPT Review Conference: Deconstructing Consensus. P. 6.

³⁹ Ibid.

Помимо дипломатических усилий председателей конференции, между странами – участниками ДНЯО проявился процесс так называемого *политического и институционального регионализма*. Коллективным голосом обзорных конференций ДНЯО выступали традиционные региональные группы ООН (Лига арабских государств, Группа государств Западной Европы), а также региональные организации: ЕС, АСЕАН, КАРИКОМ, страны – участницы договоров о зонах, свободных от ядерного оружия. Кроме региональных групп, в рамках конференций активную роль играют традиционные межрегиональные группы Движение неприсоединившихся (*Non-Aligned Movement*), ЯОГ и новые тематические: Коалиция новой повестки дня (*New Agenda Coalition*)⁴⁰, Инициатива по нераспространению и разоружению (*Non-proliferation and Disarmament Initiative*)⁴¹, Венская группа десяти (*Vienna Group of Ten*)⁴² и др.⁴³

Проявления регионализма в данном случае рассматриваются в виде политики государств одного или нескольких регионов, нацеленной на формирование регионального блока с целью решения практических задач в области экономики, политики, безопасности. Регионализм как политическое явление является результатом деятельности государств, элит, негосударственных акторов. Он также является способом формирования коллективного голоса или ответа на новые вызовы. Появление политических и тематических группировок внутри ДНЯО, с одной стороны, усиливает процесс

⁴⁰ Группа включает семь стран (Бразилию, Египет, Ирландию, Мексику, Новую Зеландию, Южную Африку, Швецию), рассматривающих себя в качестве посредника между Севером и Югом. Цель группы – усилить решение вопросов в области ядерного нераспространения и разоружения. Официально группа была создана в Дублине в 1998 г.

⁴¹ Инициатива по нераспространению и разоружению (NPDI) является самой молодой межрегиональной группировкой в ДНЯО. Соучредителями группы стали Австралия и Япония. Группа стала результатом деятельности Комиссии по ядерному нераспространению и разоружению (CNND). Она включает Австралию, Канаду, Чили, Германию, Японию, Мексику, Нидерланды, Польшу, Турцию и Объединенные Арабские Эмираты.

⁴² Венская группа десяти, или G-10, является одной из активных группировок в ДНЯО. Группа впервые встретилась в неформальной обстановке на уровне экспертов в Вене в 1980 г., первоначально с восемью членами. Хотя ее состав менялся в течение долгого времени, группа участвует в процессе рассмотрения действия ДНЯО в течение почти 35 лет. В настоящее время в ее состав входят 11 государств: Австралия, Австрия, Канада, Дания, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия и Швеция.

⁴³ Mukhatzhanova M. Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative [official website] Febr. 24. 2015. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (mode of access: 20.08.2016).

работы обзорных конференций, с другой стороны, создает сложную многоуровневую модель взаимодействия.

В каждой группировке ДНЯО можно обозначить *новых лидеров*, которые посредством группы пытаются усилить свой голос в рамках обзорных конференций ДНЯО. Важным фактором для режима ядерного нераспространения может выступать восприятие правящей элитой, лидером страны позиционирования государства на международной арене. Эксперты обращают внимание на появление нового типа государств «срединной силы» (*middle power*). Эти государства исполняют роль стабилизаторов системы международных отношений, выступая посредниками между Западом и Южным полушарием⁴⁴. Концепция «срединной силы» включает как страны с растущей экономикой, так и страны «постмодерна». Так например, Австрия, Австралия, Швеция могут рассматриваться как страны «срединной силы». Они занимают новую нишу в разделении на группы по интересам внутри ДНЯО, их называют «неядерными активистами». Страны, заявляющие о себе как «срединные» державы (Канада, Япония, Австралия, Австрия, Швеция), акцентируют внимание на вопросах, характерных для стран «постмодерна», – это всеобъемлющее запрещение испытаний, безопасность человека в вопросах, связанных с ядерным оружием, транспарентность процесса разоружения и др. Появление новых лидеров стало испытанием для ЯОГ.

Таким образом, внутренние вызовы режиму ДНЯО нельзя недооценивать. Отсутствие эффективных механизмов и институтов для решения вопросов по статьям ДНЯО, дальнейшая регионализация внутри стран – участниц ДНЯО, а также опора на лидерские качества председателя обзорных конференций привели к пониманию того, что простое принятие итоговой резолюции на основе консенсуса становится практически невозможным, и его достижение не является показателем эффективности деятельности ДНЯО. Существующие квазиинституты ДНЯО не предусматривали текущую деятельность по реализации его положений. Эту функцию взяли на себя неправительственные организации и «неядерные активисты».

Новые вызовы Обзорной конференции ДНЯО 2015 г.

Какие проблемы по рассмотрению действия ДНЯО в 2015 г. выявила конференция? Их можно разделить на несколько групп. Во-первых, в ходе конференции проявились противоречия по ряду важ-

---

⁴⁴ Charalampos Efstathopoulos: Reinterpreting India's Rise through the Middle Power Prism // Asian J. of Political Science. 2011. № 1 (19). P. 74–95, 84.

ных вопросов между двумя лидерами – гарантами режима – Россией и США. Во-вторых, по мнению ряда участников конференции, идет процесс отказа от выполнения положений ст. 6 ДНЯО о разоружении. Более того, страны, обладающие ядерным оружием, приступили к модернизации своих арсеналов. В-третьих, остался нерешенным вопрос о зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. И, в-четвертых, в ходе дискуссии произошел острый конфликт между странами, обладающими ядерным оружием, и странами, не обладающими им, относительно реализации положений ДНЯО. И наконец, формат проведения конференции, количество группировок государств и негосударственных организаций, отдельных инициатив продемонстрировали то, что называется «мультиплексным миром», в котором власть и лидерство оказываются во все большей степени рассеяны⁴⁵.

Украинский кризис, начавшийся в декабре 2013 г., спровоцировал полемику вокруг выполнения договоренностей 1990-х гг. между США, РФ, Украиной и Великобританией о неядерном статусе Украины. Будапештский меморандум 1994 г. предполагал отказ Украины от ядерных арсеналов, оставшихся на территории Украины после распада СССР, а также предусматривал гарантии ее безопасности и территориальной целостности⁴⁶. Будапештский меморандум стал частью системы договоров режима ядерного нераспространения. Появилась точка зрения, что пример Украины, добровольно отказавшейся от ядерных арсеналов и позже утратившей часть своей территории⁴⁷, может стать плохим для стран, которые рассматривают возможность или необходимость создания ядерного оружия. Украинские эксперты активно подключились к обсуждению роли ядерного оружия в обеспечении

---

⁴⁵ Mercy A. Kuo *The End of American World Order: Insights from Amitav Acharya* // The Diplomat [official website]. 10.11.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/11/the-end-of-american-world-order/> (mode of access: 18.11.2016).

⁴⁶ ANNEX I [Original: English and Russian] Memorandum on Security Assurances in Connection with Ukraine's Accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons : Letter dated 7 December 1994 from the Permanent Representatives of the Russian Federation, Ukraine, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America to the United Nations addressed to the Secretary-General // General Assembly Security Council Forty-ninth session Forty-ninth year Agenda items 62 and 70 General and Complete Disarmament Maintenance of International Security [official website]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/49/765 (mode of access: 18.09.2016).

⁴⁷ Kuzio T. *How the Crimea Crisis Will Breed Nuclear Bomb* // Atlantic Council [official website]. March 22, 2014. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/how-the-crimea-crisis-will-breed-nuclear-bombs> (mode of access: 10.09.2016).

безопасности страны и проблемы выполнения договоренностей в сфере ядерного нераспространения⁴⁸.

Конференция началась с полемики между делегациями США и России, в ходе которой представители обеих обвинили друг друга в нарушении договоренностей в области разоружения. Госсекретарь США Дж. Керри в приветственном слове обвинил Россию в нарушении договора о РСМД и подрыве режима безопасности⁴⁹. В ответ директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России М. Ульянов обвинил США в попытках дискредитации России, наращивании системы ПРО и в модернизации своих ядерных вооружений⁵⁰. Тем не менее, противоречия между двумя ЯОГ не явились единственным препятствием для голосования по итоговому документу.

Вторым внешним вызовом для Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. стала деятельность научного и экспертного сообщества вокруг проблем эффективности реализаций положений ДНЯО и интерпретации основных статей договора.

Комитет международного права (*The ILA Committee*) в марте 2012 и феврале 2013 г. проводил круглые столы для обсуждения текущих проблем и меняющихся норм в области права ядерного нераспространения⁵¹. В рамках доклада 2013 г. Комитет международного права предложил вопросы, которые требуют дальнейшего уточнения в тексте ДНЯО.

Следует также отметить, что украинские события и обострение противоречий между Россией и США выявили ряд новых опасений. В сентябре 2014 г. Международная организация врачей за предотвращение ядерной войны (IPPNW) опубликовала «Заявление о ситуации на Украине», в котором говорилось о серьезных гуманитар-

⁴⁸ Украина хочет вернуть ядерное оружие. URL: <http://vestiua.com/ru/news/20140321/45002.html> (дата посещения: 11.09.2016).

⁴⁹ Kerry J. Remarks at the 2015 Nuclear Nonproliferation Treaty Review Conference // United Nations [official website]. New York City, NY. Apr. 27, 2015. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/us_en.pdf (mode of access: 17.05.2016).

⁵⁰ Statement by Mikhail I. Uliyanov Acting Head of the Delegation of the Russian Federation at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (General debate). URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/statements/27April_Russia.pdf (mode of access: 17.05.2016).

⁵¹ Report on the Second Round Table on Nuclear Weapons, Nuclear Energy and Non-Proliferation under International Law. URL: <http://www.ila-hq.org/download.cfm/docid/9709933B-0A1F-43B0-A7B71920E40A3CB3>; Report on the Third Round Table on Nuclear Weapons, Nuclear Energy and Non-Proliferation under International Law: Current Challenges and Evolving Norms, held in London, Oxford and Cambridge Club, 14–15 Febr. 2013. URL: <http://www.ila-hq.org/download.cfm/docid/17DC2395-D638-4D12-B7CC6D6608FBC176> (mode of access: 18.05.2015).

ных последствиях данного кризиса и о возможности повторения холодной войны с высоким риском применения ядерного оружия⁵². Американский аналитик Дж. Штайнберг в статье под названием «По мере нарастания кризиса, эксперты предупреждают о термоядерной войне» отмечает, что по мере усиления кризиса возрастает угроза термоядерной войны⁵³. Его статья демонстрирует озабоченность американских экспертов эскалацией украинского кризиса, который привел к ухудшению отношений между РФ и США. В апреле 2014 г. британский Королевский институт по международным делам опубликовал доклад под заголовком «Слишком близко для того, чтобы чувствовать себя комфортно (примеры возможного применения ядерного оружия и возможности для разработки политики)»⁵⁴. Авторы доклада оценивали риски, связанные с возможностью применения или детонации ядерного оружия, которые становятся все более вероятными в последние годы. Помимо традиционных рисков, таких как увеличение количества стран, обладающих ядерным оружием, возможности ядерного терроризма, авторы доклада отметили риск случайного применения ядерного оружия или аварии на ядерном объекте, особенно в кризисных ситуациях.

В 2014 г. Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) в партнерстве с Институтом международного права и политики (ILPI) в Осло подготовил серию из шести кратких аналитических документов в рамках проекта «Гуманитарные последствия самого факта существования ядерного оружия»⁵⁵. Эти документы были подготовлены для Международной конференции по гуманитарным последствиям от ядерного оружия, которая состоялась в Вене в декабре 2014 г. Оба проекта акцентируют свое внимание на том, что мир не стал безопаснее, начиная с первого и последнего опыта применения ядерного оружия в Японии, более того, существует ряд новых рисков и вызовов как для человека,

---

⁵² Statement of IPPNW physicians on the situation in the Ukraine. Sept. 2, 2014. URL: <http://peaceandhealthblog.com/2014/09/02/statement-on-ukraine/> (mode of access: 19.05.2016).

⁵³ Steinberg J. Ukrainian Crisis Escalates, as Experts Warn Thermonuclear War // Executive Intelligence Rev. Jan. 30, 2015. URL: http://www.larouchepub.com/other/2015/4205ukr_crisis_nuke.html (mode of access: 27.05.2016).

⁵⁴ Lewis P., Williams H., Pelopidas B. et. al. Too Close for Comfort : Cases of Near Nuclear Use and Options for Policy // Chatham House Report. The Royal Inst. of Intern. Affairs, 2014.

⁵⁵ Humanitarian Impact of Nuclear Weapons and Reducing Nuclear Risk (Phase III) // UNIDIR [official website]. URL: <http://www.unidir.org/impactNW> (mode of access: 15.10.2015).

так и исходящих от самого человека. Помимо собственно угроз, исходящих от ядерного оружия, авторы докладов акцентируют внимание на невоенных рисках, таких как непредвиденные технологические риски, которые мы можем нередко наблюдать в современном мире, а именно опасности от глубоководного бурения, аварии в космосе, проблемы на химических объектах и атомных станциях⁵⁶. Эксперты стали различать два противоположных подхода к интерпретации положений ДНЯО: от традиционного контроля над вооружениями и нераспространением до акцента на гуманитарном поле и международном гуманитарном праве в подходах к ядерному разоружению. Институт дипломатии разоружения (*Acronym Institute for Disarmament Diplomacy*) взял на себя инициативу по проработке положений двух разных концептов. Образованная в 2007 г. международная кампания по ликвидации ядерного оружия (*International campaign to abolish nuclear weapons*, ICAN)) также активизировала свою работу в этом направлении. Женская международная лига за мир и свободу на протяжении пяти лет, предшествовавших Обзорной конференции 2015 г., публиковала мониторинговые отчеты по выполнению «Плана действий» 2010 г.⁵⁷ Отчет 2015 г. выявил отсутствие прогресса по большей его половине⁵⁸.

Накануне конференции экспертами делались предположения относительно того, как будут себя вести отдельные группировки ДНЯО. К примеру, были сделаны прогнозы, что Инициатива по нераспространению и разоружению будет отдавать приоритет переговорам по Договору о прекращении производства расщепляющихся материалов, настаивать на прозрачности ядерных арсеналов и на постепенном сокращении количества ядерного оружия как главными игроками на этом поле (Соединенными Штатами и Россией), так и другими ЯОГ, убеждать в необходимости уменьшения роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности и снижения риска случайного применения ядерного оружия⁵⁹.

⁵⁶ Borrie J. A Limit to Safety: Risk, 'normal accident', and nuclear weapons. Paper # 3 of 6 // UNIDIR [official website]. URL: <http://www.unidir.org/files/publications/pdfs/a-limit-to-safety-en-618.pdf> (mode of access: 15.10.2015).

⁵⁷ NPT Action Plan monitoring reports // Reaching Critical Will [official website]. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/resources/publications-and-research/publications/5456-npt-action-plan-monitoring-reports> (mode of access: 17.05.2016).

⁵⁸ The NPT Action Plan Monitoring Report. March 2015 // Reaching Critical Will [official website]. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Publications/2010-Action-Plan/NPT_Action_Plan_2015.pdf (mode of access: 19.05.2016).

⁵⁹ Mukhatzhanova M. Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference // Nuclear Threat Initiative [official website]. Febr. 24, 2015. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (mode of access: 20.08.2016).

Группа «Коалиция новой повестки дня» (*New Agenda Coalition*) также уделяет внимание вопросам гуманитарных последствий и последовательному запрету ядерного оружия.

Девятая обзорная конференция проходила в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке с 27 апреля по 22 мая 2015 г. Ее председателем была избрана посол Алжира Таус Ферухи. Конференция учредила три вспомогательных органа в рамках деятельности Главных комитетов. Первый комитет должен был заниматься вопросами ядерного разоружения, второй – региональными вопросами (осуществление резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, Южная Азия и КНДР), третий – вопросами процесса пересмотра положений договора и выхода из него. После недели общих прений началась дискуссия по основным проблемам. Наибольшие проблемы вызвали вопрос о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия и осуществление резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения.

Острые разногласия между двумя странами – учредителями ДНЯО (США и Россией) стали препятствием выполнения ст. 6 ДНЯО и не способствовали принятию соглашения о зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке. РФ и США, являясь странами – депозитариями ДНЯО и посредниками в этом сложном вопросе, заняли противоположные позиции⁶⁰. По мнению ведущего российского эксперта А. Арбатова, нарастающие противоречия привели к подрыву переговорного процесса в области разоружения, а также к практике подозрений и недоверия среди стран, обладающих ядерным оружием⁶¹. Конфликт между странами, обладающими ядерным оружием, и неядерными государствами обострился по нескольким причинам, а именно в связи с ростом угрозы применения ядерного оружия в условиях кризиса международной системы, с отказом ядерных государств от реального разоружения, а также в связи с обострением российско-американских противоречий.

⁶⁰ Meier O. The 2015 NPT Review Conference Failure Implications for the Nuclear Order. FG03-WP No 04 Oct. 2015 Berlin. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/mro_wp_NVV_October2015.pdf (mode of access: 27.10.2015).

⁶¹ Arbatov A. An Unnoticed Crisis : The End of History for Nuclear Arms Control // Carnegie Moscow Center [official website]. June 16, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/ians> (mode of access: 20.08.2016).

Формализованным вариантом претензий стало совместное заявление о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия, подписанное в апреле 2015 г. 159 государствами – членами ДНЯО⁶². Австрийское правительство взяло на себя инициативу заполнения правового пробела в деле запрещения и ликвидации ядерного оружия⁶³. Гуманитарная инициатива, с одной стороны, является юридической инициативой по запрещению ядерного оружия (как биологического и химического); с другой стороны, она стала проявлением группового протеста неядерных государств против политики милитаризации в ядерной сфере, осуществляемой ядерными государствами.

Все это усложнило работу главных комитетов. В Главном комитете 1 ЯОГ и НЯОГ не смогли договориться по вопросам ядерного разоружения и гуманитарного воздействия ядерного оружия. ЯОГ решительно выступали против каких-либо конкретных сроков и не принимали всерьез обсуждение гуманитарных последствий. В Главном комитете 2 государства-участники обсудили вопросы нераспространения, гарантий, ядерной безопасности и ЗСЯО. В рамках деятельности вспомогательного органа государства-участники обсудили вопрос о ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Во время неофициальных пленарных заседаний председатель Главного комитета 2 пытался получить одобрение своего проекта доклада, но потерпел неудачу. Государства-участники не смогли преодолеть разногласия по вопросу ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В ходе конференции было подготовлено 58 рабочих документов. Наибольшее их количество подготовило Движение неприсоединения (десять рабочих документов). Они были посвящены вопросам гарантий безопасности, гарантиям мирного использования атома, ядерным испытаниям, ядерному разоружению, плану действий по ликвидации ядерного оружия, региональным вопросам и др. Коллективным голосом в рамках переговорного процесса на послед-

---

⁶² 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by H. E. Sebastian Kurz Federal Minister for Europe, Integration and Foreign Affairs of Austria 28 April 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (mode of access: 20.08.2016).

⁶³ Pledge presented at the Vienna Conference on the Humanitarian Impact of Nuclear Weapons by Austrian Deputy Foreign Minister Michael Linhart // Vienna Conference on the Humanitarian Impact of Nuclear Weapons. 8–9 Dec. 2014. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Abruestung/HINW14/HINW14_Austrian_Pledge.pdf (mode of access: 25.12.2014).

ней Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. выступали традиционные региональные группы ООН (Лига арабских государств, Группа государств Западной Европы), а также региональные организации ЕС, АСЕАН⁶⁴, КАРИКОМ⁶⁵, страны – участницы ДЗСЯО в Центральной Азии⁶⁶ и др. Помимо региональных групп, выступали межрегиональные и тематические группы: Коалиция новой повестки дня⁶⁷, Инициатива по нераспространению и разоружению⁶⁸, Венская группа десяти⁶⁹. В рамках конференции работали разные инициативные группы. Рабочий документ № 21 представила Группа за снятие с боевого дежурства. Отдельные документы представили Иран, Австрия, Норвегия, Япония, Франция, США, Монголия, РФ, Алжир, Китай, Египет. ЯОГ представили документ о прогрессе по ЗСОМУ на Ближнем Востоке. 28 апреля 2015 г. было озвучено совместное заявление 159 участников ДНЯО о гуманитарных

---

⁶⁴ Statement by H. E. U Kyaw Tin Permanent Representative of the Republic of the Union of Myanmar to the United Nations in New York on behalf of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons New York, 28 April 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/ASEAN_en.pdf (mode of access: 18.05.2015).

⁶⁵ Statement by H. E. Mr. E. Courtenay Rattray, Permanent Representative of Jamaica to the United Nations on behalf of the Caribbean Community (CARICOM) at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons New York, 28 April 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/CARICOM_en.pdf (mode of access: 27.05.2015).

⁶⁶ Совместное выступление государств – участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, на Общих дебатах Обзорной конференции 2015 года государств – сторон Договора о нераспространении ядерного оружия (Нью-Йорк, 27 апреля 2015 года) // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/centralasia_ru.pdf (mode of access: 11.05.2015).

⁶⁷ Statement by H. E. Dell Higgie, Ambassador for Disarmament and Permanent Representative of New Zealand to the Conference on Disarmament, Geneva. On behalf of the New Agenda Coalition at the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 28 Apr. 2015. NY // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NAC_en.pdf (mode of access: 11.05.2015).

⁶⁸ NPDI Statement for 2015 NPT Review Conference // 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 27 Apr. 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/NPDI_en.pdf (mode of access: 14.05.2015).

⁶⁹ Statement by the Vienna Group of Ten Statement by Mr. Richard Mathews Director Nuclear Policy Department of Foreign Affairs and Trade, Australia. 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). 30 April 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/VGroup10_en.pdf (mode of access: 14.05.2015).

последствиях применения ядерного оружия⁷⁰. Подготовленные рабочие документы демонстрируют сильный крен конференции в сторону требований разоружения, гарантий безопасности, снятия с боевого дежурства и гуманитарных последствий испытаний и использования ядерного оружия. Документы также свидетельствуют о серьезном расколе между странами-участниками по вопросам эффективности действий договора.

Рабочий документ председателя, касающийся заключительного документа, включил большую часть предложений рабочих групп и комитетов. Он состоял из 184 пунктов, что на 120 пунктов больше, чем документ Обзорной конференции 2010 г. Документ разделен на параграфы в соответствии со статьями ДНЯО⁷¹. Так, например, к ст. 4 ДНЯО появляются рекомендации о ядерной ответственности (дополнительном возмещении за ядерный ущерб). К ст. 6 ДНЯО обращен большой документ из 31 пункта. Пункт 154 определяет «конкретные ориентировочные показатели и сроки» для ускорения усилий по реализации положений данной статьи. Эти «ориентировочные показатели» состоят из 19 параграфов. Среди рекомендаций – меры транспарентности ядерных арсеналов, рекомендации к сокращению глобальных запасов ядерного оружия. Ядерным государствам предлагается форма отчета для предоставления докладов на сессиях подготовительного комитета в 2017 и 2019 г. Также предлагается учредить вспомогательный орган в рамках конференции по разоружению, уполномоченный заниматься вопросами ядерного разоружения. Предложения по ст. 7 включают разные региональные вопросы: требования к КНДР, предложения по ЗСОМУ на Ближнем Востоке. По вопросу ЗСОМУ на Ближнем Востоке сформулированы 11 предложений: созыв конференции по ЗСОМУ не позднее 1 марта 2016 г., а также назначение специального представителя Генерального Секретаря ООН по данному вопросу.

22 мая 2015 г. председатель конференции Т. Ферухи опубликовала проект заключительного документа, содержавшего процедурные

---

⁷⁰ Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by H. E. Sebastian Kurz Federal Minister for Europe, Integration and Foreign Affairs of Austria 28 April 2015 // United Nations [official website]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (mode of access: 14.05.2015).

⁷¹ Рабочий документ Председателя, касающийся Заключительного документа : Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Нью-Йорк, 27 апреля – 22 мая 2015 года // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.58&referer=http://www.un.org/en/conf/npt/2015/working-papers.shtml&Lang=R (дата обращения: 17.05.2015).

вопросы и основные темы для обсуждения. Несмотря на интенсивные дискуссии в течение четырех недель, государства-участники не достигли консенсуса в отношении итогового документа. Именно вопрос о созыве конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке вызвал протест представителя США Р. Геттемюллер, заявившей, что подобные зоны должны создаваться только по инициативе заинтересованного региона, а не по произвольному плану, предложенному в заключительном документе⁷². Позицию США поддержали Великобритания и Канада.

Директор программы по контролю над вооружениями и режимом нераспространения СИПРИ Т. Рауф сформулировал следующие внутренние проблемы ДНЯО: негибкость позиций делегаций, слабое лидерство, превалирование узких национальных интересов над глобальными вызовами. В рамках конференции не были представлены доклады от постоянных членов Совета безопасности ООН, только от ЯОГ, и в этом заключается принципиальное различие по сравнению с предыдущими встречами. Делегации не проявили реального интереса в достижении прогресса переговоров. Рауф отмечает «византийскую» дипломатию Обзорной конференции 2015 г., которой было свойственно доминирование групп холодной войны, а не тематических и других региональных групп. Дипломатическая практика председателя включала проведение консультаций с 20 делегациями, выбор которых был «непродуктивным и недемократическим»⁷³.

Обзорная конференция 2015 г. подтвердила отсутствие институциональных механизмов решения вопросов и конструктивного обсуждения проблем ДНЯО. Украинский кризис и усиление противоречий между РФ и США привели к неспособности подготовительного комитета разработать план работы конференции и реализовать проекты документов. Председатель конференции в очередной раз стал заложником сложной дипломатической практики проведения конференции и непростых отношений между странами – участницами ДНЯО. Идеологический разлом между сторонниками гуманитарных вопросов и традиционалистами стал новым кам-

⁷² Краткий отчет о 15-м заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 22 мая 2015 года, в 15 ч. 00 м // Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/SR.15&referer=http://www.un.org/en/conf/npt/2015/plenary-meetings.shtml&Lang=R (дата обращения: 31.05.2015).

⁷³ Rauf T. The 2015 NPT Review Conference: setting the record straight. 24 June 2015 // SIPRI. [official website]. URL: <https://www.sipri.org/node/384> (mode of access: 30.06.2015).

нем преткновения. Организация Объединенных Наций 27 октября 2016 г. приняла резолюцию с целью начать переговоры в 2017 г. по договору, запрещающему ядерное оружие. На заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, которая занимается вопросами разоружения и международной безопасности, 123 страны проголосовали за эту резолюцию при 38 голосах против и 16 воздержавшихся. Таким образом, инициатива по запрещению ядерного оружия получила продолжение.

* * *

Современный мир представляет собой сложную систему взаимосвязей. Режим ядерного нераспространения является одной из них. Созданный в эпоху классического сдерживания двух сверхдержав, режим ДНЯО в начале 1990-х гг. видоизменился и превратился в наднациональный клуб дискуссий и выработки разнообразных требований по проблемам ядерного оружия.

В рамках существующего режима ДНЯО, в состав которого входит 191 государство, можно выделить ряд категорий государств с разными амбициями и претензиями. В состав учредителей ДНЯО входит пять государств, имеющих разный статус государственной зрелости («модерн» и «постмодерн»)⁷⁴, с неодинаковыми политическими режимами. Их политика в рамках Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. демонстрирует несогласованность и конкуренцию друг с другом. Страны, заявляющие о себе как «срединные» державы (Канада, Япония, Австралия, Австрия, Швеция), акцентируют внимание на вопросах, характерных для стран «постмодерна». Они добиваются всеобъемлющего запрещения испытаний ядерного оружия, примата безопасности человека при обсуждении вопросов, связанных с ним. Наряду с этим конференция выявила конкуренцию за лидерство между этими странами по гуманитарным вопросам⁷⁵. Третья группа государств, которую условно можно отнести к странам «модерна», это осознающие себя как растущие державы, занимающие все более активные позиции в рам-

⁷⁴ См. классификацию: Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: the structure of international security*. Cambridge, 2003. P. 22.

⁷⁵ Kjølv E. "Talking to the hand" // UNIDIR; ILPI. International Law and Policy Institute. Retrieved 28 March 2015. Febr. 26, 2015 // UNIDIR [official website]. URL: <http://unidir.ilpi.org/?p=176> (mode of access: 18.04.2015).

ках переговорного процесса, – Иран, Египет, Индия, Южная Корея. Последняя группа государств включает страны типа «модерна» и «премодерна», не претендующие на активную лидерскую позицию. Эти страны предпочитают выступать в рамках региональных групп (КАРИКОМ, АСЕАН), задавая тон региональным инициативам на переговорах ДНЯО.

Множатся региональные, межрегиональные и тематические группы в рамках ДНЯО. Процесс будет продолжаться, так как современная стратегия многих национальных государств нацелена на усиление своих возможностей посредством участия в различного рода интеррегиональных, региональных и субрегиональных объединениях.

В настоящее время на переговорах ДНЯО отчетливо дает о себе знать отсутствие единой позиции среди государств, обладающих ядерным оружием. Проблемы взаимодействия РФ и США, модернизация ядерных арсеналов, отказ от переговорного процесса вызывают опасения у других участников обзорных конференций. Такие ядерные государства, как Франция и Великобритания, являются членами НАТО, участвуют в различных региональных инициативах в рамках ДНЯО. Китай имеет свою позицию по вопросам реализации условий положений договора: в его рабочем документе отмечается важность глобального управления в ядерной сфере, напрямую влияющего на мир и стабильность на глобальном и региональном уровнях. Китай призывает РФ и США разоружаться и настаивает на необходимости полной ликвидации ядерного оружия⁷⁶. Подобные заявления демонстрируют несогласованность позиций ЯОГ и отсутствие консенсуса между ними.

Классическая договоренность («великая сделка») ядерных государств с неядерными в данный момент более не срабатывает. Страны, не обладающие ядерным оружием, настаивают не только на его нераспространении, но и на полной его ликвидации в целях сохранения человечества. Китай предлагает ЯОГ взять на себя обязательство по полному запрещению и ликвидации ядерного оружия. Остальные ЯОГ не делают подобных заявлений.

Возникает вопрос о выстраивании взаимоотношений внутри сложной мозаики, стран, групп, инициатив. Принятие

---

⁷⁶ Всеобъемлющее осуществление Договора о нераспространении ядерного оружия и активное содействие глобальной системе управления в ядерной сфере : Рабочий документ, представленный Китаем // Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Нью-Йорк, 27 апреля – 22 мая 2015 года // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.36&referer=http://www.un.org/en/conf/npt/2015/working-papers.shtml&Lang=R (дата обращения: 15.12.2016).

заключительного документа сохраняет свою важность как попытка зафиксировать динамику переговоров. Тем не менее, все чаще возникает вопрос о реализации и выполнении обязательств, взятых на себя участниками обзорных конференций. Важную роль начинает играть экспертное сообщество, которое контролирует результативность выполнения заявленных действий. С нашей точки зрения, в предложениях председателя Обзорной конференции 2015 г. была предпринята попытка усилить практические аспекты выполнения обязательств стран – участниц договора.

Возможно, для дальнейшей организации работы обзорных конференций ДНЯО придется изобрести новый формат. Рассчитывать на дипломатическое мастерство председателей или дипломатических представителей, участвующих в работе подготовительного комитета или на обзорных конференциях, сменяемость которых неизбежна, не приходится. Создание бюрократического аппарата ДНЯО может привести к работе постоянного секретариата и возможности рассмотрения вопросов безопасности на постоянной основе. Необходимо дальнейшее привлечение экспертных сообществ в странах – участницах ДНЯО с целью создания своего рода мониторинговых центров контроля выполнения обязательств как ЯОГ, так и НЯОГ.

Глава 3

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО РЕЖИМА КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ И БУДУЩЕЕ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

А. Ю. Павлов

Российско-американские взаимоотношения в сфере контроля над ядерными вооружениями имеют долгую и богатую историю. В течение нескольких десятилетий с момента начала диалога двух держав постепенно сложился двусторонний международный режим, в значительной степени определяющий поведение его

участников. Формально этот двусторонний режим существует независимо от глобального режима ядерного нераспространения, однако взаимосвязь между ними очевидна. Ст. 6 ДНЯО налагает на его участников обязательство «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»¹. Ссылка на эти обязательства присутствует во многих двусторонних российско-американских соглашениях. В настоящее время серьезное ухудшение российско-американских отношений ставит под сомнение сохранение двустороннего режима, что может оказать серьезное негативное воздействие и на глобальный режим. Попытаемся обозначить причины возможной деградации российско-американского режима контроля над ядерными вооружениями и последствия этого для режима нераспространения ядерного оружия.

Российско-американское взаимодействие как международный режим

Термин «режим» применяется для обозначения отдельных сфер советско-американских и российско-американских отношений достаточно давно². Некоторые исследователи обнаруживали в двусторонних отношениях целый ряд режимов, в том числе несколько – в сфере контроля над вооружениями³. В теории международных отношений существуют различные интерпретации понятия «международный режим», однако наиболее распространенным вариантом обобщения является представление о том, что он представляет собой определенную конструкцию, в основе которой лежат принципы и нормы, на которых строятся конкретные правила и процедуры взаимодействия государств. При этом изменение правил и процедур не означает изменение режима в случае, если основополагающие принципы и нормы остаются неизмен-

---

¹ Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 г., ст. 6 // IAEA [официальный сайт]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/27203502923_ru.pdf (дата обращения: 15.07.2016).

² См., например: *Рогов С.* Капитуляция ли переход к партнерству? // Независимое военное обозрение. 2002. 24 мая. № 16 (286).

³ *Батюк В. И.* Режимы в российско-американских отношениях // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2007. № 1. С. 54.

ными⁴. Подобная конструкция существует и в современных российско-американских отношениях в сфере ядерных вооружений.

Пытаясь определить основополагающие принципы и нормы двустороннего режима, ряд исследователей называют принцип «равной безопасности», который был сформулирован на начальном этапе советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений еще в конце 1960-х гг. По мнению авторов одной из глав книги, посвященной развитию норм в сфере контроля над вооружениями, для России принцип равной безопасности остается приоритетом до настоящего времени⁵. Действительно, принцип равенства с США в ядерных вооружениях всегда оставался краеугольным камнем советской и российской стратегии. В то же время понятие «равной безопасности» довольно неопределенно, оно может иметь различные интерпретации. Это понятие было использовано в начале двусторонних переговоров как компромиссный вариант. Более точным, четким и понятным стал принцип сохранения стратегической стабильности, единое понимание которого двум сторонам в конечном итоге удалось сформулировать и даже зафиксировать в 1990 г. в официальном документе. На его основе легче было выстраивать систему конкретных правил и процедур, которые фиксировались в двусторонних соглашениях.

Во времена холодной войны среди военных и дипломатов термин «стратегическая стабильность» имел четкое смысловое наполнение и применялся для описания вполне конкретных военно-политических обстоятельств. Стратегическая стабильность в представлении советских, а позже и российских военных теоретиков опирается на стратегический баланс, который является ее ключевым элементом. Стратегический баланс представляет собой паритет ядерных потенциалов или, другими словами, примерное равенство в количестве и боевых возможностях стратегических ядерных сил. Стратегическая стабильность как многофакторное явление, имеющее собственную внутреннюю динамику, сначала для СССР, а позже и для России играла важную роль в обеспечении национальной обороны и безопасности. Понимание стратегической стабильности

---

⁴ Krasner S. D. Structural causes and regime consequences: regimes as intervening variables // Intern. Organizations. № 36 (2). Spring 1982. P. 187.

⁵ Fey M., Hellmann A., Klinke F. et. al. Established and Rising Great Powers : The United States, Russia, China, and India // Norm Dynamics in Multilateral Arms Control : Interests, Conflicts, and Justice / ed. by H. Müller and C. Wunderlich. Athens, L. : Univ. of Georgia Press, 2013.

как прежде всего ядерного паритета с США позволяло выстраивать политику в области развития стратегических вооружений и контроля над ними, основываясь на более-менее точных расчетах. Учеными из Академии наук СССР и военных научно-исследовательских институтов даже были разработаны методики оценки стратегического баланса с использованием математического моделирования и системного анализа⁶. В 1990 г., уже после окончания холодной войны, в совместном заявлении СССР и США зафиксировали общее понимание содержания принципа стратегической стабильности – отсутствие у каждой из сторон стимулов к нанесению первого ядерного удара⁷. Именно этот подход стал отправной точкой для выработки двусторонних советско-американских договоренностей по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Россия после распада Советского Союза унаследовала не только советский ядерный арсенал, но и концепцию стратегической стабильности, которая стала краеугольным камнем российской ядерной стратегии. Целью российской политики начала 1990-х гг. было сохранение стратегической стабильности в условиях начавшегося процесса двустороннего сокращения стратегических наступательных вооружений. Переговорный процесс о дальнейшем сокращении стратегических вооружений, начатый СССР и США, продолжился в отношениях между Россией и США. Поэтому российской стороне на переговорах важно было знать, какой уровень ядерных сил считать достаточным и какая конфигурация ядерных сил будет оптимальной для поддержания стратегической стабильности.

В наследство от СССР Россия получила также и трактовку самого термина «стратегическая стабильность». Резкое сокращение количества ядерных вооружений в результате выполнения советско-американских договоренностей в сочетании с системным кризисом, связанным с распадом Советского Союза, создало особую обстановку, которая внесла коррективы в представления российского руководства о смысле и назначении стратегической стабильности. В Военной доктрине 1993 г. говорилось о возможности стратегических сил гарантированно нанести «заданный ущерб»

---

⁶ Геловани В. И., Пионтковский А. А. Эволюция концепций стратегической стабильности: Ядерное оружие в XX и XXI веке. М.: ЛКИ, 2008.

⁷ Совместное заявление СССР и США относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности, 1 июня 1990 г. // Законы России [официальный сайт]. URL: www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a457x939.htm (дата обращения: 20.07.2016).

противнику⁸. Несмотря на то, что это понятие лишено четкости и однозначности, вполне очевидно, что здесь подразумевалась возможность ядерных сил России нанести неприемлемый для противника ущерб, величина которого должна была определяться в зависимости от ситуации.

Маршал И. Д. Сергеев, занимавший в 1997–2001 гг. пост министра обороны РФ, а затем ставший советником Президента РФ В. В. Путина по вопросам стратегической стабильности, всегда оставался сторонником ее традиционного понимания. Он был убежден, что «стратегическая стабильность рассматривается как устойчивость стратегического ядерного равновесия, которое сохраняется в течение длительного периода времени, несмотря на влияние дестабилизирующих фактов»⁹. Маршал Сергеев полагал, что точно рассчитать уровень неприемлемого ущерба – задача если не бесперспективная, то трудновыполнимая, поскольку при его оценке следует принимать во внимание слишком много разноплановых факторов. Единственным надежным критерием, по его мнению, оставалось примерное равенство ядерных сил сторон по количеству вооружений и боевым возможностям. Такое толкование позволяло создать четкую и ясную основу, на которой могла быть выстроена общая система критериев оценки различных действий России и США с точки зрения их влияния на ситуацию. С одной стороны, действия одного или другого актора могли быть оценены как укрепляющие или подрывающие стратегическую стабильность. С другой, двусторонняя система контроля над стратегическими вооружениями получала относительно структурированную шкалу оценки возможных рамок и предельных уровней ограничений для дальнейших переговоров по вопросам ядерного разоружения.

Такое понимание стратегической стабильности сохранилось и в дальнейшем. Главным направлением изучения проблемы в 2010-е гг. стала оценка того, как различные действия, программы и факторы влияют на нее. Нельзя сказать, что не было предложений пересмотреть толкование понятия и наполнить термин новыми смыслами. Авторитетный эксперт генерал В. Дворкин в 2012 г. писал, что «реликтовая концепция взаимного ядерного сдерживания

---

⁸ Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.22.2003 г. № 1883 // Президент России [официальный сайт]. URL: kremlin.ru/acts/bank/4747 (дата обращения: 20.07.2016).

⁹ Сергеев И. Без первого удара : Проблемы стратегической стабильности: история и современность // Рос. газ. 2001. 13 нояб.

России и США не только не имеет никакого смысла после окончания противостояния двух мировых систем, но и служит сильным препятствием для полноценного сотрудничества во многих сферах безопасности»¹⁰. Вместе с тем этот же автор признал, что традиционная трактовка стратегической стабильности настолько глубоко укоренилась в военно-политическом руководстве РФ, что пытаться оспаривать ее бесполезно¹¹. Очевидно, что идея взаимного ядерного сдерживания России и США, основанного на паритете в ядерных вооружениях, остается ключевым элементом современного российского стратегического мышления. В связи с этим основополагающая норма двустороннего режима контроля над ядерными вооружениями также остается прежней. Россия в этой сфере продолжает придерживаться принципа сохранения паритета с США. Соединенные Штаты, заинтересованные в сохранении двустороннего режима, также вынуждены придерживаться данного принципа.

Другой элемент международного режима – конкретные правила и процедуры – в российско-американском режиме фиксируются в двусторонних соглашениях по ядерным вооружениям. В договорах содержатся ограничения на количество и тип вооружений, правила засчета вооружений, положения о системах обмена информацией, о верификации выполнения достигнутых соглашений и т. д. За период существования режима эти правила и процедуры постоянно претерпевали изменения по мере того, как появлялись или, наоборот, теряли силу различные двусторонние соглашения. В настоящее время действуют два таких соглашения – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (РСМД) и Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) 2010 г.

Наличие российско-американского режима контроля над ядерными вооружениями является важной предпосылкой сохранения глобального режима ядерного нераспространения. В рамках двусторонних договоренностей ядерные арсеналы двух ведущих ядерных держав подверглись радикальным сокращениям. Это позволяет России и США демонстрировать свою приверженность идеям, заложенным в ДНЯО, и заявлять о выполнении обязательств по ст. 6. Для режима нераспространения наличие и развитие российско-

¹⁰ Дворкин В. Что способно разрушить стратегическую стабильность // Независимое военное обозрение. 2012. 08 авг.

¹¹ Дворкин В. Постстратегическая стабильность и дестабилизирующие факторы // Независимое военное обозрение. 2013. 22 февр.

американской системы договоренностей – важный элемент, позволяющий демонстрировать эффективность режима ДНЯО и убеждать скептиков в возможности и необходимости его дальнейшего укрепления и развития. Безусловно, нормы существующего двустороннего режима не могут полностью удовлетворить тех, кто выступает за буквальное и скорейшее выполнение ядерными державами обязательств по разоружению. Но наличие таких даже весьма ограниченных норм – единственный пока пример хотя бы частичного выполнения Россией и США своих обязательств вести переговоры о сокращении вооружений. Этот фактор приобретает все большее значение по мере того, как перспектива всеобщего ядерного разоружения становится все более туманной. Несмотря на общее серьезнейшее сокращение количества ядерных вооружений в мире, за последние десятилетия ядерных держав стало больше, и никто из них всерьез не собирается отказываться от этого типа вооружений.

Еще одним важным для режима нераспространения элементом российско-американского режима является созданная договорами СНВ система взаимного обмена информацией и верификации. Неядерные державы регулярно на обзорных конференциях ДНЯО ставят вопрос об увеличении уровня транспарентности относительно ядерных вооружений государств – членов ядерного клуба. С момента вступления в силу СНВ-1 и до настоящего времени система обмена информацией и взаимного контроля в российско-американском режиме отсутствовала только в течение относительно небольшого периода времени – от окончания срока действия СНВ-1 в декабре 2009 г. и до вступления в силу СНВ-3 в феврале 2011 г. Конечно же, эта система удовлетворяет далеко не всем требованиям по транспарентности, которые выдвигаются многими неядерными державами¹². Согласно условиям нового СНВ, ограничениям подвергаются развернутые и неразвернутые стратегические носители и имеющиеся на них боезаряды. Стороны дважды в год предоставляют соответствующую информацию об этих вооружениях и имеют право проводить по 18 инспекций в год. Такая система транспарентности существует только в рамках российско-американского режима. Вся остальная информация об арсеналах ядерных держав предоставляется лишь по доброй воле правительств и никак не может быть проверена.

---

¹² Meyer P., Salander H., Mian Z. Why the NPT needs more transparency by the nuclear weapon states // Bull. of the Atomic Scientists. Apr. 8, 2015. URL: <http://thebulletin.org/why-npt-needs-more-transparency-nuclear-weapon-states8188#> (mode of access: 15.07.2016).

Перспективы сохранения двустороннего режима

Сегодня существует целый ряд факторов, ставящих под угрозу не только дальнейшее сокращение ядерных арсеналов России и США в рамках двусторонних режимов, но и сохранение самого этого режима. Выделим наиболее важные из них.

Прежде всего необходимо отметить, что в настоящее время стало значительно сложнее придерживаться традиционных представлений о том, на чем основана стратегическая стабильность. Устоявшееся представление о том, что ее базу составляет паритет в ядерных вооружениях и их боевых возможностях, все чаще ставится под сомнение. Развитие новых неядерных боевых систем, способных играть стратегическую роль, значительно осложняет расчет. Советская и позже российская военно-стратегическая мысль традиционно выделяла следующие факторы, влияющие на стратегическую стабильность: развитие систем ПРО, высокоточного оружия в неядерном оснащении, космических вооружений, противолодочной обороны, ядерных вооружений третьих стран¹³. В настоящее время наибольшее значение приобретают первые два фактора.

Проблема ПРО была в центре внимания российско-американских отношений на протяжении всех 1990-х гг. В этот период поддержание стратегической стабильности приравнивалось в официальных заявлениях Москвы к сохранению в неизменном виде Договора по ПРО 1972 г. После выхода США из этого договора и начала разработки, а потом и развертывания системы ПРО ее развитие стало рассматриваться в России как ключевой фактор, негативно влияющий на стратегическую стабильность. Эта проблема особенно обострилась в тот момент, когда американцы заявили, что хотят разместить в Европе третий позиционный район ракет-перехватчиков. Вне зависимости от заявлений американской стороны о том, что система создается для защиты от угроз, которые исходят от баллистических программ Северной Кореи и Ирана, российское политическое и военное руководство с самого начала считало, что США строят систему для защиты от несуществующих угроз. Поэтому в России сразу возникли подозрения в том, что эта система может быть направлена против российских ядерных сил, и истинная ее цель – изменение стратегического баланса в пользу США.

---

¹³ Дворкин В. Что способно разрушить стратегическую стабильность.

Очевидным выводом таких рассуждений служило убеждение, что действия США по развитию системы ПРО подрывают стратегическую стабильность.

Вопрос о ПРО остается острым для России на протяжении более чем 15 лет, и полемика продолжается по сей день. Неизменная официальная российская позиция заключается в том, что развертываемая США система ПРО подрывает стратегическую стабильность. На переговорах по заключению нового Договора о СНВ в 2009–2010 гг. Россия всячески стремилась включить в сферу, подлежащую ограничениям, и стратегические оборонительные вооружения, то есть непосредственно элементы американской системы ПРО. Решение Б. Обамы летом 2009 г. пересмотреть планы развертывания элементов ПРО в Европе во многом способствовало заключению договора. Однако дипломатические усилия России увенчались относительно скромным успехом. Российские переговорщики смогли лишь добиться того, что в преамбулу договора было включено положение, признающее «наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающую важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений и то, что нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений сторон»¹⁴. Эту формулировку российские официальные лица использовали в дальнейшем как отправную точку для диалога с США. В частности, они не раз заявляли о том, что Россия может выйти из договора по СНВ в случае, если США будут усиливать свою систему ПРО до уровня, который нарушит стратегическую стабильность.

Еще одна проблема, которую активно обсуждают в политических и экспертных кругах, это оценка того, насколько развитие имеющихся и перспективных систем неядерного высокоточного оружия подрывает стратегическую стабильность. Такие средства уже имеются в наличии у США и в настоящее время быстро развиваются, поскольку они считаются одними из наиболее перспективных систем вооружений. Американские военные высоко ценят возможности высокоточных систем, которые предполагают использовать не столько для сдерживания, сколько для боевого применения в ши-

---

¹⁴ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, 8 апреля 2010 г. // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 17.07.2016).

роком спектре потенциальных и реальных конфликтов. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что перспективные высокоточные системы влияют и на стратегическую стабильность в ее «ядерном» понимании, поскольку теоретически могут быть использованы в контр-силовом первом ударе для уменьшения потенциала ответного удара российских стратегических ядерных сил.

Возможность вывода обычных вооружений в космос или, иными словами, милитаризация космического пространства – это еще одна проблема, которая беспокоит российских экспертов. Россия последовательно продвигала ряд инициатив на различных международных площадках для того, чтобы разработать юридически обязывающие ограничения на размещение вооружений в космосе и не допустить превращения космического пространства в сферу вооруженного противоборства. Все эти инициативы не находили нужной поддержки. Сам факт того, что Вашингтон уклоняется от обсуждения конкретных шагов в направлении предотвращения дальнейшей милитаризации космоса, вызывает у Москвы серьезные опасения. В Военной доктрине России 2014 г. среди внешних военных опасностей упомянуты «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции “глобального удара”, намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»¹⁵.

В свою очередь, в России также ведется разработка обычных (неядерных) вооружений, которые в перспективе могут и должны иметь стратегическое значение. В Военной доктрине 2010 г. среди задач вооруженных сил в мирное время значилось «стратегическое сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов», в редакции 2014 г. к понятию «стратегическое сдерживание» в скобках добавлено «ядерное и неядерное»¹⁶. Пока эта концепция не получила дальнейшего развития. Можно предположить, что российское военно-политическое руководство может иметь в виду следующие неядерные средства, которые могут быть использованы для укрепления стратегической стабильности: во-первых, новые или модернизированные

---

¹⁵ О военной доктрине Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 г. № 146 // Президент России [официальный сайт]. URL: kremlin.ru/acts/bank/30593 (дата обращения: 20.07.2016).

¹⁶ Военная доктрина Российской Федерации // Рос. газ. 2014. 30 дек. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 20.07.2016).

крылатые ракеты морского и воздушного базирования, а также тактические комплексы «Искандер» в неядерном оснащении. Москва неоднократно заявляла о том, что эта сравнительно новая продвинутая система может быть использована для нейтрализации элементов американской ПРО в Европе. Во-вторых, развитие средств воздушно-космической обороны – это один из важнейших приоритетов для современной России. В 2014 г. было принято решение о создании Военно-космических сил РФ. Самые новые системы ПВО С-400, которые сейчас поступают на вооружение, имеют способность перехвата крылатых ракет и баллистических ракет средней дальности. Перспективная система С-500, по официальным данным, будет иметь еще более серьезные способности по перехвату ракет разных типов. Эти системы могут быть использованы в том числе для прикрытия позиций комплексов стратегических ядерных сил с целью повысить их выживаемость в случае нанесения противником контрсилowego удара, в том числе с использованием высокоточного неядерного оружия типа средств системы быстрого глобального удара.

Все эти факторы значительно осложняют расчеты, на которых до сих пор базируется принцип стратегической стабильности. Если с количественным паритетом стратегических ядерных вооружений обе стороны согласились достаточно давно, то применять тот же принцип к целому ряду перспективных обычных вооружений не согласятся прежде всего США. В США эти вооружения создавались для решения задач за пределами рамок двустороннего российско-американского режима и взаимного ядерного сдерживания, и никаких причин включать их в систему ограничений у них нет. В то же время рост значения неядерных вооружений в решении стратегических задач отрицать трудно. Более того, в период президентства Д. Буша-младшего в Министерстве обороны США была разработана и принята концепция так называемой «новой триады». В отличие от традиционной ядерной триады, новая триада включала и ядерные, и неядерные вооружения, способные решать стратегические задачи¹⁷. Администрация Б. Обамы отказалась от такого подхода, но возможность возврата к его использованию всегда будет сохраняться. Россия же не способна, да и не стремится развивать свои вооружения симметрично с США. Все это означает,

---

¹⁷ Frankel M. J., Scouras J., Ullrich G. W. The New Triad : Diffusion, Illusion, and Confusion in the Nuclear Mission // The Johns Hopkins University applied physics laboratory [official website]. National Security Analysis Policy Paper. July 2009. NSAD-R-2009-146. URL: <http://www.jhuapl.edu/ourwork/nsa/papers/TheNewTriad.pdf> (mode of access: 15.07.2016).

что в перспективе обеим сторонам будет становиться все труднее осуществлять расчет стратегической стабильности на основе равно-го ограничения лишь части вооружений, имеющих стратегическое значение. Выработать же новые принципы поддержания стратегической стабильности с учетом значения самых разнообразных систем вооружений будет чрезвычайно трудно, особенно учитывая ухудшение двусторонних отношений.

Еще одним источником угрозы двустороннему режиму контроля над ядерными вооружениями является значительное снижение уровня доверия сторон друг к другу и рост взаимной подозрительности. В экспертном сообществе существуют серьезные расхождения во мнениях относительно того, насколько развитие обычных вооружений может повлиять на стратегическую стабильность. Если официальная позиция России относительно системы ПРО США остается неизменной, то среди российских экспертов по этому вопросу ведется динамичная дискуссия, богатая различными оценками и разногласиями. Значительная группа экспертов считает официальную позицию России вполне обоснованной¹⁸. В то же время известные российские эксперты, участвовавшие в подготовке книги «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?», считают, что ПРО США не способна серьезно повлиять на возможность стратегических ядерных сил России нанести ответный удар в случае гипотетического конфликта и, таким образом, не сможет подорвать стратегическую стабильность¹⁹. К такому же выводу пришли эксперты Института США и Канады РАН, подготовившие доклад, озаглавленный «Десять лет без Договора по ПРО»²⁰.

В оценке значения развития американских систем ВТО мнения российских аналитиков также серьезно расходятся. Авторитетный эксперт по данной проблеме Евгений Мясников считает, что преувеличивать значение высокоточного оружия США для стратегической стабильности не следует, поскольку его гипотетическое применение для разоружающего удара по ядерным силам России не может быть внезапным и быстрым, его возможный эффект сни-

¹⁸ См., например: Буренок В. М., Печатнов Ю. А. Стратегическая стабильность – заблуждения и перспективы // Независимое военное обозрение. 2014. 7 марта.

¹⁹ Пырьев В., Дворкин В. Программа США/НАТО и стратегическая стабильность // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М. : РОССПЭН, 2012. С. 191–192.

²⁰ Десять лет без Договора по ПРО : Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях : науч. докл. Ин-та США и Канады РАН. М. : Спецкнига, 2012.

жается с развитием мобильных установок межконтинентальных баллистических ракет. Однако он же считает, что «в среднесрочной перспективе ВТО представляет собой большую опасность для выживаемости российских стратегических наступательных вооружений, чем ПРО», потому что качественного прорыва в развитии ПРО, который повысил бы их эффективность против межконтинентальных баллистических ракет, не предвидится, а высокоточного оружия у Соединённых Штатов уже есть немало, и продолжается процесс его совершенствования и накопления²¹.

Сторонники мнения, что развитие передовых военных технологий в США подрывает стратегическую стабильность, указывают на то, что на фоне значительного сокращения СНВ, согласованного по новому договору о них, тенденции развития систем ПРО и увеличения в арсенале США числа систем высокоточного оружия взаимно усиливаются и в перспективе могут произвести совокупный дестабилизирующий эффект. Признавая, что в настоящий момент эти программы не влияют на стратегическую стабильность, некоторые российские эксперты думают о будущем развитии этих систем. Наиболее радикальная точка зрения состоит в том, что ПРО и Система быстрого глобального удара являются элементами одного плана, цель которого – подрыв потенциала ядерного сдерживания России. Сокращение стратегических ядерных сил, по их мнению, это часть того же плана. Именно поэтому США предлагают продолжить сокращение СНВ, а также активно стремятся к обсуждению сокращения тактического ядерного оружия, по которому у России существует количественное превосходство²². В этом дисбалансе, который может возникнуть в будущем, сторонники такой концепции видят потенциальную угрозу: американцы хотят совместно сокращать СНВ, при этом наращивая неядерные средства, которые ничем не ограничены.

С развитием негативных тенденций в отношениях между Россией и США вторая точка зрения становится доминирующей прежде всего в политическом и военном руководстве России. В условиях роста напряженности с обеих сторон начинает все более

²¹ Мясников Е. В. Контрсилловой потенциал ВТО // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договор / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, М. : РОССПЭН, 2009. С. 122–123 ; *Его же*. Высокоточное обычное оружие // Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, М. : РОССПЭН, 2012. С. 421.

²² Буренок В. М., Печатнов Ю. А. Стратегическая стабильность – заблуждения и перспективы // Независимое военное обозрение. 2014. 07 марта.

активно проявляться тенденция к преувеличению возможностей потенциального противника, характерная для периода холодной войны. В оценках американскими и российскими политиками потенциала противоположной стороны вполне отчетливо можно выявить все основные причины сознательного и ошибочного преувеличения, сформулированные Д. Реншоном²³.

Можно предположить, что в случае дальнейшего ухудшения отношений под вопросом окажется сохранение в силе обоих договоров, формирующих набор правил и процедур двустороннего режима. Договор СНВ 2010 г. остается в силе до начала 2021 г. Все менее вероятным становится подписание нового договора, под сомнение ставится даже возможность продления срока действия существующего. Вместе с тем, представляется, что этот договор отвечает и в перспективе будет отвечать интересам обеих сторон. Оценивая значение Договора о СНВ 2010 г., стоит обратить внимание на условия, в которых шли переговоры о его подписании. Соглашения об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) разрабатывались в период холодной войны. Общая напряженность международных отношений того периода, равно как атмосфера недоверия и взаимной подозрительности, которая составляла основу блокового противостояния и подогревала гонку вооружений, отразились в положениях этих соглашений. В отличие от них, первые два договора по сокращению СНВ отечественные дипломаты заключали в атмосфере некоторой эйфории, вызванной окончанием холодной войны и прекращением глобального противостояния. И руководство СССР позднего периода, и руководство Российской Федерации возлагало неоправданно большие надежды на будущее стратегическое партнерство с США. Это предопределило излишнюю уступчивость российских переговорщиков. В отличие от первых двух случаев, согласование нового договора о СНВ в 2010 г. напоминало скорее диалог прагматично мыслящих партнеров, одинаково заинтересованных в достижении компромиссного решения. Такой настрой был равно далек как от состояния непримиримой вражды, так и от нереалистичных надежд на бескорыстную дружбу. В результате новый договор СНВ оказался выгодным для обеих сторон компромиссом, ради которого они пошли на определенные уступки.

---

²³ *Renshon J. Assessing Capabilities in International Politics : Biased Overestimation and the Case of the Imaginary 'Missile Gap' // The J. of Strategic Studies. Vol. 32, no. 1. Febr. 2009.*

Договор РСМД 1997 г. был подписан как бессрочный, однако и его сохранение сегодня оказалось под вопросом. Обе стороны активно обвиняют друг друга в нарушении его условий, растут подозрения в том, что противоположная сторона стремится получить преимущества либо обходя ограничения, либо готовясь выйти из договора. Обсуждения того, каков должен быть ответ на действия противоположной стороны, лишь усиливают взаимные подозрительность и недоверие²⁴.

В результате такого развития событий постепенно формируется довольно опасная ситуация. С одной стороны, Россия и США признают, что в целом сохранение режима соответствует их долгосрочным интересам. С другой, одна из сторон может взять на себя инициативу разрушения режима лишь потому, что не будет уверена, что противоположная сторона сохраняет и намерена в будущем сохранять приверженность общим принципам и правилам. Такие подозрения, по мнению Р. Джервиса, могут стать важным побудительным мотивом для одного из участников режима предпринять односторонние действия, даже если он в целом предпочел бы сохранение режима²⁵.

* * *

В целом представляется, что в настоящее время не существуют явных стратегических или технических оснований для прекращения существования двустороннего российско-американского режима контроля над ядерными вооружениями. Вместе с тем усугубление политических противоречий, выталкивающих партнеров обратно в состояние конфронтации, рост взаимного недоверия и подозрительности могут расшатать, а в перспективе и подорвать стабильность российско-американских договоренностей по вопросам контроля над ядерными вооружениями. Логика эпо-

---

²⁴ См. например: Woolf A. F. Russian Compliance with the Intermediate Range Nuclear Forces (INF) Treaty : Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. Apr. 13, 2016. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/nuke/R43832.pdf> (mode of access: 19.07.2016) ; Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 24 декабря 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1993171 (дата обращения: 19.07.2016).

²⁵ Jervis R. Security Regimes // International Organizations. № 36 (2). Spring 1982. P 358.

хи холодной войны специфична именно тем, что ядерные доктрины соперничавших держав опирались не только на прагматичный расчет стратегической стабильности и на соображения достаточности, но и на стремление оказать давление, продемонстрировать большую решимость и готовность принять больший риск. Деграция двустороннего российско-американского режима стала бы серьезной проблемой для международного режима нераспространения ядерного оружия. Это не только продемонстрировало бы неготовность двух крупнейших ядерных держав выполнять свои обязательства по ст. 6 ДНЯО, но обозначило бы движение вспять. Разрушение режима транспарентности дало бы еще больше оснований для сомнений в том, что ядерные державы готовы если не разоружаться, то, по крайней мере, ограничивать свои ядерные вооружения на уровне минимальной достаточности. Такие последствия серьезно усиливают возможный негативный эффект от разрушения двустороннего режима, и они непременно должны приниматься во внимание при выработке рекомендаций и при принятии решений в России и США относительно двусторонних договоренностей в сфере ядерных вооружений.

Глава 4

ИНСПЕКЦИИ ПО ЗАПРОСУ В ДВЗЯИ И КЗХО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. А. Малыгина

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (КЗХО) и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) разрабатывались на переговорных площадках Конференции по разоружению в Женеве. Эти соглашения принято считать одними из самых разработанных международных договоренностей в области разоружения и нераспространения. Отличительной чертой обоих соглашений является детально разработанная система верификации.

Механизм проверки – это важный элемент успешного функционирования любого международного режима контроля над вооружениями. Однако далеко не всегда государствам – участникам международного соглашения удается согласовать соответствующие процедуры и сделать их неотъемлемой частью режима. К примеру, режим Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия до сих пор не обрел верификационных процедур. Поэтому опыт переговоров по КЗХО и пока не вступившему в силу ДВЗЯИ представляет особый интерес с точки зрения успехов в выстраивании сложных многокомпонентных систем проверки. Изучение истории разработки этих процедур и сравнение их элементов будут полезны с точки зрения оценки перспектив совершенствования других международных режимов контроля над вооружениями. В этой главе мы рассмотрим режимы КЗХО и ДВЗЯИ с точки зрения их предметов и цели, специфики переговорного процесса и тех нюансов, которые предопределили особенности процедур начала инспекций по запросу в этих двух режимах.

Сравнительный анализ элементов двух режимов, режима запрещения химического оружия и режима полного запрещения ядерных испытаний, полезен еще и с точки зрения уточнения онтологического статуса международных режимов. Каковы признаки того, что режим существует? Является ли механизм инспекций по запросу сдерживающим фактором, влияющим на поведение государств – участников режима? Что считать сильными и слабыми сторонами международного режима? Предпринятый нами анализ, возможно, подскажет нам ответы на эти вопросы.

Предмет и цель КЗХО и ДВЗЯИ

По своим целям КЗХО – соглашение более разработанное, нежели ДВЗЯИ. ДВЗЯИ нацелен на укрепление режима ядерного нераспространения через полный и безоговорочный запрет любых видов ядерных испытаний. КЗХО преследует ряд целей, включая запрет на разработку, производство, приобретение, накопление, передачу, применение химического оружия, запрет на использование химических средств борьбы с беспорядками в качестве средства ведения войны, уничтожение всех имеющихся запасов химического оружия и объектов по его про-

изводству, и наконец, нераспространение химического оружия¹. Для реализации каждой из целей в КЗХО предусмотрен свой механизм проверки соблюдения обязательств.

Немаловажное значение для функционирования верификационного режима КЗХО имеет различного рода информация, которую государства-участники регулярно предоставляют техническому секретариату – первоначальные и ежегодные доклады, а также объявления². Значительная часть систематических (назовем их рутинными) проверок посредством инспекций на месте нацелена на определение того, насколько полную и достоверную информацию предоставили члены ОЗХО в своих докладах и объявлениях. Другой вид инспекций на месте, тоже осуществляемых на регулярной основе, предусмотрен для наблюдения за процессом уничтожения объявленного химического оружия. Помимо этого, в конвенции предусмотрен порядок проведения инспекций, которые мы условно назовем нерутинными. Инспекции такого рода преследуют цель расследовать случаи предполагаемого применения химического оружия или могут быть инициированы по запросу любого государства-участника с целью прояснения озабоченности относительно возможного несоблюдения конвенции.

Цель рутинных проверок – удостовериться в том, что государство – участник соглашения делает ровно то, о чем информирует технический секретариат. Иными словами, рутинные инспекции нацелены на обеспечение выполнения всеми участниками соглашения своих обязательств. В случае выявления нарушений в КЗХО предусмотрен механизм взаимодействия, нацеленный на устранение выявленных нарушений. Нерутинные инспекции предназначены для выявления скрываемых нарушений.

В верификационном режиме ДВЗЯИ технические средства удаленного контроля играют более заметную роль, нежели в режиме запрещения химического оружия. В ДВЗЯИ, помимо непрерывного наблюдения посредством многокомпонентной международной системы мониторинга, предусмотрены лишь инспекции по запросу с целью выяснения, имел ли место факт несоблюдения обязательств, предполагающих полный отказ от ядерных испытаний.

Таким образом, арсенал верификационных инструментов в КЗХО значительно более разнообразен, нежели в ДВЗЯИ,

---

¹ Пунжин С. М. Химическое оружие и международное право. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 108–117.

² Там же. С. 303–321.

и включает в себя широкий спектр различного рода инспекций, как рутинных, так и по запросу. Единственный инструмент, который присутствует в обоих соглашениях, это инспекции по запросу. Рутинные инспекции в КЗХО по своей сути и цели близки мониторингу, осуществляемому в ДВЗЯИ с помощью глобальной по охвату и сложности Международной системы мониторинга.

Безусловно, в системах контроля КЗХО и ДВЗЯИ есть существенные различия. Они объясняются разницей предметов этих договоров: КЗХО накладывает безоговорочный запрет на целый класс ОМУ, а ДВЗЯИ запрещает испытание ядерного оружия. Грубо говоря, в ДВЗЯИ может возникнуть только один тип нарушения – это осуществление ядерного взрыва. Скрыть нарушение подобного рода достаточно трудно, и даже по прошествии значительного количества времени свидетельствующие о нем следы могут быть обнаружены. В то же время нарушений КЗХО может быть намного больше, и они более разнообразны. Временной фактор при сборе доказательств в системе проверки КЗХО играет более существенную роль. Это предопределяет главное различие в системах верификации. Как мы уже говорили, в целом система контроля в КЗХО более обширна и многопланова. Это обусловлено тем, что предметом КЗХО является не только запрет на применение химического оружия, но также запрещение разработки, производства и хранения этого вида ОМУ.

Тем не менее, в обоих соглашениях прописана процедура инспекций на месте, которые осуществляются в случае возникновения подозрений для выявления скрытых нарушений. Разработка подобных процедур в КЗХО и ДВЗЯИ была сопряжена с рядом трудностей. При этом во время переговоров по ДВЗЯИ дипломаты опирались на опыт переговоров по КЗХО. Поэтому сравнение переговорных процессов и разработанных в итоге процедур инспекций по запросу, осуществляемых на месте, представляет особый интерес.

Разработка процедур инспекций по запросу в КЗХО и ДВЗЯИ

Оба международных соглашения были открыты для подписания после окончания холодной войны, но подготовительная работа осуществлялась в разных форматах и на разных уровнях в течение нескольких предшествовавших десятилетий.

Предварительные переговоры по разработке всеобъемлющего запрещения химического оружия начались вскоре после того,

как в 1975 г. вступила в силу Конвенция о запрещении биологического оружия, открытая для подписания в 1972 г. Важными этапами на пути заключения КЗХО стали совместные заявления стран – участниц Парижской конференции в начале января 1989 г., а также подписанное в июне 1990 г., но так и не вступившее в силу советско-американское соглашение о сокращении арсеналов химического оружия. Проекты многостороннего договора, предполагавшего запрещение химического оружия, предложенные отдельными странами или группами государств, обсуждались на конференциях по разоружению в течение 1980-х гг. Финальный этап переговоров состоялся в 1992 г., что позволило в январе 1993 г. открыть Конвенцию о запрещении химического оружия для подписания. КЗХО вступила в силу в конце апреля 1997 г.

Формально историю переговоров по ДВЗЯИ следует отсчитывать с 1993 г., работа на платформе конференций по разоружению велась в течение 1980-х гг., и финальный этап переговоров, начавшийся в 1994 г., по сути, развивал идеи, которые были воплощены в международных соглашениях 1960–1970-х гг.³ Следует, однако, упомянуть, что предыдущие соглашения накладывали ограничения на ядерные испытания, но не запрещали их. Конечно, все предшествующие усилия способствовали развитию и укреплению нормы, запрещающей испытание ядерных взрывных устройств. Однако по ряду причин в течение длительного времени государства не были готовы обсуждать именно полное запрещение ядерных испытаний. Так, при работе над ДВЗЯИ был учтен опыт создания и других многосторонних, а также двусторонних соглашений в области контроля над вооружениями, среди которых особое место занимают международный Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963), Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (1974), Договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях (1976). Двусторонние советско-американские соглашения установили пороговые ограничения для подземных взрывов, не запрещенных по Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Кроме того, верификационные механизмы, разработанные в поддержку этих договоров, предполагали использование национальных технических средств, что так-

³ *Ramaker J., Mackby J. et al. The Final Test : A History of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Negotiations. Vienna : [S. n.], 2003. P. 12–18.*

же оказалось важным при конструировании верификационного режима ДВЗЯИ. И безусловно, переговоры по КЗХО оказали большое влияние на ход и результаты переговоров по ДВЗЯИ.

Разработка договоров по ограничению ядерных испытаний потребовала продолжительного диалога между дипломатами, юристами, учеными и инженерами. Важно отметить, что в переговорах по вопросам запрещения ОМУ работа дипломатов опиралась на результаты совместного труда групп научных экспертов. В свою очередь, деятельность таких групп была возможна благодаря тому, что дипломаты создавали правовую рамку для их деятельности. Так, Договору о запрещении ядерных испытаний в трех средах предшествовала напряженная работа научно-технических экспертов из Канады, Франции, Польши, Румынии, СССР, Великобритании и США. Эта так называемая Женевская группа экспертов функционировала с 1958 по 1960 г. Впервые в истории международных переговоров по вопросам безопасности ученым была отведена настолько заметная и самостоятельная роль⁴. Эта группа занималась отработкой системы верификации будущего договора в части сейсмического мониторинга. Впоследствии ее опыт был использован при координации деятельности экспертных комиссий, обеспечивавших научно-техническую составляющую ДВЗЯИ. Женевской конференцией Комитета по разоружению ООН в 1976 г. была учреждена Специальная группа научных экспертов по рассмотрению международных совместных мер по обнаружению и идентификации сейсмических явлений (Группа научных экспертов), которая продолжала свою работу до 1996 г.⁵ Эта группа не просто вырабатывала практические предложения для Конференции по разоружению, но провела ряд важных технических экспериментов по обмену сейсмическими данными, что внесло бесценный вклад в разработку идеи и архитектуры глобальной Международной системы мониторинга, Международного центра данных и системы верификации ДВЗЯИ в целом.

---

⁴ Kalinowski M. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Verification // Verifying Treaty Compliance: Limiting Weapons of Mass Destruction and Monitoring Kyoto Protocol provisions / ed. by R. Avenhaus, N. Kyriakopoulos, M. Richard, Stein G. Springer 2006. Berlin. P. 138–139.

⁵ NPT/CONF.1005/2. Developments since the 4th Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons towards the Realization of the purposes of the 10th Preambular Paragraph of the Treaty: Background paper prepared by the United Nations Secretary // UNODA. [official website]. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt1995/official-documents/> (mode of access: 20.07.2016).

Таким образом, технически ДВЗЯИ созрел значительно раньше, нежели сформировалась политическая конъюнктура, благоприятная для его подписания. То, что он до сих пор не вступил в силу, свидетельствует, очевидно, о том, что политических предпосылок для этого важного события так и не возникло. Итоги работы этой группы не только создали основу для переговорного процесса по верификационным механизмам ДВЗЯИ, но послужили толчком для создания рабочей группы по вопросам верификации в структуре подготовительной комиссии ОДВЗЯИ.

Роль ученых и представителей химической промышленности при разработке и реализации положений КЗХО была и остается значительной. Процедуры и критерии проверки соблюдения конвенции должны учитывать изменения в научно-технической сфере, но не препятствовать экономическому прогрессу и мирному техническому развитию. Это, пожалуй, одно из основополагающих условий эффективности и устойчивости таких режимов, как система гарантий МАГАТЭ или режим всеобъемлющего запрещения химического оружия. Поэтому в самой структуре КЗХО был предусмотрен непрерывный диалог между представителями промышленности, учеными и дипломатами, который обеспечивается в том числе за счет работы научно-консультативного совета (КЗХО, ст. 8, п. 21h)⁶. Этот совет, начавший свою работу в 1998 г., состоит из 25 независимых экспертов – граждан государств – членов КЗХО. Он собирается один или два раза в год и ежегодно предоставляет свои рекомендации генеральному директору ОЗХО. Если возникает необходимость, научно-консультативный совет может создавать специальные временные рабочие группы. Раз в пять лет совет готовит развернутый отчет для рассмотрения на обзорной конференции КЗХО.

Согласно КЗХО, цель инспекций по запросу – «прояснение любых вопросов, касающихся возможного несоблюдения положений» конвенции (ст. 9, п. 8), а также установление «фактов, имеющих отношение к возможному несоблюдению» (ст. 9, п. 9). В ДВЗЯИ цель инспекций по запросу сформулирована более узко: «прояснение того, действительно ли в нарушение ст. 1 был произведен испытательный взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв и, насколько это возможно, в сборе любых фак-

---

⁶ См., например: Report Of The Scientific Advisory Board At Its Twenty-Fourth Session 25–28 October 2016 // Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons [official website]. URL: https://www.opcw.org/fileadmin/OPCW/SAB/en/sab-24-01_e_.pdf (mode of access: 03.01.2017).

тов, которые могли бы помочь в идентификации любого возможного нарушителя» (ст. 4, п. 35). И во время переговоров по КЗХО, и в процессе согласования ДВЗЯИ достичь согласия по поводу инспекций по запросу было крайне сложно.

В течение почти 20 лет вопрос о возможности проведения инспекций на месте оставался камнем преткновения на переговорах о запрещении химического оружия. До сих пор ведущие специалисты, занимающиеся историей этих переговоров, трактуют сложности в согласовании верификационных процедур с точки зрения противостояния Запада, с одной стороны, и СССР и развивающихся стран, с другой⁷. Действительно, в некоторых вопросах США и большинство стран Западной Европы придерживались иной позиции, нежели СССР, Китай, Индия и ряд развивающихся стран. В частности, камнем преткновения были вопросы о месте и времени проведения инспекций, о степени интрузивности, а также о способах обеспечения защиты конфиденциальной информации. В условиях продолжавшейся холодной войны и противостояния с Западом СССР, например, было важно не допустить использования верификационного механизма в качестве средства шпионажа, и инспекции по запросу рассматривались Советским Союзом с точки зрения возможных манипуляций. По мнению С. Б. Бацанова, работавшего в составе советской делегации на Конференции по разоружению, то, что в рамках переговоров по КЗХО стало реальным согласовать такой сложный механизм проверок, в немалой степени было связано с изменением в 1987 г. позиции СССР касательно возможности проведения выборочных инспекции на месте⁸.

Опасения участников конвенции по поводу возможных злоупотреблений в отношении запросов на инспекцию были отражены в соответствующих формулировках: «Каждое государство-участник обязано ограничивать запрос на инспекцию рамками настоящей конвенции и представлять в запросе на инспекцию всю соответствующую информацию, на основе которой возникла озабоченность относительно возможного несоблюдения настоящей конвенции, как это предусмотрено в приложении по проверке. Каждое государство-участник воздерживается от необоснованных запросов на инспекцию, заботясь о том, чтобы избегать злоупотребле-

⁷ См., например: *Spiers E. M. A History of Chemical and Biological Weapons. L. : Reaction Books, 2010. P. 157 ; Goldblat J. Arms Control : The New Guide to Negotiations and Agreements. 2002. P. 147–150.*

⁸ Интервью С. Б. Бацанова. 2016. 14 авг. // Личный архив автора.

ний. Инспекция по запросу проводится исключительно с целью установления фактов, имеющих отношение к возможному несоблюдению» (ст. 9, п. 9). Помимо этого, государство, запросившее инспекцию без должных оснований, может быть подвергнуто санкциям со стороны исполнительного совета. При рассмотрении доклада по итогам инспекции исполнительный совет должен решить, «имело ли место злоупотребление правом запроса в отношении инспекции по запросу» (ст. 9, п. 22с). В случае, если это так, «исполнительный совет рассматривает вопрос о том, должно ли запрашивающее государство-участник нести какие-либо финансовые последствия в связи с инспекцией по запросу» (ст. 9, п. 23).

Вопросы защиты чувствительной информации и того, какая информация может приниматься во внимание при рассмотрении отчета о проведении инспекции по запросу, оговариваются непосредственно в основном тексте КЗХО и в двух ее приложениях – в приложении по осуществлению и проверке (далее – прил. по проверке) и приложении по защите конфиденциальной информации (далее – прил. по конфиденциальности). Согласно приложению по проверке, при проведении инспекции по запросу инспекторы должны использовать «только такие методы, которые необходимы для установления достаточных, имеющих отношение к делу фактов с целью прояснения озабоченности относительно возможного несоблюдения» конвенции. Инспекционная группа не должна стремиться получить доступ и зафиксировать информацию, «которая явно не связана» с целью проверки. Более того, «любой собранный материал, который впоследствии будет сочтен не относящимся к делу», не подлежит сохранению (прил. по проверке, ч. 10, разд. С, п. 44).

Доклад о проведенной инспекции по запросу, который инспекционная группа представляет генеральному директору технического секретариата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), должен содержать лишь ту информацию, которая имеет прямое отношение к соблюдению конвенции (прил. по проверке, п. 17). Инспектируемое государство имеет возможность ознакомиться с текстом доклада прежде, чем он будет передан для рассмотрения исполнительным советом ОЗХО. В случае, если inspected государство выявило какую-либо информацию, которая, по его мнению, не должна циркулировать за рамками технического секретариата, оно может обратиться в этот орган с просьбой о внесении изменений в итоговый доклад (прил. по проверке, ч. 10, разд. D, п. 59–61).

При обсуждении проекта ДВЗЯИ вопрос о режиме инспекций вызывал особые затруднения в течение 1994–1996 гг.⁹ К лету 1996 г., когда переговоры по ДВЗЯИ близились к завершению, раздел по процедуре инспекций все еще не был разработан. Уже были согласованы многие принципиальные вопросы, включая процедуру использования и структуру Международной системы мониторинга, а также порядок функционирования Международного центра данных. Но обсуждение конкретики касательно типов и мандата инспекций откладывалось. Страны тянули до последнего, поскольку это был очень чувствительный вопрос¹⁰. Вместе с тем государства – участники переговоров вынуждены были спешить с согласованием итогового варианта, потому что было важно включить сообщение об успешном завершении работы над ДВЗЯИ в ежегодный отчет Конференции по разоружению, представляемый Генеральной ассамблеей ООН. Кроме того, обязательство в кратчайшие сроки согласовать ДВЗЯИ было включено в рекомендации заключительного коммюнике Обзорной конференции ДНЯО 1995 г. И для укрепления режима ядерного нераспространения было важно соблюсти намеченные сроки¹¹.

Причины, по которым переговоры затягивались, носили политический характер. Ряд участвовавших в переговорах стран опасались, что инспекции по запросу могут быть использованы как повод для сбора разведывательной информации. В то же время обвинения или подозрения в подобных намерениях сами по себе могли вызвать дипломатические осложнения. Помимо этого, участники переговоров имели различные позиции по вопросу о типе информации, которую государство, запрашивающее инспекцию, может использовать в качестве основания для запроса. Группа стран во главе с США полагала, что следует разрешить использование данных национальных технических средств контроля для обоснования запроса на инспекцию. Китай, Индия, Пакистан и другие участники переговоров, которые располагали развитыми национальными техническими средствами, опасались, что страны с более высоким уровнем научно-технического развития смогут обернуть свое технологическое преимущество против своих оппо-

⁹ Ramaker J., Mackby J. et al. The Final Test : A History of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Negotiations. P. 135–167.

¹⁰ Hansen K. The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty : An Insider's Perspective. Stanford Univ. Press, 2006. P. 34–35.

¹¹ Ibid. C. 38.

нентов и будут использовать механизм инспекций по запросу в качестве средства политического шантажа¹².

В итоге в тексте ДВЗЯИ была зафиксирована формула, которая отражала позицию США: «никакому государству-участнику не воспрещается использовать информацию, получаемую национальными техническими средствами контроля» (ст. 4, разд. А, п. 5), и «запрос относительно инспекции на месте основывается на информации, собранной Международной системой мониторинга, на любой соответствующей технической информации, полученной национальными техническими средствами контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права, или на их сочетании» (ст. 4, разд. D, п. 37).

Касательно защиты конфиденциальной информации в ДВЗЯИ говорится, что «каждое государство-участник имеет право принимать меры... по предотвращению разглашения конфиденциальной информации и данных, не имеющих отношения к договору» (ст. 4, разд. А, п. 7). Как и в КЗХО, в ДВЗЯИ упоминается право инспектируемого государства знакомиться с результатами работы инспекционной группы и «оставлять у себя любые фотоснимки или их части, на которых изображены чувствительные площадки, не имеющие отношения к цели инспекции» (Протокол к ДВЗЯИ, часть 2, разд. Е, п. 61e). Во время проведения инспекции на месте, согласно ДВЗЯИ, инспекционная группа обязана «воздерживаться от деятельности, не имеющей отношения к цели инспекции», должна собирать и документировать «факты, которые имеют отношение к цели инспекции», и не должна стремиться получить или документировать «информацию, которая явно не имеет отношения к цели инспекции» (там же, п. 60e).

Опыт КЗХО был учтен и при разработке формулировок, которые отражали озабоченность переговорщиков по поводу возможных злоупотреблений правом запрашивать инспекции на месте. Затрагивающие этот вопрос положения ДВЗЯИ сформулированы более жестко, чем в КЗХО. ДВЗЯИ гласит: «Каждое государство-участник воздерживается от любого злоупотребления правом на контроль» (ст. 4, разд. А, п. 2), и «запрашивающее государство-участник воздерживается от необоснованных или недобросовестных запросов относительно инспекций» (ст. 4, разд. D, п. 36). Если же исполнительный совет решает, что запрашива-

---

¹² Hansen K. The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty: An Insider's Perspective. P. 35.

ющее инспекцию государство злоупотребило своим правом, и «запрос относительно инспекции на месте является надуманным или необоснованным», то запросившее инспекцию государство-участник может быть подвергнуто финансовым и процедурным санкциям. Во-первых, оно должно будет компенсировать расходы, которые понес технический секретариат в связи с приготовлением к началу инспекции. Во-вторых, исполнительный совет может приостановить его права запрашивать инспекции на месте и входить в свой состав на такие сроки, которые сочтет целесообразными (ст. 4, разд. D, п. 67).

Пойдя на уступку в вопросе о возможности использования данных национальных технических средств контроля, оппоненты США заняли более жесткую позицию при обсуждении вопроса о процедуре принятия решения о начале инспекции по запросу. Во время переговоров по процедуре начала инспекции по запросу в режиме ДВЗЯИ в качестве образца была взята соответствующая процедура КЗХО. Однако в итоге в исходную формулировку были внесены небольшие изменения, которые на проверку оказались весьма существенными. Сравним соответствующие статьи КЗХО и ДВЗЯИ.

Процедуры принятия решения о начале инспекции на месте, проводимой по запросу

Подчеркнем: и КЗХО, и ДВЗЯИ содержат положения, поощряющие государства использовать различные процедуры консультаций и обмена информацией прежде, чем прибегать к процедуре запроса инспекции на месте. При подаче запросов о разъяснении исполнительный совет ОЗХО выступает в роли посредника между запрашиваемым государством и тем государством, действия которого вызвали озабоченность по поводу несоблюдения конвенции.

От момента первичного обращения за разъяснениями до момента оформления официального запроса на инспекцию, который направляется генеральному директору, может пройти максимум 60 дней (КЗХО, ст. 9, п. 7). В Протоколе к ДВЗЯИ оговорено, что к запросу об инспекции на месте запрашивающее государство, помимо прочего, должно приложить «результаты процесса консультаций и разъяснений в соответствии со ст. 4 или, в соответствующих случаях, объяснение причин, по которым такой процесс консультаций и разъяснений не был проведен» (Протокол к ДВЗЯИ, ч. 2, разд. C, п. 41h). Если запрашивающее государство обращается к друго-

му государству-участнику за разъяснениями, то последнее должно отреагировать на запрос не позднее чем через 48 часов. Если к процедуре разъяснений и консультаций подключен исполнительный совет, то обязательство запрашиваемого государства отреагировать в течение двух суток остается неизменным, но добавляется еще 48 часов на то, чтобы исполнительный совет через генерального директора препроводил запрос запрашиваемому государству, а после получения ответа – принял к сведению ответ и препроводил его запрашивающему государству (ДВЗЯИ, ст. 4, разд. С п. 32 с, d).

Таким образом, максимальное время для обмена информацией перед подачей запроса на инспекцию в ДВЗЯИ может составить 96 часов. Если страны прибегают к процедуре разъяснений при посредничестве ОДВЗЯИ, то запрашиваемое государство должно отреагировать на запрос не позднее чем через 48 часов после получения запроса (там же, п. 30). Нетрудно подсчитать, что максимальное время, через которое исполнительный совет ОДВЗЯИ должен проголосовать, дать ли «зеленый свет» инспекции на месте, составит 192 часа, или восемь суток. В целом до момента, предшествующего финальному голосованию по вопросу о начале инспекции на месте в КЗХО, предусмотрено больше времени для разъяснения ситуации, сбора дополнительной информации и согласования позиций, чем в ДВЗЯИ (максимум 60 дней против максимально возможных восьми суток).

Обратимся к самой процедуре голосования. В п. 17 ст. 9 КЗХО говорится, что «не позднее чем через 12 часов после получения запроса на инспекцию исполнительный совет может большинством в три четверти голосов всех его членов принять решение о непроведении инспекции по запросу, если он сочтет, что запрос на инспекцию является надуманным, недобросовестным или явно выходящим за рамки настоящей конвенции». Эта формула среди дипломатов получила условное название «красный свет». И именно за такой вариант выступали США, Великобритания и Франция при обсуждении процедуры голосования по поводу проведения инспекции на месте для проверки выполнения государством обязательств по ДВЗЯИ. Однако страны, недовольные характером формулировки об информации, на которой может быть основан запрос на проверку, продвигали другой вариант. Эта альтернативная концепция среди дипломатов получила название «зеленый свет»: члены исполнительного совета ОДВЗЯИ должны голосовать по вопросу о целесообразности проведения инспекции. Такой вариант казался

более предпочтительным Китаю, Индии, Пакистану, Израилу и России. В ходе переговоров перевес оказался на стороне тех, кто выступали за вариант голосования по поводу того, давать ли «зеленый свет» инспекции. Соответствующий пункт ДВЗЯИ гласит: «Решение об одобрении инспекции на месте принимается по крайней мере 30 голосами за членов исполнительного совета. Если исполнительный совет не одобряет инспекцию, то приготовления прекращаются, и никакие дальнейшие действия по запросу не предпринимаются» (ст. 4, разд. D, п. 46).

Теперь сравним временные промежутки, отводящиеся на проведение голосования после того, как официальный запрос на инспекцию на месте получен техническим секретариатом ОДВЗЯИ или ОЗХО. Казалось бы, ДВЗЯИ отводит немало времени членам исполнительного совета для согласования своих позиций перед началом голосования: Исполнительный совет должен проголосовать не позже, чем через 96 часов после получения запроса на инспекцию на месте (ст. 4, разд. D, п. 46). По сравнению с КЗХО, это в восемь раз больше: Исполнительный совет ОЗХО должен голосовать по поводу непроведения инспекции не позднее чем через 12 часов после получения запроса (ст. 9, п. 17). Таким образом, за короткий период времени странам, не имеющим ресурсов для сколачивания коалиций, набрать необходимое количество голосов в поддержку «зеленого света» будет непросто.

* * *

Любой международный договор – это результат длительного многоуровневого торга. При разработке ДВЗЯИ был учтен опыт большого количества соглашений в области контроля над вооружениями. Идея инспекций по запросу, реализованная в КЗХО, была использована при разработке верификационного механизма ДВЗЯИ. Процедура проведения инспекций по запросу проработана в ДВЗЯИ не менее детально, чем в КЗХО. Однако незначительные изменения в формулировке, описывающей процедуру принятия решения о начале инспекции по запросу, делают результаты голосования Исполнительного совета ОДВЗЯИ более уязвимыми. Много зависит от того, давлению какой силы подвергнутся те члены Исполнительного совета, которые будут выступать за проведение

инспекции. В целом предмет ДВЗЯИ таков, что в процессе согласования позиций перед итоговым голосованием Исполнительного совета можно больше времени потратить на споры. Кроме того, большая роль принадлежит данным, предоставляемым Международным центром данных и национальными средствами контроля. Итоги инспекции на месте по запросу важны скорее с точки зрения процедуры вынесения решения о факте нарушения: без инспекции на месте невозможно будет сформировать окончательное суждение по этому вопросу. Вместе с тем, информации, полученной от Международного центра данных и национальных средств контроля, может быть достаточно, чтобы иметь вполне четкое представление о характере события, которое привлекло внимание международного сообщества. В КЗХО ситуация сложнее. Без сбора проб на месте однозначно судить о характере произошедшего события будет затруднительно.

Международные многосторонние и двусторонние соглашения в области ограничения ядерных испытаний внесли важный вклад в процесс отработки тех элементов, которые позже легли в основу режима верификации ДВЗЯИ. Задача запрещения ядерных испытаний оставалась на повестке дня мировой политики в течение нескольких десятилетий, но порой от этой цели отходили в сторону обсуждения более частных вопросов.

Разработке таких комплексных и в то же время сбалансированных верификационных механизмов, какие мы видим в КЗХО и ДВЗЯИ, предшествовала масштабная техническая работа с привлечением широкого круга ученых и инженеров. С этой точки зрения история переговоров по КЗХО и ДВЗЯИ является ценным эмпирическим материалом для изучения роли эпистемического сообщества в развитии международных режимов контроля над вооружениями.

Переговоры по вопросу инспекций на месте в ДВЗЯИ не вели к окончательному результату вплоть до их заключительного этапа. Редактирование итогового варианта и окончательное оформление процедуры откладывалось, так как это был самый чувствительный вопрос. В целом верификационные механизмы КЗХО и ДВЗЯИ из всех существующих многосторонних режимов контроля над вооружениями остаются наиболее детально проработанными. То, почему и как после окончания холодной войны стало возможно разработать такие комплексные системы контроля, заслуживает особого внимания. Теорию режимов,

основоположниками которой принято считать Дж. Рагги¹³, С. Краснера¹⁴ и О. Янга¹⁵, критикуют за то, что она учитывает в основном удачный опыт функционирования режимов¹⁶. В то же время проблема жизненного цикла международного режима изучена недостаточно. К примеру, считать ли то, что ДВЗЯИ до сих пор не ратифицирован, доказательством несостоятельности режима всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний, и какие критерии можно применять для оценки эффективности функционирования международного режима? Дальнейшее изучение режимов ДВЗЯИ и КЗХО будет полезно для решения проблемы определения международного режима как научного понятия.

---

¹³ *Ruggie J. G. International Responses to Technology : Concepts and Trends // Intern. Organization. 1975. № 3 (29). P. 558–569.*

¹⁴ *International Regimes / ed. by S. D. Krasner. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1983.*

¹⁵ *Young O. International regimes: toward a new theory of institutions // Theories of International Relations / ed. By S. Chan, C. Moore. L. : Sage Publ., 2006.*

¹⁶ См., например: *Современные теории международных отношений / под ред. В. Н. Коньшева, А. А. Сергунина. М. : РГ-Пресс, 2013. С. 141.*

Часть 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРАСТРОНЕНИЯ

Глава 5

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ «ПЕТЛЯ МЁБИУСА»: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ЯДЕРНОГО ТУПИКА

Г. Н. Валиахметова

Без продвижения вперед

Ближний Восток является регионом с наиболее высокой концентрацией угроз распространения ядерного оружия. В этой части света не только уже нарушен режим ДНЯО, но и имеется целый комплекс факторов, способствующих его дальнейшему ослаблению. Прежде всего речь идет о традиционно высоком конфликтном потенциале Ближнего Востока, многократно усиленном обрушением архитектуры глобальной и региональной безопасности в эпоху постбиполярного мира. Размороженные с окончанием холодной войны этноконфессиональные, внутри- и межгосударственные конфликты, военные кампании США и их союзников в Афганистане, Ираке и Ливии, «арабское пробуждение» привели к тектоническим сдвигам в политическом ландшафте региона. Их результатом стали многочисленные вооруженные столкновения, распад ряда государств, образование «серых зон» и усиление позиций транснационального религиозного экстремизма. Тупиковый характер приоб-

рел палестино-израильский конфликт – наиболее длительный и острый региональный конфликт в истории международных отношений второй половины XX – XXI в. Нарушение сложившегося в регионе баланса сил спровоцировало новый виток борьбы за лидерство между ближневосточными государствами при возрастающей активности внерегиональных (прежде всего глобальных) игроков, для которых Ближний Восток остается средоточием геополитических интересов.

В данных условиях исключительную актуальность приобретает военно-политическая (в том числе ядерная) составляющая обеспечения международной и национальной безопасности. Сегодня Ближний Восток находится в авангарде модернизации вооруженных сил, а по темпам наращивания военного потенциала уступает лишь Африке¹. В регионе имеется ядерная держава «по умолчанию», официально не признанная и остающаяся вне ДНЯО, – государство Израиль. Ядерные арсеналы также размещены на территориях военных баз НАТО в Турции. Ряд ближневосточных стран либо имели военные ядерные программы в прошлом, либо располагают технико-технологическим потенциалом для создания ядерного оружия.

Эксперты выделяют три типа традиционных угроз режиму ядерного нераспространения на Ближнем Востоке. Под первым понимается латентное распространение, когда государство – участник ДНЯО либо тайно разрабатывает военные ядерные программы, либо легально развивает «мирный» атом с использованием внешней помощи, что объективно формирует условия для создания ядерного оружия. Угрозы второго типа предполагают либо помощь ядерных держав («легитимных» и «нелегитимных») другим странам в нелегальной разработке ядерного оружия и средств его доставки, либо возможности для государств или негосударственных (в том числе антисистемных) акторов покупки или похищения материалов и технологий у частных компаний или с плохо охраняемых государственных складов. Угрозы третьего типа формируются в рамках сотрудничества государств с разным технологическим уровнем; такое сотрудничество в том числе может быть нацелено на обмен опытом в сфере развития военных ядерных программ и преодоление отставания в технологиях друг друга².

¹ SIPRI Military Expenditures Database 2015 [official website]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (mode of access: 16.05.2015).

² Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке / под ред. А. Арбатова и В. Наумкина. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. С. 8.

Действенным механизмом сдерживания трех типов указанных угроз считается создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Этот вопрос обозначился в международной повестке дня в 1958 г., а первые практические шаги по реализации этой идеи были предприняты в 1974 г., когда по инициативе Ирана и Египта Генеральная Ассамблея ООН приняла соответствующую резолюцию. Однако до сих пор, несмотря на ежегодные призывы Женевы к укреплению режима ядерного нераспространения в регионе, переговорный процесс далек от завершения ввиду того, что между ближневосточными государствами и членами СБ ООН по-прежнему нет согласия относительно содержания и механизмов осуществления подобного соглашения. Анализ итогов Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. свидетельствует о том, что на Ближнем Востоке не только отсутствует прогресс по созданию ЗСЯО, но ближневосточная ядерная проблематика выходит за рамки региона, порождая новые вызовы глобальному режиму ядерного нераспространения³.

Авторитетный российский востоковед В. В. Наумкин однажды сравнил арабо/палестинско-израильское урегулирование с «петлей Мёбиуса»⁴: «Это символ бесконечности: откуда бы вы ни начали по ней движение, будете двигаться вечно. Если не надоеет бессмысленное движение и не иссякнут силы. Похоже, эта модель наилучшим образом характеризует то, что сегодня происходит в ближневосточном урегулировании. Бесконечный процесс со своими взлетами и падениями, но без продвижения вперед»⁵.

На наш взгляд, указанная модель в значительной степени характеризует и многолетние усилия мирового сообщества по достижению согласия в ближневосточном ядерном вопросе. Подобный подход также позволяет выявить причины перманентного ухудшения ситуации в регионе в течение последних 70 лет. Как и в случае с палестинско-израильской проблематикой, всевозможные воздействия на ближневосточную ядерную «петлю Мёбиуса» не только

³ Баклицкий А. Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения // Индекс безопасности. 2015. № 2. С. 26–40.

⁴ Лента (петля) Мёбиуса – объект изучения топологии (раздел математики), исследующей общие свойства фигур, сохраняющихся при непрерывных преобразованиях. Для ее изготовления необходимо склеить концы бумажной полоски, предварительно перевернув один из них. Особенности ленты Мёбиуса являются наличие всего одной стороны, непрерывность, связность (двухмерность), отсутствие ориентированности и др.

⁵ Наумкин В. В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2011. С. 173.

не разрушают свойств последней, но и приводят к ее многократному дублированию и усложнению, порождая новые топологические феномены в и без того сложном геополитическом пространстве Ближнего Востока. В условиях, когда задача не решается даже на высшем абстрактном уровне, возможно, следует ставить вопрос не столько о путях выхода из ближневосточного ядерного тупика, сколько о методах выявления, нейтрализации и устранения факторов, которые затягивают в поле действия «петли» новых геополитических игроков и способствуют ее усложнению и закручиванию. Данная глава монографии является попыткой осветить ряд аспектов ближневосточного ядерного урегулирования в рамках указанной модели.

Двойные стандарты

Довольно часто главным камнем преткновения в создании ЗСЯО на Ближнем Востоке эксперты называют Израиль с его особым положением в глобальной системе ядерного нераспространения. Действительно, Тель-Авив официально не подтверждает, но и не опровергает того, что располагает ядерными боезарядами (количество которых, по различным оценкам, варьируется в пределах 80–200) и средствами их доставки. Хотя страна никогда не проводила натурных ядерных испытаний, она занимает шестое место в мире среди ядерных держав после членов «ядерного клуба» – США, России, Великобритании, Франции и Китая. При сохранении членства в МАГАТЭ Израиль продолжает уклоняться от присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства и к международным соглашениям о контроле за ядерным экспортом, не ратифицирует уже подписанные им ДВЗЯИ и Конвенцию о физической защите ядерного материала, не поддерживает идею Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ) и инициативы по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Вместе с тем следует признать, что ставка на ядерное оружие в качестве гаранта «выживаемости» страны при самых неблагоприятных сценариях развития военно-политической ситуации в регионе, а также в целом высокая степень милитаризации Израиля (на протяжении многих лет страна удерживает прочное лидерство в Глобальном индексе милитаризации⁶) имеют до-

⁶ Global Militarization Index 2015 // Bonn International Center for Conversation [official website]. URL: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/GMI_2015_EN_2015.pdf (mode of access: 29.06.2015).

вольно веские причины и обусловлены исторически. С первых дней своего существования Израиль находится в окружении недружественных или открыто враждебных государств, и за свою относительно короткую историю страна неоднократно оказывалась в чрезвычайной ситуации без внешней поддержки, в положении, когда «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Возрастающая военная мощь молодого государства стала одним из ключевых факторов, определивших выбор Израиля в качестве главной точки опоры США в этом стратегически важном регионе, стремительно погружавшемся в реалии биполярного мира. Вполне естественно, что уже к началу 1970-х гг. Израиль стал региональной ядерной державой с молчаливого согласия, а в ряде случаях и при прямой поддержке США и их геополитических союзников. Как известно, в развитие военной ядерной программы страны были неофициально вовлечены представители политических, деловых и научных кругов Франции, США, Великобритании, ФРГ, ЮАР, Норвегии, Аргентины и ряда других стран, а ее опекуном и спонсором выступил Вашингтон, главный поборник ядерного нераспространения⁷. Двойные стандарты не утратили своей актуальности в условиях постбиполярной эпохи и нового расклада сил на ближневосточной арене⁸.

Несмотря на очевидный вызов Израиля глобальному режиму ядерного нераспространения, в ООН даже не ставится вопрос о введении против него каких-либо санкций. Более того, мировое сообщество априори соглашается с де-факто взятой на себя Израилем ролью блюстителя «ядерной чистоты» в регионе и оставляет без ответа действия Тель-Авива, расшатывающие не только режим ДНЯО, но также систему международного права и принципы государственного суверенитета. Наиболее показательными примерами могут служить факты уничтожения в ходе воздушных налетов еще не загруженного ядерным топливом научно-исследовательского реактора в Ираке (1981) и предполагаемого ядерного реактора в Сирии (2007). В ходе операций предположительно из-

⁷ Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке. С. 10–15.

⁸ Middle East: The Main Trends // Valdai Club [official website]. Valdai Paper Special Issue, 2016 URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/middle-east-the-main-trends/> (mode of access: 15.04.2016) ; Middle East Instability and the Decline of The Westphalian System Stability // Valdai Club : [official website] Valdai Report. Sept. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/reports/report-middle-east-instability-and-the-decline-of/> (mode of access: 15.10.2016).

раильских спецслужб по физической ликвидации иранских ученых-ядерщиков существенный урон был нанесен научно-техническому потенциалу Ирана⁹.

Ситуация с ядерным арсеналом Израиля резко контрастирует с позицией США и их союзников по вопросу о ядерных амбициях Ирана, который, в отличие от Израиля, является участником ДНЯО. Тегеран официально разрабатывает программы «мирного атома» с середины 1970-х гг. под контролем МАГАТЭ и при поддержке ведущих поставщиков ядерных технологий – сначала США и ряда стран Европы, затем – России, оказавшей внушительную помощь при строительстве АЭС в Бушере, пока единственной в стране. В отличие от КНДР, Иран отрицает наличие у него военных ядерных программ, у МАГАТЭ нет веских доказательств обратного. Теоретически у Ирана имеется возможность повторить путь КНДР – выйти из ДНЯО и открыто приступить к созданию ядерного оружия. «Но то же теоретически относится к целому ряду неядерных стран – членов ДНЯО, имеющих комплексы обогащения урана и сепарации плутония (Японии, ФРГ, Нидерландам, Аргентине, Бразилии), – считают российские эксперты. – Они, тем не менее, не находятся под подозрением и не испытывают международного давления»¹⁰.

Суть иранской ядерной проблемы состоит не столько в праве Ирана осваивать ядерные технологии в мирных целях, сколько в недоверии части международного сообщества, прежде всего в лице США, Израиля и аравийских монархий, к региональным амбициям Тегерана¹¹. Это недоверие усилилось в период президентства М. Ахмадинежада (2005–2013) с его открытой антиизраильской риторикой и призывами к усилению противодействия американской политике на Ближнем Востоке. Уверенная заявка Ирана на региональное лидерство вынудила Вашингтон перейти к активным действиям и убедить в иранской ядерной угрозе не только своих партне-

⁹ Иванов С. Кто и как мешает созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия? // Иран.ру. 07.08.2013. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/89204/Kto_i_kak_meshaet_sozdaniyu_na_Blizhnem_Vostoke_zony_svobodnoy_ot_yadernogo_oruzhiya (дата обращения: 23.08.2016).

¹⁰ Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке. С. 5.

¹¹ Там же ; Малащенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М. : Моск. центр Карнеги ; Весь мир, 2006. С. 113.

ров по НАТО, но и большинство лидеров арабских стран, все-речь опасаящихся формирования «шиитского полумесяца» на арабских землях. Масштабная антииранская кампания в немалой степени позволила Белому дому убедить Совет Безопасности ООН в целесообразности принятия целого ряда резолюций дискриминационного характера в отношении Тегерана, а также ввести в действие множество односторонних ограничительных санкций.

Ближний Восток и киберобогащение глобальных ядерных угроз

Давление на Иран также было оказано в форме развернутой против него масштабной кибервойны, которая в итоге вышла далеко за рамки Ближнего Востока и способствовала киберобогащению проблемы ядерного нераспространения на региональном и глобальном уровнях.

Летом 2010 г. в компьютерных системах Ирана был обнаружен вирус *Stuxnet*, который вывел из строя порядка 1 тыс. центрифуг на заводе по обогащению урана в Натанзе и поставил под угрозу работу реактора на АЭС в Бушере. Специалисты «Лаборатории Касперского», *Symantec*, *ISSSource* и ряда других авторитетных IT-корпораций считают, что *Stuxnet* был изначально нацелен на срыв ядерной программы Ирана и является совместной разработкой спецслужб США и Израиля, которые действовали в тесном сотрудничестве с АНБ США¹².

Stuxnet считается первым образцом кибероружия, нацеленного против крупных промышленных объектов и обладающего колоссальным разрушительным потенциалом, по мощи схожим с ОМУ. Произведенный им разрушительный эффект часто сравнивают с последствиями японской атаки на Перл-Харбор и ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Угроза повторения подобных инцидентов на других ядерных объектах и предприятиях кри-

---

¹² Компании Kaspersky Lab и Symantec опубликовали подробности хакерской атаки на ядерные объекты Ирана // SecurityLab [официальный сайт]. 12.11.2014. URL: <http://www.securitylab.ru/news/461769.php> (дата обращения: 15.01.2016) ; Stuxnet Loaded by Iran Double Agent // ISSSource [official website]. Apr. 11, 2012. URL: [http://www.issource.com/stuxnet-loaded-by-iran-double-agents/\(mode of access: 15.01.2016\)](http://www.issource.com/stuxnet-loaded-by-iran-double-agents/(mode%20of%20access%3A%2015.01.2016)) ; Вирус Stuxnet нанес сокрушительный удар по ядерной программе Ирана // SecurityLab [официальный сайт]. 16.12.2010. URL: <http://www.securitylab.ru/news/402905.php> (дата обращения: 15.01.2016).

тической инфраструктуры мира поставила в международную повестку дня вопрос их киберзащиты¹³.

Многочисленные кибернападения на Иран в 2010–2013 гг., кроме того, положили начало холодной кибервойне, в которой отсутствуют сдерживающие факторы, присущие реальной войне, а в эпицентр боевых действий попадают критические инфраструктурные предприятия и компании, в том числе организации, занимающиеся ядерными исследованиями, а также государственные и военные секреты враждующих стран и их союзников. Сегодня эксперты выделяют три группы киберугроз, имеющих далеко идущие политические последствия, в лице программ, нацеленных на разрушение (*Wiper*, *Narilam*), шпионаж (*Flame*, *Gauss*, *Duqu*, *miniFlame*) и диверсии (*Stuxnet*). Все они впервые были апробированы на киберпространстве Ирана, а их авторство преимущественно приписывают США и Израилю¹⁴.

В ответ на новый вызов Иран был вынужден форсированными темпами выстраивать систему национальной кибербезопасности. В 2011–2016 гг. Ирану было приписано исполнение сотен целевых кибератак и проведение крупных шпионских киберопераций не только в США, Израиле и на Ближнем Востоке, но также в десятках стран Европы, Восточной и Южной Азии. В число мишеней попали объекты критической инфраструктуры, в том числе ядерной. Географический и целевой размах подобных операций, а также уровень их исполнения позволили американским и израильским IT-экспертам причислить Иран к кибердержавам первого уровня (наравне с США, Израилем, Великобританией, Китаем и Россией) и, соответственно, к ключевым игрокам глобального киберпротивостояния¹⁵.

¹³ Futter A. Nuclear Weapons In The Cyber Age : New Challenges For Security, Strategy And Stability // Valdai Club [official website]. Valdai Paper #56, Sept. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-56-nuclear-weapons-in-the-cyber-age-n/> (mode of access: 5.10.2016) ; Симоненко М. Stuxnet и ядерное обогащение режима международной информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 233–248 ; Пискунова Н. Кибербезопасность и атомная энергетика: все еще впереди // Индекс безопасности. 2014. № 1 (108). С. 137–140.

¹⁴ Kaspersky Security Bulletin 2013. URL: <https://securelist.ru/analysis/ksb/19140/kaspersky-security-bulletin-2013-razvitie-ugroz-v-2013-godu/> (mode of access: 10.01.2016) ; Futter A. Nuclear Weapons In The Cyber Age.

¹⁵ Cyberthreat Posed by China and Iran Confounds White House // The New York Times. Sept. 15, 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/09/16/world/asia/cyberthreat-posed-by-china-and-iran-confounds-white-house.html?_r=0 (mode of access: 29.01.2016) ; Cylance operation Cleaver Report, Dec. 2014. URL: http://cdn2.hubspot.net/hubfs/270968/assets/Cleaver/Cylance_Operation_Cleaver_Report.pdf (mode of access: 5.01.2016) ; Developments in Iranian Cyber Warfare 2013–2014 // Inst. for National Security Studies. Tel-Aviv, Aug. 2014. URL: <http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/SiboniKronenfeld.pdf> (mode of access: 17.01.2016).

В этой связи западных оппонентов Тегерана весьма тревожит подписанное Ираном с Северной Кореей в сентябре 2012 г. обширное соглашение о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающее в том числе объединение усилий двух стран в борьбе с «общим врагом в цифровом пространстве»¹⁶.

Киберфактор многократно усиливает конфликтный потенциал и без того турбулентного Ближнего Востока, где, как известно, на сегодняшний день имеется достаточно много ядерных объектов энергетического и научно-исследовательского характера, а также объекты ядерного топливного цикла¹⁷. Нарастающее противостояние на киберпространстве региона значительно усложняет его ядерную проблематику, порождая новые препятствия на пути к созданию ЗСЯО в этой части света.

Ядерный компромисс с Ираном

Как и в случае с ядерным арсеналом Израиля, проблема военных ядерных программ Ирана имеет весьма неоднозначный характер и тесно связана с раскладом сил на мировой и региональной аренах. Наличие ядерного оружия позволяет Ирану повысить свой международный статус, региональный вес и авторитет в мусульманском мире. Развитие мирного атома объективно подвело страну к «ядерному порогу»¹⁸. Кроме того, следствием освоения Ираном ядерных технологий уже стал эффект ближневосточного «атомного домино»: завершилась эпоха в несколько десятилетий, когда страны Большого Ближнего Востока пассивно наблюдали за продвижением ядерных программ Израиля, Индии и Пакистана. Развитие ядерной сферы стало национальным приоритетом Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Алжира; намерение развивать атомную энергетику выражали или выражают Сирия, Ирак, Иордания, Ливан, Кувейт, Бахрейн, Йемен, Ливия, Тунис и Марокко. Даже если все они в настоящий момент намерены развивать именно

---

¹⁶ Iran and North Korea Sign Technology Treaty to Combat Hostile Malware // V3.CO.UK. Sept. 3, 2012. URL: <http://www.v3.co.uk/v3-uk/news/2202493/iran-and-north-korea-sign-technology-treaty-to-combat-hostile-malware#> (mode of access: 28.01.2016).

¹⁷ Prospects for Nuclear Power in the Middle East: Russia's Interests // Valdai Club [official website]. Report. Jan. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/reports/prospects-for-nuclear-power-in-the-middle-east-russia-s-interests/> (mode of access: 2.02.2016)

¹⁸ Малащенко А. В. Исламская альтернатива. С. 113 ; Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке. С. 5.

«мирный атом», появление в перспективе у Ирана ядерного оружия может спровоцировать работы над ним у целого ряда стран. И хотя предположительно ядерные арсеналы их будут невелики и примитивны, они обеспечат им иммунитет против вмешательства извне; это будет означать, что вероятность применения ядерного оружия в конфликтах между ними значительно повысится¹⁹.

Иными словами, превращение Ирана в ядерную державу будет означать не только очередное нарушение духа и буквы ДНЯО, как в случае с Индией, Пакистаном и КНДР. Появление на Ближнем Востоке нового ядерного игрока вне сферы контроля мирового правопорядка нарушит и без того хрупкий ядерный баланс в регионе и с высокой долей вероятности подтолкнет целый ряд ближневосточных стран к созданию собственного ядерного арсенала в рамках запуска национальных ядерных программ либо незаконных ядерных сделок с третьими странами. Подобные намеки уже неоднократно звучали в заявлениях, например, отдельных представителей политической элиты Саудовской Аравии²⁰.

Тем не менее, новая Доктрина национальной безопасности США, обнародованная Б. Обамой 6 февраля 2015 г., фактически подтвердила готовность Вашингтона и в дальнейшем содействовать гонке вооружений на Ближнем Востоке во имя укрепления военной мощи своих региональных союзников. «Долговременная стабильность требует не только использования и присутствия американских вооруженных сил, – указано в этом документе. – Нужно, чтобы наши партнеры могли сами себя защитить. Вот почему мы вкладываем средства в обеспечение способности Израиля, Иордании и наших партнеров в Персидском заливе дать отпор любой агрессии, поддерживая нашу непоколебимую приверженность безопасности Израиля, включая качественное превосходство его вооружений»²¹.

В этой связи следует отметить, что за последнее десятилетие процесс перевооружения на Ближнем Востоке приобрел весьма внушительные масштабы. В числе самых военизированных

¹⁹ Сатановский Е. Я. Россия и Ближний Восток: котел с неприятностями. М. : Эксмо, 2012. С. 305–313.

²⁰ Iran nuclear talks: Prospect of deal with Iran pushes Saudi Arabia and Israel into an unlikely alliance. Netanyahu lines up with Saudis' Sunni bloc against 'expansionist' Iran // Independent. March 31, 2015. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/politics/iran-nuclear-talks-prospect-of-deal-with-iran-pushes-saudi-arabia-and-israel-into-an-unlikely-10145019.html> (mode of access: 17.01.2016).

²¹ National Security Strategy // The White House [official website]. Washington, Febr. 2015. P. 26. URL: http://www.voltairenet.org/IMG/pdf/2015_National_Security_Strategy-5.pdf (mode of access: 17.03.2016).

стран региона – Турция, Израиль, Египет, Иран и Саудовская Аравия. Тройку мировых лидеров по удельному весу военных затрат в общих расходах госбюджета формируют арабские страны Персидского залива – Королевство Саудовская Аравия (25,9 %), Оман (25,3 %) и ОАЭ (23,9 %) ²². Три страны – КСА, ОАЭ и Турция – входят в мировую десятку крупнейших импортеров оружия. Главными поставщиками вооружений в этот конфликтный регион в XXI в. остаются США (67 %), Россия (12 %) и Великобритания (10 %) ²³. Новый виток гонки вооружений на Ближнем Востоке является наглядным примером политики двойных стандартов, проводимой ведущими геополитическими игроками мира, и вынуждает усомниться в искренности их призывов к разоружению и прекращению эскалации насилия в регионе.

На этом фоне можно считать Соглашение об ограничении масштабов ядерной программы Ирана в обмен на постепенное снятие с него международных санкций, подписанное 14 июля 2015 г., лишь промежуточным результатом многолетних переговоров с Тегераном в формате «5 + 1» (члены СБ ООН и Германия). Оно скорее зафиксировало момент достижения хрупкого равновесия интересов в иранском ядерном вопросе. «Как и любой компромисс, СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы. – Г. В.) несет в себе ряд уязвимостей, – считают эксперты ПИР-Центра. – Ключевые из них: отсутствие юридических обязательств выполнять соглашение, усиливающее его зависимость от внутривнутриполитической динамики в странах-участницах, и механизм принуждения к выполнению, в результате полного применения которого сам СВПД может быть завершен. ...И Вашингтон, и Тегеран могут выйти из соглашения при определенных внутри- и внешнеполитических обстоятельствах, не связанных с выполнением другой стороной СВПД» ²⁴.

Ядерный компромисс с Ираном вполне обоснованно продолжает оставаться предметом острых дискуссий в экспертно-политических сообществах мира. С одной стороны, он в определенной мере снимает опасения по поводу военной составляющей иранской

²² SIPRI Military Expenditures Database 2015 [official website]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (mode of access: 16.05.2015).

²³ Trends in International Arms Transfers 2014 // SIPRI Fact Sheet. March 2015. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=495 (mode of access: 14.05.2015)

²⁴ Баклицкий А. Иранское ядерное соглашение: по канату без страховки // Индекс безопасности. 2015. № 4 (115). С. 56.

ядерной программы, устраняет препятствия для полной интеграции Тегерана в мировую политику и экономику и позволяет надеяться на снижение угроз международной безопасности на Ближнем Востоке. Вместе с тем стремление Ирана к нормализации отношений со всеми участниками международного сообщества не отменяет его планов по превращению в одного из региональных лидеров, и в процессе реализации данной цели Тегеран по-прежнему отводит исключительно важную роль военно-политическому фактору. Страна продолжает активно развивать программу ракет дальнего радиуса действия, что, по мнению ряда экспертов, свидетельствует о ставке властей Исламской Республики Иран на устрашение своих соседей²⁵. В этой связи отметим, что соглашение 2015 г. предусматривает отмену лишь тех международных санкций, которые вводились в отношении Ирана в рамках противодействия его ядерной программе. Но не утратили силу иные санкции США, например, введенные после захвата американского посольства в Тегеране в ноябре 1979 г., что подтвердил Б. Обама в конце 2015 г., уже после согласования СВПД. Более того, почти одновременно с отменой санкций по иранскому ядерному соглашению были введены новые санкции, связанные с ракетной программой Ирана. Тем не менее, очевидно, что отмена санкций против Ирана в рамках реализации СВПД радикально повлияет на разрушение всего санкционного режима, оживит иранскую экономику и вернет Иран в мировую экономическую систему в качестве полноправного участника²⁶.

По мнению экспертов американского фонда «Наследие», неизбежное при таком сценарии усиление финансово-экономических позиций Ирана позволит ему активизировать поддержку исламистских движений «Хизбалла» и «Хамас», режима Б. Асада в Сирии, хуситов в Йемене и шиитских общин в странах Персидского залива, а также реанимировать свою военную ядерную программу, придав тем самым новый импульс гонке вооружений в Израиле, Саудовской Аравии, Египте и Турции²⁷. Эти опасения не лишены оснований в свете того, что успех ядерных переговоров и изменение позиции США и Европы в отношении Ирана,

---

²⁵ Obama's naive offer to Iran puts US, Israel and entire Middle East at risk // The Heritage Foundation [official website]. March 16, 2015. URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2015/3/obamas-naive-offer-to-iran-puts-us-israel-and-entire-middle-east-at-risk> (mode of access: 17.07.2016).

²⁶ *Ibid.* ; Мамедова Н. М. Соглашение по ядерной программе Ирана и перспективы его реализации. С. 150–153.

²⁷ Obama's naive offer to Iran puts US, Israel and entire Middle East at risk.

без сомнения, способствовали росту его авторитета на Ближнем Востоке, что, в свою очередь, вызвало ответную реакцию противодействия со стороны ведущих региональных игроков (прежде всего в лице стран Персидского залива) и привело к новому обострению шиитско-суннитских противоречий. Помимо аравийских монархий, «ядерная сделка» с Ираном вызывает явное неприятие в Израиле (израильский президент Б. Нетаньяху назвал ее «исторической ошибкой»), подвергается сомнению в политических кругах США, вызывает серьезные опасения в Иордании и Турции.

Это означает, что выход Ирана из международной изоляции вряд ли приведет к ожидаемой разрядке на Ближнем Востоке. «Скорее всего, Израиль ужесточит свою позицию по палестинской проблеме и сделает упор на дальнейшую милитаризацию страны, – считает С. Иванов. – Монархии Персидского залива, Иордания, Турция также внесут существенные коррективы в свои военные программы, ускорят создание региональной системы ПРО под эгидой США, строительство атомных электростанций, попробуют форсировать процесс свержения режима Б. Асада в Сирии и ужесточат борьбу с силами внутренней (шиитской) оппозиции»²⁸. Развитие военно-политической ситуации на Ближнем Востоке после подписания иранского ядерного соглашения подтвердило прогноз российского эксперта.

Саудовская Аравия – новый ядерный игрок?

Пока мировое сообщество оказывало давление на Иран, требуя от него сокращения масштабов его ядерной программы, на Ближнем Востоке обнаружился новый претендент на статус ядерного игрока. 15 февраля 2016 г. саудовский аналитик Даххам аль-Анзи заявил в интервью арабской редакции телеканала *Russia Today* о том, что его страна уже в течение двух лет располагает атомными бомбами. «Это вовсе не сенсация, – подчеркнул арабский политолог. – Сверхдержавы знают об этом. Мы уже заявляли раньше, что если Иран наберется наглости объявить о собственных ядерных испытаниях, Саудовская Аравия сделает то же самое. Нет проблем». Эксперт объяснил, что приобретение ядерных вооружений Эр-Риядом мотивировано стремлением «минимизировать иран-

---

²⁸ Иванов С. Сделка по Ирану вряд ли развяжет ближневосточный узел // Новое восточное обозрение. 2015. 16 авг. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/08/16/sdelka-po-iranu-vryad-li-razvyazhet-blizhnevostochny-j-uzel/> (дата обращения: 10.07.2016).

скую угрозу в Йемене, Сирии и Леванте», а также «защитить права арабов и мусульман»²⁹.

Видеозапись интервью Д. аль-Анзи была растиражирована израильской службой MEMRI³⁰ и наделала много шума в мировых масс-медиа. Однако никто из политиков, включая саудовских, израильских и американских, эти заявления не прокомментировал, а редакция *Russia Today* удалила всю соответствующую информацию со своего сайта. Российские аналитики объясняют подобное молчание тем, что заявление саудовского политолога, близкого к принцу Мухаммаду Ибн Салману (одной из ключевых фигур в политической элите КСА, занимающему в том числе пост министра обороны), являлось скорее информационным «вбросом» с целью прозондировать реакцию международного сообщества на возможность обретения Саудовской Аравией ядерного оружия³¹. Признавая обоснованность имеющихся скептических оценок вхождения КСА в клуб ядерных держав, вряд ли следует игнорировать факт очевидной заинтересованности Эр-Рияда в приобретении ядерных вооружений.

Подозрения в том, что саудиты тайно осуществляют военную ядерную программу, зародились в 1994 г. в связи с заявлением перебежчика из КСА, который, кроме того, сообщил, что технологическая помощь стране оказывается из Китая и Ирака. Данная информация заслуживала внимания ввиду внушительных финансовых вливаний Эр-Рияда в военную ядерную программу Пакистана, а также неоднократных контактов саудовских представителей с создателем «исламской ядерной бомбы» Абдул Кадыр Ханом. Вместе с тем конкретных фактов, свидетельствующих о продвижении Саудовской Аравии к статусу ядерной державы, обнаружено не было³².

В условиях кардинальных геополитических подвижек на Ближнем Востоке в XXI в. и нарастания в регионе новых антагонизмов, прежде всего по линии КСА – Иран, Эр-Рияд всерьез озаботился

²⁹ Daham al-Anzi: Saudi Arabia Admits It Has Nuclear Bombs, MEMRI-TV, Feb. 15, 2016 // Mixed News. 24.02.2016 URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/109513/> (mode of access: 17.08.2016).

³⁰ MEMRI (The Middle East Media Research Institute) – Институт по исследованию средств массовой информации Ближнего Востока, организация, занимающаяся мониторингом ближневосточных масс-медиа со штаб-квартирой в Вашингтоне и офисами в Иерусалиме, Багдаде, Лондоне, Берлине, Шанхае и Токио.

³¹ Миграция о ядерной бомбе Саудовской Аравии: это информационный вброс // РИА-Новости [официальный сайт]. 2016. 1 марта. URL: http://ria.ru/radio_brief/20160301/1382374759.html (дата обращения: 19.08.2016).

³² Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке. С. 27.

угрозой формирования «шиитской дуги» и успешного завершения военной ядерной программы в Иране. В результате с 2011 г. саудовские власти открыто заговорили о планах по развитию атомной энергетики и намерении приобрести ядерные вооружения.

Ядерная программа позволит Саудовской Аравии решить двойную задачу: создать серьезный противовес ядерным амбициям Ирана и удовлетворить собственные растущие потребности в электричестве и пресной воде. Масштабная программа развития мирного атома в королевстве предусматривает создание к 2032 г. 16 энергетических реакторов, под нее выделен щедрый бюджет в 112 млрд долл. и сформирован Парк атомной и возобновляемой энергетики имени короля Абдуллы (KACARE), руководством которым возложено на одного из ведущих ученых страны Хашима Ямани. На сегодняшний день Саудовская Аравия уже подписала внушительный пакет соглашений о технологическом и научно-исследовательском сотрудничестве с ведущими поставщиками ядерных технологий, в числе которых США, Южная Корея, Япония, Франция, Китай, Россия, Аргентина и ряд других стран³³. Однако, в отличие от ОАЭ, где уже начато строительство крупного ядерного реактора, саудиты не спешат воплотить свои мирные атомные проекты в жизнь. В 2015 г. ключевая дата реализации долгосрочного энергетического планирования была отодвинута на восемь лет (2040 г.)³⁴.

Вместе с тем саудиты в последние годы открыто и недвусмысленно заявляют о своей готовности активно включиться в гонку ядерных вооружений с Ираном и ради умирения его ядерных амбиций даже пойти на сотрудничество с Израилем³⁵. Было бы недальновидным расце-

---

³³ Парк атомной и возобновляемой энергетики им. короля Абдуллы (KACARE) // Российское атомное сообщество : Ядерные и научные центры [официальный сайт]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/park-atomnoi-i-vozobnovlyae-moi-energetiki-im-korolya-abdully-kacare> (дата обращения: 12.08.2016) ; Prospects for Nuclear Power In The Middle East: Russia's Interests // Valdai Club [official website]. Report. Jan. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/reports/prospects-for-nuclear-power-in-the-middle-east-russia-s-interests/> (mode of access: 02.02.2016).

³⁴ Саудовская Аравия сдвинула на восемь лет сроки реализации программы по строительству АЭС и СЭС // Российское атомное сообщество [официальный сайт]. Новости. 2015. 26 янв. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/01/26/54421> (дата обращения: 12.08.2016).

³⁵ Iran Is Playing Obama, Says Savvy Saudi Prince // Bloomberg TV. Nov. 22, 2013 [official website]. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2013-11-22/iran-is-playing-obama-says-savvy-saudi-prince> (mode of access: 15.08.2016) ; Iran nuclear talks: Prospect of deal with Iran pushes Saudi Arabia and Israel into an unlikely alliance. Netanyahu lines up with Saudis' Sunni bloc against 'expansionist' Iran // Independent. March 31, 2015 URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/politics/iran-nuclear-talks-prospect-of-deal-with-iran-pushes-saudi-arabia-and-israel-into-an-unlikely-10145019.html> (mode of access: 17.08.2016).

нивать подобные угрозы лишь как гипотетические, поскольку Эр-Рияд перевооружается форсированными темпами, а в его внешней политике отчетливо просматривается курс на наращивание военно-политического сотрудничества с двумя ядерными державами, не связанными международными обязательствами по ДНЯО, – Израилем и Пакистаном. Кроме того, в последние годы британские и американские масс-медиа со ссылкой на различные источники неоднократно сообщали о том, что саудиты уже сейчас могут обладать одной или несколькими ядерными бомбами, которые предположительно могли быть приобретены Эр-Риядом у Пакистана или Израиля³⁶.

Заметное увеличение военной мощи Саудовской Аравии обусловлено относительно недавним обновлением ее стратегии национальной безопасности, союзническими отношениями с США, соперничеством с Ираном и заявкой на региональное лидерство. За последнее десятилетие военный бюджет страны увеличился в четыре раза (80,7 млрд долл. в 2014 г.). КСА направляет на военные нужды 25,9 % госбюджета (самый высокий в мире показатель), что составляет более 10 % ВВП, и на сегодняшний день по размерам военных расходов уступает лишь США, Китаю и России. Страна также является вторым после Индии мировым импортером оружия (5 % глобального импорта вооружений) и главным реципиентом военных поставок на Ближний Восток (23 %), активно сотрудничая в этой сфере с Великобританией (36 % военных закупок КСА), США (53 %) и Францией (6 %)³⁷. Аналогичные тенденции в наращивании военного потенциала характерны и для арабских монархий – стратегических союзников КСА, которые пока не заявляют о намерении выйти из ДНЯО и создать собственное ядерное оружие. Однако уже сегодня сотни миллиардов нефтедолларов выделяются ими не только на совместные с США и НАТО программы региональных ПВО и ПРО, но также на строительство научно-исследовательских ядерных реакторов и АЭС³⁸.

³⁶ Мэйсан Т. Ближний Восток оснащается ядерным оружием // Сеть Вольтер [официальный сайт]. 2016. 7 марта. URL: <http://www.voltairenet.org/article190638>. html (дата обращения: 17.08.2016).

³⁷ SIPRI Military Expenditures Database 2015 ; Trends in International Arms Transfers, 2014 // SIPRI Fact Sheet [official website]. March 2015. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=495 (mode of access: 14.05.2015).

³⁸ Prospects for Nuclear Power in the Middle East: Russia's Interests // Valdai Club [official website]. Report. Jan. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/reports/prospects-for-nuclear-power-in-the-middle-east-russia-s-interests/> (mode of access: 2.02.2016) ; Лучини Дж. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива: в чем целесообразность? // Индекс безопасности. 2012. № 2 (101). С. 27–36.

Как известно, Пакистан, остающийся вне ДНЯО, является единственным на сегодняшний день мусульманским государством, располагающим ядерным оружием и средствами его доставки. КСА и Пакистан уже более полувека поддерживают военные контакты, и их довольно высокая интенсивность в последние годы наводит на мысль о возможном сотрудничестве двух стран в сфере военных ядерных программ, особенно с учетом внушительной финансовой поддержки саудитами многочисленных пакистанских проектов, прежде всего в сфере военных разработок (в том числе ядерных) и атомной энергетики. Однако отношения между двумя мусульманскими странами нельзя назвать ровными. Только за год, истекший со времени подписания иранского ядерного соглашения, Исламабад неоднократно отвечал отказом на военные призывы Эр-Рияда присоединиться к международному альянсу для борьбы с террористической угрозой на Ближнем Востоке. Политика неучастия в региональных вооруженных конфликтах объясняется нежеланием Исламабада вовлекаться в «чужую» войну, стремлением избежать взрыва сепаратистских и сектантских движений в своей стране, а также перспективами развития экономических отношений с Ираном после его выхода из международной изоляции³⁹. Иными словами, проводимая Пакистаном политика невмешательства является скорее сдерживающим фактором для военных амбиций нового саудовского руководства и, соответственно, не способствует формированию саудовско-пакистанского ядерного альянса. Другие подозрения касаются так называемой «исламской бомбы» – ядерного оружия, приобретенного Пакистаном якобы для защиты всех мусульман. Этот широко растиражированный миф опровергается историей ядерной программы страны и тем фактом, что у Исламабада всегда имелись четко сформулированные исключительно в национальном контексте «ядерные» интересы – ядерный потенциал страны создан исключительно для самообороны⁴⁰.

Саудовская Аравия и Израиль придерживаются диаметрально противоположных позиций в вопросах ближневосточного урегулирования и регионального развития, что является главным препятствием к установлению между ними дипломатических отношений, однако не мешает поддерживать и развивать контакты на неофици-

³⁹ *Замараева Н.* Пакистан – Саудовская Аравия: баланс отношений // Новое восточное обозрение. 2016. 01 апр. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/04/01/pakistan-saudovskaya-araviya-balans-otnoshenij/> (дата обращения: 20.0.2016).

⁴⁰ *Сотников В. И.* К вопросу о ядерной безопасности Пакистана // Восточная аналитика 2011. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 206–210.

альном уровне. Начало военно-политического сотрудничества, казалось бы, непримиримых ранее противников датируется декабрем 2008 г., когда саудиты профинансировали израильскую карательную операцию «Литой свинец» в Секторе Газа⁴¹. Но ключевым фактором, подтолкнувшим Эр-Рияд и Тель-Авив к поиску взаимных компромиссов и точек соприкосновения, стал очевидный прогресс «шестерки» в ядерных переговорах с Тегераном. Помимо стремления консолидировать усилия в деле отражения общих угроз с иранского направления, совпадение интересов Израиля и КСА просматривается в других региональных вопросах: ослабление Ирана, Турции и Ирака путем создания независимого Курдистана, реализация совместных нефтегазовых проектов, активизация США в регионе и т. д.⁴²

Наметившийся израильско-саудовский союз отвечает интересам США на Ближнем Востоке, поскольку позволяет снизить накал антиизраильских настроений в арабском и мусульманском мире, создать надежный противовес Ирану, сдерживать радикальные исламистские группировки как суннитского, так и шиитского толка. Но главное, как считают российские эксперты, США «устраивает наличие противоборствующих или конкурирующих между собой, но зависимых от Вашингтона сразу нескольких центров силы в регионе (Израиль, Турция, Египет, монархии Залива, Иран), где Эр-Рияду наряду с Тель-Авивом отводится роль регионального жандарма»⁴³. По мнению французских аналитиков, «сотрудничество Тель-Авива и Рияда вписывается в американский план создания «Объединенных арабских сил» под эгидой Лиги арабских государств, но под командованием Израиля»⁴⁴. Послед-

---

⁴¹ Disinformation, Secrecy and Lies: How the Gaza Offensive Came About // Haazaretz [official website]. Dec. 27, 2008. URL: <http://www.haaretz.com/news/disinformation-secrecy-and-lies-how-the-gaza-offensive-came-about-1.260347> (mode of access: 14.09.2016).

⁴² Секретные планы Израиля и Саудовской Аравии // Сеть Вольтер [официальный сайт]. 2015. 22 июня. URL: <http://www.voltairenet.org/article187942.html> (дата обращения: 17.08.2016).

⁴³ Иванов С. Союз Израиля и Саудовской Аравии // Новое восточное обозрение. 2016. 15 сент. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/09/15/soyuz-izrailya-i-saudovskoj-aravii/> (дата обращения: 23.09.2016).

⁴⁴ Решение о создании «Объединенных арабских сил быстрого реагирования» было принято на саммите ЛАГ в Шарм-эль-Шейхе 29 марта 2015 г. Формально речь шла о применении Договора об арабской обороне 1950 г. к защите от терроризма. По мнению экспертов, на практике лига создала новый военный альянс арабских стран (арабский аналог НАТО) под негласным командованием Израиля, по инициативе которого объединенный штаб был размещен на территории непризнанного государства Сомалиленд.

ние уже эффективно проявили себя в Йемене, где саудовские бомбардировщики пилотировались израильскими летчиками в рамках Арабской коалиции, главный штаб которой израильтяне разместили в Сомалиленде»⁴⁵. О причастности Израиля к военным операциям Арабской коалиции свидетельствует также факт применения в Йемене предположительно тактического ядерного (нейтронного) оружия в мае 2015 г.⁴⁶

Вместе с тем нет оснований предполагать, что военно-политическое сотрудничество КСА и Израиля пойдет столь далеко, что подвигнет Тель-Авив поделить с Эр-Риядом своими ядерными технологиями, и уж тем более ядерными боеголовками. Скорее речь идет об использовании обоими государствами ядерной риторики в оказании совместного давления на Вашингтон с целью увеличения военно-политического участия США и НАТО в региональных делах, а также предотвращения возможного сближения США с Ираном. «Потребность в поддержке со стороны США и дальше будет ключевым фактором при выработке ядерной стратегии Саудовской Аравии», – убежден аналитик Фонда Карнеги Тристан Волпе⁴⁷.

Таким образом, несмотря на сообщения СМИ о наличии у Эр-Рияда ядерного арсенала, вне зависимости от того, идет ли речь о стратегическом (атомном или водородном) или тактическом (нейтронном) ядерном оружии, маловероятно, что Саудовская Аравия, не располагающая соответствующими технологиями и научными кадрами, могла сама его произвести либо приобрести у Израиля или Пакистана. Тем не менее, опасения вызывает все более отчетливый посыл, транслируемый из Эр-Рияда, о его готовности перейти ядерный порог в случае нарушения Ираном сложившегося на Ближнем Востоке ядерного баланса. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что нашумевшее заявление саудовского политолога Д. аль-Анзи в феврале 2016 г. о ядерных вооружениях КСА прозвучало спустя всего через три

⁴⁵ Секретные планы Израиля и Саудовской Аравии.

⁴⁶ Bombe atomique tactique au Yémen // Voltaire Network TV. 04.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Myy7IQphmPM> (mode of access: 14.09.2016) ; Мэйсан Т. Ближний Восток оснащается ядерным оружием // Сеть Вольтер [официальный сайт]. 2016. 7 марта. URL: <http://www.voltairenet.org/article190638.html> (дата обращения: 17.08.2016).

⁴⁷ Амбиции и дешевая нефть: новая международная роль Саудовской Аравии // ИноСМИ [официальный сайт]. 2016. 22 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160522/236611784.html> (дата обращения: 26.08.2016).

недели после того, как госсекретарь США Джон Керри публично напомнил Эр-Рияду о запрете на приобретение ядерного оружия и предостерег Саудовскую Аравию от нарушения ДНЯО, участником которого она является⁴⁸. Однако некоторые эксперты все же не сбрасывают со счетов возможность осуществления ядерной сделки между саудитами и ядерными державами (легальными и нелегальными). «Королю Салману достаточно заявить, что эта покупка осуществлена от его имени, а на такую сделку ДНЯО не распространяется, – отмечает Т. Мэйсан. – Государство Саудовская Аравия является собственностью короля, а его бюджет – частью королевской казны. Так что мы можем стать свидетелями приватизации ядерного оружия – сценария доселе невообразимого»⁴⁹. Пока же Саудовское королевство продолжает действовать в рамках ближневосточного курса США, которые, в свою очередь, сохраняют приверженность политике двойных стандартов, когда речь заходит о ядерных амбициях их стратегических партнеров в этой части света.

Уравнение со многими неизвестными

Как известно, любое урегулирование – это улица с двусторонним движением. Однако, как показывает практика, в вопросах создания ЗСЯО на Ближнем Востоке ни один из участников «дорожного движения» не готов идти на компромиссы. И это вполне объяснимо в условиях современной системы международных отношений с ее низкой функциональностью и многочисленными центрами влияния (традиционными и новыми, еще формирующимися), зачастую хаотично взаимодействующими друг с другом. Глобальные акторы, имеющие на Ближнем Востоке долгосрочные стратегии и интересы, начинают сталкиваться с конкуренцией новых региональных центров влияния, все более активно претендующих на роль стратегических балансиров. При этом ни один из этих игроков пока не способен даже предложить некие общие, приемлемые для всех правила игры. Поэтому наблюдаемый сегодня очередной тупик в решении проблем создания

---

⁴⁸ John Kerry: “You can’t just buy a bomb”// CNN [official website]. Jan. 18, 2016. URL: <http://edition.cnn.com/videos/world/2016/01/18/iran-nuclear-deal-saudi-arabia-john-kerry-wolf.cnn> (mode of access: 17.08.2016).

⁴⁹ Мэйсан Т. Ближний Восток оснащается ядерным оружием.

безъядерной зоны на Ближнем Востоке есть отражение и закономерное следствие незавершенности процесса переформатирования глобальной мировой системы. Неопределенность (даже в краткосрочной перспективе) траекторий развития международной ситуации в этом и без того высококонфликтном регионе способствует повышению роли ядерного фактора в геополитическом противостоянии на Ближнем Востоке.

Наличие в регионе только одной ядерной державы существенно нарушает имеющийся баланс сил, однако США и их союзники по НАТО продолжают делать ставку на стратегическое партнерство с Израилем, сохраняя за ним роль своего рода гаранта ядерного нераспространения в этой части света. Региональные оппоненты Израиля, в свою очередь, стремятся восстановить утраченное геополитическое равновесие либо путем создания ЗСЯО (где неперенным условием выступает присоединение Израиля к ДНЯО и ликвидация его ядерного оружия), либо путем приобретения ядерного арсенала в рамках развития собственных военных программ или приобретения ядерного оружия у третьих стран. Сложное переплетение интересов многочисленных геополитических игроков на Ближнем Востоке (старых и новых, региональных и внерегиональных, системных и антисистемных), умело использующих сложную этноконфессиональную и политическую ситуацию в регионе, а также их традиционная приверженность двойным стандартам оставляют мало шансов на дипломатическое решение проблемы превращения Ближнего Востока в безъядерную зону мира.

Подобная ситуация объективно инициирует дальнейшую милитаризацию региона, срывает все попытки мирного урегулирования региональных противоречий и подталкивает ближневосточные страны к нарушению режима ДНЯО. На этом фоне неоднозначные действия или бездействие глобальных игроков, которые призывают предотвратить эскалацию насилия в регионе, но продолжают его вооружать, делают дальнейшее погружение Ближнего Востока в конфликты практически неизбежным.

Тенденция киберобогащения ядерных угроз, исходящих с Ближнего Востока, также является отражением динамики политических процессов на глобальном и региональном уровнях и наглядным свидетельством их тесной взаимосвязи. Стремление крупных геополитических игроков обесценить заявку Ирана

на региональное лидерство путем использования ядерного «рычага» и кибероружия не только привело к обратному результату, но также способствовало погружению Ближнего Востока (а вслед за ним и всего мира) в новую реальность – глобальное киберпротивостояние, которое, в свою очередь, создало новые угрозы ядерной безопасности для всей планеты.

Таким образом, проблема создания ЗСЯО на Ближнем Востоке не может быть решена исключительно в региональных рамках. С учетом того, что процесс трансформации глобальной мировой системы еще далек от завершения, можно предположить, что в обозримом будущем геополитическое пространство Ближнего Востока сохранит статус одного из главных мировых очагов международных раздоров и разногласий, энергетических, этноконфессиональных и иных столкновений и антагонизмов. Относительно слабая прогнозируемость развития военно-политической ситуации в регионе, противоречивые интересы главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики, их приверженность двойным стандартам позволяют прийти к выводу о том, что поиск путей выхода из ближневосточной «ядерной петли» еще долго будет оставаться для мирового сообщества уравнением со многими неизвестными.

В этих условиях исключительную значимость приобретает политическая воля ведущих мировых держав – членов «ядерного клуба» и их готовность к многостороннему сотрудничеству в ближневосточном ядерном вопросе. Речь идет как о фундаментальном долгосрочном осмыслении проблемы, так и о незамедлительных действиях по ядерному урегулированию, позволяющих выйти из замкнутой ядерной спирали⁵⁰. В ином случае очередное кружение по ближневосточной «петле Мёбиуса» может вновь взорвать ситуацию в регионе и окончательно похоронить надежды на прочный мир.

---

⁵⁰ Рекомендации ПИР-Центра по укреплению международного режима ядерного нераспространения // Индекс безопасности. 2016. № 1 (116). С. 11–18 ; Десять шагов к созданию зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке. М. : ПИР-Центр, 2013.

Глава 6

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ
ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ***Г. В. Торопчин*

Регионализация международных отношений считается одной из основных тенденций глобального процесса на современном этапе. Этот феномен находит своё отражение в различных аспектах мирового развития, в том числе в оформлении интеграционных группировок, установлении экономических связей, а также в обеспечении международной безопасности. Нераспространение ядерного оружия не стало исключением, и наряду с продолжающимся формированием глобального режима ядерного нераспространения возможно говорить и о появлении контуров региональных режимов нераспространения в различных частях ойкумены, включая Азиатско-Тихоокеанский регион. А. Г. Арбатов и В. З. Дворкин, видные отечественные специалисты в области контроля над вооружениями, отмечают, что региональные аспекты ядерного нераспространения представляют собой «наиболее острые проявления общего горизонтального разреза данного феномена современной международной жизни»¹.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) по праву считается одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира с экономической точки зрения. Так, по данным МВФ, рост мировой экономики в 2014 г. был на две трети обеспечен странами региона². В одном из докладов ОЭСР подчёркивается, что, несмотря на некоторое замедление темпов экономического роста в АТР, ожидается, что он составит порядка 6,2 % от ВВП в 2016–2020 гг.³ Стоит

¹ Ядерное сдерживание и нераспространение / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. С. 82.

² Regional Economic Outlook : Asia and Pacific // IMF – Intern : Monetary Fund Home Page. P. 1. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/apd/eng/pdf/areo0415c1.pdf> (mode of access: 31.08.2016).

³ Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2016 : Enhancing Regional Ties. P. 2 // OECD [official website]. URL: http://www.oecd.org/dev/asia-pacific/SAEO2016_Overview%20with%20cover%20light.pdf (mode of access: 31.08.2016).

отметить и демографические показатели: 60 % мирового населения на 2013 г. проживало на территории АТР⁴. Нельзя назвать случайным и особое внимание ведущих мировых держав к этому региону, выразившееся, в частности, в усилении азиатско-тихоокеанского вектора внешней политики США⁵ (известного в англоязычной литературе под названием *Asia pivot, pivot to Asia*)⁶, а также в активизации российской дипломатии в АТР в 2014–2015 гг. Это явление свидетельствует уже о политической важности региона для глобального развития.

Является дискуссионным вопрос о трактовке границ АТР. Традиционно под АТР принято понимать конгломерат государств Юго-Восточной Азии и Океании, однако в научной литературе существуют некоторые разногласия по поводу включения в АТР стран Южной Азии и Латинской Америки⁷. Следует оговориться, что из многочисленных определений территориальных рамок АТР в настоящем исследовании используется расширенное понимание границ региона. В такой интерпретации в АТР входят в том числе и такие глобальные игроки, как Россия и США. Это может быть доказано их активной вовлеченностью в региональные процессы, что особенно ощутимо проявилось в последние годы. Ряд научно-исследовательских учреждений также включают в АТР Индию и Пакистан (часть береговой линии Индии омывается водами Тихого океана): такого взгляда придерживается Институт исследования проблем безопасности в АТР Министерства обороны США, г. Гонолулу⁸. Более того, с точки зрения некоторых международных организаций, в частности, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), регион также охватыва-

⁴ Population Trends in Asia and the Pacific. P. 1 / Social Development | United Nations ESCAP [official website]. URL: <http://www.unescapdd.org/files/documents/SPPS-Factsheet-Population-Trends-v3.pdf> (mode of access: 31.08.2016).

⁵ The East Asia-Pacific Rebalance : Expanding US Engagement // US Department of State [official website]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/pl/2013/218776.htm> (mode of access: 31.08.2016).

⁶ См., например: Cohen S., Ward R. Asia Pivot : Obama's Ticket out of Middle East? // The Diplomat Magazine. [official website]. Aug. 21, 2013. URL: <http://thediplomat.com/2013/08/asia-pivot-obamas-ticket-out-of-middle-east/> (mode of access: 31.08.2016).

⁷ См., например: Самойлова М. П. Методологические аспекты преподавания регионоведения в ФГБОУ ВПО «НГЛУ» // Сравнительная политика. 2014. № 3 (17). С. 168–173.

⁸ Countries of the Asia-Pacific Region // Asia-Pacific Center for Security Studies Homepage [official website]. URL: <http://apcss.org/about-2/ap-countries/> (mode of access: 31.08.2016).

ет как Индию, так и Пакистан⁹. В этом контексте стоит упомянуть и о значимости индо-пакистанской проблемы для дискурса ядерного нераспространения. Соответственно, видится оправданным включение в региональную подсистему ядерного нераспространения как крупнейших трансрегиональных акторов из числа стран, официально обладающих ядерным оружием (США и России), так и *de facto* ядерных государств в пределах АТР (Индии и Пакистана).

Представляется необходимым обозначить методологическую базу исследования. Теория международных режимов, разрабатываемая с 1970–1980-х гг. С. Д. Краснером, Р. О. Кохэном и др., даёт возможность рассмотреть феномен противодействия распространению ядерного оружия с использованием различных подходов¹⁰. С одной стороны, парадигма неореализма подразумевает первичность государств как акторов международного процесса, действующих рационально и с позиции собственных национальных интересов. На самом деле именно государства несут основную ответственность за эксплуатацию технологий ядерного топливного цикла и обеспечение нераспространения ядерных вооружений. С другой стороны, в рамках неолиберального институционализма акцент делается на участии стран в различных международных организациях и их стремлении к нормотворчеству. Институционализация также является неотъемлемой составляющей режима ядерного нераспространения, в том числе и на региональном уровне. Социальный конструктивизм, в свою очередь, допускает, что отдельные государства выстраивают собственную политику, линию поведения на международной арене, создавая таким образом определённый имидж в глазах остального мира. Один из ярких примеров такого конструирования в границах региона – КНДР, вышедшая из ДНЯО и успевшая провести несколько ядерных взрывов, преследуя собственные цели. В то же время теория постинтернационализма Дж. Н. Розенау предполагает наличие и иных субъектов международных отношений, вплоть до отдельных личностей¹¹. Ряд персона-

⁹ List of Countries and Territories Included in the Asia-Pacific Forestry Sector Outlook Study // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) [official website]. URL: <http://www.fao.org/docrep/x2613e/x2613e04.htm> (mode of access: 31.08.2016).

¹⁰ См. об этом: Аничкина Т. Б. Международный режим нераспространения ядерного оружия (теоретико-методологические аспекты) // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=262> (дата обращения: 31.08.2016).

¹¹ Pondering Postinternationalism : A Paradigm for the Twenty-First Century? / ed. by H. N. Hobbs // N. Y.: State Univ. of New York Press, 2000. P. 3.

лий, как будет показано ниже, непосредственным образом повлияли на формирование регионального режима нераспространения ядерного оружия в регионе. Подводя итог, можно сказать, что теория международных режимов представляется универсальным методологическим инструментом, который возможно применить для решения задач в рамках данной работы.

Общая характеристика регионального режима ядерного нераспространения в АТР

Проблема нераспространения ОМУ, в том числе и ядерного оружия, относится специалистами к числу новых вызовов безопасности, наряду с терроризмом и эпидемиями¹². Выстраивание эффективного регионального режима ядерного нераспространения играет большую роль в создании архитектуры региональной безопасности АТР.

Среди государств АТР существует три страны, считающиеся официальными ядерными державами (ЯОГ), то есть, согласно п. 3 ст. 9 ДНЯО, успевшими испытать ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.¹³ Это КНР, Российская Федерация (как правопреемница СССР с точки зрения международного права) и США. Более подробная информация о них представлена ниже (табл. 2).

Таблица 2

Официальные ядерные державы АТР

Название страны (в алфавитном порядке)	Дата проведения первого ядерного испытания ¹⁴	Дата проведения последнего ядерного испытания (на 2016 г.) ¹⁵	Общее количество ядерных боезарядов (на 2016 г.) ¹⁶	Даты подписания и ратификации ДНЯО ¹⁷	Даты подписания и ратификации ДВЗЯИ ¹⁸
Китайская Народная Республика	16 октября 1964 г.	29 июля 1996 г.	~260	9 марта 1992 г. (вступление)	24 сентября 1996 г., не ратифицировала

¹² Katayama S. Asia-Pacific Security Architecture : Tiered Structure of Regional Security // 東京財団 [official website]. URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2010/asia-pacific-security-architecture> (mode of access: 31.08.2016).

¹³ The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) // United Nations [official website]. URL: <http://www.un.org/en/conf/npt/2005/npttreaty.html> (дата обращения: 31.08.2016).

Окончание табл. 2

Российская Федерация (СССР)	29 августа 1949 г.	24 октября 1990 г.	~5900 (оценки FAS)	1 июля 1968 г. и 5 марта 1970 г.	24 сентября 1996 г. и 30 июня 2000 г.
Соединённые Штаты Америки	16 июля 1945 г.	23 сентября 1992 г.	4571 (данные Министерства обороны США)	1 июля 1968 г. и 5 марта 1970 г.	24 сентября 1996 г., не ратифицировали

Естественно, что наличие трех официальных ядерных стран наложило отпечаток на процесс складывания регионального режима ядерного нераспространения в АТР. В то же время в регионе располагаются страны, деятельность которых в ядерной сфере в последние десятилетия представляла определенный вызов не только региональному, но и глобальному режиму ядерного нераспространения. Речь идёт о государствах, которые *de facto* произвели испытания ядерного оружия и обладают ядерными вооружениями, при этом не являясь членами ДНЯО. Два из этих государств (Индия и Пакистан) так и не подписали договор, КНДР же вышла из числа подписантов ДНЯО 10 января 2003 г.¹⁹ (табл. 3).

¹⁴ The Nuclear Testing Tally // Arms Control Association [official website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/nucleartesttally> (mode of access: 31.08.2016).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Nuclear Weapons : Who Has What at a Glance // Arms Control Association. [official website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat> (mode of access: 31.08.2016).

¹⁷ Signatories and Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Federation Of American Scientists [official website]. URL: <http://fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm> (mode of access: 31.08.2016).

¹⁸ Status of Signature and Ratification // CTBTO Preparatory Commission [official website]. URL: <https://www.ctbto.org/the-treaty/status-of-signature-and-ratification/> (mode of access: 31.08.2016).

¹⁹ North Korea leaves nuclear pact // CNN.com [official website]. Jan. 10, 2003. URL: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/01/10/nkorea.treaty/> (mode of access: 31.08.2016).

Таблица 3

**Государства АТР, обладающие ядерным оружием
и не участвующие в ДНЯО**

Название страны (в алфавитном порядке)	Дата проведения первого ядерного испытания ²⁰	Дата проведения последнего ядерного испытания (на 2016 г.) ²¹	Общее количество ядерных боезарядов (на 2016 г.) ²²	Комментарий
Исламская Республика Пакистан	28 мая 1998 г.	30 мая 1998 г.	~110–130	Не подписала ДНЯО и ДВЗЯИ
Корейская Народно-Демократическая Республика	9 октября 2006 г.	6 января 2016 г.	~6–8 (либо ~10–16, с учётом возможного использования ВОУ)	Вступила в ДНЯО 12 декабря 1985 г. ²³ , вышла 10 января 2003 г., не подписала ДВЗЯИ
Республика Индия	18 мая 1974 г.	13 мая 1998 г.	~100–120	Не подписала ДНЯО и ДВЗЯИ

Безусловно, необходимость включения вышеуказанных игроков в региональную и глобальную системы ядерного нераспространения представляет собой весьма серьезную проблему для поддержания стабильности в рамках АТР. Противостояние Индии и Пакистана, достигшее своего пика в 1998 г. (страны, обменявшись сериями ядерных испытаний, фактически оказались на грани открытого вооружённого конфликта)²⁴, остается актуальным вызовом региональной безопасности по сей день. Обе страны обладают развитой ядерной

²⁰ The Nuclear Testing Tally // Arms Control Association. [official website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/nucleartesttally> (mode of access: 31.08.2016).

²¹ *Ibid.*

²² Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance // Arms Control Association. [official website]. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat> (mode of access: 31.08.2016).

²³ Signatories and Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Federation Of American Scientists. [official website]. URL: <http://fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm> (mode of access: 31.08.2016).

²⁴ *Borreguero E.* India y Pakistán: el dilema nuclear // Real Instituto Elcano. [official website]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/asia-pacifico/ari+68-2004 (mode of access: 31.08.2016).

инфраструктурой и средствами доставки ядерного оружия, и от поддержания хрупкого баланса в двусторонних отношениях между двумя государствами зависит не только региональное, но и глобальное равновесие. Более того, продолжающаяся уже на протяжении 2000–2010-х гг. модернизация ядерного потенциала КНДР выразилась в проведении нескольких ядерных взрывов в 2006, 2009, 2013 и 2016 г. Помимо этого, озабоченность международного сообщества вызвала ядерная программа ещё нескольких стран АТР, в частности, Мьянмы: согласно широко цитируемому в западных СМИ интервью с мьянманскими диссидентами²⁵, милитаризованная элита страны стремилась к развитию ядерного комплекса, что вызвало «беспокойство» со стороны ряда государств, в частности, США²⁶.

Большое влияние на отношение жителей государств региона к ядерной проблематике оказало историческое наследие. Отдельные части региона стали полигоном для многочисленных ядерных испытаний в середине и второй половине XX в. Ядерные державы АТР, как официальные, так и не подписавшие ДНЯО, проводили испытания на своей территории, однако таким же образом ядерные взрывные устройства испытывали и внешние игроки (например, Великобритания в Южной Австралии, Франция на атоллах Французской Полинезии, а также США в Тихом океане). Действия указанных стран стали объектом международно-правовых споров²⁷, и ситуация изменилась к 1990-м гг., когда был принят Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., впрочем, до сих пор не ратифицированный рядом государств.

Проблематика ядерного нераспространения в АТР тесно связана не только с политическими, но и с экономическими аспектами. Темпы роста отдельных экономик региона, в частности, Китайской Народной Республики и четырёх «восточноазиатских тигров», или «малых драконов» (Сингапура, Тайваня, Гонконга, Южной Кореи) приводят к повышению спроса на электроэнергию. Высокий потенциал ядерной энергетики побудил руководство отдельных азиатско-тихоокеанских стран включить её в энергетический баланс. Эта тенденция про-

²⁵ Ball D., Thornton P. Burma's Nuclear Secrets // The Sydney Morning Herald. Aug. 1, 2009. URL: <http://www.smh.com.au/world/burmax2019s-nuclear-secrets-20090731-e4fv.html> (mode of access: 31.08.2016).

²⁶ Lewis J. Does Burma Still Have Nuclear Dreams? // Foreign Policy. Nov. 16, 2012. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/11/16/does-burma-still-have-nuclear-dreams/> (mode of access: 31.08.2016).

²⁷ Boer B., Ramsay R., Rothwell D. International Environmental Law in the Asia // L. : Kluwer Law Intern., 1998. P. 65.

явила себя в начале XXI в., даже несмотря на инцидент на японской АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. Кроме того, к числу стран Юго-Восточной Азии, декларировавших стремление развивать мирный атом и предпринимающих конкретные шаги в этом направлении, относятся Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Малайзия и Мьянма²⁸.

Как показывает развитие событий, в последние десятилетия роль ядерного фактора в регионе становится всё более весомой. Стремление внешних игроков вмешиваться в архитектуру региональной безопасности и ядерного нераспространения уже после распада биполярной системы международных отношений вызвало обеспокоенность ряда стран АТР (в первую очередь это относится к КНР)²⁹. Это потребовало от стран АТР активных действий по созданию различных дополнительных мер, направленных на нераспространение ядерного оружия – достижения двусторонних и многосторонних договоренностей в ядерной области (включая негативные и позитивные гарантии безопасности), создания ЗСЯО и международных организаций в ядерной сфере, включения ядерного вопроса в повестку дня интеграционных объединений. Эти компоненты составляют содержание регионального режима ядерного нераспространения в АТР.

«Ядерный зонтик»: позитивные гарантии безопасности для стран АТР

Позитивные гарантии безопасности представляют собой неотъемлемую часть современного режима ядерного нераспространения. В научной и публицистической литературе такое явление принято также метафорически обозначать термином «ядерный зонтик». Позитивные гарантии предоставляются ядерными державами странам, не имеющим ядерных вооружений, на случай ядерной атаки либо угрозы применения ядерного оружия против этих НЯОГ³⁰. Как будет показано ниже, большинству крупных государств АТР позитивные гарантии безопасности обеспечивают США в двустороннем либо

²⁸ Ключанская С. А. Проблема нераспространения ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (середина 90-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 19.

²⁹ Шетх В. С. Индийский океан в глобализирующемся мире // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 6. С. 57–61.

³⁰ Евстафьев Г. М. Позитивные гарантии безопасности // ПИР-Центр [официальный сайт]. URL: <http://www.pircenter.org/sections/160-pozitivnye-garantii-bezopasnosti> (дата обращения: 31.08.2016).

многостороннем формате. Такая ситуация объясняется концепцией «расширенного ядерного сдерживания», исторически характерной для внешней политики США в целом³¹. Наиболее известна её реализация Соединёнными Штатами в условиях НАТО: в рамках политики «совместного управления ядерным оружием» тактическое (отечественные специалисты также используют термин «нестратегическое») ядерное оружие США было расположено в европейских странах.

При этом в годы холодной войны американское ядерное оружие было размещено и в отдельных странах АТР, а именно в Японии и Республике Корея. Вывезено оно оттуда было уже после 1991 г. во исполнение односторонней инициативы США по сокращению арсенала тактического ядерного оружия (ТЯО)³². В современных условиях проблема ядерной безопасности АТР связана и с вопросами потенциального размещения отдельных элементов американской системы ПРО в странах региона, в частности, в Японии и Южной Корее³³, что можно трактовать как меру, направленную на сдерживание КНДР и КНР.

Необходимо отдельно остановиться на особенностях предоставления позитивных гарантий безопасности со стороны США отдельным государствам АТР. В случае с Японией такие отношения обусловлены двусторонним Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г., являющимся, по сути, реитерацией сан-францисского Договора о безопасности между Японией и США от 1951 г. В ст. 5 и 6 документа оговаривается, что США будут рассматривать вооружённое нападение на Японию как угрозу для собственной национальной безопасности, что дает США право на создание и использование военных баз на территории Японии³⁴. Что касается ядерной составляющей, то готовность США обеспечивать безопасность Японии в том числе и ядерными средствами была подтверждена в совместном заяв-

---

³¹ Арбатов А. Г. Ядерное сдерживание и ядерное распространение // The Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies [official website]. URL: <https://www.armscontrol.ru/course/lectures03b/aga030917.htm> (mode of access: 31.08.2016).

³² Мечты о тактичном атоме : История американского ядерного оружия в Европе и других странах мира // Lenta.ru [официальный сайт]. 2015. 11 дек. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/11/sotacticul/> (дата обращения: 31.08.2016).

³³ Nuclear Weapons Challenges in Asia // Asia-Pacific Center for Security Studies Homepage [official website]. URL: <http://apcss.org/Publications/Nuclear%20Weapons%20Challenges%20in%20Asia.html> (mode of access: 31.08.2016).

³⁴ Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan (Jan. 19, 1960) // Asia for Educators / Columbia Univ. [official website]. URL: http://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/mutual_cooperation_treaty.pdf (mode of access: 31.08.2016).

лении двустороннего Консультативного комитета по вопросам безопасности в 2011 г.³⁵

Республика Корея заключила Договор о взаимной обороне с США в 1953 г., после окончания Корейской войны. В ст. 3 и 4 поясняется, что стороны будут считать вооружённое нападение на одну из них вызовом своей безопасности; США получают право размещения собственных вооружённых сил в Республике Корея³⁶. Как и в случае с Японией, приверженность южнокорейской стороны американским позитивным гарантиям подтверждается в документах по итогам регулярных совместных консультаций. Интересно, что в официальной риторике США выражают готовность к совместной работе по денуклеаризации Корейского полуострова на фоне продолжающегося противостояния Республики Корея с КНДР³⁷.

Многосторонний формат закладывался в основу военно-политического блока Австралии, Новой Зеландии и США – АНЗЮС. Заключённый в 1951 г., пакт предусматривал (в ст. 4), что каждая из сторон будет считать нападение на одну из них внешней силы нападением на каждое из трёх указанных государств³⁸. Тем не менее, в настоящее время альянс существует лишь в виде двусторонних соглашений между США с Австралией и Австралией с Новой Зеландией. Это изменение было обусловлено именно ядерным фактором: в середине 1980-х гг. Новая Зеландия отказала американским военным кораблям с ядерным оружием на борту в праве на заход в порты страны и с этих пор не имеет позитивных гарантий со стороны США³⁹.

Таким образом, позитивные гарантии безопасности со стороны США для некоторых стран региона глубоко повлияли на развитие регионального режима ядерного нераспространения в АТР.

---

³⁵ Joint Statement of the US-Japan Security Consultative Committee // US Department of State [official website]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166597.htm> (mode of access: 31.08.2016).

³⁶ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea. Oct. 1, 1953 // Avalon Project – Documents in Law, History and Diplomacy [official website]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (mode of access: 31.08.2016).

³⁷ US Relations With South Korea // US Department of State [official website]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2800.htm> (mode of access: 31.08.2016).

³⁸ Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS] // Australasian Legal Information Institute (AustLII) [official website]. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.htm> (mode of access: 31.08.2016).

³⁹ Торопчин Г. В. Австралия в АНЗЮС: эволюция восприятия и приоритетов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовск. гос. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 188–191.

Однако условия предоставления таких гарантий нельзя назвать одинаковыми для каждой страны. В частности, различие между моделями, по которым «ядерный зонтик» предоставляется Австралии, с одной стороны, и Южной Корее, с другой, видится в неодинаковой степени формализованности⁴⁰. В случае с Австралией практически отсутствует упоминание ядерного компонента в документах с американской стороны, в то время как в случае с Республикой Корея концепция «расширенного сдерживания» постулируется на официальном уровне⁴¹. Однако перечисленные страны АТР объединяет то, что практически в каждой из них в прошлом были предприняты попытки разработать собственную военную ядерную программу⁴², и сама природа двустороннего сотрудничества этих государств с США во многом предвратила дальнейшее распространение ядерных вооружений в регионе.

Зоны, свободные от ядерного оружия, на пространстве АТР

ЗСЯО являются важным инструментом обеспечения принципов нераспространения ядерного оружия и технологий двойного назначения. По сути, в общем виде они исключают применение ядерного оружия на определенной территории.

Стоит оговориться, что в настоящем исследовании термины «зона, свободная от ядерного оружия» и «безъядерная зона» для удобства изложения используются в качестве синонимов. Такой приём был уже апробирован в научной практике⁴³. Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3472В, принятой в 1975 г.⁴⁴, ЗСЯО должна быть обязательно признана

⁴⁰ Nuclear umbrellas and umbrella states // ILPI Centre for African Studies [official website]. URL: <http://nwp.ilpi.org/?p=1221> (mode of access: 31.08.2016).

⁴¹ Joint vision for the alliance of the United States of America and the Republic of Korea // The White House. [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-vision-alliance-united-states-america-and-republic-korea> (mode of access: 31.08.2016).

⁴² Аничкина Т. Б. Восточная Азия и ядерный зонтик США // Индекс безопасности. 2012. Т. 18. № 2. С. 63–72.

⁴³ См., например: Кутнаева Н. А. Зоны, свободные от ядерного оружия, в структуре международного режима ядерного нераспространения // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 73–89.

⁴⁴ Nuclear-Weapon-Free Zones // United Nations [official website]. URL: <http://www.un.org/en/events/nuclearweaponelimination/pdf/7-International-Day-for-the-Total-Elimination-of-Nuclear-Weapons-Nuclear-Weapon-Free-Zones.pdf> (mode of access: 31.08.2016).

самой Генеральной Ассамблеей ООН, а также закреплена в международном договоре и снабжена механизмом верификации. Также безъядерная зона должна иметь четко определённые делимитированные границы, а ее участники должны принять на себя безоговорочные обязательства о недопущении нахождения ядерного оружия в зоне действия соответствующего договора⁴⁵. В АТР к настоящему моменту функционируют две таких зоны: в южной части Тихого океана (по Договору Раротонга 1985 г.) и в Юго-Восточной Азии (согласно Бангкокскому договору 1995 г.).

ЗСЯО в южной части Тихого океана. Идея создания безъядерной зоны в южной части Тихого океана начала предметно обсуждаться на рубеже 1970–1980-х гг. после принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3472В. Платформой для выработки документа при этом стал Форум Тихоокеанских островов, в то время носивший название Южно-Тихоокеанского форума. В процессе приготовлений и проведения переговоров роль медиатора взял на себя Австралийский Союз⁴⁶. Договор был подписан 6 августа 1985 г. на острове Раротонга (острова Кука). Основным его положением является запрет на использование, испытание и владение ядерным оружием на указанной территории. Среди подписавших договор стран – Австралия, Вануату, Кирибати, Науру, Ниуэ, Новая Зеландия, Острова Кука, Папуа – Новая Гвинея, Самоа (в момент подписания – Западное Самоа), Соломоновы острова, Тонга, Тувалу, Фиджи (все из них впоследствии ратифицировали документ). В силу договор вступил 11 декабря 1986 г. после ратификации восьмой по счету страной, Австралией.

Тем не менее, вопрос о дальнейшей легитимизации ЗСЯО в южной части АТР продолжает оставаться чрезвычайно актуальным. Камнем преткновения для успешного функционирования ЗСЯО по Договору Раротонга остаётся проблема ратификации дополнительных Протоколов к договору от 8 августа 1986 г.⁴⁷

---

⁴⁵ Ахтамзян И. А. Зона, свободная от ядерного оружия // ПИР-Центр. [официальный сайт]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/100 (дата обращения: 31.08.2016).

⁴⁶ Toropchin G. V. South Pacific Nuclear Free Zone and the Role of Australia in Its Establishment // Тенденції розвитку сучасної системи міжнародних відносин та світового політичного процесу : Збірник матеріалів Третьої Інтернет-конференції (29 березня 2013 р.) Маріуполь: [Б. и.], 2013. С. 50–54.

⁴⁷ Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://archive.mid.ru/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/96579f4a8385019243256a5a002e646f?OpenDocument> (дата обращения: 31.08.2016).

Отдельного внимания заслуживают Протоколы 2 (об обязательстве государств, подписавших договор, не применять и не угрожать применением ядерного оружия против сторон договора) и 3 (об отказе от проведения ядерных испытаний на территории действия договора): их до сих пор не ратифицировали США. Кроме того, в зону действия документа оказались не включёнными некоторые государства субрегиона, в том числе и Маршалловы острова, на которых США производили ядерные испытания в 1940–1950-е гг. Наличие проблемных узлов доказывает необходимость дальнейшей работы по претворению договора в жизнь.

ЗСЯО в Юго-Восточной Азии (ЮВА). Переговоры о возможности создания ЗСЯО в ЮВА также велись ещё с 1970-х гг., но лишь после окончания холодной войны государства смогли прийти к консенсусу относительно условий соглашения. Договор был подписан в Бангкоке 15 декабря 1995 г. и вступил в силу 28 марта 1997 г. Все десять участников договора (Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд) его ратифицировали⁴⁸.

Договоры Раротонга и Бангкокский испытывают схожие проблемы в части, касающейся имплементации. Ни одна из пяти ЯОГ не ратифицировала единственный Протокол к Договору от ЗСЯО в ЮВА, где декларированы принципы, аналогичные положениям протоколов к Договору Раротонга. Причиной тому – разногласия в определении территориальных рамок региона: в зону действия документа включаются также континентальные шельфы и исключительные экономические зоны, принадлежащие участникам ЗСЯО. Помимо этого, в отличие от договора Раротонга, в Бангкокском договоре присутствует принципиальная оговорка касательно механизмов верификации и обмена информацией (в том числе и в сфере мирного атома)⁴⁹, то есть специфика экономического развития государств ЮВА опередила развитие правовых механизмов, закрепляющих основы безопасности.

АТР считается единственным регионом мира, где на данный момент реализованы две ЗСЯО. Более того, если в некоторых трактовках в АТР включаются и страны Латинской Америки,

---

⁴⁸ Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone // UNODA United Nations Office of Disarmament Affairs [official website]. URL: <http://disarmament.un.org/treaties/t/bangkok> (mode of access: 31.08.2016).

⁴⁹ Ахтамзян И. А. Бангкокский договор // ПИР-Центр [официальный сайт]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/31 (дата обращения: 31.08.2016).

имеющие выход к Тихому океану (такие как Чили, Перу, Эквадор, Колумбия, Мексика), это означает, что регион частично охватывает и латиноамериканскую ЗСЯО по Договору Тлателолко 1967 г. Однако достигнутый прогресс в понимании принципов действия ЗСЯО нивелируется патовой ситуацией в переговорном процессе между ЯОГ и членами безъядерных зон. Налаживание диалога между ЯОГ и НЯОГ (в том числе и по вопросам функционирования ЗСЯО) – существенное условие дальнейшего совершенствования регионального режима ядерного нераспространения в АТР.

Проблема ядерного нераспространения в повестке дня международных организаций в АТР

Несмотря на то, что степень институционализации структур АТР не столь высока, как в других частях мирового пространства (в частности, в Европе)⁵⁰, проблематика ядерного нераспространения в АТР обсуждается на саммитах интеграционных объединений и международных форумах в регионе. Следует оговориться, что в данной части работы акцент делается на деятельности именно региональных организаций, при этом, безусловно, признается императивность установок универсальных организаций (ООН) и специализированных агентств по надзору в сфере атомной энергетики (МАГАТЭ).

АСЕАН. Учреждённая в 1967 г., АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) внесла свой вклад в дело укрепления режима нераспространения в АТР благодаря активному продвижению идеи ЗСЯО в ЮВА. Первые шаги в этом направлении были сделаны ещё в 1971 г., когда пятеро членов – основателей АСЕАН подписали в Куала-Лумпуре Декларацию о зоне мира, свободы и нейтралитета в Юго-Восточной Азии⁵¹. Преодоление противоречий, наметившихся между странами по вопросам, связанным с учреждением ЗСЯО в ЮВА, было также связано с координирующей ролью АСЕАН.

⁵⁰ Торопчин Г. В. Режимы ядерного нераспространения в АТР и на европейском пространстве в 1990–2000-х гг.: компаративный анализ // Мир Востока и мир Запада: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. и материалов междунар. молодеж. науч.-практ. конф., 21–23 марта 2013 г., г. Уфа : в 2 ч. Уфа : Уфим. гос. ун-т экономики и сервиса, 2013. Ч. 1. С. 322–326.

⁵¹ Southeast Asian Nuclear-Weapon-Free-Zone (SEANWFZ) Treaty (Bangkok Treaty) // Nuclear Threat Initiative (NTI) [official website]. URL: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/southeast-asian-nuclear-weapon-free-zone-seanwfz-treaty-bangkok-treaty/> (mode of access: 31.08.2016).

В документах организации регулярно подчёркивается ответственность АСЕАН за соблюдение ЗСЯО по Бангкокскому договору. В программном документе «Видение АСЕАН в 2020 г.» подписание ЯОГ Протокола к договору выделяется в качестве одной из первостепенных задач⁵². Однако участие АСЕАН в региональном режиме нераспространения в АТР не ограничивается поддержанием ЗСЯО в ЮВА. Так, по мнению Марка Фитцпатрика, вовлечённость в АСЕАН Мьянмы помогла сгладить риски распространения чувствительных технологий, особенно в условиях так называемого «ядерного ренессанса»⁵³, проявившегося до аварии на АЭС «Фукусима-1».

В то же время в задачи Центра энергетики АСЕАН входит также развитие мирной ядерной энергетики: в рамках центра работает Подотраслевая сеть сотрудничества в области ядерной энергии (NEC-SSN)⁵⁴. Также действует программа подготовки кадров для работы в сфере мирного атома (на АЭС, в правительственных учреждениях и т. д.), спонсируемая южнокорейским министерством торговли, промышленности и энергетики⁵⁵. Вопросы ядерной безопасности, включая физическую ядерную безопасность, а также финансирования национальных ядерных отраслей выносились на заседания министров энергетики стран АСЕАН, причем ядерная энергетика рассматривается официальными лицами государств АСЕАН в качестве альтернативного источника энергии⁵⁶.

АТЭС. Несмотря на то, что Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), действующий с 1989 г., занимается в первую очередь проблемами экономического развития региона, ядерный фактор также не был обойдён вниманием в деятельности АТЭС. Ядерная энергетика включена в число

---

⁵² ASEAN Vision 2020 // ASEAN [official website]. URL: http://asean.org/?static_post=asean-vision-2020 (mode of access: 31.08.2016).

⁵³ Fitzpatrick M. ASEAN response to nuclear risks // The Japan Times. Oct. 11, 2009. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2009/10/11/commentary/world-commentary/asean-response-to-nuclear-risks/#.V8FPpu0avQo> (mode of access: 31.08.2016).

⁵⁴ Civilian Nuclear Energy / ASEAN Centre for Energy [official website]. URL: <http://www.aseanenergy.org/programme-area/cne/> (mode of access: 31.08.2016).

⁵⁵ ACE-KNA Cooperation on Civilian Nuclear Energy // ASEAN Centre for Energy. [official website]. URL: <http://www.aseanenergy.org/engagements/asean3/hrd-cne/> (mode of access: 31.08.2016).

⁵⁶ Nuclear energy safety on top of ASEAN energy ministers' agenda // Philstar.com. Aug. 22, 2009. URL: <http://www.philstar.com/nation/14732/nuclear-energy-safety-top-asean-energy-ministers-agenda> (mode of access: 31.08.2016).

пунктов, подлежащих обсуждению в рамках его рабочей группы по энергетике⁵⁷.

Проблемы нераспространения ядерного оружия также затрагивались на саммитах АТЭС. В Бангкокской декларации 2003 г., которую подписала 21 страна объединения, отмечается необходимость устранения угрозы распространения ОМУ и средств их доставки в целом⁵⁸. На встрече 2006 г. во Вьетнаме дипломаты не могли обойти вниманием первое ядерное испытание, проведённое КНДР⁵⁹. Организация осудила испытание в устном заявлении, призвав северокорейскую сторону возобновить шестисторонние переговоры⁶⁰. Тем не менее, АТЭС воздержалась от упоминания этой проблематики в своих документах уже после проведения КНДР последующих испытаний. В сравнении с деятельностью АСЕАН заявления АТЭС по проблемам ядерного нераспространения представляются несколько более общими, не обязывающими государства к конкретным действиям. Вероятно, это связано с широким кругом участников форума, что может приводить к разногласиям среди них⁶¹, не исключая ядерную тематику. Помимо этого, как было показано выше, деятельность АТЭС сфокусирована скорее на аспектах экономического развития, хотя политическая составляющая также затрагивается на саммитах и заседаниях отдельных групп.

МКЯНР. Чтобы более полно оценить вклад стран АТР в создание не только регионального, но и глобального режима ядерного нераспространения, необходимо рассмотреть деятельность еще одной международной организации по ядерной проблематике, созданной в рамках региона. Речь идёт о Меж-

---

⁵⁷ Energy Working Group // Asia-Pacific Economic Cooperation. [official website]. URL: <http://www.apec.org/Groups/SOM-Steering-Committee-on-Economic-and-Technical-Cooperation/Working-Groups/Energy.aspx> (mode of access: 31.08.2016).

⁵⁸ 2003 Leaders' Declaration / Asia-Pacific Economic Cooperation [official website]. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2003/2003_aelm.aspx (mode of access: 31.08.2016).

⁵⁹ N Korean nuclear program on final day's agenda at APEC summit // ABC – Australian Broadcasting Corporation [official website]. Nov. 19, 2006. URL: <http://www.abc.net.au/news/2006-11-19/n-korean-nuclear-program-on-final-days-agenda-at/1313262> (mode of access: 31.08.2016).

⁶⁰ Gonyea D., Seabrook A. APEC Nations Condemn N. Korea's Nuclear Test // NPR: National Public Radio [official website]. Nov. 19, 2006. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=6509647> (mode of access: 31.08.2016).

⁶¹ Мозиас П. М. Интеграционные процессы в АТР: навстречу вызовам глобализации // Восток. 2002. № 6. С. 74–86.

дународной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению (МКЯНР), учреждённой в 2008 г. по инициативе двух региональных держав – Австралии и Японии. Премьер-министры этих стран Кевин Радд и Ясуо Фукуда достигли договорённости о том, что организацию совместно возглавят бывшие министры иностранных дел Австралии и Японии Гарет Эванс и Йорико Кавагути (в связи с этим в литературе комиссию часто называют комиссией Эванса – Кавагути). Это доказывает важность роли конкретных персоналий для успешного взаимодействия стран в области нераспространения⁶².

В состав МКЯНР вошли ведущие эксперты в области нераспространения и разоружения. Основной целью организации стала выработка практических рекомендаций по укреплению международного сотрудничества в сфере ядерного нераспространения в преддверии Обзорной конференции по ДНЯО 2010 г.⁶³ Двухлетний мандат комиссии истек в 2010 г., в течение указанного срока был проведен ряд мероприятий, опубликован целый комплекс научно-исследовательских работ, а также подготовлен масштабный отчет, включающий в себя меры, нужные для достижения «ядерного нуля» – иными словами, для уничтожения всех запасов ядерных вооружений в мире. Среди предлагаемых решений можно выделить интенсификацию взаимодействия между гражданским обществом и правительственными учреждениями, обеспечение безопасного мирного использования ядерной энергии, недопущение попадания ядерного оружия в руки террористов⁶⁴.

Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению стала проектом, благоприятно сказавшимся на имидже государств АТР как приверженцев безъядерного мира.

---

⁶² Торончин Г. В. Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению как пример вклада стран АТР в глобальный режим ядерного нераспространения // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность : XIV Всерос. науч. конф. молодых ученых (с междунар. участием), 12–14 мая 2014 г. : материалы конф. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 10–12.

⁶³ International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament // International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament [official website]. URL: <http://icnnd.org/Pages/default.aspx> (mode of access: 31.08.2016).

⁶⁴ Evans G., Kawaguchi Y. Eliminating Nuclear Threats : A Practical Agenda for Global Policymakers // International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament [official website]. URL: http://www.icnnd.org/reference/reports/ent/pdf/ICNND_Report-EliminatingNuclearThreats.pdf (mode of access: 31.08.2016).

Практики, применяемые в рамках АТР, могут стать положительным примером для иных частей глобального пространства.

* * *

Бурные темпы экономического развития, характерные для АТР в последние десятилетия, обусловили необходимость создания международно-правовых механизмов, региональных организаций и форумов для обсуждения вопросов безопасности в регионе. Нераспространение ядерного оружия и технологий двойного назначения в этой связи стало одним из ключевых аспектов на фоне растущих энергетических потребностей и роста числа региональных игроков, получивших ядерное оружие, но не участвующих в ДНЯО.

Описанные выше примеры инициатив НЯОГ региона в сфере ядерного нераспространения отнюдь не исключают заинтересованности ядерных держав в поддержании ядерной безопасности АТР. В 2006 г. КНР выступила организатором симпозиума по вопросам нераспространения ядерного оружия в АТР⁶⁵, на котором по большей части обсуждались особенности выполнения Резолюции Совета Безопасности ООН № 1540, касавшейся ядерного нераспространения и разоружения в регионе. Необходимость поддержания мира и стабильности в АТР неоднократно подчёркивали и Россия⁶⁶ с США⁶⁷, при этом выделяя ядерное нераспространение как одну из важнейших составляющих архитектуры региональной безопасности.

Несмотря на это, для регионального режима ядерного нераспространения в АТР была характерна правовая дискретность в сравнении с другими регионами, в особенности с Европой. Разнообразный с точки зрения нераспространения состав стран региона, среди которых официальные ядерные государства (*de facto* –

⁶⁵ 联合国安理会第1540号决议研讨会在京举行 // 红网中国频道. 2006. 7–12. URL: <http://china.rednet.cn/c/2006/07/12/936346.htm> (mode of access: 31.08.2016).

⁶⁶ Лавров: РФ готова работать над системой неделимой безопасности в АТР // РИА Новости [официальный сайт]. 2015. 5 авг. URL: <https://ria.ru/world/20150805/1163947627.html> [дата обращения: 31.08.2016].

⁶⁷ Obama vows renewed ties with Asia // CNN.com [official website]. Nov. 14, 2009. URL: <http://edition.cnn.com/2009/WORLD/asiapcf/11/13/obama.asia/> (mode of access: 31.08.2016).

ядерные державы), и неядерные страны, усложняет выработку общих правил игры в рамках АТР. Даже несомненные достижения в выстраивании режима ядерного нераспространения в регионе, такие как создание ЗСЯО, сталкиваются с проблемами из-за отсутствия политической воли, недостаточной степени взаимного доверия между ЯОГ и НЯОГ.

Распространение ядерного оружия было весьма злободневным вопросом на повестке дня АТР в последние два десятилетия. Ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г., а КНДР – в 2000-е и 2010-е гг., стали серьёзным вызовом не только регионального, но и глобального порядка. Ряд так называемых «пороговых» государств, обладающих полным набором технологий ядерного топливного цикла, в частности Япония⁶⁸, также имеют потенциал для использования таких возможностей в военных целях при определённых условиях. Бурный экономический рост молодых экономик региона, сопровождающийся переходом некоторых из них на ядерную энергетику, требует особого уровня ядерной культуры, не говоря уже о принятии на себя отдельных обязательств по нераспространению (таких как Дополнительный протокол МАГАТЭ или INFCIRC/540).

В то же время обсуждение в экспертных и политических кругах возможности использования опыта других регионов в разработке режима нераспространения, к примеру, Европы⁶⁹, не предполагает механического копирования европейской или иных моделей. АТР представляет собой конгломерат стран, достаточно разнородных как по степени экономического развития, так и с точки зрения политической культуры. Следовательно, уже сложившаяся исторически система нераспространения ядерного оружия в рамках АТР нуждается в дальнейшем уточнении и развитии. Обязательным условием для этого представляется диалог между официальными ядерными державами и неядерными государствами, а также включение в региональный и глобальный режимы нераспространения стран, заполучивших ядерное оружие в обход ДНЯО.

---

⁶⁸ French H. D. Taboo Against Nuclear Arms Is Being Challenged in Japan // The New York Times. June 9, 2002. URL: <http://www.nytimes.com/2002/06/09/world/taboo-against-nuclear-arms-is-being-challenged-in-japan.html> (mode of access: 31.08.2016).

⁶⁹ Asia Pacific Multilateral Nuclear Safety and Non-Proliferation: Exploring the Possibilities / ed. by R. A. Cossa. Honolulu : Pacific Forum CSIS, 1996.

Глава 7

РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ НАТО В ХХІ В.: ДОСТАТОЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ СИМВОЛИЗМА И МИНИМАЛИЗМА

Е. А. Лапанович

Согласно Л. Фридману, с чьим именем тесно связано развитие теории сдерживания, кумулятивный эффект произошедших после завершения холодной войны изменений выразился в маргинализации ядерного оружия как инструмента обеспечения безопасности в восприятии государств Запада. Изменения, о которых идет речь, это возникновение таких феноменов, как нетрадиционные угрозы и новые типы политических противников (так называемые государства-изгои, *rogue states*), стратегическое оружие в неядерном оснащении, гибридные войны и др.¹

Действующие Стратегическая концепция и Обзор политики в области обороны и сдерживания НАТО (*Deterrence and Defence Posture Review*, DDPR) дают весьма противоречивую картину роли, предписанной ядерному оружию в сдерживании (*deterrence*)². Сложно не согласиться с Хансом Кристенсенсом в том, что приверженность идее о стабилизирующей роли ядерного оружия, необходимости обладания им для обеспечения безопасности, с одной стороны, и идее о снижении опоры на ядерное оружие

¹ *Freedman L.* The Primacy of Alliance: Deterrence and European Security // Institut français des relations internationales. Proliferation Papers 46. March-April 2013. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp46freedman.pdf> (mode of access: 23.03.2017).

² В английском языке существует как минимум два разных термина, которые переводятся на русский язык как «сдерживание»: *containment* и *deterrence*. *Containment* предполагает удерживание противника в определенных территориальных границах. Подробнее о ключевых идеях *containment*, изложенных Кеннаном в начале холодной войны, и о релевантности подобного подхода в условиях современного кризиса см.: *Rojansky M.* George F. Kennan, Containment, and the West's Current Russia Problem // NATO Defense College Research Division Research Paper. Jan. 2016. № 127. [official website]. URL: <http://www.ndc.nato.int/download/downloads.php?icode=476> (mode of access: 25.01.2017). Патрик Морган определяет *deterrence* как «деятельность по обеспечению безопасности с помощью угроз». См.: *Morgan P. M.* Deterrence Now. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

и создании условий для мира без него, с другой, свидетельствует о диссонансной политике Альянса³.

Бравирование ядерным оружием на фоне текущего кризиса вынудило НАТО вновь обратиться к проблеме важности ядерного сдерживания в обеспечении обороны и безопасности Альянса. Вместе с тем, вставка в Декларацию по итогам Уэльского саммита положений вышеупомянутых программных документов без каких-либо изменений свидетельствует о стремлении Альянса в то время не касаться этого крайне чувствительного вопроса, способного поставить под сомнение единство и сплоченность НАТО. Дискуссия начинается после Уэльса, и к саммиту в Варшаве государства-члены вырабатывают ответ на «безответственную и агрессивную ядерную риторику» России, подчеркивая убедительность сдерживания, его «уникальность», дистанцируясь при этом от «безответственных» идей о боевой роли ядерного оружия.

Как зарубежные, так и российские эксперты акцентируют внимание на значимости решений, принятых в Уэльсе, которые послужили своего рода *game-changer* – переломным моментом для НАТО, и вернули Альянс к истокам – коллективной обороне и сдерживанию⁴. Россия и НАТО после украинского кризиса сосуществуют в парадигме взаимного сдерживания как «новой нормальности» (*new normal*)⁵. При этом восприятие роли ядерного оружия сторонами

³ Kristensen H. M. Nuclear Weapons in NATO's Deterrence Posture. STATUS QUO OR CHANGE? // The Future of Extended Deterrence : The US, NATO, and Beyond / ed. by S. Von Hlatky, A. Wenger. Washington, DC : Georgetown Univ. Press, 2015. P. 135.

⁴ Данилов Д. Саммит НАТО в Уэльсе: конец истории отсрочен // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Вып. 34 (50). Сент. 2014. С. 2–5. URL: http://inion.ru/files/File/Evropeiskaya_bezopasnost_34_50_2014.pdf (дата обращения: 24.03.2017) ; Durkalec J. NATO Policy towards Russia after the Crimea Annexation : More Deterrence and Farewell to Partnership // The Polish Institute of International Affairs Bulletin. № 39 (634). 20 March 2014. URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=16897 (mode of access: 23.03.2017) ; Larsen J. A. Time to Face Reality: Priorities for NATO's Warsaw Summit // NATO Defense College [official website]. Research Paper № 126. Jan. 2016. URL: http://www.atlcom.nl/upload/rp_126-2.pdf (mode of access: 23.03.2017).

⁵ Пархалина Т. Отношения Россия – Запад в контексте украинского кризиса // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Вып. 35 (51). Дек. 2014. С. 2–4. URL: http://inion.ru/files/File/Evropeiskaya_bezopasnost_35_51_2014.pdf (дата обращения: 23.03.2017) ; Тимофеев И. Россия и НАТО: «новая нормальность»? // Российский совет по международным делам [official website]. 20 окт. 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8250#top-content (дата обращения: 23.03.2017) ; Matlé A., Scheffler A. From Wales to Warsaw : A New Normal for NATO? // Konrad Adenauer Stiftung. Facts&Findings. Prospects for German Foreign Policy. № 80. Oct. 2015. URL http://www.kas.de/wf/doc/kas_42717-544-2-30.pdf?151109084530 (mode of access: 23.03.2017).

после завершения холодной войны претерпело значительные изменения. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых переосмысление феномена безопасности, в том числе возникновение концепции человеческой безопасности; расширение спектра угроз; развитие наступательных и оборонительных конвенциональных (неядерных) технологий; расширение ядерного клуба; распространение ядерного оружия и средств его доставки, с одной стороны, и укрепление нормы нераспространения и разоружения, с другой стороны; развитие гуманитарной инициативы и др.

Ядерное оружие в условиях вышеперечисленных реалий становится скорее тяжелым бременем, нежели эффективным решением насущных проблем. Это четко прослеживается в истории адаптации НАТО в постбиполярный период. Россия после завершения холодной войны тоже пересматривает роль такого оружия. В условиях превосходства НАТО в обычных вооружениях, а также мягкой силе Россия акцентирует внимание на своем ядерном статусе. Согласно С. Сэйгану, ядерное оружие видится как символ, с одной стороны, отражающий, с другой – формирующий идентичность актора⁶. Ядерный символизм свойственен как России, так и НАТО: если для России это однозначно символ могущества и влияния, то для НАТО (говоря о ядерном оружии США в Европе) на определенных этапах это символ трансатлантического единства, ответственности США за обеспечение безопасности в Европе. Вместе с тем, ряд государств НАТО – Германия и страны Бенилюкса – воспринимают ядерное оружие скорее в качестве реликта эпохи противостояния сверхдержав, нежели в качестве символа единства Альянса.

Проблеме роли ядерного оружия и сдерживания в современной политике НАТО отведено значительное место в зарубежном научном дискурсе. Украинский кризис задал дискуссии в экспертных кругах новый тон. В рамках монографии «Будущее распространённого сдерживания: США, НАТО и не только»⁷ авторы (Дж. Ларсен, Б. Пелопидас, П. Шулт, Х. Кристенсен и др.) всесторонне анализируют проблему распространённого сдерживания: исторические аспекты сдерживания и перспективы пересмотра политики США и НАТО по этому

---

⁶ Sagan S. D. Why Do States Build Nuclear Weapons?: Three Models in Search of a Bomb // Intern. Security. Vol. 21. № 3. Winter 1996–1997. P. 54–86. URL: <http://faculty.maxwell.syr.edu/rdenever/ppa%20730-11/sagan.pdf> (mode of access: 23.03.2017).

⁷ Распространенное сдерживание (*extended deterrence*) представляет собой так называемый «ядерный зонтик», предоставление государством, обладающим ядерным оружием, позитивных гарантий безопасности своим союзникам.

вопросу, роль тактического ядерного оружия в сдерживании и дебаты в рамках НАТО, соотношение распространенного сдерживания и нераспространения, значение ПРО и др.⁸ Перспективы внутринатовских дискуссий по проблеме разоружения исследуют И. Уильямс и С. Андреасон в рамках коллективной монографии под редакцией Дж. Шульца и Дж. Гудби, а К. Кубяк и О. Майер сравнивают ядерную политику Германии и Польши в постбиполярный период и анализируют влияние этой политики на перспективы американского ядерного оружия в Европе⁹. Авторы монографии «НАТО и коллективная оборона в XXI в.: осмысление Варшавского саммита» размышляют над решениями, принятыми на Варшавском саммите НАТО в 2016 г., очерчивают перспективы развития и трансформации политики Альянса по обеспечению безопасности¹⁰. В рамках настоящего исследования отдельно следует выделить статью Яцека Дуркалаца «Ядерная адаптация НАТО на саммите в Варшаве», посвященную рассмотрению шагов, предпринимаемых НАТО в условиях текущего кризиса для повышения убедительности сдерживания, а также анализу дальнейших перспектив Альянса в данном направлении¹¹.

Политике НАТО на фоне текущего кризиса и проблеме сдерживания в отношениях Россия – НАТО посвящены статьи российских экспертов А. Арбатова, Д. Данилова, С. Ознобищева, Т. Пархалиной, С. Уткина и др.¹². Однако анализ литературы по теме исследования

⁸ The Future of Extended Deterrence : The US, NATO, and Beyond.

⁹ Kubiak K., Meier O. Comparing German and Polish Post-Cold War Nuclear Policies : A Convergence of European Attitudes on Nuclear Disarmament and Deterrence? // The War that Must Never Be Fought : Dilemmas of Nuclear Deterrence / ed. by J. P. Shultz, J. E. Goodby. Stanford : Hoover Inst. Press, 2015. P. 175–207 ; Williams L., Andreasen S. P. The Debate over Disarmament Within NATO // The War That Must Never Be Fought. P. 115–141.

¹⁰ NATO and Collective Defense in the 21st Century: An Assessment of the Warsaw Summit. L.; N. Y. : Routledge, 2017.

¹¹ Durkalec J. NATO's Nuclear Adaptation at the Warsaw Summit // NATO and Collective Defence in the 21st Century.

¹² Арбатов А. Осторожно, грабли! // Россия в глобальной политике. 2016. 15 авг. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Ostorozhno-grabli-18315> (дата обращения: 23.03.2017) ; Данилов Д. Саммит НАТО в Уэльсе: конец истории отсрочен ; Ознобищев С. К. Россия и НАТО: противоречия и перспективы взаимодействия // Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016 : Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / Центр международной безопасности НИ ИМЭМО имени Примакова Е. Н. РАН. М. : РОССПЭН, 2016. С. 113–124 ; Пархалина Т. НАТО и Восточная Европа ; Уткин С. Варшавский Саммит НАТО // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Вып. 42 (58). 2016. С. 2–5. URL: http://inon.ru/files/File/%D0%91%D1%8E%D0%BB_%206_%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf (дата обращения: 23.03.2017).

позволяет нам прийти к выводу о том, что проблема роли ядерного оружия и сдерживания в политике и стратегии НАТО на современном этапе остается малоизученной российскими экспертами.

Цель нашего анализа состоит в рассмотрении феномена сдерживания и роли ядерного оружия в современной политике и стратегии НАТО. Мы обращаемся к официальным документам НАТО и выступлениям официальных представителей Альянса, а также исследованиям экспертов по заявленной проблеме. Исследование строится на основе эклектичного аналитического подхода, сочетающего в себе теории баланса угроз С. Уолта, секьюритизации представителей Копенгагенской школы Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Уайльда, а также социального конструктивизма в интерпретации А. Вендта.

Структура главы соответствует этапам, на каждом из которых по разным причинам перед НАТО вставал вопрос о дальнейшей роли ядерного оружия в политике по обеспечению безопасности Альянса. Первый период – с 1990 по 2009 г., который условно можно охарактеризовать как период неопределенности и поиска, обусловленных исчезновением не просто угрозы, но и значимого Другого (*significant Other*), на представлении о котором строилась идентичность НАТО в годы холодной войны. Второй – с 2009 по 2013 г., когда под влиянием ряда инициатив были начаты дискуссии внутри НАТО о дальнейшей роли ядерного оружия и месте разоружения в политике Альянса. Наконец, третий этап, на котором НАТО вынуждена вновь сфокусироваться обороне и сдерживании как своих основных функций по обеспечению собственной безопасности и определить роль, ответственную в данном контексте ядерному оружию.

Сдерживание и ядерное оружие в политике и стратегии НАТО в 1990–2009 гг.: в поисках смысла

В условиях кардинального изменения ситуации на мировой арене вслед за окончанием холодной войны Всеобъемлющая стратегическая концепция обороны в зоне действия НАТО (*Overall Strategic Concept for the Defence of the NATO Area*) с опорой на передовую оборону (*forward defense*) и гибкое реагирование утратила свою актуальность¹³. Перед НАТО возникла необходимость адаптации

¹³ Cornish P. NATO at the millennium: New missions, new members... New strategy? // NATO Rev. № 5. Sept.-Oct. 1997. Vol. 45. P. 21–24. URL: <http://www.nato.int/docu/review/1997/9705-07.htm> (mode of access: 23.03.2017).

своей политики и оборонной доктрины к новым реалиям международной среды. Ядерная стратегия и структура сил были в числе первых кандидатов на трансформацию¹⁴.

Декларация о трансформации Северотлантического альянса (*Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance*), более известная как Лондонская декларация, была принята в июле 1990 г. и стала первым документом НАТО, отразившим факт изменения реалий международной среды и необходимость перемен. На саммите в Лондоне члены Альянса договорились о модификации доктрины гибкого реагирования и переходе от передовой обороны к сокращенному передовому присутствию (*reduced forward presence*). Уже в Лондонской декларации обозначается переход к концепции более мобильных обычных вооруженных сил, необходимой для осуществления операций по кризисному реагированию¹⁵.

Отметим, что начиная с 80-х гг. XX в. представителями Копенгагенской школы последовательно отстаивалась идея о необходимости отхода от узкого понимания безопасности. Согласно Б. Бузану, О. Уэйверу и Я. де Уайльдту, с окончанием холодной войны поле угроз расширяется за счет большого спектра нетрадиционных (невоенных) угроз. Угрозы безопасности имеют не только военную, но и экологическую, экономическую, социальную и политическую природу. Это ведет к переосмыслению феномена безопасности¹⁶.

На Римском саммите НАТО в ноябре 1991 г. была принята новая Стратегическая концепция – первый в истории НАТО опубликованный программный документ. В нем была отражена идея, ставшая совершенно очевидной к моменту его принятия, – обеспечение коллективной обороны более не является единственной основой существования Альянса¹⁷. Впервые с момента утверждения в 1967 г. доктрины гибкого реагирования стратегия НАТО подверглась значительным изменениям. Концепция 1991 г. очертила контуры дальнейшей эволюции Альянса, принимая во внимание ряд факторов, ключевым из которых, на наш взгляд, как раз и является более ши-

---

¹⁴ NATO Handbook. 50th Anniversary: NATO 1949–1999. S. l. : [S. n.], 1999. P. 155.

¹⁵ Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. 1990 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm (mode of access: 25.03.2017).

¹⁶ Buzan B. Wæver O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. L. : Lynne Rienner, 1998.

¹⁷ The Alliance's New Strategic Concept. 1991 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm (mode of access: 25.03.2017).

рокое понимание безопасности. Данная концепция означала сокращение опоры на ядерные силы как главный инструмент коллективной обороны и безопасности союзников.

В Стратегической концепции 1991 г., подобно Лондонской декларации, содержится тезис о необходимости модификации гибкого реагирования. Стратегия гибкого реагирования была принята еще в декабре 1967 г. документом МС 14/3. Она предполагала поддержание на должном уровне обычных вооружений, тактического ядерного оружия и стратегических ядерных сил с тем, чтобы обладать способностью ответить на любую атаку на избранном оппонентом уровне. Уровни гибкого реагирования следующие: «прямая оборона» (*direct defense*) на первоначальном этапе, «намеренная эскалация» (*deliberate escalation*), включая применение первыми ядерного оружия, и «общий ядерный ответ» (*general nuclear response*), к которому надлежало прибегнуть в случае массовой ядерной атаки¹⁸.

Классический вариант гибкого реагирования, первоначально представленный союзникам Робертом МакНамарой, предполагал наращивание обычных вооружений НАТО в масштабах, которые были бы вполне реалистичны как в финансовом, так и в политическом смысле. Стратегия была основана на расчете, что возможности НАТО в сфере сил общего назначения могут быть настолько улучшены, что использование ядерного оружия станет ненужным. В крайнем случае любое применение такого оружия так или иначе виделось «поздним и ограниченным»¹⁹. Однако в итоге ключевую роль стало играть именно тактическое ядерное оружие, поскольку улучшить до предполагаемых масштабов обычные вооружения не удалось²⁰. Стратегия, принятая НАТО, отличалась от классической версии гибкого реагирования и, согласно Дж. Бейлису, скорее может быть названа гибкой эскалацией (*flexible escalation*), нежели гибким реагированием²¹. Она больше отражала теории эскалации Г. Кана и Г. Киссинджера,

¹⁸ Final Decision on MC 14/3. A Report by the Military Committee to the Defense Planning Committee on Overall Strategic Concept for the Defense of the North Atlantic Treaty Organization Area. 16 Jan. 1968. P. 358–359 // NATO [official website]. URL: <http://www.nato.int/docu/stratdoc/eng/a680116a.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

¹⁹ McNamara R. S. The Military Role of Nuclear Weapons: Perceptions and Misperceptions // Foreign Affairs. 1983. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1983-09-01/military-role-nuclear-weapons-perceptions-and-misperceptions> (mode of access: 25.03.2017).

²⁰ Ibid.

²¹ Booth K., Baylis J. Britain, NATO and Nuclear Weapons : Alternative Defense versus Alliance Reform. L. : Macmillan, P. 112–125.

относящиеся к так называемой неклассической теории ядерного сдерживания.

Примечательно, что вслед за признанием необходимости модификации гибкого реагирования, закрепленным в предыдущих документах, из Стратегической концепции 1999 г. в принципе пропадает термин «гибкое реагирование»²² и впоследствии не встречается в опубликованных программных документах Альянса. Заслуживает внимания и встречающийся в юбилейном справочнике НАТО 1999 г. тезис о том, что возможность эскалации, вплоть до применения ядерного оружия, более не играет определяющей роли в стратегии НАТО²³. Таким образом, программный документ 1999 г. не содержит упоминания ни о гибком реагировании, ни какой бы то ни было иной формулировки стратегии, что свидетельствует о невозможности НАТО определить стратегическую роль ядерного оружия в условиях современных реалий на рассматриваемом этапе.

В опубликованных документах НАТО в период с 1990 по 2009 гг. повторяются тезисы о политической роли ядерного оружия – роли поддержания мира и предотвращения войны. Примечательно, что стратегические ядерные силы США не являются просто инструментом сдерживания, они – высшая гарантия безопасности Альянса. Л. Фридман, рассуждая о НАТО в годы холодной войны, отмечал, что позитивные гарантии безопасности США европейским союзникам, выраженные в присутствии американских сил (в том числе ядерных) в Европе, наряду с гарантией применения стратегических ядерных сил США в защиту союзников, воспринимались в качестве одной из основ европейской системы безопасности, и отказ хотя бы от одного из ее компонентов традиционно рассматривался как крушение всей системы европейской безопасности²⁴.

Тактическое же ядерное оружие после завершения холодной войны в первую очередь рассматривается с политической точки зрения – в качестве важного «трансатлантического связующего звена» (*transatlantic link*), тогда как в 1970–1980-е гг. оно играло ключевую

---

²² The Alliance's Strategic Concept. 1999 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm?selectedLocale=en (mode of access: 25.03.2017).

²³ NATO Handbook. P. 155. При этом обращают на себя внимание два момента: 1) неоднозначность формулировки (Its strategy remains one of war prevention, but it is no longer dominated by the possibility of escalation involving nuclear weapons), из которой неясно, про какую эскалацию речь: осуществляемую НАТО или ОВД; 2) отсутствие данного тезиса в концепции.

²⁴ Freedman L. The Primacy of Alliance.

роль в стратегии гибкого реагирования. Оно заполняло пробелы в убедительности сдерживания, было средством компенсации превосходства СССР и ОВД в обычных вооружениях, усиливающим обычные вооруженные силы, а также важнейшим инструментом эскалационного контроля²⁵. В данном контексте А. Бэнке обращает наше внимание на факт создания НАТО нового дискурса: «военные силы изымаются из контекста конфронтации холодной войны» (*military forces are taken out of the context of the Cold War confrontation*), то есть они более не рассматриваются сквозь ее призму. Сейчас они – символ политического единства, миссия которого заключается в сохранении мира, а не элемент военно-стратегического планирования²⁶.

Таким образом, анализ официального дискурса НАТО о роли ядерного оружия и сдерживания позволяет сделать вывод о том, что 1990-е – начало 2000-х гг. – это период, когда в условиях новых реалий роль ядерного оружия и даже сдерживания в целом не могла быть определена НАТО. Это неудивительно, принимая во внимание два фактора: во-первых, исчезновение угрозы, для сдерживания которой НАТО изначально создавался, во-вторых, крайнюю неопределенность относительно будущих угроз Альянсу. По выражению Сета Джонстона, под сомнение была поставлена не просто убедительность стратегии Альянса, как это было в годы кризисов холодной войны, но релевантность института в целом²⁷.

Новое сдерживание, реализуемое НАТО: оборонительно-наступательный континуум

Дискуссии внутри НАТО о роли ядерного оружия в современном мире, 2009–2010 гг.: в поисках консенсуса. На саммите НАТО в Страсбурге и Келе в апреле 2009 г. была инициирована разработка новой стратегии Альянса²⁸. В обращении генерального секретаря НАТО А. Ф. Расмуссена к группе экспертов, созданной для разработки нового документа, необходимость данного меро-

²⁵ Legge M. J. Theatre Nuclear Weapons and the NATO Strategy of Flexible Response. Santa Monica // RAND Corporation. 1983. P. 9–10. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R2964.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

²⁶ Benke A. NATO's Security Discourse after the Cold War. Representing the West. L., N. Y. : Routledge, 2012. P. 77–78.

²⁷ Johnston S. A. How NATO Adapts : Strategy and Organization in the Atlantic Alliance since 1950. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2017.

²⁸ Declaration on Alliance Security. 2009 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_52838.htm (mode of access: 25.03.2017).

приятия объяснялась следующим образом: «Изменились угрозы, изменился мир, изменилась НАТО²⁹».

Действительно, образовавшийся после завершения холодной войны вакуум был заполнен множеством как традиционных, так и нетрадиционных угроз. Были секьюритизированы³⁰ такие многоплановые угрозы, как терроризм, распространение ОМУ и его носителей, в том числе угроза обладания подобным оружием террористами и так называемыми «государствами-изгоями» (*rogue states*), нестабильность как в Европе, так и за ее пределами, распространение наркотиков, организованная преступность, деградация окружающей среды, этнические и религиозные конфликты, истощение ресурсов и др. Подобное расширение поля угроз неизбежно ведет к маргинализации роли ядерного оружия как элемента сдерживания и как инструмента обеспечения безопасности в современном мире, поскольку оно в принципе не может быть эффективным в противостоянии им.

Импульс дебатам о роли ядерного оружия, прежде всего тактического, в стратегии и политике НАТО был придан публикацией статьи бывших госсекретарей США Дж. Шульца и Г. Киссинджера, бывшего министра обороны У. Перри и бывшего председателя Комитета Сената США по вооруженным силам С. Нанна под названием «Мир, свободный от ядерного оружия». Предупреждая не только о неэффективности, но и о губительности дальнейшей опоры на ядерное сдерживание, они призвали к реальным шагам, направленным на создание мира, свободного от ядерного оружия. В качестве одного из первых шагов авторы указывали непосредственно на уничтожение ТЯО³¹.

---

²⁹ Meeting of the Group of experts on the new Strategic Concept at NATO Headquarters, NATO HQ. 4 Sept. 2009 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/events_57239.htm?selectedLocale=en (mode of access: 25.03.2017).

³⁰ Ситуация секьюритизации (*securitization*) предполагает действия секьюритизирующего актора (*securitizing actor*), который секьюритизирует (*securitize*) угрозу, посредством объявления ее экзистенциальной по отношению к референтному объекту (*referent object*) и аудитории (*audience*), на которую направлена попытка секьюритизации (*securitizing move*). При этом референтный объект воспринимается как подвергающийся экзистенциальной угрозе и имеющий легитимное право на защиту. Секьюритизирующий актор пытается убедить аудиторию согласиться с определенными действиями, необходимыми для защиты референтного объекта от экзистенциальной угрозы. Важно отметить, что акт секьюритизации считается успешным только в том случае, когда аудитория признает действия секьюритизирующего актора и соглашается с ними. См.: Buzan B., Wæver O., De Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*.

³¹ Shultz G. P., Perry W. J. et al. *World Free of Nuclear Weapons* / G. P. Shultz, W. J. Perry, H. A. Kissinger, S. A. Nunn // The Wall Street J. [official website]. 4 Jan. 2007. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NSP_op-eds_final.pdf?_id=1360883065 (mode of access: 25.03.2017).

Идея об отказе от размещения американского ТЯО в рамках так называемого «деления ядерного бремени» (*nuclear burden sharing*) не раз высказывалась как общественными организациями, так и политическими партиями Германии³². За вышеупомянутой инициативой бывших государственных деятелей США последовал призыв к разоружению, высказанный Бараком Обамой в Праге в 2009 г. Кроме того, вывод в 2000-е гг. ТЯО США с военных баз в Греции (2001), Великобритании (2007) и Германии (2007)³³, а также утверждения представителей Европейского командования вооруженных сил США в Европе о его бесполезности с военной точки зрения³⁴ создали благоприятную почву для развития дискуссии по данной проблеме.

На фоне данных событий в 2009 г. министр иностранных дел Германии социал-демократ Ф.-В. Штайнмайер выступил с инициативой вывода оставшегося на территории Германии ТЯО США³⁵. Далее последовала Совместная инициатива Германии и государств Бенилюкс о необходимости пересмотра ядерной политики НАТО, в письменном виде направленная его генеральному секретарю³⁶.

Острые дебаты по вопросу будущего сдерживания и обороны НАТО развернулись внутри экспертного сообщества. И в научном дискурсе центральное место заняла проблема ТЯО в Европе. Всесторонне анализируя целесообразность

---

³² Maettig T. Tactical Nuclear Weapons in Germany: Time for Withdrawal? // Nuclear Threat Initiative. March 1, 2008. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/tactical-nuclear-weapons-germany/> (mode of access: 25.03.2017).

³³ Norris R. S., Kristensen H. M. US tactical nuclear weapons in Europe, 2011 // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 67. Iss. 1. 2011. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0096340210393931> (mode of access: 25.03.2017).

³⁴ Pifer S., Buch R. C. et al. US Nuclear and Extended Deterrence : Considerations and Challenges // Brookings Arms Control Series. Paper 3. May 2010. P. 22. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/06_nuclear_deterrence.pdf (mode of access: 25.03.2017).

³⁵ Meier O. Steinmeier Calls for US to Withdraw Nukes // Arms Control Today. May 8, 2009. URL: <https://www.armscontrol.org/print/3649> (mode of access: 25.03.2017).

³⁶ Letter from foreign minister Maxim Verhagen (the Netherlands), Steven Vannackere (Belgium), Guido Westerwelle (Germany), Jean Asselborn (Luxembourg) and Jonas Gahr Støre (Norway) to NATO Secretary-General Anders Fogh Rasmussen, about non-proliferation, nuclear disarmament and arms control on the NATO agenda. Febr. 26, 2010 // Government of the Netherlands [official website]. URL: <https://www.government.nl/documents/letters/2010/02/26/letter-to-sg-nato-rasmussen> (accessed: 25.03.2017).

его сохранения, одни эксперты говорили о необходимости отказа от его размещения ввиду ряда факторов, среди которых приверженность идее разоружения, отсутствие военной необходимости, бесполезность в борьбе с терроризмом, проблемы физической безопасности, высокие издержки поддержания арсенала³⁷. Другие же заняли противоположную позицию, рассматривая его в качестве исключительно важного элемента системы гарантий безопасности, предоставленных союзникам. Такая позиция, в частности, была изложена экспертами – представителями государств Центральной и Восточной Европы в исследовании «Будущее политики НАТО в области сдерживания и обороны: взгляд из Центральной Европы», проведенном Польским институтом международных отношений (PISM)³⁸.

Интересно, что деление стран НАТО на ярых противников и сторонников вывода ТЯО более или менее отражает деление на старых и новых членов Альянса. И. Уильямс и С. Андреасен заявляют, что принятие государств Центральной и Восточной Европы в НАТО изменило направление внутринатовских дискуссий о роли ТЯО, вновь наделив его значимостью³⁹. Новых членов НАТО, прежде всего присоединившихся в результате четвертых и пятых волн расширения, отличает от их коллег-старожилов принципиально иное восприятие угроз, формирующееся, помимо прочего, на основе определенного исторического бэкграунда⁴⁰. Особую значимость в данном контексте имеет проблема восприятия России.

³⁷ Sauer T., Der Zwaan B. US Tactical Nuclear Weapons in Europe after NATO's Lisbon Summit: Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible // Belfer Center for Science and International Affairs. May 2011. URL: <http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/us-tactical-nuclearweapons-in-europe.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

³⁸ The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe / Ed. by L. Kulesa // Report of the Polish Institute of International Affairs in partnership with the Nuclear Security Project. Dec. 2012. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=12567 (mode of access: 25.03.2017).

³⁹ Williams I., Andreasen S. P. The Debate over Disarmament within NATO. P. 128.

⁴⁰ Четвертая волна расширения НАТО, 1999 г. – присоединение Чехии, Венгрии и Польши; пятая волна расширения НАТО, 2004 г. – присоединение Болгарии, Эстонии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии и Словении. См.: NATO Enlargement & Open Door // North Atlantic Treaty Organization Factsheet [official website]. July 2016. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160627_1607-factsheet-enlargement-eng.pdf (mode of access: 25.03.2017).

Сравнивая ядерную политику Германии и Польши в пост-биполярный период, К. Кубяк и О. Майер утверждают, что, в отличие от Германии, для которой Россия в крайнем случае сложный партнер, Польша воспринимает Россию как потенциальную угрозу. Иначе стороны видят и роль самой НАТО: если для Германии это в первую очередь политический институт, а только потом военный союз, то Польша отводит традиционной оборонной функции Альянса первостепенную роль. Кроме того, в отличие от Германии, в Польше не сильны антиядерные настроения внутри общества и политических элит. Наконец, отличается и восприятие самого ядерного оружия: если Германия видит в нем преграду на пути к достижению большей безопасности, то для Польши это инструмент ее достижения⁴¹. Таким образом, восприятие отдельным государством роли ядерного оружия определяется целым комплексом факторов.

В 2010 г. на встрече министров иностранных дел государств НАТО в Таллине госсекретарем США Х. Клинтон были озвучены так называемые «Пять принципов для ядерного Альянса» (*Five Principles for a nuclear alliance*): до тех пор, пока ядерное оружие существует, НАТО останется ядерным альянсом; риски и ответственность должны быть разделены между членами Альянса; НАТО следует снизить роль ядерного оружия и сократить его количество; сдерживание должно быть расширено за счет развития территориальной ПРО в ответ на новые угрозы XXI в.; при принятии последующих решений о трансформации политики в отношении ТЯО необходимо учитывать российскую политику по нему⁴². Накануне встречи в Таллине генеральный секретарь НАТО обозначил принципы, на основании которых должна выстраиваться дискуссия вокруг ядерного оружия. Первый из них гласит, что ни один из союзников не вправе принимать решения об изменении статус-кво в одностороннем порядке, второй же совпадает с первым принципом Х. Клинтон⁴³.

⁴¹ Kubiak K., Meier O. Comparing German and Polish Post-Cold War Nuclear Policies.

⁴² Kimball D. G. NATO Clings to Its Cold War Nuclear Relics // Arms Control Today. Vol. 1. № 1. Apr. 27, 2010. URL: <https://www.armscontrol.org/issuebriefs/NATORelics> (mode of access: 27.03.2017).

⁴³ Foreign Ministers to discuss Afghanistan and NATO's future in Tallinn // North Atlantic Treaty Organization [official website]. Apr. 19, 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_62605.htm? (mode of access: 27.03.2017).

Следует отметить, что «пять принципов» были продублированы в рекомендациях «группы мудрецов», возглавляемой М. Олбрайт, представившей итоги своей работы в мае 2010 г. Кроме того, «мудрецы» отмечали, что изменение угроз привело к расширению концепции сдерживания, снижению опоры на ядерное оружие и сокращению его количества. В дальнейшем Альянс должен быть готов к детальному обсуждению будущей роли такого оружия в сдерживании. Важно, что в рекомендациях указано на необходимость снижения опоры на ядерное оружие в доктринах государств-членов, а также на необходимость обсуждения проблем контроля на вооружениях в рамках НАТО через создание Специальной консультативной группы по контролю над вооружениями (*Special Consultative Group on Arms Control, SCG*). Наконец, решение о трансформации политики в отношении ТЯО (в том числе в вопросах дислокации) должно приниматься, как ранее отмечал генеральный секретарь, на основе консенсуса⁴⁴.

По большому счету, само по себе мероприятие, направленное на поиск консенсуса по вопросу о роли ядерного оружия в стратегии и политике НАТО, впервые проходившее не за закрытыми дверями специализированного органа, в частности Группы ядерного планирования (*Nuclear Planning Group, NPG*), а публично, при участии политиков и экспертов, свидетельствует о переосмыслении Альянсом роли ядерного оружия в современном мире.

В пользу смещения ядерного оружия на маргинальные позиции говорят и организационные перемены внутри Директората НАТО по ядерной политике (*NATO's Nuclear Policy Directorate, NPD*) и Штаба Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе (*Supreme Headquarters Allied Powers Europe, SHAPE*). К примеру, отмечает Дж. Ларсен, глава Исследовательского подразделения Оборонного колледжа НАТО (*NATO Defense College, NDC*), ранее директорат возглавлял заместитель помощника генерального секретаря, который имел прямой выход на министров обороны и министров иностранных дел, а также напрямую консультировал генерального секретаря по вопросам ядерного сдерживания НАТО. Сейчас же его возглавляет штабной офицер, который докладывает через три круга бюрократии и не имеет прямого доступа к генеральному секретарю⁴⁵.

⁴⁴ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement // Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm (mode of access: 25.03.2017).

⁴⁵ Larsen J. A. US Extended Deterrence and Europe: Time to Consider Alternative Structures? // The Future of Extended Deterrence. P. 51.

Сдерживание в политике и стратегии НАТО с 2010 г.: новая формула. В ноябре 2010 г. была принята Стратегическая концепция НАТО «Активное вовлечение, современная оборона», зафиксировавшая новую формулу сдерживания в виде «достаточно-го сочетания ядерных и обычных вооружений и противоракетной обороны» (*an appropriate mix of nuclear, conventional, and missile defence*). Принимая во внимание снижение опоры на ядерное оружие в контексте новых угроз, любое его применение видится крайне отдаленной перспективой⁴⁶. Такая же формула встречается и в Обзоре ядерной политики (*Nuclear Posture Review Report*, NPRR), опубликованном Министерством обороны США в апреле 2010 г. В документе значится, что снижение опоры на ядерное оружие стало возможным благодаря совершенствованию технологий обычных вооружений и ПРО⁴⁷.

Относительно роли ТЯО отметим, что в рамках брифинга по Обзору ядерной политики США, организованного Советом по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*, CFR), генерал Дж. Картрайт, заместитель начальника Объединенного комитета начальников штабов (*Joint Chiefs of Staff*, JCS), на вопрос о том, предписано ли ТЯО в Европе выполнение каких-либо военных задач, отличных от тех, что возлагаются на стратегические ядерные силы и обычные вооружения, дал отрицательный ответ⁴⁸. Принимая во внимание эту оценку, С. Нанн высказал идею о том, что в условиях ограниченности бюджета при довлеющих угрозах распространения ядерного оружия и ядерного терроризма поддержание статус-кво в вопросе ТЯО в Европе экономически нерацionalmente и небезопасно⁴⁹.

В результате неспособности достижения консенсуса относительно роли ТЯО внутри НАТО фраза о том, что оно является

⁴⁶ Active Engagement, Modern Defense: Strategic Concept... 19–20 Nov. 2010. P. 14 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (mode of access: 25.03.2017).

⁴⁷ Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense [official website]. Apr. 2010. P. 5–6. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (mode of access: 25.03.2017).

⁴⁸ Special Briefing on Nuclear Posture Review // Council on Foreign Relations [official website]. Apr. 8, 2010. URL: <http://www.cfr.org/proliferation/nuclear-posture-review/p21861> (mode of access: 25.03.2017).

⁴⁹ Nunn S. The Race Between Cooperation and Catastrophe // Nuclear Threat Initiative [official website]. 2011. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NTI_Senator_Nunn_essay.pdf?_=1322694397 (mode of access: 25.03.2017).

значимым связующим звеном, не повторяется в стратегии НАТО впервые с момента окончания холодной войны. Единственное его упоминание в документе Альянса 2010 г. – факт сокращения и намерения НАТО искать возможности для дальнейших шагов в этом направлении. Гарантией безопасности союзников были и остаются стратегические ядерные силы, а не ТЯО. Вместе с тем, в Обзоре ядерной политики США последнее традиционно рассматривается как элемент распространенного сдерживания, «ядерного зонтика». Внимание при этом акцентируется на том, что любое решение о будущем американского ТЯО в Европе будет приниматься НАТО⁵⁰.

Принятие концепции не ознаменовало окончание дискуссии, напротив – в Лиссабоне было принято решение о разработке Обзора политики НАТО в области сдерживания и обороны. Документ, утвержденный в мае 2012 г. на саммите НАТО в Чикаго, укрепил единство Альянса и убедительность сдерживания. Во многом он повторял уже изложенное ранее в концепции, в частности формулу сочетания обычных вооружений, ядерного оружия и ПРО как элементов сдерживания. При всем этом дискуссия, имевшая место между членами Альянса, вылилась в появление совершенно новых для дискурса НАТО тезисов. Во-первых, обозначалось, что НАТО, будучи приверженной идее о сокращении ТЯО при определенных шагах со стороны России, поручит соответствующим комитетам разработать новую концепцию разделения бремени, принимая во внимания сценарий, при котором будет принято решение о снижении опоры на ТЯО. Во-вторых, наряду с контролем над вооружениями и нераспространением, в официальный дискурс вводится идея разоружения и стремления альянса к созданию условий для мира, свободного от ядерного оружия. Более того, принятие настоящего документа положило начало созданию внутринатовского Комитета по контролю и разоружению (*Weapons of Mass Destruction Control and Disarmament Committee*)⁵¹.

---

⁵⁰ Nuclear Posture Review Report Apr. 2010. P. 13 // U. S. Department of Defence [official website]. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (mode of access: 25.03.2017).

⁵¹ Deterrence and Defence Posture Review // North Atlantic Treaty Organization [official website]. May 20, 2012. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (mode of access: 25.03.2017).

В целом действующие Стратегическая концепция и Обзор политики в области обороны и сдерживания НАТО дают весьма противоречивую картину о роли, предписанной ядерному оружию в сдерживании. Сложно не согласиться с Хансом Кристенсеном в том, что приверженность идее о его стабилизирующей роли, необходимости обладания им для обеспечения безопасности, с одной стороны, и идее о снижении опоры на ядерное оружие и создании условий для мира без него, с другой, свидетельствует о диссонансной политике Альянса. При этом принятие данных документов законсервировало конфликт приоритетов ядерной политики НАТО. Очевидно, что для авторов обоих документов было намного важнее услышать и зафиксировать мнение каждого государства, избегая при этом острых углов, достичь консенсуса, нежели выработать действительно новое видение роли ядерного оружия в стратегии Альянса⁵². Кроме того, согласно И. Уильямс и С. Андреасену, внимание и ресурсы, в первую очередь политические, НАТО в целом и США в частности в последние годы были обращены на более насущные, нежели роль ядерного оружия, проблемы, прежде всего на урегулирование в Афганистане⁵³. Все это позволяет экспертам прийти к выводу о том, что историческая возможность осуществить истинную трансформацию ядерной политики была упущена НАТО⁵⁴.

ПРО – новый элемент сдерживания в условиях современных реалий. Эксперты сходятся во мнениях о том, что добавление элемента ПРО в качестве одной из трех основ стало самым значительным изменением в создаваемой НАТО после окончания холодной войны архитектуре сдерживания⁵⁵. Во многом такие перемены объясняются секьюритизацией угроз распространения ракетных технологий и непосредственно ядерного оружия. Одновременно настоящие угрозы секьюритизируются в привязке в первую очередь к государствам-изгоям.

⁵² Krause J. Threat Scenarios, Risk Assessments, and the Future of Nuclear Deterrence The Future of Extended Deterrence. P. 19 ; Kristensen H. M. Nuclear Weapons in NATO's Deterrence Posture. Status Quo or Change? P. 135.

⁵³ Williams I., Andreassen S. P. The Debate over Disarmament within NATO. P. 123.

⁵⁴ Kimball D. G., Meier O., Ingram P. NATO On Nuclear Weapons: Opportunities Missed and Next Steps Forward // Arms Control Now [official website]. May 21, 2012. URL: https://armscontrolnow.org/2012/05/21/nato-on-nuclear-weapons-opportunities-missed-and-next-steps-forward/#_edn1 (mode of access: 25.03.2017).

⁵⁵ Thränert O., Kartchner K. M. From Offense to Defense? Extended Deterrence and Missile Defense // The Future of Extended Deterrence. P. 164.

ПРО, как отмечают О. Транерт и К. Картчнер, относительно новый феномен в дискурсе расширенного сдерживания⁵⁶. Ранее оно основывалось на позитивных гарантиях безопасности США союзникам, инструментом которых были американские стратегические ядерные силы, а также ТЯО США в Европе. Можно предположить, что решающую роль в предписании ПРО роли третьего элемента сдерживания сыграли как раз дискуссии внутри НАТО о путях снижения роли ядерного оружия в политике и стратегии Альянса⁵⁷.

ПРО для НАТО есть важный инструмент обеспечения коллективной обороны, значительное дополнение, механизм деления бремени и связующее звено⁵⁸. В отсутствие при этом традиционного тезиса о ТЯО как связующем звене эксперты вступили в дискуссию о возможностях его замены ПРО как механизме разделения бремени⁵⁹.

Мы разделяем позицию, в соответствии с которой ПРО способна внести свой вклад в снижение значимости ядерного оружия, однако до тех пор, пока оно существует, она не сможет стать первоочередной основой убедительного сдерживания. При этом система ПРО при значимом участии европейских членов НАТО способна стать более действенным инструментом сдерживания и более прочным связующим звеном в сравнении с реликтами холодной войны в виде ТЯО⁶⁰.

ПРО-пессимисты при отсутствии гарантированной технической возможности системы обращают внимание на наличие серьезных политических издержек, прежде всего на ухудшение отношений с Россией. Помимо российского фактора, эксперты указывают на то, что развертывание систем ПРО яв-

---

⁵⁶ Ibid. P. 155.

⁵⁷ *Thranert O.* NATO and Missile Defense: Opportunities and Open Questions // *CSS Analysis in Security Policy*. № 86. Dec. 2010. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-> (mode of access: 25.03.2017).

⁵⁸ *Deterrence and Defence Posture Review* // North Atlantic Treaty Organization [official website]. May 20, 2012. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (mode of access: 25.03.2017).

⁵⁹ См.: *Butt Y.* The myth of missile defense as a deterrent // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 8 May 2010. URL: <http://thebulletin.org/myth-missile-defense-deterrent> (mode of access: 25.03.2017) ; *Roberts B.* On the Strategic Value Of Ballistic Missile Defense // *Institut français des relations internationales* [official website]. *Proliferation Papers* 50. June 2014. URL: <http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp50roberts.pdf> (mode of access: 25.03.2017) ;

⁶⁰ *Thranert O., Kartchner K. M.* From Offense to Defense? P. 172.

ляется триггером к распространению средств ее преодоления. Кроме того, в условиях ограниченности финансовых ресурсов инвестиции в ПРО целесообразно перенаправить в сектор обычных вооружений⁶¹.

Надо сказать, что проблема ПРО была актуальна и в годы холодной войны. Стратегическая стабильность (*strategic stability*) основывалась на классическом сдерживании, сдерживании посредством наказания (*deterrence by punishment*), возмездия (*retaliation*). Отсутствие оборонных систем, предполагающее гарантированную возможность для каждой из сторон нанести удар возмездия, воспринималось в качестве гаранта стабильности взаимного ядерного сдерживания. Именно необходимостью взаимной уязвимости было продиктовано заключение Договора по ПРО в 1972 г.

Выход США из Договора по ПРО был продиктован, очевидно, изменением характера угроз безопасности. При различии подходов к архитектуре ПРО на определенных этапах (национальная ПРО Джорджа Буша младшего или общеевропейская ПРО Барака Обамы) очевидно одно – уязвимость в контексте ядерной многополюсности, разнородности и многоплановости угроз более не является подходящей опцией ни для США, ни для НАТО в целом⁶².

Наблюдается неопределенность относительно того, насколько значимое место займут данные системы в сдерживании. Во многом это будет зависеть от дальнейшего развития как оборонительных, так и наступательных технологий. Мы согласны с Я. Дуркалем в том, что, вероятнее всего, роль ПРО останется комплементарной; удельный вес этого элемента сдерживания будет меньше веса не только ядерных, но и обычных вооружений⁶³. Вместе с тем, наша позиция, обозначенная выше, сводится к тому, что ПРО способна значительно снизить роль ТЯО и перенять роль символа гарантий США по обеспечению безопасности союзников.

⁶¹ European Missile Defenses for NATO : Debate held by CSIS. Febr. 16, 2017 // CSIS [official website]. URL: <https://www.csis.org/events/debate-european-missile-defenses-nato> (mode of access: 25.03.2017).

⁶² *Thranert O., Kartchner K. M.* From Offense to Defense? P. 166.

⁶³ *Durkalec J.* The Role of Missile Defense in NATO's Deterrence // Regional Approaches to Missile Defense in Reducing Nuclear Threats / The Polish Institute of International Affairs [official website]. 2013. P. 29. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=14446 (mode of access: 27.03.2017).

НАТО после 2014 г.: заверение и сдерживание

Заверение союзников – первостепенная задача Альянса. На фоне действий России в контексте украинского кризиса возобновились дискуссии по вопросу убедительности сдерживания НАТО, прежде всего распространенного, то есть прочности американских гарантий европейским союзникам. Еще в конце 1960-х гг. министр обороны Великобритании Денис Хили сформулировал то, что вошло в историю под названием «Теорема Хили» (*the Healey Theorem*), согласно которой лишь 5 % убедительности требовалось, чтобы сдержать СССР, остальные же 95 % – для заверения европейцев⁶⁴. Нет никаких оснований полагать, что «теорема Хили» утратила свою актуальность.

После завершения холодной войны в условиях неубедительности угрозы применения ядерного оружия НАТО существенно трансформировала стратегию сдерживания и значительно снизила опору на ядерное оружие, отведя центральную роль в сдерживании обычным вооружениям, а также интегрировав в систему сдерживания такой элемент как ПРО. В то же время в условиях текущего кризиса НАТО вынуждена укреплять конвенциональный (неядерный) компонент сдерживания, не откатываясь при этом к усилению роли ядерного оружия, но возвращаясь к дискурсу ядерного сдерживания. Главная задача НАТО на данном этапе – повысить убедительность угрозы, удостоверив (*reassure*) прежде всего граничащие с Россией государства – члены Альянса в надежности гарантий безопасности, не провоцируя при этом Россию.

В Уэльсе НАТО был принят План действий по обеспечению готовности (*Readiness Action Plan*, RAP), элементы которого включают меры по заверению (*assurance*) союзников, по адаптации военно-стратегической концепции и увеличению количества учений, направленных на обеспечение коллективной обороны. Помимо создания Объединенной оперативной группы повышенной готовности (*Very High Readiness Joint Task Force*, VJTF) был инициирован ряд двусторонних инициатив (между США и государствами восточного фланга НАТО, а также между США и Германией): это Атлантическая решимость (*Atlantic Resolve*) и Европейская

---

⁶⁴ Yost D. S. Assurance and US Extended Deterrence // Institutional Archive of the Naval Postgraduate School [official website]. 2009. P. 756. URL: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/38369/85_4yost.pdf?sequence=1 (mode of access: 27.03.2017).

инициатива по заверению (*European Reassurance Initiative*, ERI), предназначенные для обеспечения ротационного присутствия американских сил в Центральной и Восточной Европе, а также размещение дополнительной группировки техники на тренировочной базе НАТО в Графенвере (Германия) в рамках инициативы, получившей название *European Activity Set*⁶⁵. Члены НАТО также приняли обязательства по остановке сокращения расходов на оборону и стремлению к достижению необходимых 2 % ВВП⁶⁶.

Следует отметить, что Латвией, Литвой, Польшей, Румынией и Эстонией поднимался вопрос о постоянном присутствии сил НАТО на своей территории. При этом Венгрия и Словакия не рассматривают для себя подобного сценария, а Чехия ставит под сомнение целесообразность подобных мер в других странах Центральной и Восточной Европы, не говоря о себе. Болгария, в свою очередь, не заняла столь категоричной позиции, как Польша, Румыния и государства Балтии, однако она отметила необходимость усиления обороны в Черноморье. Против подобной инициативы однозначно высказались западноевропейские члены Альянса, в первую очередь Германия, справедливо полагающие, что данный шаг повлек бы за собой лишь эскалацию конфликта, так как прежде всего был бы воспринят в качестве нарушения положений Основополагающего акта Россия – НАТО⁶⁷.

Как уже отмечалось ранее, исторический бэкграунд во многом определяет восприятие угроз. Важным фактором является и географическая близость к потенциальному источнику угрозы. Так, на южном фланге НАТО государства менее озабочены динамикой на российском направлении, на ближневосточном – больше. Принимая это во внимание, полагает Т. Пархалина, не следует игнорировать тот факт, что многосторонние инициативы НАТО, утверж-

⁶⁵ Turner M. Deterring to Defend: Delivering on NATO's Promise / NATO Parliamentary Assembly [official website]. June 2016. P. 49–51. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0ahUKewiCsNPY9_bSA-hUFSwKHc0_CfAQFgg3MAM&url=http%3A%2F%2Fwww.nato-pa.int%2FDownload.asp%3FID%3DB488944A4D02020501CA&usg=AFQjCNGdcYcfCd1m2T1X-pi478ipS1fHWA&sig2=R0QDKkb9v4Zj4DoSXyzjGg&cad=rjt (mode of access: 27.03.2017).

⁶⁶ Wales Summit Declaration. 5 Sept. 2014 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease (mode of access: 27.03.2017).

⁶⁷ Kacprzyk A. Deterring Russia after Ukraine: CEE Divided on the Future of NATO Policy // The Polish Institute of International Affairs Policy [official website]. Paper № 13 (96). July 2014. URL: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17873 (mode of access: 27.03.2017).

денные в Уэльсе, есть механизмы ответа на вызовы безопасности Альянса, исходящие с южного направления⁶⁸. При этом эксперты указывают на отсутствие последовательного подхода к решению проблем, существующих на этом направлении⁶⁹.

Если решения, принятые в Уэльсе, рассматриваются российскими и зарубежными экспертами в качестве переломного момента (*game-changer*), то в центре внимания в Варшаве по большей части были вопросы их имплементации⁷⁰. Союзники констатировали факт претворения в жизнь Плана действий по обеспечению готовности, соответственно, серьезнейшего усиления коллективной обороны в постбиполярной истории Альянса. В дополнение к решениям, принятым в Уэльсе, в Варшаве государства НАТО согласовали расширение военного присутствия в Центральной и Восточной Европе. Варшавское решение предполагало размещение с 2017 г. на территории стран Балтии и Польши на ротационной основе многонациональных боевых батальонных групп. В то же время менее масштабная инициатива под названием *Tailored Forward Presence* была запущена на юго-востоке НАТО: это болгарско-румынская бригада в Румынии⁷¹. Кроме того, в Варшаве союзники заявили о начальной готовности коллективной ПРО в результате запуска противоракетного комплекса в Девеселу (Румыния). На 2018 г. запланирована готовность объекта ПРО в Редзиково (Польша). При этом союзники вновь обратили особое внимание на тот факт, что ПРО НАТО не направлена против России⁷².

⁶⁸ Пархалина Т. НАТО и Восточная Европа.

⁶⁹ Scheffler A. Beyond Deterrence: NATO's Agenda after Warsaw // Facts&Findings. Prospects for German Foreign Policy. № 224. Oct. 2016. [official website]. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_46589-544-2-30.pdf?161005142126 (mode of access: 27.03.2017).

⁷⁰ Данилов Д. К какому будущему готовится НАТО: Варшавский саммит Организации Вашингтонского договора // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. 2016. 1 сент. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8068#top-content (дата обращения: 27.03.2017); Friis K. NATO after the Warsaw Summit.

⁷¹ Turner M. Deterring to Defend. P. 57 / NATO Parliamentary Assembly [official website]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0ahUKEwiCsNPY9_bSAhUFFSwKHc0_CfAQFgg-3MAM&url=http%3A%2F%2Fwww.nato-pa.int%2FDocdownload.asp%3FID%3DB488944A4D02020501CA&usg=AFQjCNGdcYcfCd1m2T1X-pi478ipS1flHWA&sig2=R0QDKkb9v4Zj4DoSXyzjGg&cad=rjt (mode of access: 27.03.2017).

⁷² Warsaw Summit Communiqué. 8–9 July 2016 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (mode of access: 27.03.2017).

Анализируя предпринимаемые НАТО меры, М. Коффман приходит к выводу о том, что они не могут классифицироваться как сдерживание – это скорее заверение⁷³. Убедительность сдерживания, согласно классике теории сдерживания У. Кауффману, должна быть достигнута в трех плоскостях: способность (*capability*), издержки (*costs*), намерения (*intentions*)⁷⁴. Таким образом, необходимо убедить оппонента в своем обладании инструментом сдерживания, способным нанести неприемлемый ущерб, и в том, что его применение действительно возможно. В результате исследования, построенного на методе моделирования, эксперты *RAND Corporation* пришли к выводу о том, что НАТО оказалась бы не способна защитить государства Центральной и Восточной Европы в случае российской агрессии⁷⁵. Возможно, принятие дополнительных решений в Варшаве свидетельствует о том, что НАТО учла ряд рекомендаций, предоставленных *RAND Corporation*, однако это вряд ли изменило бы результаты исследования.

Мы согласны с М. Коффманом, полагающим, что достаточно сдержанные ответные меры НАТО обусловлены стремлением избежать закручивания спирали дилеммы безопасности⁷⁶. Для описания механизма, запущенного Альянсом в Уэльсе, зарубежные эксперты используют термин *tripwire* – «растяжка». Она не способна ни лишить противника возможности осуществления угрозы, ни быть наказанием за ее осуществление – это четко проведенная красная линия, заступление за которую повлечет неизбежную стремительную эскалацию. Как совершенно справедливо отмечает Т. Пархалина, «алармисты в России могут утверждать, что НАТО создает мощный военизированный кулак, представляющий военную угрозу для нашей страны. Однако при детальном анализе становится очевидным, что создается небольшое формирование оборонительного характера, направленное на демонстрацию намерений Альянса не допустить посягательств

⁷³ Tripwire: NATO's Russia Dilemma // Carnegie corporation of New York News [official website]. 11 Oct. 2016. URL: <https://www.carnegie.org/news/articles/trip-wire-natos-russia-dilemma/> (mode of access: 27.03.2017).

⁷⁴ Kaufmann W. W. The Requirements of Deterrence. P. 7–8 // Yale University Library [official website]. URL: http://findit.library.yale.edu/images_layout/view?parentoid=11787184&increment=9 (mode of access: 27.03.2017).

⁷⁵ Shlapak D. A., Johnson M. W. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics // RAND Corporation [official website]. 2016. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf (mode of access: 27.03.2017).

⁷⁶ Tripwire: NATO's Russia Dilemma.

на свою территорию⁷⁷». На «огромную пропасть восприятия», возникшую между Россией и Западом, обращает внимание А. Арбатов. Не воспринимая Россию в качестве угрозы собственной безопасности, США и Западная Европа предпринимают усилия по заверению государств Центральной и Восточной Европы, вызывающих к защите. Россия, в свою очередь, направленные на заверение «младших» союзников меры воспринимает в качестве угрозы собственной безопасности и начинает новый круг по спирали, который порождает необходимость новых мероприятий по заверению малых стран, не позволяя сторонам вырваться из дилеммы безопасности⁷⁸.

Ядерное сдерживание: снова на повестке. Бравирование России ядерным оружием на фоне текущего кризиса привело к тому, что в разных странах НАТО, в том числе в США, в политических и экспертных кругах начали раздаваться призывы к усилению опоры на него, повышению готовности самолетов двойного назначения, увеличению количества учений, рассмотрению возможности размещения американских стратегических бомбардировщиков в Европе на ротационной основе и даже размещению ТЯО США на территории государств Центральной и Восточной Европы⁷⁹. Большую озабоченность не только в России, но и, вероятно, в НАТО вызвало заявление заместителя министра обороны Польши Т. Шатковского о том, что Министерство обороны Польши предпринимает конкретные шаги по интеграции государства в систему разделения ядерного бремени посредством размещения ТЯО США, что было бы прямым нарушением Основополагающего акта Россия – НАТО 1997 г.,

⁷⁷ Пархалина Т. НАТО и Восточная Европа.

⁷⁸ Арбатов А. Осторожно, грабли!

⁷⁹ Durkalec J. NATO's Nuclear Adaptation at the Warsaw Summit // NATO and Collective Defence in the 21st Century ; Kroenig M. The Renewed Russian Nuclear Threat and NATO Nuclear Deterrence Posture // Atlantic Council Issue Brief [official website]. Febr. 2016. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Russian_Nuclear_Threat_0203_web.pdf (mode of access: 27.03.2017) ; Letter from Chairman of Strategic Forces Subcommittee Mike Rogers to Secretary of Defense Chuck Hagel and Secretary of State John Kerry. 22 Jan. 2015 // Congressman Mike Turner [official website]. URL: http://turner.house.gov/sites/turner.house.gov/files/wysiwyg_uploaded/January%2022%2C%202015%20Turner%2C%20Rogers%20Letter%20to%20Secretary%20Hagel%2C%20Secretary%20Kerry_1.pdf (mode of access: 27.03.2017) ; Lucas E., Mitchell A. W. Central European Security After Crimea: The Case for Strengthening NATO's Eastern Defenses // Center for European Policy Analysis [official website]. 25 March 2014. URL: [http://cepa.org/sites/default/files/The%20Case%20for%20Strengthening%20NATOs%20Eastern%20Defenses-%20\(2\).pdf](http://cepa.org/sites/default/files/The%20Case%20for%20Strengthening%20NATOs%20Eastern%20Defenses-%20(2).pdf) (mode of access: 27.03.2017) ; Rathke J., De Galbert S. NATO's Nuclear Policy as Part of a Revitalized Deterrence Strategy // Center for Strategic and Intern. Studies. [official website]. 27 Jan. 2016. URL: <http://csis.org/publication/natos-nuclear-policy-part-revitalized-deterrence-strategy> (mode of access: 27.03.2017).

закрепившего так называемые «три нет» (*no intention, no plan, no reason* – «3 nos»), олицетворяющие отсутствие у Альянса намерений, планов и причин размещения ядерного оружия на территории новых членов⁸⁰. Несмотря на то, что министерство обороны незамедлительно опубликовало опровержение⁸¹, сам факт возникновения подобной ситуации свидетельствует о неизбежности возобновления дискуссий о роли ядерного оружия в обеспечении обороны и сдерживания НАТО.

Вставка в Декларацию по итогам Уэльского саммита положений Стратегической концепции 2010 г. и Обзора политики в области обороны и сдерживания 2012 г. без единого изменения свидетельствует о стремлении Альянса до последнего не касаться этого крайне чувствительного вопроса, способного поставить под сомнение единство и сплоченность Альянса. По мнению Л. Фридмана, сообщения о нецелесообразности излишних акцентов на ядерных вооружениях отправляли высокопоставленные чиновники государств – членов НАТО и представители военного командования Альянса. Так, в своем обращении к Конгрессу занимавший тогда посты командующего Европейским командованием вооружённых сил США (EUCOM) и верховного главнокомандующего Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе (SACEUR) Ф. Бридлав заявил, что текущий кризис между Россией и Западом не основан на ядерном измерении (*not based on the nuclear piece*), а экс-министр обороны США Э. Картер подчеркнул, что, отвечая на вызов со стороны России, США не будут руководствоваться сценариями холодной войны⁸².

В отличие от уэльского документа, коммюнике по итогам саммита НАТО в Варшаве формирует иной дискурс. Между саммитами в Уэльсе и Варшаве, то есть за полгода, было проведено три заседания Группы ядерного планирования, посвященных адаптации

⁸⁰ Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation // North Atlantic Treaty Organization [official website]. May 27, 1997. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm (mode of access: 27.03.2017).

⁸¹ Kristensen H. M. Adjusting NATO's Nuclear Posture // Federation of American Scientists [official website]. Dec. 7, 2015. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjy7YXPiv7SAhUhCpoKHVR4CpsQFggaMAA&url=https%3A%2F%2Ffas.org%2Fblogs%2Fsecurity%2F2015%2F12%2Fpoland%2F&usg=AFQjCNFEC-gAweIZyb3cl0comgfY4EcCEg&sig2=CBWrKKRc-oQ9rxsRmOoL5A&bvm=bv.151426398,bs.2,d.bGg> (mode of access: 27.03.2017).

⁸² Ibid.

ядерной стратегии Альянса к новым реалиям⁸³. В коммюнике, во-первых, отмечается, что союзники «частично» (*in part*) опираются на ядерные вооружения США в Европе как на средство сдерживания. Формулировка весьма странная, однако важно само по себе появление тезиса о сдерживающей роли ТЯО после его исключения в результате острых дискуссий 2009–2012 гг. Очевидно, что подобный шаг опять же свидетельствует о намерении убедить малые страны, настаивавшие на сохранении этого тезиса, в том, что их опасения услышаны, поняты и что предпринимаются меры по укреплению убедительности гарантий безопасности. Во-вторых, и это крайне важно, подчеркивается уникальность ядерного оружия и идея о том, что любое его использование против Альянса фундаментально изменит природу конфликта⁸⁴. На официальном сайте НАТО в разделе, посвященном ядерному сдерживанию, конкретизируется эта идея о ядерном оружии как инструменте предотвращения, а не ведения войны: «даже если Россия склоняется к понижению ядерного порога и рассматривает возможность применения ядерного оружия на ранней стадии в условиях кризиса или конфликта, Альянс не надо равняться на данную политику и вставать на опасный путь. Совсем наоборот, НАТО и ядерные государства – члены Альянса могут подчеркнуть, что являются ответственными ядерными игроками, которые рассматривают ядерное оружие в качестве оружия крайней меры, и его применение возможно лишь в крайних ситуациях⁸⁵».

Анализируя дискурс, формируемый НАТО, можно прийти к выводу о том, что для Альянса очень важно дистанцироваться от практики ядерного сдерживания эпохи 1960–1980-х гг. Всячески подчеркивается, что ядерное оружие не рассматривается в качестве средства ведения войны – это оружие крайней меры. Примечательно, что в упомянутом разделе официального сайта значится, что ядерное оружие США в Европе не является тактическим⁸⁶. В варшавском коммюнике прилагательное «тактическое» также опущено. Вероятно, это обусловлено коннотациями, которые несет

---

⁸³ Larsen J. NATO's Responses to Russian Belligerence // NATO and Collective Defense in the 21st Century.

⁸⁴ Warsaw Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization [official website]. 9 July 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (mode of access: 29.03.2017).

⁸⁵ Nuclear deterrence and the Alliance in the 21st century // North Atlantic Treaty Organization [official website]. URL: <http://www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/nuclear-deterrence-alliance-21st-century-nato/EN/index.htm> (mode of access: 29.03.2017).

⁸⁶ Nuclear deterrence and the Alliance in the 21st century.

данный термин, что связано с тем, что в годы холодной войны ТЯО рассматривалось в качестве оружия поля боя.

Серьезные опасения относительно политики и стратегии России связаны с опасностью понижения ее ядерного порога за счет приверженности идее деэскалации в условиях превосходства НАТО в обычных вооружениях, то есть ограниченного применения ядерного оружия с целью возвращения к статус-кво анте⁸⁷. Подобная миссия в годы холодной войны возлагалась на ТЯО США в Европе, что компенсировало превосходство СССР и ОВД в обычных вооружениях; ТЯО было ключевым инструментом эскалационного контроля. О том, что эскалационный контроль является элементом ядерной стратегии России, свидетельствует интеграция учений по отработке применения ядерного и конвенционального оружия⁸⁸. НАТО также проводит учения, но элементы не интегрированы: отработка ядерных миссий Альянса производится в рамках отдельных учений⁸⁹. Позиция НАТО сводится к тому, что интегративный подход противоречит принципам, которых придерживаются ядерные государства – члены Альянса, – политической роли ядерного оружия (предотвращение мира) и жесткого политического контроля (решения принимаются в соответствии с установленными процедурами исключительно на политическом, а не на военном уровне)⁹⁰. Однако это отнюдь не означает, что в рамках НАТО не возродились дискуссии по вопросам ядерного планирования.

Неудивительно, что ответы официальных лиц на вопросы, касающиеся оперативных планов НАТО по осуществлению сдерживания, малоинформативны. Очевидно лишь то, что ключевой задачей, выражаясь словами экс-министра обороны США Э. Картера, является написание новых, адаптированных к широкому спектру современных угроз, сценариев, в которых лучшим образом были бы интегрированы обычный (включая ПРО) и ядерный компоненты сдерживания⁹¹. Концепция, призванная составить основу

⁸⁷ См.: Sokov N. N. Why Russia calls a limited nuclear strike “de-escalation” // Bulletin of the Atomic Scientists. March 13, 2014. URL: <http://thebulletin.org/why-russia-calls-limited-nuclear-strike-de-escalation> (mode of access: 29.03.2017).

⁸⁸ Rathke J., De Galbert S. NATO’s Nuclear Policy as Part of a Revitalized Deterrence Strategy.

⁸⁹ Reif K. NATO Weighs Nuclear Exercises // Arms Control Association [official website]. Nov. 2015. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_11/News/NATO-Weighs-Nuclear-Exercises (mode of access: 29.03.2017).

⁹⁰ Nuclear deterrence and the Alliance in the 21st century.

⁹¹ Reif K. NATO Weighs Nuclear Exercises.

оперативного планирования НАТО, носит название «поэтапного реагирования» (*graduated response*). В рамках пресс-конференции в июне 2015 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, отметив, что он не вправе вдаваться в детали, заявил, что перспективы по осуществлению «поэтапного реагирования» представляют собой усовершенствованные, более детализированные планы, в рамках которых проработаны механизмы принятия решений, обеспечения готовности сил сдерживания и обороны и их размещения в кратчайшие сроки при возникновении необходимости в обороне и защите союзников от угрозы любого характера⁹².

Следует отметить, что декларативно политика НАТО в отношении России не ограничивается сдерживанием – диалог, призванный, помимо прочего, повысить транспарентность и предсказуемость, заявлен в качестве второго ее элемента⁹³. Справедливости ради стоит отметить, что не только Россия указывает на отсутствие конкретных шагов со стороны Альянса в сторону продвижения диалога, о чем в первую очередь свидетельствует продолжающаяся заморозка работы Совета Россия – НАТО. В августе 2016 г. занимавший тогда пост министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер призвал Запад к тому, чтобы сделать видимым не только сдерживание, но и диалог. Инициатива Штайнмайера заключается в возобновлении дискуссии по КОВЕ, заключению нового договора, принимая во внимание озабоченность России этим вопросом⁹⁴. Очевидно, ни Россия, ни НАТО не заинтересованы в новом раунде военного противостояния, рискующего выйти из-под контроля, что позволяет нам, подобно Й. Рингсмосу и С. Риннингу, рассчитывать на то, что стороны все же вступят в конструктивный диалог⁹⁵.

---

⁹² Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Defence Ministers. 24 June 2015 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_120967.htm?selectedLocale=en (mode of access: 29.03.2017).

⁹³ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Munich Security Conference // North Atlantic Treaty Organization [official website]. Febr. 13, 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_128047.htm (mode of access: 29.03.2017).

⁹⁴ Steinmeier F.-W. More security for everyone in Europe: A call for a re-launch of arms control // Organization for Security and Co-operation in Europe [official website]. 2016. URL: <http://www.osce.org/cio/261146?download=true> (mode of access: 31.03.2017).

⁹⁵ Ringsmose J., Rynning S. Can NATO's new Very High Readiness Joint Task Force deter? // NATO and Collective Defense in the 21st Century.

* * *

После завершения холодной войны происходит переосмысление феномена безопасности. Она отныне не определяется лишь военно-политическими категориями – нетрадиционные угрозы занимают большую ее повестку. Изменения претерпевают и традиционные угрозы, свидетельством чего служит возникновение такого явления как гибридная война. В данном контексте происходит маргинализация ядерного оружия как инструмента обеспечения безопасности. Именно этот процесс прослеживается в истории адаптации НАТО к новым реалиям. Вместе с тем, помимо мощнейшего средства обеспечения безопасности, ядерное оружие может восприниматься в качестве инструмента обогащения и властного ресурса лоббистских групп, ВПК, военных, политиков и т. д. Наконец, некоторым акторам оно видится как символ, с одной стороны, отражающий, с другой – формирующий идентичность актора, символ модерности. Таким образом, настоящий подход, предложенный С. Сэйганом, позволяет проанализировать ценность ядерного оружия сквозь призму трех моделей: безопасности, внутренней политики и норм⁹⁶.

В постбиполярном мире ядерное оружие превращается в решение проблемы, которой нет⁹⁷. В период до 2010 г. НАТО находится в поисках объяснения его роли в своей политике и стратегии. При этом различное восприятие членами НАТО угроз, а также роли ядерного оружия и разоружения привело к появлению в результате продолжительных дискуссий в 2009–2012 гг. новой формулы сдерживания в виде сочетания опоры на ядерные и конвенциональные силы, а также ПРО и диссонансной, по выражению Х. Кристенсена, политике Альянса, в которой нашлось место и важной роли ядерного оружия, и стремлению к миру, свободному от него⁹⁸.

На фоне действий России в контексте украинского кризиса, сопровождающихся бравированием ядерным оружием, дискуссии об их роли в обеспечении безопасности НАТО возобновляются с новой силой, угрожая единству и сплоченности Альянса⁹⁹. Главной задачей, стоящей перед НАТО на данном этапе, становится заверение союзников,

⁹⁶ Sagan S. D. Why Do States Build Nuclear Weapons?

⁹⁷ Freedman L. The Primacy of Alliance: P. 23.

⁹⁸ Kristensen H. M. Nuclear Weapons in NATO's Deterrence Posture // Status Quo or Change? P. 135.

⁹⁹ Larsen J. NATO's Responses to Russian Belligerence.

прежде всего Польши и балтийских государств, в надежности гарантий безопасности, при этом есть четкое понимание того, что предпринимаемые меры не должны провоцировать Россию. НАТО проводит мероприятия, призванные повысить убедительность угрозы не только в глазах потенциального противника, но и в глазах союзников. К ним относятся разработка детальных оперативных планов, проведение учений с привлечением, в частности, Польши, четкая коммуникация идей о ядерном сдерживании потенциальному противнику. Обеспокоенность вызывает у НАТО идея о приверженности России концепции деэскалации – ограниченному применению ядерного оружия с целью возвращения к статус-кво анте. Вместе с тем, для НАТО очень важно дистанцироваться от практики ядерного сдерживания эпохи 1960–1980-х гг., с которой ассоциируются идеи о возможности применения ядерного оружия на поле боя и возможности контролируемой эскалации. Всячески подчеркивается, что ядерное оружие для Альянса не есть средство ведения войны – это оружие крайней меры.

Любые шаги Альянса по заверению союзников и укреплению сдерживания, будучи не только легитимными, но четко выверенными и весьма осторожными, непременно воспринимаются Россией в качестве угрозы национальной безопасности. «Огромная пропасть восприятия», по справедливому замечанию А. Арбатова, не позволяет России и НАТО вырваться из дилеммы безопасности¹⁰⁰. Примечательно, что в своем докладе «группа мудрецов», созданная с целью предоставления рекомендаций относительно новой Стратегической концепции Альянса, акцентировала внимание на значимости диалога не только на основе традиционных концепций, доктрин и транспарентности, но и восприятия, которое характерно для той и другой стороны¹⁰¹. «Самым большим вызовом, встающим на пути реформирования, является изменение нашего образа мыслей», – заявил в 2010 г. занимавший тогда пост генерального секретаря НАТО А. Ф. Расмуссен в ходе своей речи, посвященной проблеме трансформации НАТО¹⁰². К сожалению, эта важнейшая из важнейших задач остается непосильной ни для одной из сторон.

---

¹⁰⁰ Арбатов А. Осторожно, грабли!

¹⁰¹ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010 // NATO [official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm (mode of access: 31.03.2017).

¹⁰² Address by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Belgian Royal High Institute for Defence // North Atlantic Treaty Organization [official website]. Apr. 26, 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-586B30BB-94C4250F/natolive/opinions_62923.htm (mode of access: 31.03.2017).

Глава 8

**ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ЗОНА, СВОБОДНАЯ
ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ АРХИТЕКТУРУ
БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹***Н. А. Кутнаева*

В странах Центрально-Азиатского (ЦА) региона² протекают разноскоростные внутренние (экономические, политические, общественно-социальные) и внешнеполитические процессы. Тем ценнее для них оказался опыт по созданию единственного соглашения в сфере безопасности, в котором состоят все пять ЦА стран³, – договора о Центральноазиатской зоне, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО).

Формирование любых безъядерных зон не заканчивается подписанием и ратификацией соответствующего договора о создании ЗСЯО региональными участниками. Процесс не является завершенным без подписанного ЯОГ протокола о негативных гарантиях безопасности, который обязывает ядерные государства не применять ядерное оружие и не угрожать его применением странам – участницам зоны.

В первой части главы речь пойдет об эволюции становления такой зоны в ЦА и будут предложены ответы на следующие вопросы:

¹ Более подробно см.: Кутнаева Н. А. Проблемы и перспективы развития Центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия. Бишкек: [Б. и.], 2014. 242 с. Помимо изучения архивных материалов, автором был проведен ряд экспертных интервью с зарубежными, российскими и центральноазиатскими учеными и экспертами по нераспространению, а также на условиях конфиденциальности – с бывшими и нынешними дипломатами ЦА республик. Благодаря стажировке в Центре изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского Института международных исследований (США, 2012) были проведены интервью с американскими политиками, учеными и экспертами, специализирующимися на ядерной безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

² Под термином «Центральная Азия» понимается регион, ограниченный территорией пяти постсоветских государств – Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан.

³ ЦА ЗСЯО – это единственный договор в сфере безопасности, в котором участвует нейтральная Туркмения.

почему ядерные государства выступали против подписания соответствующего протокола, какое отношение к договору имеет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также какие внутривосточные факторы в ЦА государствах были препятствием, а какие, наоборот, ускорили становление ЗСЯО.

Во второй части будет рассмотрен вопрос о влиянии ЦА ЗСЯО на регион – на архитектуру региональной безопасности с точки зрения политической поддержки зоны ОДКБ и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), на экологическое измерение безопасности; также будут рассмотрены шаги в сфере ядерной безопасности, которые предпринимаются ЦА государствами на современном этапе в рамках ЦА ЗСЯО.

Необходимо указать на неправомерность обозначения договора ЦА ЗСЯО как Семипалатинского, поскольку официальное его название все-таки Центральноазиатский. В прошлом и Узбекистан, и Киргизия на различных заседаниях ДНЯО выдвигали возражения против использования выражения «Семипалатинский договор»⁴.

Первый этап: зарождение идеи (1992–1996)

Впервые идея о создании Центрально-Азиатской ЗСЯО прозвучала 25 сентября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда президент Монголии П. Очирбат провозгласил свою страну безъядерной зоной, не исключив возможности формирования такой зоны в регионе⁵. В следующем году на 48-й сессии Генассамблеи ООН президент Узбекистана И. А. Каримов подхватил идею Монголии и также предложил создать региональную безъядерную зону: «Узбекистан является убежденным сторонником объявления Центрально-Азиатского региона безъядерной зоной»⁶.

⁴ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем распространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований, Монтерей, 3 июня 2012 г. // Личный архив автора ; Интервью со служащим МИД Киргизии, июль 2011 г., май 2013 г. // Личный архив автора.

⁵ Информационный циркуляр МАГАТЭ : сообщение от 4 июля 2008 г., полученное от постоянного представительства Монголии при агентстве. INFCIRC/740. 2008. 3 нояб. // Международное агентство по атомной энергии [официальный сайт]. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc740_rus.pdf (дата обращения: 9.09.2017).

⁶ Выступление президента Республики Узбекистан г-на Ислама Каримова. 6-е пленарное заседание, Генеральная Ассамблея ООН, 48-я сессия. 28 сентября 1993 г. Документ ООН A/48/PV.6. С. 5 // Организация объединенных наций [официальный сайт]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/174830/files/A_48_PV.6-RU.pdf (дата обращения: 09.09.2017)..

В 1994 г. министр иностранных дел Киргизии Р. И. Отунбаева заявила: «мы видим наш регион Центральной Азии, расположенный между двумя ядерными державами, зоной, свободной от ядерного оружия. Это был бы наш Центральноазиатский договор Тлателолко»⁷.

В 1995 г. на Конференции по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия (КРПДНЯО) в первый раз на повестке дня ООН появился рабочий документ под названием «Центральноазиатская зона, свободная от ядерного оружия», подготовленный делегацией Киргизии⁸. Конференция приняла во внимание интерес Киргизии к созданию ЦАЗСЯО, а после присоединения к ней Узбекистана в финальных документах КРПДНЯО 1995 г. было отмечено: «Конференция отмечает заинтересованность Киргизии и Узбекистана в создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии .... В этом отношении Киргизия и Узбекистан собираются представить на рассмотрение свои конкретные предложения и будут приветствовать их рассмотрение всеми заинтересованными государствами»⁹.

В 1996 г. Киргизия и Монголия выдвинули проект резолюции о создании безъядерной зоны в Центральной Азии¹⁰. Но и в этот раз предложение не нашло отклика у соседей по региону. Как заявил в своем выступлении представитель

⁷ Выступление министра иностранных дел Кыргызстана Р. И. Отунбаевой : общие прения. Генеральная Ассамблея ООН, 48-я сессия. 29 сентября 1994 г. A/49/PV.11 С. 40 // Организация объединенных наций [официальный сайт]. URL: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/174204/A_49_PV.11-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2017).

⁸ United Nations, NPT/CONF.1995/MC.II/WP.17 : Article VII – Nuclear-weapon-free zone in Central Asia : Working paper submitted by Kyrgyzstan. NY. 1 May, 1995 // James Martin Center for Nonproliferation Studies [official website]. URL: https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/07/1995_FD_Part_II.pdf (mode of access: 09.09.2017).

⁹ United Nations, NPT/CONF.1995/MC.II/1, 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 5 May 1995. Final Document. Part 2. Documents issued at the Conference. N. Y., 1995. p. 330.

¹⁰ Kyrgyzstan and Mongolia: Draft Resolution on the Establishment of a Nuclear-Weapon-Free Zone in the Central Asian Region : United Nations General Assembly, 51st Session, Draft Resolution A/C.1/51/L.29, Oct. 29, 1996. // United Nations [official website]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/223420/files/A_C.1_51_INF_1_Add.1-RU.pdf (mode of access: 09.09.2017) ; United Nations, Press Release, GA/DIS/3064. 4 Nov. 1996 // United Nations [official website]. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/1996/19961104.gads3064.html> (mode of access: 25.11.2015).

Монголии Ж. Энхсайхан, Монголии и Киргизии как авторам проекта резолюции «дали понять, что необходимо больше времени, чтобы позволить некоторым государствам изучить его более тщательно. Они не будут настаивать на его рассмотрении во время текущей сессии»¹¹. Было решено сначала провести консультации на региональном уровне, то есть с центрально-азиатскими республиками, Россией и Китаем.

В 1995 г. в рамках КРП ДНЯО делегация Киргизской Республики составила и распространила рабочий документ о создании безъядерной зоны в Центральной Азии, а в 1996 г. Киргизия и Монголия выдвинули проект резолюции о ЦА ЗСЯО в Генассамблее ООН и предложили другим региональным государствам присоединиться к нему. Однако соседи, включая Узбекистан, решили не поддерживать этот проект резолюции. Возможной причиной может быть отсутствие дополнительных консультаций по дипломатическим каналам ввиду неопытности на дипломатической арене двух стран-соавторов (Монголии и Киргизии) задолго до заседания первого комитета, из-за чего другие государства региона оказались не подготовленными к принятию решения по этому вопросу.

Таким образом, на первоначальном этапе именно Киргизия предпринимала активные действия для продвижения этой инициативы в стенах ООН. Это отмечают и эксперты: «Выдвинутая Киргизией инициатива пока еще не вызвала широкого резонанса в Центрально-Азиатском регионе. Это представляется вполне естественным, поскольку идея при всей ее актуальности и привлекательности не была должным образом подготовлена»¹². Точку зрения о первоначальном активном продвижении Киргизией этой инициативы подтверждают и другие эксперты по ЦА ЗСЯО¹³.

В свою очередь, на первом этапе Казахстан отнесся весьма настороженно к инициативе о создании региональной ЗСЯО. По свидетельству Д. Елеукенова, в то время заместителя директора Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ), накануне конференции в октябре 1994 г., организованной КИСИ по вопросам предстоящей КРП ДНЯО 1995 г., «д-р Касенов

---

¹¹ Там же.

¹² Таипова Г., Чумаков В. Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? // Ядерный контроль. № 20. 1996. Авг. С. 28.

¹³ Интервью с Жаном Кошербаевым, кандидатом политических наук, доцентом Казахского национального университета им. Аль-Фараби. М., 27 марта 2013 г. // Личный архив автора.

попросил меня... подготовить проект казахстанского предложения для начала переговорного процесса по ЦА ЗСЯО»¹⁴. Утвержденный У. Касеновым проект документа был оценен руководством Казахстана как «хороший, но преждевременный»¹⁵.

Почему Казахстан, в настоящее время активно продвигающий имидж неядерного государства, в свое время шел так неохотно на создание ЗСЯО в Центральной Азии? Ответ кроется в том, что только к 1995 г. с территории Казахстана были вывезены советские ядерные боеголовки. По словам Т. Касеновой, «идея о Центрально-Азиатской ЗСЯО неформально зародилась в Казахском институте стратегических исследований, но не пошла дальше, поскольку советское ядерное оружие все еще находилось на территории Казахстана. Поэтому высшее руководство не стало продвигать эту идею»¹⁶. Предполагалось не форсировать события, прорабатывая варианты сотрудничества с Российской Федерацией в области ядерного производства или сценарии, связанные с перемещением или размещением российских ракет на территории Казахстана. За позицией преждевременности этой инициативы стояла и Россия. По словам российского дипломата, «мы против того, чтобы в Центрально-Азиатской безъядерной зоне принимал участие Казахстан»¹⁷.

Можно предположить, что в Республике Казахстан идее создания безъядерной зоны противостояло военно-промышленное «атомное лобби». Косвенно этот аргумент подтверждает Н. Назарбаев, когда говорит о закрытии Семипалатинского полигона: «Пришлось преодолеть яростное сопротивление военно-промышленного комплекса СССР, а также жесткое противостояние тогдашнего руководства во главе с президентом Горбачевым»¹⁸. Кроме того, в это время более приоритетным направлением

---

¹⁴ *Kasenov Ou.* On the Creation of a Nuclear weapon-Free Zone in CentralAsia // The Nonproliferation Rev. Fall 1998. P. 144–147.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Интервью с Тогжан Касеновой, экспертом Центра Карнеги в Вашингтоне. Вашингтон, 23 июля 2012 г. // Личный архив автора.

¹⁷ *Сафранчук И.* Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России // Ядерный контроль. 1999. № 4. Июль-авг. С. 40–48.

¹⁸ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на Международном форуме «За безъядерный мир». 12.10.2011 г. // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://www.kazembassy.ru/ru/oficialnayaastana/vistupleniaprezidentark/62-visprrk17> (дата обращения: 14.12.2011).

для Казахстана было продвижение инициативы о создании международного форума по укреплению сотрудничества в Азиатском регионе – Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии на региональном и глобальном уровне¹⁹. По всем этим причинам Казахстан очень осторожно рассматривал идею создания безъядерной зоны в регионе. Более активно подключаться к вопросам по созданию ЗСЯО Республика Казахстан начала после подписания Алматинской декларации в 1997 г.

Тем не менее, официальный Алматы настаивал на медленном поэтапном процессе создания ЗСЯО. Так, в 1997 г. на заседании Первого комитета представитель Казахстана в ООН А. Арыстанбекова заявила, что «правительство ее страны продолжит работу над созданием зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Однако оно отдает себе отчет в существовании трудностей и ответственности по созданию такой зоны»²⁰.

Выступая инициатором ЦА ЗСЯО, Узбекистан преследовал несколько целей. Прежде всего роль регионального лидера, на которую сразу стал претендовать Ташкент, предполагала продвижение крупных внешнеполитических инициатив. Кроме того, республика хотела продемонстрировать свою независимую, в том числе от России, политику в ЦА регионе. Можно предположить, что одной из скрытых причин запуска инициативы было стремление Узбекистана денуклеаризировать в военном смысле Казахстан и лишить его возможности в будущем сотрудничать в ядерной сфере с Россией. Узбекистану было крайне невыгодно существование атомных арсеналов, предоставляющих колоссальные военно-политические дивиденды, у своего соседа, претендующего на такой же политический и экономический вес в ЦА регионе, как и сам Узбекистан. В свою очередь, Таджикистан и Туркмения особо не интересовались безъядерной зоной и продвигали ее «по инерции».

Подытоживая, отметим, что ЦА республики на первом этапе из-за разобщенности и дипломатической неопытности так и не смогли консолидированно подойти к выдвиганию этой инициативы в рамках ООН.

---

¹⁹ Интервью с Дауреном Абенем, старшим научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований. Екатеринбург, 28 окт. 2013 // Личный архив автора.

²⁰ United Nations, Press Release, GA/DIS/308215 Oct. 1997 // United Nations [official website]. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/1997/19971015.GADS3082.html> (mode of access: 17.10.2014).

Второй этап: развитие инициативы (1997–2002)

В 1997 г. произошел прорыв. На саммите центральноазиатских президентов 28 февраля 1997 г. в Алматы Н. А. Назарбаев, А. А. Акаев, Э. Ш. Рахмон, С. А. Ниязов и И. А. Каримов подписали Алматинскую декларацию, где в свете озабоченности состоянием окружающей среды полностью одобряли создание ЦА ЗСЯО. Изначально на повестке саммита стояла не ядерная, а экологическая проблематика, касающаяся всех пяти государств. Решение связать вопросы окружающей среды и возможность создания зоны возникло незадолго до саммита²¹. На саммите идея о продвижении безъядерной зоны была закреплена на президентском уровне, поэтому дальнейшей практической проработке вопроса никаких бюрократических преград искусственно не создавалось.

Следующим важным шагом стала Ташкентская конференция «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», которая состоялась 15–16 сентября 1997 г. На ней министры иностранных дел региона подтвердили стремление своих стран и далее работать над созданием ЗСЯО. 10 ноября 1997 г. З. Ешмамбетова, выступая от имени Киргизии в Первом комитете ООН, заявила, что Киргизская республика «предложила созвать совещание экспертов в Бишкеке в 1998 г., и пригласила Организацию Объединенных Наций поддержать [эту инициативу]»²². На 52-й сессии Генассамблеи ООН представители ЦА государств предоставили проект резолюции о создании ЦА ЗСЯО, и после внесения поправок 9 декабря 1997 г. резолюция была принята ГА ООН²³.

Важным толчком, ускорившим разработку проекта договора и придавшим импульс идее о ЦА ЗСЯО, оказались ядерные испытания Индии 11 и 13 мая 1998 г. и Пакистана 28 мая 1998 г.

В 1998 г. при содействии МАГАТЭ и Департамента ООН по разоружению киргизскими дипломатами был разработан пер-

²¹ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований. Монтерей, 5 июня 2012 г. // Личный архив автора.

²² United Nations, Press Release GA/DIS/3095. 10 Nov.1997 // United Nations [official website]. URL: <https://www.un.org/press/en/1997/19971110.GADS3095.html> (mode of access: 09.09.2017).

²³ United Nations General Assembly, 52nd session, Resolution 52/38. : Establishment of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia. 9 Dec. 1997 // United Nations [official website]. URL: <http://www.un.org/ga/documents/gares52/res5238.htm>. (mode of access: 11.11.2014).

вый проект договора о ЦА ЗСЯО. Эксперты монтерейского Центра изучения проблем нераспространения оказывали консультации по вопросам создания ЗСЯО, и помогали проводить встречи на экспертном уровне.

В июле 1998 г. в Бишкеке состоялась первая консультативная встреча в формате «С5 + Р5 + 1», то есть пять региональных государств, ядерная пятерка и представители ООН. На ней были обсуждены основные принципы будущего документа «Основные элементы договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». По результатам встречи было составлено Бишкекское коммюнике – Заявление министров иностранных дел пяти республик Центральной Азии о срочной необходимости создания ЦА ЗСЯО²⁴.

Последующие встречи экспертной группы были проведены в Женеве (7–9 октября 1998 г.), Ташкенте (1–3 февраля 1999 г.), снова в Женеве (27–30 апреля 1999 г.), в Саппоро (5–8 октября 1999 г. и 2–5 апреля 2000 г.) и Самарканде (25–27 сентября 2002 г.). Центр по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе организовывал несколько неформальных встреч (так называемые «встречи на кофе-брейк») в Нью-Йорке для выработки представителями стран региона общего решения по спорным вопросам. Эксперты МАГАТЭ оказывали консультативную помощь по таким темам, как транзит ядерного оружия, предыдущие договоры по ЗСЯО, определение радиоактивных отходов, механизм верификации по обязательствам по договору и разрешение споров²⁵.

В результате этих встреч и консультаций возникли некоторые очертания договора. Разногласия по вопросу о границах Казахстана и Туркмении по Каспийскому морю были решены на встрече экспертов в 1999 г. в Саппоро следующим образом: участники решили не включать территориальные воды в границу ЗСЯО.

Остальные противоречия касались двух статей – транзита ядерного оружия и участия ЦА государств в ранее заключенных договорах. И США, и Россия, имея в виду долгосрочные перспективы,

---

²⁴ Заявление министров иностранных дел Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан // Слово Кыргызстана. 1998. 9 июля. С. 1.

²⁵ Address by the delegation of the Republic of Uzbekistan on the Forum to study experience of establishing the Nuclear Weapon Free Zone in Middle East. Nov. 21–22, 2011. Vienna // The Intern. Atomic Energy Agency [official website]. URL: <http://www.iaea.org/newscenter/focus/iaeanwzf/canwft211111.pdf>. (mode of access: 12.11.2014).

не соглашались на существующую версию статьи о полном запрещении транзита ядерного оружия через территории республик. Туркмения и Узбекистан занимали достаточно жесткую позицию запрета любого транзита для всех республик. Этот вопрос был урегулирован в 2002 г.: все республики пришли к консенсусу, что каждая страна имеет право самостоятельно принимать решения о транспортировке ядерного оружия, ядерных взрывных устройств, установок, материалов и радиоактивных отходов через свою территорию.

Вопрос по участию государств в ранее заключенных договорах (то есть Договоре о коллективной безопасности) вызывал гораздо большую озабоченность. По настоянию РФ Казахстан, Киргизия и Таджикистан заявили, что в договоре ЦА ЗСЯО должен быть отражен тот пункт, что он не касается ранее заключенных договоров²⁶. Узбекистан и Туркмения, которые не входили в ОДКБ, были против подобной формулировки. Многие наблюдатели предполагали, что страны не смогут договориться именно по этому пункту, и процесс создания ЦА ЗСЯО зайдет в тупик²⁷. Однако на Самаркандской встрече экспертов, прошедшей 27 сентября 2002 г., Узбекистан и Туркмения все же согласились на формулировку, предложенную другими республиками, согласно которой страны должны соблюдать положения ранее заключенных соглашений. Таким образом, к концу 2002 г. все спорные между ЦА республиками моменты были разрешены, и подписание договора должно было состояться в ближайшее сроки²⁸.

В ЦА республиках имелось несколько внутривнутриполитических факторов, которые выступали препятствием для становления зоны.

Первым таким аспектом, характерным для всех республик, было недостаточное количество специалистов и опытных профессиональных дипломатов в МИД, которые занимались бы только

²⁶ Малов А. Ю. Договор о нераспространении ядерного оружия : стенограмма лекции А. Ю. Малова, состоявшейся 22 октября 2003 г. в Московском физико-техническом институте для слушателей курса «Режим нераспространения и сокращения оружия массового поражения и национальная безопасность» // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [официальный сайт]. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03b/aym031022.htm> (дата обращения: 17.11.2014).

²⁷ Parrish S. Prospects for a Central Asian Nuclear-Weapon-FreeZone // The Non-proliferation Rev. Vol. 8.1. Spring 2001. P. 146.

²⁸ В Самарканде завершилась встреча экспертов стран Центральной Азии, обсуждавших проект договора о безъядерном статусе региона // РИА Новости [официальный сайт]. 2002. 28 сент. URL: <http://ria.ru/politics/20020928/233476.html> (дата обращения: 17.11.2014).

этим вопросом. Становление инициативы совпало с формированием самих министерств иностранных дел в республиках, с чем и были, большей частью, сопряжены эти проблемы. «[В Киргизии] было не очень много людей, вовлеченных в этот процесс. <...> Частым заблуждением является то, что люди предполагают, что речь идет о большом количестве людей [в министерствах, занимающихся вопросом ядерного нераспространения]. Возможно, в некоторых государствах это и так. Но в Казахстане было всего несколько человек, и эти люди обучались здесь [в Монтерее]»²⁹. Кроме того, в Киргизии из-за военных действий и прорыва террористов в Баткенской области в 1999–2000 гг. вопрос о ЦА ЗСЯО был отодвинут на второй план и потерял приоритетное значение³⁰.

Вторым внутривластным аспектом была потеря институциональной памяти по данному вопросу. В любом из государств региона нередко были случаи, когда специалист МИД углубленно занимался одним вопросом, затем уходил на повышение или в другую сферу, а у нового специалиста проблематика нераспространения ядерного оружия не вызывала острого интереса или не хватало необходимых знаний в этой сфере.

Третий аспект касался вопросов межведомственной координации по ЦА ЗСЯО, но был более характерен для Казахстана. Из-за недостаточности специалистов консультации между разными министерствами и агентствами не проводились на должном уровне. «Имелись случаи, особенно в Казахстане, где вопросы были уже согласованы, и только после свершившегося факта (потому что переговоры по этому вопросу вели люди из Министерства иностранных дел), люди из Минатома, в частности, министр Школьник, обнаруживали, что имелись ограничивающие условия [по договору], которые были согласованы Министерством иностранных дел, но не обсуждены с другими соответствующими учреждениями»³¹.

Важным политическим фактором, способствующим становлению зоны, оказалось прямое вовлечение президентов и министров

---

²⁹ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований, Монтерей, 5 июня 2012 г. // Личный архив автора.

³⁰ Интервью с бывшим дипломатом МИД Киргизии, июнь 2013 г. // Личный архив автора.

³¹ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований, Монтерей, 5 июня 2012 г.

иностранных дел в продвижение этой инициативы. Как отметил У. Поттер, «прежде всего их личный интерес и престиж повлияли на формирование договора»³².

Несмотря на явный успех в разработке договора, на втором этапе республики Центральной Азии упустили историческую возможность из-за преследования несущественных в глобальном плане целей. В конце 1990-х гг. ситуация с подписанием протокола к договору была гораздо более благоприятная, но, как признает непосредственный участник многосторонних переговоров по ЦА ЗСЯО У. Поттер, «государства Центральной Азии потеряли драгоценное время на обсуждение мелких пунктов, соревнуясь друг с другом. Время было потеряно. Договор мог бы быть намного сильнее, и Р5 признали бы его, если бы он был заключен в конце 1990-х гг.»³³

Здесь можно выделить несколько причин, благоприятствовавших подписанию протокола к договору ЦА ЗСЯО в конце 1990-х гг.

Как предвидел в 1998 г. У. Поттер, «нынешние обстоятельства, позволяющие получить одобрение со стороны России для создания зоны [в Центральной Азии], не могут длиться вечно. Вместо этого мы можем стать свидетелями скорого закрытия “окна возможностей” по мере того, как зависимость России от ядерного оружия увеличивается и поднимается давление в отношении модернизации и передислокации тактических ядерных систем»³⁴. Так и произошло: в целом спокойная позиция РФ по договору ЦА ЗСЯО в корне изменилась после авиаударов НАТО по бывшей Югославии в 1999 г. Российский МИД стал подчеркивать значение ст. 4 Ташкентского договора, позволяющей разворачивать вооруженные силы при определенных обстоятельствах. «Именно тогда российские дипломаты заявили своим коллегам из Центральной Азии, что это очень гибкая статья, и это наша интерпретация договора. Пожалуйста, учтите это при создании безъядерной зоны»³⁵.

Кроме того, в 1997 г. администрация Б. Клинтона рассчитывала в скором времени заполучить ЦА ЗСЯО на «приемлемых»

---

³² Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований, Монтерей, 5 июня 2012 г.

³³ Там же.

³⁴ *Potter W. How to create a Nuclear-Weapon-Free Zone: the Case of Central Asia.* 1998. Unpublished paper. P. 31 // Личный архив автора.

³⁵ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований, Монтерей, 10 июня 2012 // Личный архив автора.

условиях, и она даже была готова подписать протокол о негативных гарантиях. Роберт Т. Грей, постоянный представитель США в ООН, посол на Конференции по разоружению еще в октябре 1997 г., на вопрос о причинах оппозиции США и других государств по договору о негативных гарантиях безопасности заявил: «Мы считаем, что лучший способ сделать это – продолжить работу по созданию зон, свободных от ядерного оружия. <...> Если мы сможем получить зону в Юго-Восточной Азии и Центральноазиатскую зону на приемлемых условиях, мы покроем гораздо больше ста [государств]. <...> Это мнение разделяют и три других ядерных государства»³⁶. Но в наибольшей степени отношение Вашингтона к идее о безъядерной зоне изменилось после трагических событий в США 11 сентября 2001 г.: странам – участницам блока НАТО потребовалось больше места для проведения военных маневров.

Третий этап: задержка подписания (2002–2006)

В конце сентября 2002 г. заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Джаянта Дханапала по итогам своего визита в Узбекистан поспешил заявить на пресс-конференции в Ташкенте: «Я рад объявить... что Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан на совещании группы экспертов в Самарканде пришли к соглашению по тексту договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Они также договорились о том, что подписание договора должно состояться как можно скорее»³⁷.

Китай и Россия были согласны одобрить документ и подписать соответствующий протокол к нему. Однако договор не был подписан в 2002 г. из-за противодействия западных ЯОГ, представители которых в январе 2003 г. изложили ряд своих замечаний и предложений. Положения, вызывавшие возражения у западной ядерной тройки по договору ЦА ЗСЯО, присутствуют и в предыдущих признанных ядерными державами договорах о ЗСЯО.

---

³⁶ Boese W. US Interests and Priorities at the CD : Interview with US Permanent Representative to the UN Conference on Disarmament (CD) in October 1997, Ambassador Robert T. Grey, Jr. // *Arms Control Today*. № 28. 7 Oct. 1998. P. 3–8.

³⁷ Parrish S. Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear Weapon-Free Zone Treaty // James Martin Center for Nonproliferation Studies [official website]. Sept. 30, 2002. Updated Sept. 8, 2006. URL: <http://cns.miis.edu/stories/020930.htm>. (mode of access: 17.11.2014).

Западные ЯОГ были недовольны одновременным участием ЦА государств в ОДКБ и ЦА ЗСЯО. Однако США на момент подписания и ратификации протокола к договору Тлателолко сами участвовали в договоре Рио о коллективной безопасности со странами – участниками латиноамериканской ЗСЯО. Помимо договора Рио, США состоят вместе с латиноамериканскими государствами в Организации американских государств, устав которой предусматривает механизм коллективной безопасности. Таким образом, латиноамериканские страны состоят в системе коллективной безопасности с ядерным государством, но это не стало препятствием для государств Латинской Америки при заключении договора о ЗСЯО, а для США и других ЯОГ – при признании этого договора. Кроме того, в договоре Тлателолко имеется норма, дающая США преимущество перед другими ядерными державами из-за предоставления полугодичных отчетов через ОАГ и участие в ранее заключенных региональных договорах (в том числе о коллективной безопасности). Более того, договор Раротонга (о безъядерной зоне в южной части Тихого океана) был заключен, несмотря на существование заключенного ранее Договора безопасности АНЗЮС, членами которого были Австралия, Новая Зеландия и США.

Одним из возражений США относительно договора о ЦА ЗСЯО является то, что ст. 12 Центральноазиатского договора не детализирует, какие именно предыдущие договоры имеются в виду, и, следовательно, странам-подписантам остается непонятным, какие обязательства они принимают на себя³⁸. Но договор Тлателолко содержит аналогичную формулировку, что не стало преградой для его подписания и ратификации западной ядерной тройкой. Кроме того, одним из ключевых условий США для создания любых ЗСЯО является сохранение архитектуры региональной безопасности, присутствующей в том или ином регионе, на чем США и настаивали в случаях с предыдущими договорами о ЗСЯО. Более того, это же предписывает и основополагающий документ ООН «Принципы создания зон, свободных от ядерного оружия» 1999 г.

Относительно неоднозначности формулировки, предоставляющей право транзита ядерного оружия через ЦА регион, отметим, что в предыдущих договорах о безъядерных зонах государства –

³⁸ Parrish S., Potter W. C. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite US Opposition: CNS Research Story // James Martin Center for Nonproliferation Studies [official website]. Sept. 8, 2006. URL: <http://cns.miiis.edu/stories/060905.htm>, (mode of access: 11.11.2014).

члены ЗСЯО дают разрешение в каждом отдельном случае на транзит ядерного оружия через свою территорию, причем без ограничительной формулировки «без ущерба для целей и задач настоящего договора», предусмотренной в договоре о ЦА ЗСЯО. Это предусматривает и вышеуказанный документ ООН «Принципы создания зон, свободных от ядерного оружия». Таким образом, критикуемые положения договора о ЦА ЗСЯО были использованы в предыдущих договорах, признанных ядерными державами, а также содержатся в основополагающих положениях ООН о создании ЗСЯО.

В любом случае до февраля 2005 г. региональные эксперты пытались найти компромисс по вопросам и комментариям, полученным от ядерных держав. В результате появился новый проект 2005 г., в который были внесены некоторые изменения. Например, ЦА государства пошли навстречу ЯОГ и убрали пункт о возможности присоединения соседних государств к зоне. Депозитарием договора определен не Генеральный секретарь ООН, как это было в ранних проектах, а Киргизия, что является политическим жестом, призванным признать роль, которую республика сыграла в установлении ЦА ЗСЯО³⁹. Однако статью по участию государств в ранее заключенных договорах, вызывающую главные возражения ЯОГ, было решено оставить неизменной.

На седьмом Ташкентском заседании региональной группы экспертов 7–9 февраля 2005 г. было принято «Ташкентское заявление по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». На ней присутствовала делегация ООН во главе с директором Центра по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе Цутомо Ишигури, но не было ни одного представителя ядерных держав. Подписание договора было запланировано на 2005 г.⁴⁰

Однако, как только стали известны намерения ЦА государств подписать договор, западная ядерная тройка стала предпринимать активные контрдействия. «Неоднократно, начиная с весны 2005 г., когда стало ясно, что государства Центральной Азии могут подписать договор летом или осенью того же года, три ядерные державы стали посылать демарши государствам Центральной Азии и руководству Организации Объединенных Наций, в которых они давали понять, что не будут поддерживать протокол, если дого-

³⁹ Central Asian States Finalize Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty // NIS Export Control Observer. Feb. 2005. P. 4.

⁴⁰ Мукашев К. Бомба нам не нужна! // Вечерний Бишкек. 2005. 15 февр. С. 11.

вор не будет изменен, чтобы удовлетворить их обеспокоенность»⁴¹. В результате республики не смогли подписать его в 2005 г. и решили перенести мероприятие на сентябрь 2006 г.

Четвертый этап: подписание и вступление договора в силу (2006–2009)

Заключение договора состоялось 8 сентября 2006 г. в казахстанском городе Семипалатинске (ныне – Семей). На этом мероприятии государства ЦА были представлены министрами иностранных дел (Казахстана, Киргизии и Узбекистана), заместителем министра иностранных дел Таджикистана и главой посольства Туркмении в Казахстане. МАГАТЭ представлял заместитель генерального директора⁴². Россия и Китай на церемонии подписания были представлены своими наблюдателями⁴³, но представители западных ЯОГ – США, Великобритании и Франции – отсутствовали. Более того, накануне подписания в 2006 г. западные ЯОГ во главе с США организовали мощное давление не только на ООН с тем, чтобы представители этой организации бойкотировали подписание договора⁴⁴, но и на государства Центральной Азии. ООН на мероприятии представляла координатор системы ООН в Казахстане Юрико Шоджи.

Согласно С. Пэрришу и У. Поттеру, «в августе 2006 г. Соединенные Штаты и их два союзника пытались заручиться поддержкой Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в усилиях отговорить государства Центральной Азии от подписания договора и оказывали давление на старших должностных лиц в рамках Организации Объединенных Наций и других международных организаций с тем, чтобы они не участвовали в церемонии подписания договора, если таковая произойдет»⁴⁵.

⁴¹ Parrish S., Potter W. C. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite US Opposition: CNS Research Story.

⁴² Address by the delegation of the Republic of Uzbekistan on the Forum to study experience of establishing the Nuclear Weapon Free Zone in Middle East. November 21–22, Vienna. P. 2.

⁴³ Five Central Asian nations create nuclear-free zone // Intern. Law Update. Vol. 12. Sept. 2006. P. 178.

⁴⁴ Parrish S. Central Asian States Achieve Breakthrough on Nuclear Weapon-Free Zone Treaty.

⁴⁵ Parrish S., Potter W. C. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite US Opposition: CNS Research Story.

В свете вышеизложенного становится понятным игнорирование факта подписания договора и мировыми СМИ, а также союзниками ядерной «тройки». Например, Япония, несмотря на укрепление центральноазиатского вектора внешней политики и ее существенную финансовую помощь в подготовке окончательного варианта договора, решила не афишировать свою поддержку ЦА ЗСЯО⁴⁶.

Необходимо отметить консультационную, экспертную, организационную и финансовую поддержку договора разными структурами ООН – Департаментом по правовым вопросам секретариата, Центром по вопросам мира и разоружения в АТР, МАГАТЭ. Тем не менее, на примере договора ЦА ЗСЯО прослеживается разница в подходах различных учреждений ООН как на личном, так и на институциональном уровнях. «Каждый раз, когда в ООН в Нью-Йорке заявляли: “Мы не будем этого делать”, это давало дополнительный импульс МАГАТЭ сказать: “Почему бы нам не сделать это?” Это касалось отправки экспертов, фандрейзинга и т. д.»⁴⁷

В то время как на церемонии подписания договора Секретариат ООН не был представлен должным образом, МАГАТЭ представлял высокопоставленный чиновник этой организации. «В Секретариате ООН велась дискуссия, кто должен присутствовать на церемонии подписания договора. Г-н Ишигури, который принимал участие в группах экспертов, действительно хотел участвовать. Но ему недвусмысленно сказали, что он не может присутствовать. В то же время возглавлявший тогда МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадей, хотя и не приехал сам лично, но назначил высокопоставленного представителя для присутствия на этом мероприятии. Таким образом, реакция в МАГАТЭ и ООН была разная»⁴⁸. Можно предположить, что речь шла не только о разном восприя-

---

⁴⁶ Япония внесла 420 000 долларов в Секретариат ООН с тем, чтобы профинансировать встречи экспертов в Саппоро в 1999 и 2000 годах : интервью с Масако Токи, исследователем и менеджером образовательных проектов Монтерейского центра по изучению вопросов нераспространения. Монтерей, 17 июля 2012 ; *Toki M. Japan's nuclearcop-out*. 15.09.2006 // Asia Times Online [official website]. URL: <http://atimes.com/atimes/Japan/HI15Dh01.html> (mode of access: 11.11.2014).

⁴⁷ Интервью с Уильямом Поттером, директором Центра изучения проблем нераспространения имени Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований. Монтерей, 3 июля 2012 г. // Личный архив автора.

⁴⁸ Там же.

тии договора институтами ООН и лицами, принимающими решения, но, учитывая вышеуказанную переписку, и о степени влияния западных государств на эти две структуры: сильной – на секретариат ООН и слабой – на МАГАТЭ.

И все же, несмотря на дипломатический натиск со стороны западной ядерной тройки, договор был заключен. Процедуры ратификации в парламентах Центральной Азии завершились в 2009 г. 21 марта 2009 г. Договор о ЦА ЗСЯО вступил в силу.

Пятый этап: дальнейшие консультации и подписание протокола ядерной пятеркой (2009–2016)

Работа по продвижению договора не прекращалась и после вступления соглашения в силу: дипломаты продолжали свою деятельность в этом направлении в Первом комитете и в Генассамблее ООН, на Конференции ООН по вопросам разоружения в Японии (25–30 августа 2009 г.), на Международной конференции по проблеме урановых хвостохранилищ в Бишкеке, на Второй конференции государств, подписавших договоры о создании ЗСЯО в 2010 г. в Нью-Йорке в рамках региональных организаций – ОДКБ и ШОС. В 2014 г. военно-политические события на Украине стали определенным триггером для того, чтобы все пять ядерных держав все-таки решились подписать протокол о негативных гарантиях для ЦА государств (табл. 3)⁴⁹.

6 мая 2014 г. Великобритания, Китай, Россия, США и Франция подписали Протокол к Договору о ЦА ЗСЯО на полях Подготовительного комитета по ДНЯО. В этом же году ратифицировала протокол Франция (17 ноября 2014 г.), а годом позже – Великобритания (30 января), Россия (22 июня) и Китай (17 августа). 27 апреля 2015 г. Б. Обама представил протокол в Сенат США для ратификации. Однако информация о его ратификации в настоящее время отсутствует.

---

⁴⁹ Экспертами высказывается мнение, что именно практический провал Будапештского меморандума о гарантиях безопасности со стороны ядерных держав привел к ускорению подписания договора о ЦА ЗСЯО. См., например: *Socor V. Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone : A Long Gestation (Part Two) // Eurasia Daily Monitor. Vol.13. Iss. 68. Apr. 7, 2016. URL: [http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=45291&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7#.V6HyMdiS8dA_\(mode of access: 09.09.2017\)](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=45291&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7#.V6HyMdiS8dA_(mode%20of%20access%3A09.09.2017)).*

Таблица 4

**Дополнительный протокол о негативных гарантиях
к договору ЦА ЗСЯО⁵⁰**

Страна	Подписание	Сдача депозитарию	Ратификация
Великобритания	6 мая 2014 г.	30 января 2015 г.	Ратификация
КНР	6 мая 2014 г.	17 августа 2015 г.	Ратификация
Франция	6 мая 2014 г.	17 ноября 2014 г.	Ратификация
Россия	6 мая 2014 г.	22 июня 2015 г.	Ратификация
США	6 мая 2014 г.	–	–

В сентябре 2016 г. ядерная пятерка сделала совместное заявление по итогам Конференции ядерной «пятерки» в Вашингтоне, в котором они подтвердили, что «протоколы к существующим договорам о зонах, свободных от ядерного оружия, являются важным механизмом по предоставлению юридически обязывающих негативных гарантий безопасности, и напомнили о своем подписании в 2014 г. Протокола к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии»⁵¹.

**Влияние зоны на режим безопасности
в Центральной Азии**

Ядерная проблематика в разрезе безъядерной зоны стала неотъемлемой частью региональной архитектуры безопасности в Центральной Азии на четырех уровнях.

Первый аспект касается политической поддержки договора о ЦА ЗСЯО со стороны ШОС. Рассмотрение этой организа-

⁵⁰ Protocol to the Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia (CANWFZ) / United Nations Office for Disarmament Affairs [official website]. URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/canwzf_protocol (mode of access: 11.01.2016).

⁵¹ Совместное заявление, принятое по итогам Конференции ядерной «пятерки». Вашингтон, 15 сент. 2016 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/adernoe-neras-prostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/2451010 (дата обращения: 19.09.2016).

ции в разрезе становления безъядерной зоны в регионе особенно интересно, поскольку, помимо четырех ЦА государств (кроме Туркмении), в нее входят ядерные государства – ядерные де-юре Россия и Китай, а с 2017 г. – ядерные де-факто Пакистан и Индия⁵².

Впервые поддержка создания безъядерной зоны в Центральной Азии прослеживается в программных документах ШОС в 2002 г.⁵³ В совместном коммюнике заседания Совета министров иностранных дел государств – членов ШОС от 25 февраля 2005 г. в Астане говорится о «важности скорейшего подписания Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». ШОС последовательно и принципиально поддерживала ЦА ЗСЯО на всех этапах становления зоны. Заключение договора центральноазиатскими государствами приветствуется в Бишкекской декларации глав государств ШОС от 16 августа 2007 г.⁵⁴ Причем причинами такой поддержки называются борьба с международным ядерным терроризмом и предотвращение «попадания ядерных материалов и технологий в руки негосударственных субъектов»⁵⁵.

Далее в 2009 г. Екатеринбургская декларация глав государств – членов ШОС приветствует вступление в силу Договора о ЗСЯО⁵⁶. Начиная с 2010 г. официальные документы ШОС призывают соответствующие ЯОГ подписать протоколы о негативной безопасности⁵⁷. Документы ШОС также отразили подписание протоколов о негатив-

---

⁵² Главы стран ШОС подписали меморандумы о присоединении Индии и Пакистана // РИА Новости [официальный сайт]. 24 июня. URL: <https://ria.ru/world/20160624/1450882403.html> (дата обращения: 17.07.2016).

⁵³ Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554742 (дата обращения: 17.07.2016).

⁵⁴ Бишкекская декларация 16.08.2007 г. // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=25> (дата обращения: 10.09.2016).

⁵⁵ Душанбинская декларация от 28.08.2008 г. // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=39> 25 (дата обращения: 10.09.2016).

⁵⁶ Екатеринбургская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 16.06.2009 г. // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=54> (дата обращения: 25.09.2016).

⁵⁷ Декларация десятого заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 10–11 июня 2010 г. в Ташкенте // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=74> (дата обращения: 17.09.2016); Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания (Пекин, 6–7 июня 2012 г.) // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=108> (дата обращения: 17.09.2016).

ных гарантиях ядерными государствами в 2014 г.⁵⁸. В 2015 и 2016 г. государства – члены ШОС выступили с призывом о скорейшем вступлении в силу данного Протокола для всех ЯОГ⁵⁹.

Интересно, что в Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г., принятой в Уфе в 2015 г., говорится уже не только о самой безъядерной зоне в Центральной Азии: «Государства-члены выступают за скорейшее вступление в силу для каждой стороны Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии; заключение многостороннего международного договора о гарантиях безопасности для стран, не имеющих ядерного оружия, поддерживает призыв ко всем ядерным державам отказаться от размещения своего ядерного оружия на территории других стран»⁶⁰. Таким образом, документ многократно расширяет и усиливает тезис о запрете нахождения ядерного оружия не только в данном, но и в других регионах мира, а также о предоставлении негативных гарантий всем неядерным странам, а не только ЦА государствам.

Теперь рассмотрим ЦА ЗСЯО в рамках ее политической поддержки ОДКБ. Однако до подписания Договора о ЦА ЗСЯО найти в прессе политические заявления от имени ОДКБ нам не удалось.

В 2008 г. ОДКБ отметила, что подписание 8 сентября 2006 г. Договора о ЦА ЗСЯО «является важным вкладом в дело нераспространения, в укрепление безопасности в Евразии», и призвала все ЯОГ подписать Протокол о негативных гарантиях⁶¹. После вступления в силу Договора о ЦА ЗСЯО в заявлении от имени

---

⁵⁸ Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 12 сентября 2014 г. Душанбе. // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=120> (дата обращения: 17.09.2016).

⁵⁹ Уфимская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по итогам встречи в Уфе 9–10 июля 2015 г. // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=126> (дата обращения: 17.09.2016). Практически идентичное заявление было сделано и в 2016 г. См.: Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=132> (дата обращения: 17.09.2016).

⁶⁰ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // ИнфоШОС [портал]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=125> (дата обращения: 17.09.2016).

⁶¹ Декларация московской сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, Москва, 5 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/rl7Fzr0mbE6x/content/id/326130?sel=9:26:zjp,9:63:VgB (дата обращения: 26.03.2010).

ОДКБ на уровне министров иностранных дел⁶², а потом и глав государств⁶³ была подчеркнута роль зоны «в поощрении сотрудничества в мирном использовании ядерной энергии и экологической реабилитации территорий, пострадавших от радиоактивного заражения»⁶⁴. Была также отмечена необходимость «всяческого содействия в решении вопросов, связанных с обеспечением безопасного и надежного хранения радиоактивных отходов в Центральной Азии»⁶⁵.

В 2013 г. министры иностранных дел стран – членов ОДКБ приветствовали готовность РФ и КНР «предоставить негативные гарантии безопасности путем подписания протокола к договору без выдвигения каких-либо дополнительных требований и готовность Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Франции к предметному обсуждению данного вопроса со странами – участницами Договора»⁶⁶.

Представители государств ОДКБ также выступали по вопросу ЦА ЗСЯО. Так, в сентябре 2014 г. министры иностранных дел государств ОДКБ в рамках неформальной встречи 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН приняли совместное заявление о ЦА ЗСЯО⁶⁷ с призывом о скорейшей ратификации договора

---

⁶² Заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в связи с проведением в 2010 г. Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, Москва, 25 марта 2010 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/257650 (дата обращения: 26.03.2010).

⁶³ Декларация глав государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности 15 мая 2012 г. // Организация Договора о коллективной безопасности [официальный сайт]. URL: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=359&SECTION_ID=91&sphrase_id=19899 (дата обращения: 25.05.2012).

⁶⁴ Заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в связи с проведением в 2010 г. Конференции по рассмотрению действия договора о нераспространении ядерного оружия, Москва, 25 марта 2010 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/257650 (дата обращения: 26.03.2010).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. Бишкек, 27 мая 2013 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/108526 (дата обращения: 27.05.2013).

⁶⁷ Основные внешнеполитические события 2014 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/akkred/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/961979#sel=21:1-5fU,21:32:wIU (дата обращения: 27.12.2014).

ядерными государствами, уже подписавшими Протокол о негативных гарантиях безопасности к Договору о ЦА ЗСЯО⁶⁸.

В свете рассмотренных выше дипломатических баталий между ЦА государствами и западными ЯОГ вызывает особый интерес высказывание о связи между ЦА ЗСЯО и ОДКБ министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова. После заявления о важности создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, он добавил: «Это будет способствовать укреплению безопасности в регионе, главным гарантом которого является Организация Договора о коллективной безопасности»⁶⁹.

Третий аспект влияния Договора о ЦА ЗСЯО касается экологической безопасности региона. Усиленная артикуляция экологических проблем региона на уровне резолюций ООН стала дополнительным стимулом для международных партнеров центральноазиатских государств по рассмотрению проблем урановых хвостохранилищ на нескольких международных площадках. Необходимо отметить, что Киргизия с другими странами-соавторами⁷⁰ дополнительно инициировала резолюцию № 68/218 «Роль международного сообщества в предотвращении радиационной угрозы в Центральной Азии», которая была принята 20 декабря 2013 г. Генеральной Ассамблеей ООН⁷¹.

При технической помощи МАГАТЭ была создана координационная группа по бывшим урановым объектам в Центральной Азии, которая действует для исключения дублирования усилий и оптимизации использования международных средств и много-

---

⁶⁸ Заявление глав государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности от 23 декабря 2014 г. [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4796> (дата обращения: 27.05.2013).

⁶⁹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова перед студентами и профессорско-преподавательским составом Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и ответы на вопросы в ходе последовавшей дискуссии, Астана, 12 сентября 2013 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kz/-/asset_publisher/44tjMzWwjAFr/content/id/97014?sel=11:91:9ZS,11:135:Tcg (дата обращения: 17.09.2013).

⁷⁰ Соавторами резолюции выступили Япония, Казахстан, Киргизия, Молдова, Монголия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Турция и Украина, а также Азербайджан, Канада и Соединенные Штаты Америки.

⁷¹ Роль международного сообщества в предотвращении радиационной угрозы в Центральной Азии: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 68/218 от 20 дек. 2013 г. // Организация объединенных наций [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/218&referer=http://www.un.org/en/ga/68/resolutions.shtml&Lang=R (дата обращения: 18.01.2014).

сторонних инициатив по реабилитации бывших урановых производств в регионе⁷². На основе подготовленного МАГАТЭ доклада «Оценка и дальнейшие действия в отношении бывших объектов по производству урана в Центральной Азии: международный подход» (который также известен как «базовый документ»), Европейская комиссия инициировала в 2015 г. открытие «Счета по восстановлению окружающей среды в Центральной Азии», на который внесла 16,5 млн евро. Данный счет управляется Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). ЕБРР особо подчеркивает, что «накопленный в регионе радиоактивно загрязненный материал представляет собой угрозу для окружающей среды и здоровья населения, что признано в резолюции ООН 68/218, принятой в 2013 году»⁷³. В июле 2016 г. прошло первое заседание Ассамблеи доноров Фонда уранового наследия горнодобывающих объектов, оставшихся со времен советской эпохи в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане. Вышеуказанный базовый документ в настоящее время перерабатывается в стратегический генеральный план с подробным анализом, оценкой стоимости и графиком восстановления хвостохранилищ на таких приоритетных участках, как Мин-Куш, Шекафтар и Майлуу-Суу в Киргизии, Табошар и Дегмай в Таджикистане⁷⁴. Помимо этого, в 2017 г. ЕБРР планирует проведение конференции высокого уровня по данной тематике.

Подобные конференции уже проводились в Бишкеке в 2009 и 2012 г. под эгидой правительства Киргизии и Программы развития ООН⁷⁵. Кроме того, в Женеве в 2009 г. был проведен между-

⁷² Edge R., Voitsekhovych O. Overview of IAEA CGULS activities (Coordination Group on Uranium Legacy Sites) IAEA, UMREG. August 28–30, 2013. Skalsky Dvur, Prague // The International Atomic Energy Agency [official website]. URL: https://www.iaea.org/Our-Work/ST/NE/NEFW/Technical-Areas/NFC/documents/uranium/tm-UMREG-2013/03_Edge&Voitsekhovych_IAEA_CGULS_activities.pdf (mode of access: 09.09.2017).

⁷³ The Environmental Remediation Account for Central Asia (ERA) // The European Bank for Reconstruction and Development [official website]. URL: <http://www.ebrd.com/what-we-do/sectors-and-topics/nuclear-safety/era.html> (mode of access: 17.09.2016).

⁷⁴ В Евросоюзе радиоактивно опасными признали Мин-Куш, Шекафтар и Майлуу-Суу // Sputnik. 2016. 24 июля [официальный сайт]. URL: <http://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20160724/1028067670.html> (дата обращения: 17.09.2016).

⁷⁵ Разработка межгосударственной программы ЕврАзЭС по рекультивации хвостохранилищ на территории Центральной Азии будет завершена до конца года // Caspian News Agency [официальный сайт]. 2009. 22 апр. URL: <http://www.caravan.kz/news/razrabotka-mezhgosudarstvennojj-programmy-evrazehs-po-rekultivacii-khvostokhranilishh-na-territorii-centralnojj-azii-budet-zavershena-do-konca-goda-256177/> (дата обращения: 17.09.2016).

народный форум на тему «Урановые хвостохранилища в Центральной Азии: местные проблемы, региональные последствия, глобальное решение». Результатом всех этих усилий стала межгосударственная целевая программа Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) «Рекультивация территорий государств – членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств, а также других зон радиоактивного загрязнения», реализация которой началась 1 января 2013 г. Однако в связи с прекращением деятельности ЕврАзЭС дальнейшая ее реализация стала осуществляться в рамках СНГ. Она была переименована в Межгосударственную целевую программу «Рекультивация территорий государств, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств»⁷⁶. Она предусматривает проведение комплекса необходимых работ на двух объектах в Киргизии вблизи населенных пунктов Каджи-Сай в Иссык-Кульской и Мин-Куш в Нарынской области, и одного – в Таджикистане (Табошар). В 2016 г. был завершен комплекс подготовительных мероприятий: проведены научно-исследовательские и проектно-изыскательские работы, сделана экспертиза в госорганах Киргизии и Таджикистана, подготовлены нормативные правовые документы. На 2017–2018 гг. запланировано проведение рекультивационных мероприятий, включая ликвидацию объектов, дезактивацию, долговременную изоляцию и захоронение радиоактивно загрязненных материалов, отходов⁷⁷.

Четвертый аспект влияния Договора о ЦА ЗСЯО на безопасность в регионе касается выработки механизма противодействия международному ядерному терроризму. Переговоры по договору являются дополнительной площадкой и стимулом для переговоров дипломатов пяти государств региона, сверки позиций по вопросам международного ядерного терроризма и предотвращения попадания ядерных материалов и технологий в руки негосударственных субъектов. В этой связи особенно важны практические шаги, предпринимаемые в рамках ЦА ЗСЯО. Так, в 2015 г. в совместном выступлении государств – участников договора было отмечено, что уже принят план

---

⁷⁶ Общественность поддержала действия АО «ФЦЯРБ» в Таджикистане // Пресс-служба ОАО «ФЦЯРБ» [официальный сайт]. 2016. 8 нояб. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/news/obshchestvennost-podderzhala-deystviya-ao-fts-yarb-v-tadzhikistane/> (дата обращения: 29.11.2016).

⁷⁷ Денисенко Е. Усен Усупов: рекультивации хвостохранилищ Кыргызстана помогут в СНГ // Вечерний Бишкек. 2016. 6 апр. URL: <http://www.vb.kg/337593> (дата обращения: 29.11.2016).

действий по укреплению ядерной безопасности, предотвращению распространения ядерных материалов и борьбе с ядерным терроризмом в Центрально-Азиатском регионе. Кроме того, разрабатывается проект многостороннего договора о взаимодействии в предотвращении незаконного оборота ядерных материалов и борьбе с ядерным терроризмом в Центрально-Азиатском регионе⁷⁸.

* * *

Предпосылки появления инициативы о формировании ЗСЯО в Центральной Азии лежат в экологической плоскости из-за состояния окружающей среды и последствий военной ядерной программы СССР. Кроме непосредственного запрета на обладание ядерным оружием, Договор о ЦА ЗСЯО признает экологический ущерб, причиненный ЦА республикам советско-американской гонкой вооружений, и является шагом к решению проблемы незаконного оборота радиоактивных материалов путем усиления экспортного контроля.

Несмотря на то, что экологическое измерение было связующим звеном для всех ЦА республик, глубинные причины участия в продвижении инициативы региональных государств были другие. Для Узбекистана было важно выровнять изначально неравноценные военно-политические условия. Для этого официально Ташкенту представлялось необходимым ускорить лишение Казахстана ядерного статуса и уменьшить степень сотрудничества последнего с Россией в области ядерной безопасности.

Казахстан по разным причинам начал активно продвигать безъядерную зону только к концу 1990-х гг. Однако, несмотря на поздний старт, он является в настоящее время лидером в ЦА по выдвинутым инициативам в сфере нераспространения ядерного оружия, включая учреждение здесь банка ядерного топлива и инициативы о Декларации о построении мира, свободного от ядерного оружия, принятой на Генассамблее ООН 7 декабря 2015 г.

---

⁷⁸ Совместное выступление государств – участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, на общих дебатах Обзорной конференции 2015 г. государств – сторон Договора о нераспространении ядерного оружия (Нью-Йорк, 27 апреля 2015 г.) // Организация объединенных наций [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/central-asia_ru.pdf (дата обращения: 29.11.2016).

На этапе формирования инициативы ЦА ЗСЯО вклад в продвижение идеи о создании ЦА ЗСЯО Киргизии, для которой было важно поддерживать свой политический имидж «островка демократии», предлагающий важные глобальные инициативы, неоспорим. Однако приходится констатировать, что с конца 1990-х гг. Киргизия из-за военных событий, произошедших в Баткенской области в 1999–2000 гг., кадровых перестановок внутри МИД Киргизии, недостаточности дипломатических кадров и постепенной потери институциональной памяти на фоне чрезвычайной заинтересованности Узбекистана и Казахстана в этой инициативе не смогла удержать это направление в сфере своих приоритетных интересов.

Выделим основные политические аспекты становления ЗСЯО на региональном уровне.

Во-первых, этот международный документ является первым многосторонним соглашением в области безопасности, объединяющим все пять центральноазиатских государств.

Во-вторых, этот договор стал первым совместным самостоятельно разработанным региональным соглашением в области безопасности, что послужило ценным дипломатическим опытом для ЦА республик.

В-третьих, договорной процесс, как лакмусовая бумага, выявил и слабые стороны центральноазиатских государств – разрозненность, нежелание идти на уступки друг другу, конкурентные настроения, а также недостаточный общественный интерес к созданию ЗСЯО.

В-четвертых, позитивные результаты становления ЦА ЗСЯО заключаются в объединении усилий государств региона, в нахождении компромисса в процессе выработки решений по спорным пунктам договора. При существующем конфликтном потенциале региона сам переговорный процесс по выработке общих позиций и созданию безъядерной зоны не только выступил мерой доверия, но и символизировал успешный опыт сотрудничества ЦА стран в области безопасности.

В-пятых, если бы республики смогли прийти к общим позициям по тексту договора не в 2002, а в 1997–1998 гг., Договор о ЦА ЗСЯО мог бы быть намного сильнее, и западная ядерная тройка, возможно, легче пошла бы на подписание и ратификацию его протокола.

В-шестых, при становлении ЦА ЗСЯО глобальные игроки показали как вполне логичное стремление защищать свои интересы в регионе, так и нежелание решать проблемы Центральной Азии и сотрудничать друг с другом по этому вопросу в формате «РЗ + Р2», то есть Великобритания, США и Франция – с одной стороны, Китай и Россия – с другой. На примере организации давления Соединенными Штатами на государства Центральной Азии становится понятным механизм использования западными ядерными государствами международных организаций в качестве инструмента своего влияния и продвижения своих интересов, что в данном случае противоречило интересам безопасности ЦА региона.

Возражения западной ядерной «тройки» о том, что Центральноазиатский договор оставляет лазейку из-за членства ЦА государств в ОДКБ или неоднозначности и расплывчатости формулировок, несостоятельны из-за имеющихся исторических прецедентов с предыдущими договорами о создании безъядерных зон. Официальные аргументы западной «тройки» о причинах неподписания протокола к договору о ЦА ЗСЯО можно считать неубедительными, а ответ следует искать в военно-политической плоскости, в частности, в предотвращении сужения военной маневренности из-за расширения ареала покрытия безъядерных зон, особенно в непосредственной близости от контрагентов – России и Китая.

На современном этапе договор о ЦА ЗСЯО стал одним из важных элементов региональной архитектуры безопасности и активно поддерживается региональными военно-политическими организациями – ОДКБ и ШОС. ОДКБ не могла открыто поддерживать создание безъядерной зоны в Центральной Азии, поскольку и так являлась одной из причин изначального нежелания ядерной «тройки» подписать протокол о негативных гарантиях. Именно в этом кроется отсутствие политической поддержки на уровне деклараций до момента подписания договора. Однако после его подписания государства – члены ОДКБ активно используют международные площадки для выражения своей поддержки региональной безъядерной зоны.

Совсем другое дело – ШОС: начиная с 2002 г. тема безъядерной зоны постоянно прослеживается в ее основных документах. Можно предположить, что, не имея возможности напрямую воздействовать на западную ядерную «тройку» через ОДКБ, основные послы

по становлению ЦА ЗСЯО она успешно артикулировала со своей площадки. Причем в последних стратегических документах вопросы ядерной безопасности расширяются и переходят с регионально-го на глобальный уровень.

Влияние Договора о ЦА ЗСЯО прослеживается и в сфере экологической безопасности. На первый взгляд кажется, что трудно отделить влияние многочисленных резолюций по становлению ЦА ЗСЯО и резолюции 68/218 на действия, предпринимаемые международными партнерами в практическом русле. На самом деле представляется, что Договор о ЦА ЗСЯО стал важной вехой и прообразом для этой резолюции. В течение долгого времени резолюции о Договоре о ЦА ЗСЯО всегда увязывались западной ядерной «тройкой» с политическими и даже геополитическими вопросами, и по ним США, Великобритания и Франция не могли голосовать в связи со своими возражениями по договору. Экологические решения стали продвигаться быстрее, когда была инициирована отдельная резолюция 68/218, не связанная с другими политическими вопросами. Однако то, что именно благодаря Договору о ЦА ЗСЯО вопрос об экологическом измерении ядерной безопасности стал подниматься на международных форумах, и это привело к практическим результатам, у специалистов не вызывает никаких сомнений.

Если учесть современные тенденции в сфере международной безопасности, особенно важным представляется то, что в настоящее время на различных международных площадках, в том числе и в рамках переговоров по Договору о ЦА ЗСЯО, центральноазиатскими государствами рассматриваются конкретные действия по противодействию международному ядерному терроризму.

Таким образом, после долгого этапа становления ЦА ЗСЯО стала неотъемлемой частью региональной архитектуры безопасности ЦА региона. Несмотря на важность и приоритетность других измерений безопасности в регионе, представляется, что она выполняет прежде всего военно-политическую функцию – недопущение попадания ядерного оружия и ядерных материалов на территорию Центральной Азии, как на военные базы других государств в регионе, так и в руки негосударственных субъектов международных отношений, особенно с учетом перманентного обострения ситуации на Ближнем Востоке⁷⁹.

---

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Кутнаева Н. А. Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 2. С. 82–93.

Глава 9

**ДИСКУРСЫ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***И. А. Черных, А. Е. Фоминых*

При рассмотрении Центральной Азии как регионального комплекса безопасности важно зафиксировать, насколько целостно понимание вопросов ядерной безопасности на различных уровнях – официальном, экспертном, бытовом. При этом под региональным комплексом безопасности понимается совокупность государств, которые не могут рассматривать безопасность и воспринимать угрозы ей отдельно друг от друга¹.

Анализ официальных документов, определяющих основные угрозы, вызовы и риски национальной и региональной безопасности стран Центральной Азии, показывает, что вопросы нераспространения и ядерной безопасности являются второстепенными (вторичными) по сравнению с вопросами терроризма, религиозного экстремизма, дестабилизации политических режимов, в том числе под воздействием внешних сил, незаконного оборота оружия, наркотиков и т. д. Вопросы нераспространения актуализируются главным образом в контексте ядерного терроризма. Значимость проблематики нераспространения и вопросов ядерного терроризма повышается с учетом возможности возникновения в странах региона конфликтов в формате «новых войн», построенных, помимо прочего, на глубинной приватизации права на использование насилия. Новые войны, согласно Мэри Калдор, это войны идентичности². Для защиты своей идентичности та или иная социальная группа или индивид гипотетически могут использовать любые средства, вплоть до технологий производства «грязной атомной бомбы» или организации террористических актов, направленных на ядерные объекты. В усло-

¹ Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Hemel Hempstead : Harvester Wheatsheaf, 1991 ; Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security : A New Framework For Analysis*. Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. P. 9–19 ; Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers : The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

² Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Cambridge : Polity Press, 2012.

виях отсутствия целостного понимания угроз, вызовов и рисков (как в рамках Центральной Азии, так и на разных уровнях внутри каждой страны) предугадать поведение всех вовлеченных акторов потенциального конфликта затруднительно, если вообще возможно. Настолько же трудно судить и о глубине осознания этих угроз на различных уровнях – от официального до уровня локальной общины и отдельного индивидуума – и о готовности акторов действовать согласованно по предотвращению той или иной угрозы, связанной с вопросами ядерной безопасности.

Тем не менее, на основании текстового массива (официальные выступления глав государств, законодательные акты, дипломатические документы, экспертные выступления, материалы СМИ, социальные сети и интернет-форумы), посвященного вопросам ядерного нераспространения в Центральной Азии, можно реконструировать три основных дискурса: официальный, экспертный и «бытовой». Эти дискурсы в значительной степени существуют параллельно и относительно независимо друг от друга. Хотя в них и можно зафиксировать отдельные тематические пересечения, их содержательное наполнение – нарративы, ключевые понятия, а также выделяемые в них секьюритизирующие акторы и референтные объекты – существенно отличаются друг от друга.

Официальный дискурс

В официальном дискурсе стран Центральной Азии вопросы ядерного нераспространения в настоящее время фиксируются либо как технические (в виде отчетов по взятым данными странами на себя обязательств), либо как имиджевые. Так, в начале 1990-х гг. Узбекистан первым стал выдвигать крупные международные инициативы в сфере ядерного нераспространения. 28 сентября 1993 г. на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана Ислам Каримов выступил за полную ликвидацию ядерного оружия и за бессрочное продление ДНЯО, а также указал, что «Узбекистан является убежденным сторонником объявления Центрально-Азиатского региона безъядерной зоной»³. Таким образом, Ислам Каримов первым из лидеров Центральной Азии предложил создание в регионе ЦА ЗСЯО. Официальная политическая эли-

---

³ Каримов И. Выступление на 48-й сессии Генеральной ассамблеи ООН // Каримов И. Наша цель: свободная процветающая родина. Ташкент : Узбекистон, 1996. С. 53.

та, выдвинув единожды инициативу создания ЗСЯО, акцентирует ее реализованность в контексте тех или иных международных событий. Так, например, в связи с подписанием ядерными державами (США, Великобританией, Францией, Китаем и Россией) Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии 6 мая 2014 г. информационное агентство «Жахон» при МИД Республики Узбекистан опубликовало статью «Инициатива Президента Узбекистана И. А. Каримова о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, воплотилась в реальность»⁴. В июле 2016 г., выступая на совещании старших должностных лиц стран – членов Организации исламского сотрудничества (ОИС), министр иностранных дел Узбекистана А. Камилов отметил, что проблема нераспространения ОМУ будет пятым приоритетом в период председательства Узбекистана в Совете министров иностранных дел ОИС. При этом он особо подчеркнул, что инициатива, выдвинутая И. Каримовым в 1993 г., нашла свое воплощение в создании в Центральной Азии ЗСЯО⁵. В октябре 2016 г. тезисы о необходимости создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке как одном из приоритетов председательства Ташкента в ОИС в 2017 г. повторно озвучил временно исполняющий обязанности президента и премьер-министр Узбекистана Шавкат Мирзиёев, для которого это стало одним из первых публичных международных выступлений в качестве преемника скончавшегося 2 сентября 2016 г. президента страны И. А. Каримова⁶.

При этом, однако, сюжеты, связанные с нераспространением, возникают в Узбекистане спорадически, как правило, в связи с информационными поводами наподобие членства страны в меж-

---

⁴ Инициатива Президента Узбекистана И. А. Каримова о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, воплотилась в реальность // Правда Востока [официальный сайт]. 2014. 27 мая. URL: <http://www.pv.uz/politics/official/15225> (дата обращения: 31.05.2014).

⁵ Выступление Министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова на Совещании старших должностных лиц стран – членов ОИС по подготовке 43-й сессии СМВД ОИС (г. Джидда, 26 июля 2016 года) // МИД Республики Узбекистан [официальный сайт]. 2016. 26 июля. URL: <http://www.mfa.uz/ru/press/speech/2016/07/7957> (дата обращения: 25.10.2016).

⁶ Выступление исполняющего обязанности Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии СМВД ОИС (Ташкент, 18 окт. 2016 г.) // МИД Республики Узбекистан [официальный сайт]. 2016. 18 окт. URL: <http://www.mfa.uz/ru/islamic-cooperation/2016/10/8901/> (дата обращения: 25.10.2016).

дународных организациях. Тематика нераспространения не является первостепенной и в официальных политических дискурсах Таджикистана и Киргизии и актуализируется в информационном поле этих стран также в связи с теми или иными региональными или глобальными событиями, происходящими в данной сфере (например, подписание Договора о ЗСЯО в Центральной Азии 8 сентября 2006 г. в Семипалатинске, принятие Декларации о безъядерном мире 12 октября 2011 г. в Астане и др.). Гораздо более активно безъядерная тематика была введена во внешнеполитический инструментарий Казахстана, который со временем «приватизировал» сферу ядерного нераспространения на региональном и международном уровне. Образ Казахстана, добровольно отказавшегося от статуса ядерной державы, постепенно превратился в своего рода национальный бренд, посредством которого создавались и продвигались связанные с ним позитивные ассоциации со страной, ее возможностями, ролью в мировых или региональных процессах. При этом данный бренд был рассчитан в большей степени на внешнюю аудиторию и направлен на формирование системы устойчивых ассоциаций и представлений о Казахстане, позволяющих четко позиционировать его в мировом сообществе.

Современная дипломатия Республики Казахстан значительное место уделяет международному позиционированию страны как государства, свободного от ядерного оружия. В период независимости формируется новая историография, посвященная обретению безъядерного статуса и роли, которую сыграли экологические и антиядерные общественные движения («Зеленый фронт», «Невада – Семипалатинск») в сплочении национально-патриотических сил и становлении новой государственности. Отказ от ядерного оружия должен был подчеркнуть не только миролюбивый характер внешней политики независимого Казахстана, но и его разрыв с советским прошлым. По словам президента Н. А. Назарбаева, для Казахстана «антиядерный вектор политики – это не некая виртуальная борьба за мир, а суровая реальность, которую мы познали как зловещее следствие ядерного противостояния сверхдержав в прошлом веке»⁷.

Казахстанский официальный дискурс нераспространения носит ярко выраженный идеологизированный характер, направлен на внешнюю аудиторию и является способом получения определен-

⁷ Назарбаев Н. G-Global – мир XXI века. Астана : Деловой мир Астана, 2013. С. 89.

ных политических бонусов. По сути, в Казахстане предпринимается попытка представить ядерное нераспространение как национальный бренд страны, показавшей своими действиями позитивный пример для всего мира.

Выбор безъядерной тематики как ключевого элемента имиджевой политики Казахстана обусловлен историческими причинами. Экологический фактор сыграл важнейшую роль в формировании казахстанской антицентристской оппозиции в позднейший период существования СССР, а затем и внешнеполитической повестки республики на начальном этапе независимости. Союзной власти – Москве – вменялся в вину колоссальный экологический ущерб, вызванный многолетней эксплуатацией Семипалатинского ядерного полигона: тысячи умерших от онкологических заболеваний, до 1,5 млн пострадавших, более 300 тыс. км² загрязненной территории. На первоначальном этапе своего существования (с 1987 г.) экологические общественные движения в Казахской ССР не выдвигали политических лозунгов, поскольку после событий декабря 1986 г. («Желтоксана» в новой национальной историографии) власти жестко контролировали общественный дискурс в республике. В условиях запрета на политическую активность экологические организации – объединение «Инициатива», Общественный комитет по проблемам Балхаша и Арала, с 1988 г. – «Зеленый фронт» нередко становились единственной «крышей» для открытых выступлений оппозиционеров. Последующий общенародный успех движения «Невада – Семипалатинск», созданного в феврале 1989 г. по инициативе поэта Олжаса Сулейменова, во многом был обусловлен восприятием полигона в массовом сознании населения республики как национальной трагедии. Сам О. Сулейменов на тот момент являлся признанным общенациональным лидером, а его высокий публичный статус «исключал бесцеремонное вмешательство в дела “Невады” низшего эшелона власти и карательных органов»⁸. С приходом к власти в республике в 1989 г. Н. А. Назарбаева уже сильно политизированное движение «Невада – Семипалатинск» получило официальную поддержку, что дало начало непростому диалогу Алма-Аты и Москвы о судьбе полигона. Показательно, что указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона, подписанный Н. А. Назарбаевым 26 августа 1991 г., стал одним из первых законодательных актов уже независимого Казахстана.

---

⁸ Шеретов С. Новейшая история Казахстана (1985–2002 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Алматы: Юрист, 2009. С. 24–26.

В дальнейшем именно экологические настроения в казахстанском обществе, наряду с рациональными политическими аргументами и внешним давлением, сыграли определяющую роль в отказе страны от обладания ядерным оружием, хотя до подписания Лиссабонского протокола к ДНЯО 23 мая 1992 г. в правящих кругах Казахстана всерьез обсуждались варианты превращения страны в ядерную державу. С середины 1990-х гг. безъядерный статус рефреном повторяется во внешнеполитических документах республики. При этом ведущая роль в его отстаивании постепенно начинает приписываться почти исключительно президенту Н. А. Назарбаеву⁹.

Казахстан: ядерное нераспространение как национальный бренд

Казахстанские политические тексты настаивают на безусловном историческом первенстве страны в деле добровольного ядерного разоружения, что дает Астане право выступать в качестве «глобального лидера ответственности за ядерную безопасность»¹⁰. Так, например, Н. А. Назарбаев отмечает: «Закрытие Семипалатинского полигона имеет огромное значение не только для Казахстана, но для всего мира. С годами все более рельефно проявляется глобальное цивилизационное значение этого решения... Закрытие Семипалатинского полигона стало первым и до сих пор единственным, полным и свершившимся запретом испытаний ядерного оружия в мире. Казахстан раз и навсегда решил, что сила и мощь нашего нового государства не в демонстрации ядерных мускулов, а в их неприменении и полном отказе от них... Во многом благодаря Казахстану замолчали все другие полигоны планеты – Невада, Лобнор, Новая Земля... По сути, 29 августа 1991 года началась новая эра глобальной ядерной истории. Мир получил пример добровольного, осознанного и принятого в одностороннем порядке

---

⁹ См., например: Лидер глобального антиядерного движения : Лидер нации / под ред. Ю. Солозובה, Я. Бутакова, Д. Елькина. Астана : Деловой мир Астана, 2010. 192 с. ; Казахстан сегодня : монография / под общ. ред. Б. К. Султанова. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2009. 416 с. С.151–152 ; *Назарбаев Н. А. G-Global – мир XXI века ; Building a Nuclear Safe World : The Kazakhstan Way.* Астана : Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2010. 92 п.

¹⁰ Ядерная безопасность в Казахстане – глобальном лидере ответственности за ядерную безопасность // Kazakhstan: Сплоченные за глобальную безопасность. Kazakhstan's bid to secure a non-permanent seat on the United Nations Security Council for 2017/18. 2014. Ноябрь. 11 с. URL: www.kazakhstanunsc.com/ru/wp-content/uploads/sites/4/2014/11/UNSC-Nuclear-Security-Paper_RU_PR.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

юридического акта, поставившего оружие “судного дня” вне закона. И значимость этого шага, сделанного Казахстаном, стала поистине безграничной во времени и пространстве... Казахстанцы, закрыв Семипалатинский полигон и отказавшись от ядерного арсенала и статуса, будут всегда идти в первых рядах глобального антиядерного движения. В этом мы видим величайший долг, историческую ответственность и глобальную миссию Казахстана!»¹¹

В действительности же в новейшей истории существует аналогичный прецедент добровольного обретения безъядерного статуса – это отказ Южно-Африканской Республики от своей ядерной программы в 1989–1994 гг. после свертывания политики апартеида¹². «Безъядерная» дипломатия Казахстана, будучи во многом схожей с южноафриканской, формирует своеобразную международную тематическую специализацию страны, или, по Гарету Эвансу, «нишу» национальной дипломатии¹³.

С позиции теории «нишевой дипломатии» способность сконцентрировать дипломатическую активность на одном или нескольких направлениях является конкурентным преимуществом малых стран, и поэтому они активнее великих держав выступают сторонниками институционализации норм международного права, упрочения международных режимов, коллективных действий, создания международных организаций и систем коллективной безопасности¹⁴.

Искусство национального брендинга состоит в артикуляции и проецировании профессионально сконструированной национальной идентичности с расчетом на то, что «обновленная» таким образом страна будет выгодно выделяться на фоне прочих¹⁵. В этом контексте показательным является утверждение

¹¹ Назарбаев Н. А. G-Global – мир XXI века. С. 90–91, 104.

¹² Van Wyk J.-A. Nuclear diplomacy as niche diplomacy : South Africa's post-apartheid relations with the International Atomic Energy Agency // South African J. of Intern. Affairs. Vol. 19, no. 2. Aug. 2012. P. 179–200 ; Van Wyk J.-A. South African nuclear diplomacy since the termination of its nuclear weapons programme // Scientia Militaria, South African J. of Military Studies. Vol 42, no 1. 2014. P. 80–101.

¹³ Niche Diplomacy: Middle Powers After the Cold War / ed. A. F. Cooper. L. : Palgrave Macmillan, 1997. 221 p. ; Henrikson A. K. Niche Diplomacy in the World Public Arena: the Global 'Corners' of Canada and Norway // The N. Public Diplomacy : Soft Power in Intern. Relations / ed. by J. Melissen. L. : Palgrave Macmillan, 2007. P. 67–87.

¹⁴ Кавешников Н. Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. № 3 (18). С. 89.

¹⁵ Melissen J. The New Public Diplomacy : Between Theory and Practice // The N. Public Diplomacy. Soft Power in Intern. Relations / ed. by Jan Melissen. L. : Palgrave Macmillan, 2007. P. 20.

Н. А. Назарбаева, в котором наиболее емко формулируется основной нарратив новой казахстанской идентичности: «...Для всех казахстанцев это был исторический акт осознания своей исключительной суверенности, силы и мудрости, уверенности в настоящем и будущем. Мы не только решительно избавили мир от самой масштабной обители “ядерного зла”. Мы поднялись над глобальной угрозой и сделали принципиальный выбор в пользу безъядерной истории нашей страны и всего мира. И это стало стержнем нашей государственности – всенародной мудростью, возведенной в ранг общенациональной идеи...»¹⁶ Причем одним из ключевых символов (или брендов) выступает не только тема ядерного разоружения, но и фигура самого президента Н. Назарбаева. Для практического внедрения тезиса о глобальном первенстве Астаны в вопросах ядерного нераспространения казахстанское руководство задействует ресурсы британских лоббистов, таких как *Tony Blair Associates*, *BGR Gabara*, *Portland Communications*, а также германской компании *Media Consulta*. Последняя, в частности, занималась продвижением разделов, посвященных предотвращению мировой ядерной угрозы в статьях Википедии о Республике Казахстан и Н. А. Назарбаеве¹⁷. Большим поводом для «раскрутки» казахстанской темы в мировом информационном пространстве явилась победа заявки Астаны на проведение всемирной выставки ЭКСПО-2017.

Безъядерный статус республики с постоянством фигурирует в многолетнем проекте (если можно так охарактеризовать усилия не связанных друг с другом команд политтехнологов и политиков) по выдвижению Н. А. Назарбаева на Нобелевскую премию мира. По неофициальной информации, пути выдвижения президента на премию казахстанские правительственные круги начали искать еще с 2000 г., а с 2003 г. пытались заручиться поддержкой этих инициатив на международном уровне. Всего с 2006 по 2013 г. Н. А. Назарбаев по меньшей мере семь раз выдвигался различными группами, отдельными лицами и организациями в качестве кандидата на получение Нобелевской премии мира, из них четыре раза – за вклад в дело нераспространения ядерного оружия и в мировое

¹⁶ Назарбаев Н. G-Global – мир XXI века. С. 91.

¹⁷ Tynan D. Kazakhstan's Pricey, Sometimes Shady International re-Branding Effort // Atlantic. 2012. Jan. 23, 2012. URL: www.theatlantic.com/international/archive/2012/01/kazakhstan-princey-sometimes-shady-international-re-branding-effort/251802 (mode of access: 17.04.2016).

ядерное разоружение (2008, 2010, 2011 и 2012)¹⁸. Заметное оживление обсуждения вклада Казахстана в ядерное нераспространение наблюдалось при формировании программы председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. и в связи с заявкой страны в 2013 г. на место непостоянного члена Совета Безопасности ООН на 2017–2018 гг.

Несмотря на значительные финансовые и организационные усилия, эффект использования «безъядерных» сюжетов при формировании национального бренда Казахстана представляется весьма ограниченным. Так, Астана неплохо смотрится на 26-м месте по показателю вклада в международный мир и безопасность в рейтинге *Good Country Index* Саймона Анхольта (считающегося основоположником концепции национального бренда) – притом, что в общем рейтинге Казахстан занимает 80-е место из 125. Однако здесь при подсчетах учитываются участие в миротворческих операциях ООН и их финансирование, степень вовлечения в вооруженные конфликты, экспорт оружия и уровень интернет-безопасности, а не вклад в ядерное нераспространение¹⁹. Другие ведущие рейтинги национальных брендов фокусируются почти исключительно на вопросах инвестиционной или туристической привлекательности стран²⁰. Рейтинг *Country Brand Index* от *Future Brand* вообще не рассматривает Казахстан как субъект ранжирования, поскольку, согласно методологии компании, статус страны-бренда еще нужно заслужить²¹. Примечательно, что многие современные казахстанские исследователи проблем национального брендинга предлагают развивать привлекательность страны через более привычный инструментарий – туризм, означающий знакомство с традиционной культурой казахов, а также образование, культурную и спортивную дипломатию²². В этом контексте любопытным явлением последних лет стало акцентирование региональными властями в Казахстане вопросов раз-

¹⁸ Муканкызы М. Назарбаев не получил Нобелевскую премию и с шестой попытки // Радио Азаттык [официальный сайт]. 2012. 12 окт. URL: rus.azattyq.org/content/nursultan-nazarbaev-six-times-nobel-prize-nominee/24737486.html (дата обращения: 17.04.2016).

¹⁹ Good Country Index : Overall Ratings. The Good Country, 2015. URL: <http://goodcountry.org/index/overall-rankings> (mode of access: 17.04.2016).

²⁰ Bloom Consulting: Our Country and City Brand Rankings, 2015. URL: www.bloom-consulting.com (mode of access: 17.04.2016).

²¹ Country Brand Index 2014–2015. FutureBrand, 2015. URL: www.futurebrand.com/cbi/2014

²² Bogoviyeva E., Dostiyarova A. Kazakhstan Nation Brand: Economic, Political and Cultural Narratives // Academy of Cultural Diplomacy, 2008. URL: www.culturaldiplomacy.org/academy/content/articles/events/nationbranding/participant-papers/Alima-Dostiyarova.pdf (mode of access: 17.04.2016).

вития туризма в зоне Семипалатинского полигона. В частности, в связи с предстоящим мероприятием ЭКСПО-2017, которое будет проходить в Астане, власти Восточно-Казахстанской области, на территории которой расположен полигон, начали разрабатывать новое туристическое направление, рассчитанное в большей степени на внешнего потребителя – в основном на иностранных гостей выставки²³.

Бытовой и экспертный дискурс

Бытовой дискурс проблем ядерного нераспространения в Центральной Азии также наиболее отчетливо проявляется в Казахстане, и фокусируется он вокруг проблематики, связанной с функционированием в советский период Семипалатинского ядерного полигона, с его закрытием. Этот дискурс сформировался главным образом на основе риторики экологических движений, активность которых пришлось на конец 1980-х – 1990-е гг. И если в тот период дискуссии фокусировались на вопросе закрытия полигона и активно поддерживались официальной политической властью, то на современном этапе содержательные акценты дискурса трансформировались. Ключевыми вопросами бытового дискурса стали проблемы, оставшиеся после закрытия полигона. Если в официальном дискурсе доминирует утверждение глобального первенства Казахстана в добровольном отказе от ядерного оружия, то в бытовом дискурсе акцентируется нерешенность последствий использования Семипалатинского полигона. Данный нарратив адресован уже не столько внешней, сколько внутренней аудитории для привлечения внимания властей к решению экологических и социальных проблем. Он также используется и для аргументации критики в адрес действующей власти. Болевыми точками при этом являются условия проживания населения в прилегающих к полигону населенных пунктах: отсутствие питьевой воды, радиационный фон, невозможность использования зараженных территорий в сельскохозяйственных целях, высокий процент детей с врожденными патологиями и т. д. В этом контексте показательными являются комментарии в новых социальных медиа (сети *Facebook*) относительно социального ролика «Казахстан – 25 лет ядерной тишины», произведенного к 25-летию отказа Казахстана от ядерного оружия. Так, пользователи *Facebook* отмечают:

---

²³ Москаев К. В ожерелье каменных гор // Мир путешествий. URL: <http://www.mirp.kz/rus/articles/6/7> (дата обращения: 11.11.2016) ; Из республиканского бюджета на развитие туризма в ВКО выделили 219 миллионов тенге // Новости Усть-Каменогорска и ВКО. URL: <http://m.yk-news.kz/news/> (дата обращения: 11.11.2016).

– «Да, все это, конечно, хорошо, но в городе Семей и области люди умирают от онкологии – молодые люди, дети, пожилые. И все об этом молчат, а выехавшие за пределы области вообще лишатся всех выплат. Это то малое, что можно возместить нам. Конечно, здоровье и жизни родных и близких нам не вернуть. Очень, очень грустно и жалко».

– «Что сказать – мы жертвы холодной войны. Немногие знают, что эти вот ядерные испытания будут влиять на здоровье еще нескольких поколений, у нас в городе огромное количество людей, которые болеют зобом, онкологическими заболеваниями, сердечными. К сожалению, это все умалчивается, так как придется практически треть населения зачислить в инвалиды!»

В бытовом дискурсе фиксируются дискуссии относительно ответственности за ядерные испытания и последствия ликвидации Семипалатинского полигона. Можно выделить два основных нарратива касательно данной проблематики, реконструкция которых осуществлялась на основании комментариев к публикациям, размещенным на сайте «Радио Азаттык»:

– Виновата Россия, и она должна платить за последствия («Конечно, это должна взять на себя Россия, которая и проводила эти испытания»; «Если РФ объявила себя правопреемницей бывшего СССР, то по нормам международного права она обязана как-то участвовать в ликвидации последствий. Но надежды почти нет. Неужели в ней (России) не осталось ничего от христианской веры, сострадания, от стыда?!»; «Пусть преемник СССР Россия выплачивает компенсацию и пособия. С этим... мы еще вступили в ТС. От них надо удалиться в сторону Европы»).

– Виноваты казахстанские чиновники, которые ничего не хотят делать, в том числе работать с Россией по вопросу возмещения ущерба, причиненного Семипалатинским полигоном местному обществу («Полигон – он и есть полигон, но то, что он бесконтролен, не может быть – это однозначно. Другое страшно – средства уходят на юбилеи и саммиты, это первое. Второе – нет государственного желания видеть и мониторить ситуацию, готовить своих специалистов и избегать неподготовленного и пренебрежительного решения проблемы»)²⁴.

²⁴ Бестай У. Масштабы радиации близ Семипалатинского полигона не всем понятны // Радио Азаттык [официальный сайт]. 2011. 29 авг. URL: rus.azattyq.org/a/semipalatinsk_nuclear_polygon_/24311092.html (дата обращения: 12.09.2011); Левыкина М. Банк ядерного топлива в Казахстане: благо или риск? // Радио Азаттык [официальный сайт]. 2011. 3 нояб. URL: rus.azattyq.org/a/kazakhstan_semipalatinsk_nuklear_fuel_bank_ground/24379163.html (дата обращения: 12.09.2011).

Активной критике на бытовом уровне подвергаются проекты строительства в Казахстане атомной электростанции и создания здесь банка ядерного топлива. Так, пользователи *Facebook* указывают, что «главное теперь – не сделать свалку радиоактивных отходов на нашей земле. Даже не обсуждать тему – опасно или нет. Не слушать никакие доводы и доказательства о безопасности. Просто ни за какие деньги не разрешать». Наличие вышеобозначенных нарративов в «бытовом» дискурсе подтверждается результатами социологического опроса населения Казахстана, проведенного в 2012 г.²⁵ Так, население достаточно критично настроено относительно производства и хранения на территории Казахстана ядерного топлива. Среди опрошенных только 33,8 % считают, что это может положительно сказаться на имидже страны. В качестве основных причин негативной оценки указывались следующие:

- формирование представления о Казахстане как «свалке» ядерных отходов (39,1 % респондентов);
- формирование имиджа страны, не заботящейся о своем будущем (37,3 % респондентов);
- возникновение высоких рисков техногенных катастроф и соответствующее снижение инвестиционной привлекательности страны (9,9 % респондентов).

Кроме того, респонденты обращали внимание на то, что «во всем мире идет антиядерная политика», и идея развития технологий производства и хранения ядерного топлива «противоречит идее закрытия Семипалатинского полигона».

В контексте социальной безопасности можно говорить о формировании в казахстанском обществе группы, имеющей четкую повестку безопасности, где первостепенными являются вопросы, связанные с ликвидацией последствий использования Семипалатинского полигона. Секьюритизирующими акторами в данном случае выступают, как правило, этнонационалистические (национал-патриотические) силы, а также ряд НПО, работающих в сфере решения экологических вопросов (например, «Антигептил»). В «бытовом» дискурсе четко очерчен и образ врага в лице России, которая не хочет оказывать помощь в решении

---

²⁵ Массовый социологический опрос в рамках проекта «Оценка эффективности государственной политики в сфере производства и продвижения информационных продуктов и социокультурных брендов Казахстана» был проведен по заказу Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Результаты исследования опубликованы не были.

данной проблемы. Однако следует отметить, что указанные мотивы не являются определяющими для бытового дискурса на общенациональном уровне, а присутствуют на уровне локальных общин, как правило, в Кызылорде и Семипалатинске. Вышеописанные нарративы воспроизводятся достаточно ограниченной группой людей (гражданскими активистами и местным сообществом в зоне бывшего полигона). В целом же население Казахстана, как и других стран Центральной Азии, не особенно озабочено данной проблемой и не проявляет к ней значительного внимания.

Экспертный дискурс по вопросам ядерной безопасности в Центральной Азии представлен крайне ограниченно, о чем свидетельствует незначительное количество экспертов²⁶, специализирующихся на данной проблематике, и сравнительно небольшое количество публикаций, напрямую ее затрагивающих. В Казахстане, например, периодически публикуются сборники статей и материалы конференций, приуроченных к годовщинам знаковых событий в сфере нераспространения, например, закрытие Семипалатинского полигона²⁷. Имеющиеся исследования, как правило, рассматривают вопросы нераспространения в более широком контексте анализа региональной безопасности в целом. Статьи, посвященные ядерной тематике непосредственно, нацелены преимущественно на внешнюю аудиторию, что фиксируется по их языку или месту публикации. Эксперты рассматривают вопросы ядерной безопасности в качестве своего рода национального бренда, в то время как население Казахстана эта тематика интересует ситуативно, в гораздо меньшей степени.

***

Таким образом, вторичность дискурса ядерного нераспространения в рамках более широкого дискурса угроз безопасности свидетельствует отчасти о том, что в обществе присутствует достаточно высокая степень доверия к властям и структурам, осу-

---

²⁶ В качестве известных экспертов, специализирующихся по вопросам нераспространения на системной основе, можно отметить Д. Абена (Казахстан) и Н. Кутнаеву (Киргизия).

²⁷ Вклад Казахстана в глобальную устойчивость и стабильность в XXI : междунар. науч.-практ. конф. Алматы : [Б. и.], 2016. 130 с.

ществляющим управление в ядерной сфере и контроль над объектами, производящими уран. При этом, однако, время от времени поднимаются проблемные вопросы, связанные с транспортировкой ядерных материалов, поддержанием безопасности хвостохранилищ, остающихся в процессе добычи и переработки урановой руды, и т. д. Отмечается, что проблемы с распространением «грязных» ядерных технологий возникают на уровне обычной человеческой безграмотности или халатности на производстве. Так, в октябре 2011 г. был зафиксирован повышенный радиационный фон от казахстанского угля, поставлявшегося на ТЭЦ Бишкека, что поставило под вопрос эффективность экспортного контроля. Проблема недофинансирования сказывается на обеспечении физической защиты урановых хвостохранилищ в Таджикистане и Киргизии – они не заливаются водой, сползают в реки, что в дальнейшем приводит к росту экологических рисков трансграничного характера.

При отсутствии целостности понимания проблематики ядерной безопасности в Центральной Азии на всех уровнях в условиях осуществления в различных странах региона отдельных этапов ядерного производства сохраняются риски пренебрежения ее вопросами. Самовыдвижение Казахстана в роли регионального лидера в вопросах ядерного нераспространения пока не нашло явного отклика среди других стран региона, имеющих на своих территориях потенциально опасные объекты атомной отрасли. Использование безъядерного статуса в качестве тематической специализации национальной дипломатии и брендинга Казахстана может иметь положительный эффект для позиционирования страны во внешнем мире, однако мало что дает для поддержания режима нераспространения на региональном и локальном уровне без согласования политических шагов и технических процедур с ближайшими соседями.

Часть 3

АТОМНЫЙ МИР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИК

Глава 10

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА АЭС «ФУКУСИМА-1» НА ВНУТРЕНнюю И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ

К. Г. Муратишина

Восточная Азия является одним из наиболее густонаселенных и быстро экономически и технологически развивающихся регионов современного мира. В силу энергоемкости многих видов промышленного производства и истощаемости природных ресурсов при сохранении сверхвысоких темпов экономического роста ведущие государства региона со второй половины XX в. активно развивают свою атомную энергетику. Япония по уровню технологического развития отрасли и ее объемам преуспела в этой сфере больше других, однако будущее развития атомной энергетики в стране периодически оказывается под вопросом и зависит от влияния большого количества факторов, как объективных (климатические условия, природные катаклизмы), так и субъективных (прежде всего позиция общества, экспертных и правительственных кругов). Наибольшим потрясением для атомной отрасли Японии за все время ее развития стала авария на АЭС «Фукусима-1», которая привела к серьезнейшим разрушениям и радиоактивному загрязнению территории как на суше, так и на море. Именно

эта авария побудила японское государство к всесторонней ревизии своей ядерной сферы, ужесточению требований к безопасности и изменениям приоритетов внешней политики. А международному режиму ядерного нераспространения, в свою очередь, катастрофа принесла, с одной стороны, колоссальный негативный опыт (стоит отметить, что вся работа по ликвидации последствий катастрофы велась Японией в плотном контакте с МАГАТЭ, и вся информация об аварии и ее последствиях, в том числе все технические детали, была собрана, систематизирована и представлена в виде многостраничного доклада, изданного в 2015 г.¹), а с другой – еще одного ярого адепта.

После аварии было проведено огромное количество технических изысканий, результаты которых были опубликованы в ведущих изданиях естественнонаучного профиля. При изучении же данной проблематики в гуманитарном контексте в мировом японоведении основное внимание уделялось таким аспектам, как всестороннее исследование причин инцидента и поэтапный анализ развития событий², выявление недостатков в системе управления станцией и всей системе безопасности ядерной сферы Японии, которые привели к аварии³, поиск ответа на вопрос, какой будет политика японского государства в дальнейшем развитии мирного атома⁴, построение различных ее моделей⁵, прогнозы относительно дальнейшего сотрудничества Японии и США в сфере ядерной энергетики⁶, рассмотрение того, как катастрофа повлияла на психику японцев и распространение

---

¹ The Fukushima Daiichi Accident // United Nations Organisation, International Atomic Energy Agency. 2015. URL: <http://www-pub.iaea.org/books/IAEABooks/10962/The-Fukushima-Daiichi-Accident> (mode of access: 04.09.2016).

² См., например: *Funabashi Y., Kitazawa K.* Fukushima in review : A complex disaster, a disastrous response // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2012. Vol. 68 (2). P. 9–21.

³ См., например: *Nöggerath J., Geller R. J., Gusiakov V. K.* Fukushima: The myth of safety, the reality of geoscience // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2011. Vol. 67 (5). P. 37–46.

⁴ См., например: *Takubo M.* Nuclear or not? The complex and uncertain politics of Japan's post-Fukushima energy policy // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2011. Vol. 67 (5). P. 19–26.

⁵ См., например: *Cotton M.* Structure, agency and post-Fukushima nuclear policy: an alliance-context-actantiality model of political change // *Journal of Risk Research*. 2015. Vol. 18 (3). P. 317–332.

⁶ См., например: *Cooper M.* The implications of Fukushima // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2011. Vol. 67 (4). P. 8–13.

пацифистских идей⁷, обсуждение вопросов продовольственной безопасности и доверия населения производителям продуктов питания в пережившем ядерную аварию государстве⁸, а также исследование эффекта фукусимской аварии для развития атомной энергетики в соседних странах⁹ и помощь японскому государству со стороны соседей, в частности, России¹⁰. Данная глава посвящена влиянию катастрофы на внутривнутриполитический курс и внешнеполитические приоритеты японского государства.

Катастрофа и ее последствия: цифры и факты

Авария на АЭС «Фукусима-1» произошла 11 марта 2011 г., ее причиной стал отказ системы охлаждения реакторов станции под действием водного удара в условиях сильнейшего цунами. Началось плавление топлива, а 12–15 марта произошло несколько взрывов водорода, вызвавших значительные разрушения. Территория объекта покрылась завалами радиоактивных обломков, наружу вытекло большое количество зараженной воды. Более 100 тыс. человек были эвакуированы из пострадавшего района и лишились жилья¹¹. Химические реакции в энергоблоках станции, несмотря на непрерывавшуюся работу по охлаждению и дезактивации, продолжались. Время от времени происходили новые выбросы радиоактивных веществ. По оценкам экспертов, полностью ликвидация последствий аварии может завершиться только через 30 лет¹².

Погибших непосредственно в момент катастрофы не было, и представители компании-оператора станции «ТЭПКО» всячески

---

⁷ См., например: *Ide K.* Peace education, domestic tranquility, and democracy: the Fukushima Daiichi nuclear disaster as domestic violence // *Ethics and Education*. 2014. Vol. 9 (1). P. 102–112.

⁸ См., например: *Reiher C.* Food safety and consumer trust in post-Fukushima Japan // *Japan Forum*. 2016. P. 1–24.

⁹ См., например: *Скрябина М. С.* Влияние аварии на АЭС «Фукусима-1» на планы государств Восточной Азии по развитию «мирного атома» // *Вестн. МГИМО-Ун-та*. 2011. № 4. С. 31–32.

¹⁰ См., например: *Кожевников В. В.* Авария на АЭС «Фукусима-1» и российско-японские отношения // *Изв. Вост. ин-та*. 2011. № 2. С. 45–53.

¹¹ Fukushima Accident // World Nuclear Association [official website]. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/safety-and-security/safety-of-plants/fukushima-accident/> (дата обращения: 04.09.2016).

¹² Japan reactor restarts; new glitch hits Fukushima // *USA Today*. 02.11.2011. URL: <http://usatoday30.usatoday.com/news/world/story/2011-11-02/japan-nuclear-reactor/51038794/1> (дата обращения: 04.09.2016).

подчеркивали, что лишь малое число ликвидаторов получили большие дозы облучения, а все остальные использовали достаточную защиту. Однако впоследствии японскими властями были обнародованы цифры «непрямых потерь» – сотни человек, официально умерших по причинам, якобы не связанным с воздействием радиации¹³. А в 2016 г. появилась информация о том, что среди ликвидаторов аварии было выявлено более десяти случаев возникновения раковых заболеваний, но лишь в двух случаях причиной японские власти официально признали работу на «Фукусиме-1»¹⁴.

Надо отметить, что борьба с последствиями аварии стала достаточно затратным делом для японского правительства: чего стоит только проект по покрытию океанического дна в районе станции 60-сантиметровым слоем цемента для предотвращения распространения радиоактивных веществ. Масштабы имеющегося радиоактивного загрязнения местности поражают: в Тихий океан, по оценкам специалистов, попало 13,5 тыс. терабеккерелей изотопов цезия-137, что составляет около 10 % всего радиоактивного цезия, до сих пор находящегося в тихоокеанских водах Северного полушария после проводившихся там в разные годы XX в. ядерных испытаний. Период его полураспада – 30 лет, а в человеческом организме он вызывает поражение мускулов и возникновение злокачественных опухолей¹⁵.

Даже через год после трагедии загрязнение радионуклидами простиралось на расстояние от 500 до 800 км к востоку от места расположения станции¹⁶. Проблема же радиоактивной воды, вырабатываемой в процессе охлаждения реакторов, и сегодня продолжает оставаться чрезвычайно острой. Ее объемы ежедневно увеличиваются на 350 т, и во время тайфунов, которые в Японии случаются регулярно, возникает риск вытекания воды в океан. Объем же хранящейся в специальных наземных контейнерах и ожидающей очистки радиоактивной воды – более 240 тыс т¹⁷. В марте 2016 г. были начаты

¹³ 東日本大震災における震災関連死の死者数 // 復興庁. URL: http://www.reconstruction.go.jp/topics/20121102_sinsaikanrensi.pdf (mode of access: 04.09.2016).

¹⁴ Второй ликвидатор АЭС «Фукусима-1» заболел лейкемией из-за работ на аварийной станции // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 19 авг.

¹⁵ К ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2012. 22 февр.

¹⁶ Радиация обнаружена на северо-западе Тихого океана в районе Фукусимы // Новости Mail.ru [официальный сайт], 2012. 14 сент. URL: <http://news.mail.ru/incident/10244157/?frommail=1> (дата обращения: 14.09.2012).

¹⁷ Правительство Японии и «ТЭПКО» приняли убедительные меры для решения проблемы АЭС «Фукусима-1» // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 09 сент.

работы по заморозке почвы вокруг станции в целях предотвращения утечек радиоактивной воды, однако у части экспертов имеются сомнения относительно эффективности такой меры¹⁸.

Изменения в экономической и энергетической политике

Если оценивать экономический аспект последствий катастрофы, то прежде всего необходимо учесть, что до аварии на «Фукусиме-1» в Японии действовало 54 атомных реактора, которые вырабатывали 30 % всей электроэнергии в стране. Сразу после аварии почти все они постепенно были остановлены (последний реактор на АЭС Ои в префектуре Фукуи прекратил работу в сентябре 2013 г.¹⁹), и началась масштабная повсеместная проверка безопасности на ядерных объектах. Была принята принципиально новая программа стресс-тестов для АЭС²⁰, практически заново оценивались уровень защищенности реакторов от сейсмической активности и другие параметры безопасности. Для перезапуска, по новым нормам, теперь требуется согласие префектуральных властей и местных жителей²¹. Недостающую же энергию страна начала получать за счет использования углеводородного сырья, что сразу потребовало больших денежных затрат и к тому же поставило под угрозу выполнение задач по снижению выбросов в атмосферу. Проверки показали, что остановка реакторов была полностью оправдана: согласно опубликованным аналитическим данным, только 14 реакторов готовы к перезапуску, на многих требуется провести дополнительные работы, а 17 признаны негодными к эксплуатации в принципе²². Последнее особенно ярко демонстрирует, что, если даже Япония

¹⁸ Оператор «Фукусимы-1» на 90 % выполнил работы по заморозке почвы вокруг аварийной АЭС // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 13 сент.

¹⁹ Japan to be nuclear free again as last reactor goes offline // Japan Today [official website]. 15.09.2013. URL: <https://www.japantoday.com/category/national/view/japan-to-be-nuclear-free-again-as-last-reactor-goes-offline> (mode of access: 04.09.2016).

²⁰ Япония официально утвердила формат проведения «стресс-тестов» атомных станций // Росатом [официальный сайт]. 22.07.2011. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/atomsphere/4406bb8047ae0db680829932dd078209> (дата обращения: 05.01.2016).

²¹ Запустивший дрон на крышу резиденции премьера Японии заявил, что давно запланировал акцию // ИТАР-ТАСС [официальный сайт]. 2016. 25 апр. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1930810> (дата обращения: 25.04.2016).

²² Only a third of nuclear reactors may be restarted // Japan Times. 02.04.2014. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/04/02/national/only-one-third-of-nations-nuclear-reactors-may-be-restarted-analysis/#.V-eYCC5Oyp0> (mode of access: 04.09.2016).

с ее культурой ведения промышленных разработок и технологическим перфекционизмом выявила у себя такие недочеты, то полностью застрахованной от технических ошибок и человеческого фактора в атомной энергетике нельзя считать ни одну страну мира.

В то же время японская экономика нуждается в восстановлении атомной отрасли в том или ином размере, поскольку иначе страна может столкнуться с серьезной нехваткой финансов. Банком Японии уже было отмечено ухудшение финансово-экономического положения восьми из девяти регионов страны²³. Специалистами Института исследований экономики энергетической отрасли Японии были рассчитаны несколько сценариев восстановления отрасли в привязке к бюджету 2016 и 2017 г. Был сделан вывод о том, что вероятен перезапуск в том или ином виде к марту 2018 г. в общей сложности 25 реакторов²⁴. В 2015 г. были перезапущены два энергоблока станции «Сэндай» (префектура Кагосима), а также два реактора АЭС «Такахама» в префектуре Фукуи, однако спустя несколько месяцев они были остановлены по решению суда, а с перезапуском некоторых других возникли технические проблемы²⁵.

Кроме того, после катастрофы японское государство активизировало работу по исследованиям климатической безопасности²⁶, с одной стороны, и развитию альтернативной энергетики, с другой, однако многие проекты тормозятся ввиду их технологической сложности, необходимости больших затрат и медленной окупаемости²⁷.

Серьезность последствий аварии также способствовала повышению прозрачности обсуждения в японской общественно-политической среде ядерной тематики. В целях централизации функций, повышения контроля и прозрачности правительство Японии объявило о планах слияния двух важнейших организаций по мониторингу в ядерной сфере – Агентства по ядерной и промышленной безопасности и Комиссии по ядерной безопасности – в одну организацию,

---

²³ Сенина Д. Н. Банковский сектор Японии в 2012 г. // Актуальные проблемы современной Японии. 2012. № 26. С. 45–46.

²⁴ Japan's Nuclear Restart Is Finally Here // The American Interest [official website]. 14.09.2016. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/09/13/japans-nuclear-restart-is-finally-here/> (mode of access: 24.09.2016).

²⁵ Перезапуск третьего реактора японской АЭС «Иката» отложен из-за неисправности насосов // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 17 июля.

²⁶ В Японии принят план подготовки к возможному катастрофическому землетрясению в Токио // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 31 марта.

²⁷ Мелконян И. Г. Возобновляемые источники энергии: будущее японской энергетики? // Япония наших дней. 2014. № 3 (21). С. 84–101.

которая будет подконтрольна Министерству окружающей среды²⁸. Большая информационная работа была проделана национальным Институтом ядерных технологий, который вел постоянный мониторинг и публиковал регулярные отчеты о происходящем на станции и о состоянии окружающей среды²⁹. А компания «ТЭПКО» взяла на себя обязательства публиковать в открытом доступе все замеры уровня радиации на территории разрушенной АЭС. Правда, до этого выяснилось, что компания в течение десяти месяцев скрывала, что подъем уровня радиоактивной воды в дренажной системе из-за дождей периодически приводит к ее утечкам³⁰. Также практически хаос царил поначалу и в вопросе информирования населения о защите от радиации продуктов питания: многие люди не знали, что можно употреблять в пищу в близлежащих районах, а что – нет, стихийно отказывались от рыбы или овощей³¹. Но работа японской стороны над ошибками и более свободное распространение информации могут свидетельствовать о возможности восстановления доверия людей к атомной энергетике и к государственной политике в этой сфере.

Пожалуй, наибольшие изменения авария на «Фукусиме-1» произвела в мировоззрении японцев. Начиная с 2011 г. в стране наблюдается смещение общественного мнения в сторону отказа от атомной энергии, хотя позиции сторонников развития атомной сферы остаются влиятельными³². Как отмечается в редакционной статье центральной японской газеты «Асахи» от 1 июля 2016 г., страна «стала менее зависимой от атомной энергии», дискуссии поутихли, и значительное число домовладельцев и промышленников освоили энергосберегающие технологии³³. Годовщины трагедии становятся

²⁸ *Spencer J.* Japan's Nuclear Withdrawal: Bad for Japan, Bad for the U.S., Bad for the World // The Heritage Foundation [official website]. URL: http://www.heritage.org/research/reports/2011/11/japans-nuclear-withdrawal-bad-for-japan-bad-for-the-us-bad-for-the-world#_edn7 (mode of access: 04.09.2016).

²⁹ См., например: 1福島環境修復有識者検討委員会による除染技術等の調査検討平成23年10月～平成24年3月 // 日本原子力技術協会. URL: http://www.gengikyo.jp/report/data/fukushima_kankyo_01_20120615.pdf (mode of access: 04.09.2016).

³⁰ Японская компания «ТЭПКО» будет публиковать все замеры радиации на АЭС «Фукусима-1» // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 30 марта.

³¹ Fukushima disaster: it's not over yet // The Guardian [official website]. 09.09.2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/sep/09/fukushima-japan-nuclear-disaster-aftermath> (mode of access: 04.09.2016).

³² *Kingston J.* Japan's Nuclear Village // The Asia-Pacific J. Japan Focus. Sept. 2012. Vol. 10. Iss. 37. № 1. P. 1–23.

³³ 猛暑でも節電要請なし 取り組み定着、余力 9.1 % // Asahi.com. 01.07.2016. URL: <http://www.asahi.com/articles/DA3S12436057.html> (дата обращения: 04.09.2016).

поводом для демонстраций против перезапуска реакторов³⁴, а на памятных церемониях японские политики выступают с торжественными речами, в которых утверждается необходимость движения к безъядерному миру³⁵. Иногда антиядерное движение принимает и вовсе гипертрофированные формы, как это произошло в апреле 2016 г., когда некий Ясуо Ямамото запустил беспилотник с пластиковой бутылкой, наполненной землей и песком, из зоны отчуждения в Фукусиме на крышу резиденции японского премьера Синдзо Абэ (не поддерживающего, в отличие от своих предшественников, идею полного отказа от атомной энергии) с целью «выразить протест против действующей политики властей в отношении атомной энергетики»³⁶.

В 2013 г. был проведен опрос среди мэров населенных пунктов, расположенных вблизи остановленных после аварии 2011 г. АЭС. Лишь половина из 135 руководителей (54 %) ответили, что согласны на перезапуск реакторов. 28 % воздержались от ответа, 18 % высказались категорически против, даже несмотря на то, что АЭС являются главными источниками рабочих мест в некоторых районах³⁷. Также четко артикулированной реакцией общественного мнения можно считать примеры голосования японцев на выборах в местные органы власти за тех кандидатов, которые придерживаются антиядерных позиций³⁸. В целом трагедия Фукусимы стала настоящим потрясением для всей страны. Как отмечает эксперт в области энергетики Такэо Киккава (Токийский университет Хитоцубаси), японцы «были нацией, пережившей Хиросиму и Нагасаки, но потом продемонстрировавшей всему миру превосходство в технологиях и профессиональную компетентность, что позволяло свободно эксплуатировать атомную энергию в целях экономического

---

³⁴ Tens of thousands protest Japanese PM's plans to restart nuclear reactors // Press TV.com. 26.03.2016. URL: <http://www.presstv.com/Detail/2016/03/26/457718/japan-to-kyo-abe-nuclear-reactor> (mode of access: 04.09.2016).

³⁵ 非核の英知、結集を被爆71年 長崎原爆の日 国連総会で協議要請 [長崎県] // NishiNippon ニュース. 09.08.2016. URL: <http://www.nishinippon.co.jp/nnp/nagasaki/article/265183> (mode of access: 04.09.2016).

³⁶ Запустивший дрон на крышу резиденции премьера Японии заявил, что давно запланировал акцию // ИТАР-ТАСС [официальный сайт]. 2016. 25 апр. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1930810> (дата обращения: 2016). 25 апр.

³⁷ Япония наших дней : ежегодник / гл. ред. В. О. Кистанов. М. ИДВ РАН, 2013. С. 92.

³⁸ Japan Elections: Antinuclear Candidate's Win Poses Risk to Plant Restarts \ The Wall Street J. 11.07.2016. [official website]. URL: <http://www.wsj.com/articles/japan-elections-antinuclear-candidates-win-poses-risk-to-plant-restarts-1468232103> (mode of access: 04.09.2016).

развития. Аварии на атомных объектах всегда казались чем-то таким, что происходит только в других странах... 11 марта полностью перевернуло всю нашу послевоенную идентичность»³⁹.

Новые тенденции во внешней политике

Говоря об изменениях во внешней политике японского правительства, в первую очередь следует отметить усиление участия страны в международном сотрудничестве в области ядерного нераспространения. Так, Япония активно сотрудничает с институтами режима нераспространения и вносит сотни тысяч долларов добровольных пожертвований в фонд Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ) «в целях расширения возможностей организации по контролю за радиоактивными выбросами в атмосфере»⁴⁰. Наиболее крупное пожертвование в 737 тыс. долл. было внесено в 2012 г.⁴¹, что позволило организации закупить новейшее оборудование⁴².

Кроме того, японская сторона озаботилась расширением сотрудничества в области борьбы с последствиями техногенных катастроф и обмена новыми технологиями с другими государствами, прежде всего с США⁴³, Россией⁴⁴, Китаем и Рес-

³⁹ Japan's Nuclear Energy Industry Nears Shutdown, at Least for Now // The New York Times [official website]. 08.03.2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/03/09/world/asia/japan-shutting-down-its-nuclear-power-industry.html?_r=0 (mode of access: 04.09.2016).

⁴⁰ Implementation of the Conclusions and Recommendations for Follow-on Actions : James Martin Center for Nonproliferation Studies 2015 Monitoring Report. Monterey : CNS, 2015. P. 79.

⁴¹ Japan's Voluntary Contribution for the Enhancement of the Atmospheric Transport Modeling System of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization (CTBTO) // Ministry of Foreign Affairs of Japan [official website]. 27.02.2012. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2012/2/0227_01.html (mode of access: 20.11.2016).

⁴² Japan's intense cooperation with CTBTO // CTBTO [official website]. URL: <https://www.ctbto.org/press-centre/highlights/2013/japans-intense-cooperation-with-the-ctbto/> (mode of access: 20.11.2016).

⁴³ Стрельцов Д. В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2012. № 6. С. 58–59.

⁴⁴ Япония рассчитывает на помощь РФ в ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» // Росатом [официальный сайт]. 2015. 26 нояб. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/atomicsphere/394b93004ab80ba58737d7ec7604272f> (дата обращения: 05.01.2016).

публикой Корея⁴⁵. В случае с последними расширение сотрудничества связано, как представляется, с тем, что, несмотря на большое количество противоречий, в Северо-Восточной Азии эти страны находятся «в одной лодке» и сталкиваются во многом со схожими рисками, в том числе в лице потенциальных угроз от развития ядерной программы КНДР. Повышенное внимание японской стороны к этой программе и более тщательный мониторинг всех видов ее активности в условиях ухудшения внутренней ситуации с радиоактивным загрязнением также являются логичными. Особенно тщательно ведутся проверки возможных последствий испытаний КНДР для радиационного фона на всей территории японского государства⁴⁶. Мониторинг же ядерной программы КНДР осуществляется Японией в сотрудничестве с Южной Кореей и США, сторонами было подписано специальное соглашение по обмену разведанными и в целом активизирован трехсторонний обмен информацией⁴⁷. Как заявил генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга, позицию КНДР в отношении того, что она называет себя ядерной державой, Япония считает «неприемлемой»⁴⁸.

Далее, обращают на себя внимание некоторые изменения во взаимодействии Японии и США. Если ранее в японском обществе было, если можно так выразиться, практически не принято открыто напоминать своему союзнику о последствиях бомбардировок 1945 г., то теперь японская сторона стала несколько смелее, что является показателем повышения градуса антиядерных настроений в обществе. В мае 2016 г. в ходе визита в Японию президента Соединенных Штатов Барака Обамы было организовано посещение им Хиросимы, что стало беспрецедентным событием для японско-американских отношений. Как отмечает ТАСС, американский президент в сопровождении премьер-министра Япо-

---

⁴⁵ Китай, Япония и РК пообещали форсировать сотрудничество в сфере ядерной безопасности и противодействия бедствиям // Жэньминь Жибао [официальный сайт]. 2011. 22 мая. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7387632.html> (дата обращения: 11.02.2015).

⁴⁶ Япония остаётся единственной страной, обнаружившей повышение фона после испытаний в КНДР // Российское атомное общество [официальный сайт]. 2013. 26 февр. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2013/02/26/40079> (дата обращения: 20.11.2016).

⁴⁷ Япония совместно с США и Южной Кореей собирает разведанные о подготовке к пускам в КНДР // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 28 янв.

⁴⁸ Япония считает неприемлемым, что КНДР называет себя ядерной державой – правительство // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 09 мая.

нии Синдзо Абэ и министра иностранных дел Фумио Кисиды посетил музей памяти, где представлены «шокирующие экспонаты, рассказывающие о страданиях местного населения, подвергнувшегося атомной бомбардировке». Кроме того, Обама и Абэ возложили венки к мемориалу с вечным огнем. В своем выступлении Обама высказался за достижение безъядерного мира, однако извинений за атомную бомбардировку 1945 г., которых ожидала японская сторона, американский президент не принес⁴⁹. И все же сам факт посещения им Хиросимы широко обсуждался в японской общественно-политической среде и оценивался как чрезвычайно важный⁵⁰, ведь память о чудовищных последствиях тех бомбардировок в японском обществе жива и, наверное, никогда не уйдет из мироощущения японцев⁵¹.

Наконец, еще одно последствие аварии на «Фукусиме-1» для внешнеполитического курса японского государства можно сформулировать так: резкое возрастание интереса Японии к странам и регионам, богатым углеводородными ресурсами. Так, в условиях временного отказа от атомной энергетики и перехода на более широкое использование прежде всего сжиженного природного газа японская сторона продолжила взаимодействие с Россией, несмотря на официально провозглашенную поддержку антироссийских санкций США, расширила свое участие в проектах нефтяного и газового сотрудничества с нашей страной⁵² и озаботилась выработкой качественно новой стратегии в двусторонних отношениях, пусть и имеющей в основе, безусловно, свои скрытые мотивы, но публично обозначенной как стратегия, учитывающая интересы российских партнеров, что и было заявлено в выступлении Синдзо Абэ на Восточном экономическом форуме 2016 г. во Владивостоке⁵³. Кроме того, Абэ за последние несколько лет провел беспрецедентную по насыщенности серию визитов в страны Центральной

⁴⁹ Исторический визит Обамы в Хиросиму – слезы «хибакуся» и обещания безъядерного мира // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 27 марта.

⁵⁰ 「オバマ米大統領の広島訪問、非核の機運を盛り上げる」山尾政調会長会見 // Minshin.or.jp ニュース. 11.05.2016. URL: <https://www.minshin.or.jp/article/109048> (mode of access: 04.09.2016).

⁵¹ Осада Арата: Дети Хиросимы / пер. с яп. М. А. Кириченко; предисл. А. А. Кириченко. М., 2010.

⁵² Роснефть может увеличить экспорт нефти в Японию на 30% в 2015 г. // Нефтегаз.ру. [официальный сайт]. 09.11.2015. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/143101> (дата обращения: 06.01.2016).

⁵³ Япония начала многоходовую комбинацию // Коммерсант. 2016. 6 сент.

Азии⁵⁴ и Латинской Америки с целью установления контактов с политическими и промышленными кругами и обсуждения возможных сделок и инвестиционных проектов⁵⁵.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авария на АЭС «Фукусима-1» наложила заметный отпечаток на последующую внутреннюю и внешнюю политику японского государства. Результатами влияния на внутреннюю политику можно считать следующие:

- масштабная переоценка всей системы энергопотребления, энергосбережения и целесообразности тех или иных проектов в энергетике;
- изменение стандартов безопасности и правовой базы всей атомной отрасли страны;
- повышение внимания государства к проблеме контроля и прозрачности в атомной сфере;
- расширение использования углеводородных ресурсов и активное развитие альтернативной энергетики;
- поляризация общества по вопросу развития атомной энергетики в стране, заметный рост антиядерных настроений в обществе.

Среди последствий для внешнеполитического курса страны можно отметить следующее:

- активизация участия в международном сотрудничестве в области ядерного нераспространения;
- расширение взаимодействия с ядерными государствами, и прежде всего со странами-соседями, в области обмена технологиями и решения различных проблем ядерной сферы, даже при сохранении разногласий в других областях партнерства;
- рост числа и интенсивности контактов с государствами – экспортерами энергоресурсов;
- рост обеспокоенности ситуацией вокруг ядерной программы Северной Кореи и усиление сотрудничества по мониторингу данного вопроса с США и Республикой Корея.

---

⁵⁴ *Pollmann M.* What Did Abe Accomplish in Central Asia? // The Diplomat [official website]. 28.10.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/10/what-did-abe-accomplish-in-central-asia/> (mode of access: 18.11.2015).

⁵⁵ *Richards C.* Abe Lines Up Energy Investments on Latin America Tour // The Diplomat. 28.07.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/07/abe-lines-up-energy-investments-on-latin-america-tour/> (mode of access: 06.01.2016).

Авария на АЭС «Фукусима-1» стала колоссальным уроком не только для Японии, но и для всего человечества. Японское государство теперь находится в условиях необходимости выбора дальнейшей стратегии развития своей энергетической сферы и экономики в целом. И, хотя в обществе по-прежнему сильны позиции сторонников развития атомной сферы и даже милитаристски настроенных радикалов, можно однозначно утверждать, что страна, пережившая вторую после бомбардировок 1945 г. крупную атомную катастрофу, готова к определенным самоограничениям ради обеспечения своей безопасности и к выбору в качестве пути развития только такого, который будет подразумевать прежде всего обеспечение человеческой безопасности и мирного устойчивого развития.

Глава 11

БЫСТРЫЙ СТАРТ И ДОЛГИЙ ФИНИШ – РАЗВИТИЕ АТОМНОГО ПРОЕКТА ИТАЛИИ

К. М. Табаринцева-Романова

Актуальность современной итальянской атомной политики не вызывает сомнений. Несмотря на отказ страны от собственного производства ядерной энергии, в Италии ведутся научные исследования в данной области, решается вопрос о запуске ядерного хранилища, активно работает Агентство по ядерной безопасности. С исследовательской точки зрения, вопрос итальянской атомной политики обсуждается в российском атомном сообществе, на сайте которого размещена серия статей, посвященных атомной энергетике Италии, где рассматривается деятельность итальянских предприятий по строительству атомных электростанций и импорту электроэнергии¹. Также весьма подробные статьи по истории итальянской атомной политики были опубликованы в журнале «Атомная энергия» за 1960 г., где было представлено техническое описание первых АЭС.

¹ Атомная энергетика в Италии // Российское атомное сообщество [информ. портал]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/SMI/2016/02/18/63478> (дата обращения: 29.08.2016).

В итальянском научном сообществе наиболее видную роль играет *Elettra Sincrotrone Trieste* – международный и междисциплинарный исследовательский центр (занимается исследованием синхротронного излучения и лазеров на свободных электронах), который совместно с Триестским университетом ежегодно проводит конференции, посвященные научным исследованиям, культуре и политике в области ядерной политики. Из последних обзорных статей по истории атомной политики в Италии можно назвать работу Ф. Росси «A Brief History of Nuclear Power in Italy», в которой он выделяет следующие ключевые даты, повлиявшие на развитие ядерного вопроса в Италии: 1973 г. – нефтяной кризис; 1986 г. – авария на Чернобыле; 2008 г. – авария на Фукусиме. Общий вывод, к которому приходит автор, сводится к тому, что «по состоянию на 2016 г. отношение итальянского общества к ядерной энергетике остается прохладным... трудно представить себе Италию, инвестирующую в ближайшее время в АЭС... однако зависимость от импорта энергоносителей делает страну особенно уязвимой к колебаниям цен и доступности источников энергии»².

На международной арене роль Италии в энергетической политике весьма неоднозначна: учитывая ее зависимость от энергетических ресурсов, итальянские политики балансируют между зависимостью от углеводородных энергоносителей, попытками развить возобновляемые и нетрадиционные типы энергии и желанием возобновить развитие атомной энергетике. Возможными вариантами решения энергетического вопроса в Италии могут стать возврат к углю (чистые технологии) и использование возобновляемых источников. Попытка же вернуться в 2011 г. к производству атомной энергии, как мы увидим далее, оказалась неудачной. В своем развитии итальянская атомная политика прошла несколько этапов. В настоящей работе мы предлагаем выделить достаточно крупные временные отрезки, исходя из проводимых в Италии референдумов, оказавших наиболее значимое влияние на развитие атомной политики в этом государстве. Логикой выделения периодизации стал определенный исторически и смыслово завершенный промежуток эволюции изучаемой политики: от первых исследовательских центров и от появления первых АЭС до референдума по отказу от атомной энергии и перехода к новым формам взаимодействия с другими странами в рамках атомной политики.

---

² Rossi F. A Brief History of Nuclear Power in Italy // Introduction to Nuclear Energy. PH241. Stanford Univ. Winter 2015 [official website]. URL: <http://large.stanford.edu/courses/2015/ph241/rossi2/> (mode of access: 18.12.2016).

От научно-исследовательской идеи – к первому отказу: опыт первых атомных электростанций (1946–1987)

Историю итальянской ядерной энергетики можно начать с деятельности итальянского физика Энрико Ферми, который создал «первый атомный реактор»: он использовал природный уран внутри графитового реактора, который замедлял действия нейтронов. В 1946 г. в Италии был создан Информационный центр экспериментальных исследований, основной задачей которого стало развитие мирного использования атомной энергии, включая разработку тяжеловодного исследовательского реактора на природном уране. В середине 50-х – начале 60-х гг. XX в. велось активное строительство АЭС на территории итальянского государства³. Рассмотрим основные данные по запущенным в эксплуатацию станциям (табл. 5).

Таблица 5

Характеристика первых итальянских АЭС⁴

Название АЭС	Тип реактора	Мощность, кВт/ч	Год начала строительства	Год запуска коммерческого производства	Вывод из эксплуатации
«Латина»	Magnox	153	1958	1964	1987
«Гарильяно»	BWR	150	1959	1964	1982
«Энрико Ферми»	PWR	260	1961	1965	1990
«Каорсо»	BWR	860	1970	1981	1990

В 1966 г. Италия производила 3,9 млрд кВт/ч, став третьим производителем в мире электрической энергии на основе использования атома. В 1972 г. на территории страны для удовлетворения

³ Подробнее о том, как строились и работали первые АЭС в Италии, см.: Атомная энергия в Италии // История Росатома [электронная библиотека]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/atomnaya-energiya_t8-2_1960/go,76/ (дата обращения: 29.08.2016).

⁴ Таблица составлена по данным издания: La storia del nucleare in Italia [official website]. URL: <http://nucleareinitalia.blogspot.ru/> (mode of access: 20.08.2016).

национальных потребностей и потребностей АЭС Швейцарии был построен завод по производству ядерного топлива для кипящих реакторов, также в Италии был создан пилотный завод по радиохимической переработке облученного ядерного топлива. В рассматриваемый временной промежуток особо значимых изменений в проводимой атомной политике не наблюдалось.

Однако катастрофа на Чернобыльской АЭС привела к тому, что в Италии встал вопрос о судьбе существующих станций. В 1987 г. был проведен национальный референдум, на котором решались следующие вопросы:

- упразднение закона, позволяющего Межминистерскому комитету по экономическому планированию (CIPE) решать вопрос о строительстве АЭС на территории округа в случае, когда местная администрация выступает против этого строительства (80,6 % – за, 19,4 % – против);

- отмена закона о возмещении компенсации тем регионам, на территориях которых находятся АЭС (79,7 % – за, 20,3 % – против);

- запрет для Национального учреждения по электроэнергетике (ENEL) принимать участие в строительстве и управлении АЭС за границей (71,9 % – за, 28,1 % – против).

По итогам голосования было принято решение отказаться от развития мирного атома, остановить начатое строительство блоков, вывести из эксплуатации существующие энергоблоки и прекратить деятельность предприятий ядерного топливного цикла. То есть первый этап в развитии атомной политики Италии проживает, если так можно выразиться, «целую жизнь»: от появления первого исследовательского центра и в последующем от создания первых АЭС и до принятия судьбоносного решения об отказе от них. Этот период, как мы увидим дальше, был наиболее насыщенным в сфере строительства и запуска станций. Дальнейшие попытки повторить историю на настоящий момент потерпели фиаско.

«Атомное затишье» (1988–2004)

Основным событием в атомной политике данного периода можно назвать создание в 1999 г. государственной компании по управлению ядерными установками (SOGIN), под руководство которой были отданы четыре главные атомные электростанции – «Трино», «Латина», «Каорсо» и «Гарильяно», ранее принадлежавшие ENEL. Напомним, что атомная энергия давала 3–4 % от общей

потребности итальянцев в энергии,⁵ ее нехватку компенсировали использованием угля, газа, нефти, привозимых из других стран, что, естественно, не смогло не отразиться на финальной стоимости для конечного потребителя.

В этот период был принят ряд региональных законов, объявляющих некоторые регионы Италии свободными от деятельности, связанной с ядерными энергетическими проектами. Например, в 1995 г. территория области Базиликата была объявлена свободной от ядерного оружия и закрыта для транзита и нахождения, даже временного, ядерного материала, не производимого в регионе; исключением стали материалы, необходимые для медицинских целей и для проведения научных исследований⁶. Похожий закон был принят в Калабрии в 2003 г. На основе конституционных принципов и правовых компетенций в сфере городского планирования и окружающей среды, а также полномочий в области общественного здравоохранения, гражданской защиты и полномочий регионального правительства, упомянутых в третьем абзаце ст. 117 Конституции, регион Калабрия был объявлен свободным от ядерного оружия и закрытым для транзита и нахождения, даже временного, ядерного материала, не производимого в регионе. Калабрия имела право принимать необходимые превентивные меры для защиты граждан и охраны окружающей среды от контакта с ядерным материалом⁷.

Характеризуя второй этап развития итальянской атомной политики, можно сказать, что он является неким переходным периодом от классической атомной энергетики (использование АЭС) к новым формам ее проявления (строительство ядерного хранилища).

«Возрождение» атомной политики (2005–2010)

Киотский протокол, вступивший в силу 2005 г., обязавший европейские страны сократить выбросы загрязняющих элементов (углекислый газ, метан, закись азота, гидрофторуглеродов, перфто-

⁵ Storia e dibattito sul nucleare in Italia e in Inghilterra: ci sono rischi per le persone che vivono intorno alle centrali? // La scatola nera del nucleare [blogpost]. URL: <http://nucleareinitalia.blogspot.ru/2010/11/il-referendum.html> (data d'accesso: 28.08.2016).

⁶ Regione Basilicata : Legge Regionale. N. 31. 21.11.2003 // AmbienteDiritto [risorsa elettronica]. URL: <http://www.ambientediritto.it/Legislazione/nucleare/2003/basilicata%20lr2003%20n.31.htm> (data d'accesso: 29.08.2016).

⁷ Regione Calabria : Legge Regionale. N. 26. del 5 dicembre 2003 // AmbienteDiritto [risorsa elettronica]. URL: <http://www.ambientediritto.it/Legislazione/nucleare/2003/calabria%20lr2003%20n.26.htm> (data d'accesso: 28.08.2016).

руглеродов и гексафторида серы) до 5 % от уровня, зафиксированного в 1990 г., подтолкнул Италию к поиску новых ресурсов производства энергии в целом. Так, уже к 2008 г. возникла дискуссия о производстве собственной атомной энергии на территории страны. Экономический кризис 2008 г. и рост цен на нефть также повлияли на решения политической элиты страны.

В мае 2008 г. на Ассамблее Конфиндустрии министр экономического развития Италии К. Скайола заявил, «что в течение пяти лет на территории страны планируется начать строительство атомных электростанций нового поколения»⁸. Как он отметил в своем интервью газете *La Repubblica*: «мы должны стараться достичь оптимального соотношения в использовании разных источников энергии в таком варианте: 50 % составляло бы энергосырье традиционного типа (нефть, газ, уголь), 25 % – возобновляемые ресурсы, остальные 25 % – ядерная энергия»⁹. По мнению К. Скайолы, строительство новых АЭС может решить насущные проблемы Италии: «только атомные электростанции способны производить энергию в больших масштабах: безопасно, экономически конкурентоспособно и экологически чисто»¹⁰. Кроме того, как указывает российское атомное сообщество, «был представлен пакет атомного законодательства, который предусматривал также создание национальной атомной научно-исследовательской организации для ускорения лицензирования новых реакторов на существующих участках АЭС и облегчения лицензирования новых реакторных площадок»¹¹.

Однако такие позитивные тезисы не нашли отклика среди итальянского общества. Согласно данным опроса 2008 г., «за строительство новых АЭС в Италии выступало только 47 % населения, в то время как подтвердить свой отказ от энергии, произво-

---

⁸ Scajola: «Nuove centrali nucleari costruite entro cinque anni» // *La Repubblica* [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2007/09/sezioni/ambiente/nucleare1/nucleare-scajola/nucleare-scajola.html?ref=search> (data d'accesso: 10.09.2016).

⁹ Scajola: «Nucleare scelta obbligata per non restare a secco di energia» // *La Repubblica* [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2008/06/sezioni/ambiente/nucleare2/intervista-scajola/intervista-scajola.html> (data d'accesso: 20.10.2016).

¹⁰ Scajola: «Via al nucleare» // *Corriere* [portale informativo]. URL: http://www.corriere.it/economia/08_maggio_22/scajola_energia_nucleare_37aff33e-27ea-11dd-b97e-00144f02aabc.shtml (data d'accesso: 20.10.2016).

¹¹ Атомная энергетика в Италии // Российское атомное сообщество [информ. портал]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/SMI/2016/02/18/63478> (дата обращения: 29.08.2016).

димой от расщепления атома, были готовы 44 %... 9 % опрошенных предпочли не выражать свое мнение»¹²(табл. 6, 7).

Таблица 6

**Данные опроса населения по осведомленности
об атомной политике Италии¹³**

Вопрос	За, %	Против, %	Не знаю, %
Италия использует атомную энергию, производимую за рубежом?	63	8	29
Италия производит атомную энергию?	9	65	26
Италия участвует в исследованиях по атомной энергии?	51	12	37
Из того, что вы знаете, сегодня в Италии существуют АЭС?	43	40	17

Таблица 7

**Основные выявленные аргументы в поддержку
развития атомной энергии в Италии¹⁴**

Основание	Процент опрошенных
Сокращение стоимости коммунальных счетов	38
Энергетическая независимость страны	47
Снижение зависимости от нефти и газа	45

Как видно из приведенных данных итальянское население достаточно осведомлено о проводимой атомной политике, ее целях, задачах и основных преимуществах атомной энергии для страны в целом. Однако полного принятия и поддержки идеи собственного производства атомной энергии, к сожалению, не произошло.

¹² Gli italiani e l'energia nucleare. P. 3 // Demos & pi [risorsa elettronica]. URL: http://www.demos.it/2008/pdf/nucleare_2008.pdf (data d'accesso: 20.08.2016).

¹³ Таблица составлена по данным издания: Gli italiani e l'energia nucleare [official website]. URL: http://www.demos.it/2008/pdf/nucleare_2008.pdf (mode of access: 20.08.2016).

¹⁴ Таблица составлена по данным издания: Gli italiani e l'energia nucleare [официальный сайт]. URL: http://www.demos.it/2008/pdf/nucleare_2008.pdf (дата обращения: 20.08.2016).

Как показывают исследования общественного мнения в Италии, в 2009 г. итальянцы выделяли следующие преимущества наличия собственной атомной энергетики: сокращение энергетической зависимости от других стран (65 %); быстрый рост научного и технологического развития страны (50 %); сокращение расходов граждан на энергию (56 %). При этом 44 % опрошенных (студенты и наемные работники с низким квалификационным уровнем, проживающие на северо-востоке страны, ориентированные на правые партии и партии центра) выступали за начало производства атомной энергии, а 33 % (проживающие на северо-востоке страны, приверженцы левых и правополитических партий) были категорически против собственного производства¹⁵. Среди аргументов, поддерживающих собственное производство атомной энергии, были названы следующие тезисы: собственные АЭС позволят инвестировать в научные исследования (44 %); производство атомной энергии приведет к сокращению загрязнения окружающей среды (66 %); производство атомной энергии приведет к экономическим выгодам (65 %); современные АЭС более надежны, чем прежние (60 %); производство атомной энергии позволит сократить энергетическую зависимость от других стран (58 %).

В феврале 2009 г. премьер-министр Италии С. Берлускони и президент Франции Н. Саркози подписали ряд соглашений о сотрудничестве в сфере мирного атома. Самым упоминаемым и самым дискуссионным стало соглашение о строительстве четырех атомных электростанций в Италии, подписанное между итальянской энергетической компанией ENEL и французской компанией EDF. Как указывали итальянские СМИ¹⁶, соглашение предполагало инвестиционное участие в сооружении и эксплуатации энергоблока «Фламанвиль-3» электрической мощностью 1 650 МВт во Фран-

¹⁵ Данные публикуются по изданию: Gli italiani e il nucleare : Studio quantitativo per Ain // L'Associazione Italiana Nucleare [sito ufficiale]. URL: <http://www.associazioneanucleare.it> (data d'accesso: 28.08.2016).

¹⁶ Подробнее об этом см.: Vertice Berlusconi-Sarkozy firmato l'accordo sul nucleare // La Repubblica [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2008/06/sezioni/ambiente/nucleare2/berlusconi-sarkozy/berlusconi-sarkozy.html> (data d'accesso: 28.08.2016) ; Quattro impianti Enel-Edf // La Repubblica [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2008/06/sezioni/ambiente/nucleare2/quattro-impianti-2020/quattro-impianti-2020.html> (data d'accesso: 28.08.2016) ; La prima centrale nel 2020 // La Repubblica [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2008/06/sezioni/ambiente/nucleare2/quattro-impianti-2020/quattro-impianti-2020.html> (data d'accesso: 28.08.2016) ; Francia-Italia, a chi conviene il nucleare di terza generazione // Il fatto Quotidiano [portale informativo]. URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2011/03/13/francia-italia-a-chi-conviene-il-nucleare-di-terza-generazione/97426/> (data d'accesso: 28.08.2016).

ции, долю EDF в строительстве и эксплуатации новых итальянских АЭС¹⁷ (строительство первой АЭС планировалось закончить к 2020 г.), партнерство в области научных исследований, технического развития и утилизации радиоактивных отходов. Как отмечалось итальянской прессой, соглашения предполагали также партнерство в области научных исследований и технического развития, утилизации радиоактивных отходов и т. д. Так, итальянская газета *La Repubblica* писала, что компания «ENEL примет участие в разработке второго реактора EPR¹⁸ с квотой, равной 12,5 %»¹⁹.

Следующим ключевым моментом для развития итальянской атомной политики стало принятие закона № 99 от 23 июля 2009 г. «Положения о развитии и интернационализации предприятий в области энергетики», который предусматривал программу производства ядерной энергии. В январе 2010 г. для публичного обсуждения был представлен проект постановления, в котором были изложены все финансовые выгоды для городов и регионов с электростанциями: 3 тыс. евро/МВт/год в ходе строительства и 40 евро-центов/ кВт/ч в процессе эксплуатации. Кроме того, в феврале 2010 г. была также изложена концепция размещения АЭС с привлечением местного самоуправления. Согласно высказанным в них идеям, для атомных электростанций и установок топливного цикла потребовалось так называемое «особое разрешение» на строительство АЭС, а также экологическое разрешение потенциальных проблем. Было создано Агентство по ядерной безопасности. Однако уже в 2011 г. с целью сокращения расходов на административный аппарат был принят декрет-закон от 12 июня 2011 (п. 201) (так называемый «Сохрани Италию») с поправками к нему от 22 декабря 2011 (п. 214), согласно которому функции агентства были переданы Министерству экономического развития и частично Министерству охраны окружающей среды, земли и моря и Институту по охране окружающей среды и экологическим исследованиям (ISPRA)²⁰.

¹⁷ С этой целью было создано совместное итало-французское предприятие SNI.

¹⁸ Европейский реактор с водой под давлением. Подробнее о типах реакторов см.: *Фроггатта Э.* Ядерный реактор как источник опасности // Ядерная энергия: миф и реальность : рус. версия. 2005. № 2. URL: <http://www.dront.ru/old/defense/aes/public/istochnik.pdf> (дата обращения: 28.08.2016).

¹⁹ Quattro impianti Enel-Edf // *La Repubblica* [portale informativo]. URL: <http://www.repubblica.it/2008/06/sezioni/ambiente/nucleare2/quattro-impianti-2020/quattro-impianti-2020.html> (data d'accesso: 28.08.2016).

²⁰ Energia nucleare // Ministero dello sviluppo economico [sito ufficiale]. URL: <http://www.sviluppoeconomico.gov.it/index.php/it/energia/energia-nucleare/2017045-energia-nucleare> (data d'accesso: 03.09.2016).

События 2012 г., а именно утечка радиации во Фламанвиле, привели к тому, что ENEL расторгла контракт на участие в строительстве энергоблока. Более того, французская сторона теперь должна выплатить ENEL денежную компенсацию и проценты с пакета акций в 12,5 %²¹. Естественно, это также негативно сказалось на планах по возрождению итальянской атомной энергетики.

В ноябре 2010 г. Конституционным судом Италии были отменены законы, запрещающие строительство новых атомных электростанций, производство ядерного топлива и захоронение радиоактивных отходов в трех регионах (Пулия, Кампания и Базиликата). Напомним, что вопрос о восстановлении ядерной энергетики регионально разделил страну: Север поддерживал производство атомной энергии, Центр и Юг проявили скептицизм по отношению к этому вопросу. Большинство регионов отказалось от строительства АЭС на своей территории. Также Конституционным судом были отклонены жалобы десяти итальянских регионов (Тосканы, Умбрии, Лигурии, Апулии, Базиликаты, Лацио, Калабрии, Марке, Эмилии-Романьи и Молизе) на основании их необоснованности²². Регионы выступили с жалобами против государства, обвиняя последнее в отсутствии договора и соглашения с ними о выборе места строительства новых АЭС, а также критериев и процедуры управления АЭС в отсутствие программы специальных форм контроля за заводами и защиты окружающей среды. На закрытом заседании было отмечено, что защита окружающей среды и здоровья – это государственная юрисдикция, а не только компетенция региональных властей. Также адвокаты, выступающие на стороне государства, отметили, что «обращение регионов в суд препятствует восстановлению производства мирного атома в Италии»²³.

После отклонения жалоб регионов и отмены указанных законов было решено перейти к первому этапу на пути к мирному атому – выбору месторасположения новых АЭС (по предварительному расчету, этот этап должен был растянуться на три ближайших года). Критериями для выбора территории стали следующие социально-экономические и географические факторы: отдаленность

---

²¹ Enel вышла из проекта строительства реактора на французской АЭС, где произошла утечка радиации // Газета.ru [информ. портал]. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2012/12/04/n_2648405.shtml (дата обращения: 30.09.2016).

²² Nucleare, Consulta respinge ricorsi regioni // Ansa [risorsa elettronica]. URL: http://www.ansa.it/web/notizie/rubriche/cronaca/2010/06/23/visualizza_new.html_1845627495.html (data d'accesso: 03.09.2016).

²³ Ibid.

от густонаселенных районов, невысокая сейсмичность, близость к крупным водоемам (однако без риска затопления). Согласно принятому закону от 2009 г., район, где будет создана АЭС, получит дотацию в размере 10 млн евро в год. В качестве приоритетных зон были названы следующие территории: Каорсо, Верчелли (обе расположены в долине реки По), Монтальто-ди-Кастро, Термоли, Порто Толле, Ровиго.

Также Закон 99/2009 определил принципы и критерии для размещения национального хранилища радиоактивных отходов, делегируя правительству право определять конкретные нормы для реализации данного проекта. Так, согласно декрету от 15 февраля 2010 г. (п. 31), национальное хранилище было предложено в качестве системы хранения отходов, оно должно было бы размещаться в технологическом парке, оснащенном всем необходимым для работы с радиоактивными отходами и отработавшим топливом. Критерии для расположения технологического парка должны были бы соответствовать правилам, разработанным МАГАТЭ и Агентством по ядерной безопасности. Однако из-за неэффективности работы итальянского агентства реализация проекта строительства парка и хранилища была приостановлена. Как было указано ранее в 2011 г., часть функций была передана ИСПРА, который к декабрю 2012 г. должен был представить технические разработки по строительству хранилища и ускоренному выводу «атомного острова»²⁴ с АЭС Трино Верчелезе мощностью 270 МВт.

Также в рамках атомной политики итальянское правительство определило дополнительные неотложные меры: окончательное урегулирование вопроса о ядерных отходах; выполнение конкретных требований, предъявляемых законодательством ЕС; эффективный и действенный процесс вывода из эксплуатации и демонтажа существующих ядерных объектов. На самом деле с вступлением в силу ст. 24 (под названием «Ускорение вывода из эксплуатации и демонтажа ядерных объектов») Декрета закона от 24 января 2012 (п. 1) были пересмотрены процедуры выдачи разрешений на вывод из эксплуатации и демонтаж.

Таким образом, в рамках этого этапа итальянское правительство преодолело многолетний скептицизм, в том числе в общественном мнении, и приступило к конкретным действиям, направленным на то, чтобы на новом уровне возобновить программу

---

²⁴ Атомный остров – комплекс сооружений (здания и оборудования реакторной части).

атомной энергетики. Взаимодействие с французскими энергетиками позволило приобрести новый практический опыт и заручиться иностранными инвестициями в дорогостоящих проектах на территории Италии. Законодательные изменения также подготовили почву для действий в рамках следующего этапа.

Переход к новым формам взаимодействия (с 2011 г. по настоящее время)

Начало нового этапа дискуссий в области атомной политики Италии связано с событиями на Фукусиме. Несмотря на трагическую ситуацию в Японии, дебаты в пользу использования атомной энергии не прекратились. В январе 2011 г. Конституционный суд постановил, что Италия может провести референдум по повторному внедрению атомной энергетики, как уже было ранее предложено оппозиционерами. Вопрос, поставленный на референдуме в середине июня, заключался в том, хотя ли избиратели отмены 70 законодательных и нормативных мер, направленных на разрешение строительства новых атомных электростанций, которые были приняты правительством в течение трех лет. Однако результаты голосования в любом случае не повлияют на планы создания хранилища ядерных отходов. Так, министр охраны окружающей среды Стефания Престиджакомо заявила: «итальянская политика по отношению к атомной программе не изменится... у нас нет атомных электростанций из-за злополучного выбора, сделанного на референдуме 1987 г. на эмоциональном порыве, связанном с трагедией в Чернобыле. За это решение мы продолжаем платить и сегодня, энергия стоит на 30 % дороже по сравнению с другими странами!»²⁵ По ее мнению, итальянская оппозиция использует события в Японии для достижения собственных политических целей, а не потому, что возврат Италии к атомной политике действительно несет угрозу. Говоря о назначенном на 12–13 июня 2011 г. референдуме, С. Престиджакомо надеялась, что на принятие решения не повлияют эмоции. Она подчеркнула необходимость объяснять людям, что представляет собой сегодня АЭС и что использование атомной энергии действительно даст Италии возможность решить проблему энергоисточников.

---

²⁵ Nucleare, l'Italia va Avanti // Excite Italia [portale informativo]. URL: <http://politica.excite.it/nucleare-italia-si-va-avanti-con-il-N67986.html> (data d'accesso: 01.10.2016).

В то же время лидер партии «Италия ценностей» Антонио Ди Пиетро выступил против использования атомных источников энергии: «в то время как вся Европа задумалась о сделанном ею выборе в пользу атома, итальянское правительство ведет собственную политику блестящей изоляции... мы надеемся, что правительство вовремя остановится, в противном случае граждане остановят это безумное самоубийство»²⁶.

Самым ярким стало заявление Умберто Веронези, самого известного в Италии врача-онколога, который в свои 85 лет решил оставить пост в Сенате и возглавил Агентство по ядерной безопасности²⁷. «Без атомной энергии Италия умрет. Через 50 лет закончится нефть, через 80–100 лет закончится уголь и, как следствие, газ. Что потом? У нас не будет света, не будут работать компьютеры или холодильники, никаких поездов. Вы себе это представляете?»²⁸

Результат референдума, несмотря на все призывы в поддержку атомной энергии, был отрицателен: 94 % проголосовавших высказались против строительства атомных электростанций в Италии, а более точно – проголосовали за отмену п. 1 и 8 ст. 5 декрета-закона 31 марта 2011 г. № 34, с изменениями, внесенными законом 26 мая 2011 № 75²⁹. Как показал проведенный опрос, возвращение к АЭС поддержали итальянские коммуны, заинтересованные в строительстве новых станций или в возобновлении работы уже существующих построек, так, например, в Каорсо «за» проголосовало 9,2 %, а в Боско Маренго, где уже готово промышленное предприятие по производству топлива, 8,9 %³⁰.

²⁶ Nucleare, l'Italia va Avanti // Excite Italia [portale informativo]. URL: <http://politica.excite.it/nucleare-italia-si-va-avanti-con-il-N67986.html> (data d'accesso: 01.10.2016).

²⁷ Агентство было создано в 2009 г. при правительстве С. Берлускони и было упразднено в 2011 г. правительством М. Монти. Целями Агентства были техническое регулирование и контроль за безопасностью (включая радиоационную защиту) всех фаз создания и управления ядерной энергетики и за образованием с радиоактивными отходами.

²⁸ Ubaldeschi L. Veronesi: Senza nucleare l'Italia è un Paese morto // La Stampa [portale informativo]. URL: <http://www.lastampa.it/2011/03/03/italia/politica/veronesi-senza-nucleare-l-italia-e-un-paese-morto-l6QeGpbCfyWss9PTRti1BJ/pagina.html> (data d'accesso: 01.10.2016).

²⁹ Il referendum dice no al nucleare // Nuclearnews [portale informativo]. URL: <http://www.nuclearnews.it/news-2704/il-referendum-dice-no-al-nucleare/> (data d'accesso: 20.09.2016).

³⁰ Referendum: più favorevoli al nucleare i comuni interessati dagli impianti // Nuclearnews [portale informativo]. URL: <http://www.nuclearnews.it/news-2709/referendum-pi-favorevoli-al-nucleare-i-comuni-interessati-dagli-impianti/> (data d'accesso: 20.09.2016).

Таким образом, история повторилась: отрицательный исход голосования на референдуме вновь приостанавливает развитие атомной политики в Италии.

Единственным приоритетным на данном этапе атомной политики направлением остается создание национального ядерного хранилища.

Для сооружения итальянского хранилища ядерных отходов предполагалось выделить 2,5 млрд евро, из них 0,6 млрд предназначались для разработки проекта и технической документации, а также на строительство самого хранилища, 1,1 млрд выделялись на технологический парк, и остаток (0,8 млрд) – на развитие инфраструктуры³¹. Был принят Промышленный план 2011–2015 г., согласно которому ответственной за проект назначалась компания SOGIN. Как заявил делегат от SOGIN Дж. Нуччи, «хранилище позволит обеспечить безопасность радиоактивных отходов от вывода из эксплуатации АЭС, а также от повседневной деятельности ядерной медицины, промышленных и научных исследований, которые ежегодно производят около 500 м³ отходов, в настоящее время хранящихся в нескольких временных хранилищах, разбросанных по всей территории Италии»³². Окончательно проект был одобрен итальянским парламентом 28 марта 2014 г. Согласно принятому декрету была создана Национальная инспекция по ядерной безопасности и радиационной защите (ISIN), состоящая из директора, совета трех экспертов и порядка 60 технических специалистов из Департамента по вопросам ядерной безопасности, технологического риска и ИСПРА. Была представлена национальная программа по управлению работой с отработавшим ядерным топливом и с радиоактивными отходами. Задача по созданию национальной карты территорий, пригодных для размещения ядерного хранилища, была поручена SOGIN. К концу 2014 г. компания представила критерии для размещения хранилища: критерии исключительности (исключают использование национальных территорий, непригодных по географическим особенностям для транспортировки

---

³¹ Come sarà il deposito italiano di scorie // Nuclearnews [portale informativo]. URL: <http://www.nuclearnews.it/news-2784/come-sar-il-deposito-italiano-di-scorie/> (data d'accesso: 20.09.2016).

³² SOGIN presenta il piano industriale 2011–2015 // SOGIN [sito ufficiale]. URL: <http://www.sogin.it/SiteAssets/uploads/2011/piano%20industriale%202011-2015%20cs.pdf/> (data d'accesso: 20.09.2016).

и хранения отходов³³) и дополнительные критерии (необходимы для оценки пригодных территорий). Хранилище рассчитано на 90 млн м³ радиоактивных отходов, из них 60 % – это отходы от демонтированных объектов, а 40 % – отходы от медицины, научных исследований; приблизительный срок наполнения хранилища – 50 лет.

Характеризуя этот этап, можно сказать, что очередная катастрофа, вызванная цунами в Японии, дала новый импульс обсуждению атомной энергетики и вновь остановила разработку и строительство итальянских АЭС. Создание национального хранилища радиоактивных отходов остается единственным активным направлением программы, что обусловлено необходимостью окончательно утилизировать то, что осталось от реализации первого этапа развития атомной энергетики. Фактически на данный момент это означает прекращение исследований в области диверсификации энергетической структуры страны в пользу более дешевого и долговечного ресурса и сохранение зависимости от поставок углеводородного сырья.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что родина одного из патриархов ядерной физики Энрико Ферми, чье имя носила одна из итальянских АЭС, не смогла стать страной, активно использующей атомную энергетику в своей экономической базе. Две серьезные аварии – на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и на Фукусиме в 2011 г. – стали точками, когда население реализовало свои демократические права и высказалось против развития атомной энергетики. Сложная наукоемкая отрасль, способная обеспечить целые районы

---

³³ Следует исключить активные вулканические районы или области с высокой сейсмичностью, районы, пострадавшие от разломов, гидрогеологические зоны риска, речные районы, районы с наличием аллювиальных отложений голоцена, участки, расположенные на расстоянии менее 5 км от береговой линии, прибрежные районы, расположенные ниже чем на 20 м над уровнем моря, районы, пострадавшие от карстовых явлений, районы, где грунтовые воды могут разрушить строительные конструкции для хранения, охраняемые природные территории, зоны вблизи жилых районов, отдаленные районы менее чем в 1 км от автомобильных дорог, основные дороги и пригородные железнодорожные линии, районы, имеющие важные минеральные ресурсы, районы, характеризующиеся наличием промышленной деятельности, где может возникнуть риск крупной аварии, районы, где есть плотины, аэропорты или действующие военные полигоны.

Италии дешевой электроэнергией, уже почти три десятилетия остается на периферии в этой стране, и единственное практическое направление, которое реализуют власти, – строительство хранилища для утилизации радиоактивных отходов от первых четырех АЭС, закрытых в 1980-х гг. Дискуссия по этому направлению продолжается, но привести к реальному результату в виде готовых энергоблоков она сможет не менее, чем через десять лет, если вновь не случится трагедия.

На настоящий момент к основным аргументам итальянских граждан против АЭС можно отнести следующие:

- все еще существующий страх повторения аварии на Чернобыле (хотя сторонники атомной энергетики утверждают, что в Чернобыле было старое оборудование, предназначавшееся для военного использования, а не в гражданских целях, а сам руководитель Чернобыльской АЭС не был специалистом по ядерной энергии³⁴);

- опасность исходящего излучения для здоровья человека и окружающей среды;

- проблема захоронения ядерных отходов (по мнению У. Веронези, на самом деле только небольшая часть отходов имеет длительный период полураспада, эту часть достаточно захоронить в горах или на большой глубине; «проблема захоронения – это действительно серьезная проблема, но рентген в больнице – это тоже проблема, а в стакане с водой вы можете найти следы урана³⁵»);

- возможность использовать возобновляемые источники; стоит отметить, что их использование не покрывает все нужды страны, так, использование солнечной энергии покрывает 10–15 % от нужд населения;

- страх, что рано или поздно может начаться использование атома в военных целях;

- наличие АЭС – это потенциальный источник опасности, с точки зрения террористической угрозы – точка риска со стороны терроризма.

---

³⁴ Подробнее см.: *Ubaldeschi L. Veronesi: Senza nucleare l'Italia è un Paese morto* // La Stampa [portale informativo]. URL: <http://www.lastampa.it/2011/03/03/italia/politica/veronesi-senza-nucleare-l-italia-e-un-paese-morto-l6QeGpbCfyWss9PTRti1BJ/pagina.html> (data d'accesso: 01.10.2016).

³⁵ *Ubaldeschi L. Veronesi : Senza nucleare l'Italia è un Paese morto* // La Stampa [portale informativo]. URL: <http://www.lastampa.it/2011/03/03/italia/politica/veronesi-senza-nucleare-l-italia-e-un-paese-morto-l6QeGpbCfyWss9PTRti1BJ/pagina.html> (data d'accesso: 01.10.2016).

Глава 12

**ЯДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***Н. П. Дронишинец, Г. С. Зиновьев*

Атомная энергетика, ядерные технологии, атомная отрасль в целом – в настоящее время это одни из самых ресурсоемких и высокотехнологичных областей человеческой деятельности. Основываясь на фундаментальных научных знаниях, они динамично развиваются благодаря самым передовым достижениям науки и техники. Сохранение и передача знаний в этой области представляются критически важными, поскольку их утрата или искажение несут в себе серьезные вызовы развитию атомной энергетики и глобальной ядерной безопасности.

Ключевым инструментом передачи и сохранения человеческих знаний и культуры является образование. Роль образования в передаче «ядерных знаний» или, иначе говоря, «ядерного образования» особенно высока. Особенность в том, что создание и эксплуатация ядерных объектов требуют длительных сроков. Например, полный срок службы атомной электростанции (АЭС) составляет около 100 лет, включая 50–60 лет эксплуатации и последующую стадию вывода из нее, что предполагает наличие современных ядерных знаний для успешного управления ядерными объектами. Специфика функционирования атомной промышленности связана также с долговременным захоронением радиоактивных отходов и облученного ядерного топлива. Для этого необходима передача знаний и технической информации нескольким поколениям специалистов. Наоборот, некомпетентность или потери ядерных знаний могут привести к серьезным ядерным авариям. Просчеты в этой области могут составить реальную угрозу для всего человечества, экологии, экономики.

Особенностью ядерных знаний и их отличием от других научных знаний является то, что обмен ядерными знаниями и их применение жестко регламентируются в силу необходимости соблюдения правил и нормативов ядерной безопасности и предотвращения несанкционированного распространения ядерных материалов и технологий. В то же время ядерное образование

помогает глубже понять возможные последствия использования ядерного оружия, способствовать разоружению и нераспространению и, следовательно, созданию мира без ядерного оружия.

В. В. Харитонов подчеркивает, что давно стали привычными словосочетания «ядерная физика», «ядерное оружие», «ядерная энергетика», «ядерные технологии». Менее известны «ядерная ассоциация», «ядерное общество», «ядерное (атомное) право», «ядерное нераспространение», «ядерная медицина». Еще менее привычно словосочетание «ядерное образование». Им принято обозначать образование, глубоко и всесторонне связанное с изучением и использованием ядерной энергии, то есть с ядерной физикой и техникой, ядерной энергетикой и ядерными технологиями, радиобиологией и радиоэкологией, радиационной химией и т. д.¹ Авторы научного труда, связанного с процессом создания системы управления знаниями в госкорпорации «Росатом», определяют ядерное знание как «включающее широкий спектр знаний и экспертных оценок, относящихся к различным видам деятельности в области ядерной энергетики и далеко выходящих за рамки одних лишь инженерно-технических компетенций»².

В настоящее время ежегодная потребность в новых специалистах для атомной отрасли постоянно растет, поскольку Россия является одним из мировых лидеров по строительству ядерных энергоблоков. В 2014 г. в организации атомной отрасли было трудоустроено около 1800 выпускников, в том числе из опорных вузов «Росатома» – 1030 человек, из МИФИ и его филиалов – около 450 специалистов. В годовом отчете госкорпорации «Росатом» за 2014 г. отмечается, что в соответствии с прогнозом потребности в специалистах с высшим образованием до 2022 г. предполагается, что организации отрасли будут ежегодно устраивать у себя до 5200 выпускников Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) МИФИ и его филиалов. Причем госкорпорация уже несколько лет ведет подробный мониторинг потребностей в специалистах, где задействовано более 100 предприятий, входящих в ее систему, 214 высших учебных заведений и 137 колледжей и средних специальных образовательных

---

¹ Харитонов В. В. Глобализация ядерного образования // Атомная стратегия XXI. Январь 2005 [официальный сайт]. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=145> (дата обращения: 15.08.2016).

² «Росатом» делится знаниями / под ред. В. А. Першукова и Д. С. Медовникова. М. : НИУ ВШЭ ; Росатом, 2012. С. 139.

учреждений. Система планирования подготовки персонала в «Росатоме» учитывает потребности на восемь лет вперед, точность планирования, достигнутая госкорпорацией, в 2014 г. составила 94 %³.

Следовательно, подготовка специалистов для атомной энергетики является одной из наиболее актуальных проблем развития ядерно-энергетического комплекса страны. Подготовку специалистов по профильным для «Росатома» специальностям и научное сотрудничество осуществляют более 40 российских университетов, в 22 российских вузах действуют 32 программы по ядерным специальностям, предусматривающие по их окончании получение квалификации инженера (специалиста), и более 25 магистерских программ.

Цель исследования заключается в изучении и анализе эволюции ядерного образования в России на разных этапах развития страны, в рассмотрении наиболее значимых тенденций в нем. Для ее достижения мы попытались решить следующие задачи: во-первых, проанализировать грандиозную деятельность государства по формированию и развитию ядерного образования на этапе 1945–1953 гг., во-вторых, выявить особенности подготовки кадров в период 1960–1980-х гг., в-третьих, определить, как рыночные реформы радикально изменяют его сущность.

Становление ядерного образования (1945–1953)

Анализ современных проблем и тенденций в развитии ядерного образования невозможен вне связи с прошлым. Представляется, что чрезвычайно интересно проследить процесс становления ядерного образования в период 1945–1953 гг., поскольку именно на этом этапе техническое образование было востребовано государством. Колоссальные усилия правительства дали возможность в короткий срок сформировать его сложную систему, готовящую физиков для создания атомного оружия в России.

---

³ «Росатом» вместе с российскими вузами планирует развивать российское атомное образование за рубежом // Энергетика и промышленность России. 2015. 25 мая. URL: <http://www.eprussia.ru/news/base/2015/535141.htm> (дата обращения: 15.08.2016) ; Предприятия Росатома ежегодно будут нанимать тысячи выпускников МИФИ // Росатом [официальный сайт]. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/predpriyatiya-rosatoma-ezhegodno-budut-nanimat-tysyachi-vypusknikov-mifi-361>(дата обращения: 15.08.2016).

Две недели спустя после взрыва ядерной бомбы в Хиросиме при Государственном комитете обороны СССР 20 августа 1945 г. был учрежден специальный комитет по созданию советского атомного оружия с чрезвычайными полномочиями во главе с Л. П. Берия. Еще через десять дней 30 августа 1945 г. для практической реализации задачи создания атомного оружия при Совете Народных Комиссаров СССР было создано Первое главное управление (ПГУ). В специальный комитет входили фактически все высшие руководители, представлявшие партийные и государственные органы страны, связанные с развитием новой оборонной отрасли. Для решения атомной проблемы необходимо было в короткие сроки привлечь к работам большое количество научно-исследовательских организаций, заводов, специалистов, особенно физиков и радиохимиков. А в СССР таких специалистов было недостаточно. К концу 1945 г. в основных физических институтах страны работало немногим более 340 физиков, а вопросами ядерной физики занимались около 140 ученых, включая и только что начинавших работать молодых специалистов⁴. Такими малочисленными кадрами решить радиохимические вопросы атомной энергии было невозможно. Необходимо было создавать новые научные центры и готовить кадры для отрасли.

Советское государство немедленно взялось за подготовку специалистов для новой отрасли и приняло ряд принципиальных решений. Так, ровно через месяц после учреждения специального комитета по созданию советского атомного оружия 20 сентября 1945 г. было издано Постановление СНК СССР «Об организации инженерно-физического факультета при Московском механическом институте Первого главного управления при СНК СССР». В нем говорится, что в целях обеспечения подготовки инженеров широкого профиля по новейшим физическим машинам, приборам и установкам необходимо реорганизовать факультет точной механики Московского механического института (ММИ) ПГУ при СНК СССР в инженерно-физический факультет и довести контингент учащихся на нем в 1947 г. до 700 чел.

ПГУ при СНК СССР было поручено в месячный срок разработать номенклатуру специальностей, количество и состав кафедр, а также учебные планы для инженерно-физического факультета,

---

⁴ Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 2. Атомная бомба: 1945–1954. Кн. 5 / Федерал. аг-во по атомной энергии ; отв. ред. Г. А. Гончаров. Саров : РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005. С. 829–830.

а Комитету по делам высшей школы при СНК СССР утвердить их. Кроме того, Комитету по делам высшей школы в месячный срок поручено было отобрать из других вузов и втузов 200 чел. студентов-отличников старших курсов и с учетом желания учащихся направить их для продолжения учебы в ММИ.

ПГУ разрешалось реорганизовать временное подготовительное отделение для подготовки поступающих на учебу в ММИ в постоянное. Также устанавливался срок обучения пять лет на инженерно-физическом факультете института, причем из них один год – для дипломной работы или дипломного проектирования. Постановление обязывало организовать при институте в 1945 г. необходимые экспериментальные мастерские и специальные конструкторские бюро. Членам специального комитета по созданию советского атомного оружия поручалось разработать и внести на утверждение Специального комитета при СНК СССР предложение о вывозе из Германии лабораторного оборудования для оснащения специальных лабораторий и конструкторских бюро инженерно-физического факультета ММИ ПГУ.

Постановление способствовало и решению социальных вопросов. ММИ выделялось четыре легковые автомашины, а также дополнительные, сверх существующих лимитов, карточки на питание и на промышленные товары, увеличивались оклады⁵.

Таким образом, анализ данного постановления, касающегося одного московского вуза, позволяет сделать вывод о том, какими продуманными, глубокими по своим последствиям были меры, направленные на подготовку кадров для зарождающейся атомной отрасли в 1945 г.

Постановление СНК СССР от 28 января 1946 г. «О подготовке инженеров-физиков и специалистов по физике атомного ядра и по радиохимии» так же, как и все другие постановления с грифом «Совершенно секретно» (особая папка)⁶, подписанное И. В. Сталиным, обязывало Комитет по делам высшей школы при СНК СССР, Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос УССР организовать подготовку инженеров-физиков и специалистов по физике атомного ядра и радиохимии с выпуском в 1946 г. 15 инженеров-физиков, 70 специалистов по физике атомного ядра, 30 радиохимиков. В 1947 г. уже планировалось выпустить 65 инженеров-физиков, 120 специали-

⁵ Атомный проект СССР: Документы и материалы Т. 2. Атомная бомба: 1945–1954. Кн. 2. С. 24–25.

⁶ Там же. С. 102–105.

стов по физике атомного ядра, 50 радиохимиков. Комитету по делам высшей школы при СНК СССР было предписано доукомплектовать 4-й и 5-й курсы МГУ по специальности «Физика атомного ядра», откомандировав к 1 марта 1946 г. по персональному отбору 40 чел. студентов-физиков 4-го и 5-го курсов других университетов (по 20 чел. на каждый курс). Предлагалось также доукомплектовать 4-й и 5-й курсы ЛГУ по специальности «Радиохимия», откомандировав к 1 марта 1946 г. по персональному отбору 30 чел. физико-химиков и химиков 4-го и 5-го курсов других университетов и высших технических учебных заведений.

Постановление предусматривало демобилизацию и направление в Московский и Ленинградский университеты из числа офицеров Красной армии 50 чел. бывших студентов и сотрудников указанных университетов. Однако не все складывалось, как предписывалось постановлением. Очень интересна в этом плане переписка директора Второго научно-исследовательского физического института МГУ Д. В. Скобельцына с Л. П. Берией о демобилизации из Красной армии военнослужащих с целью подготовки из них специалистов по физике⁷. Д. В. Скобельцын пишет о том, что, согласно постановлению Совнаркома СССР, МГУ в 1946 г. должен выпустить 70 специалистов по физике атомного ядра. До настоящего времени, однако, на 5-м курсе физического факультета МГУ налицо лишь 20 студентов, которые могут закончить данную специализацию к концу календарного 1946 г. Для набора недостающих 50 чел. необходимы срочные и решительные мероприятия. Ввиду того, что подготовить в короткий срок (за полгода или год) специалистов-физиков, необходимых стране, будет возможно лишь в том случае, если 5-й курс будет доукомплектован лицами, уже ранее получившими соответствующую общую подготовку, по возможности такими, которые уже ранее окончили физфак, Д. В. Скобельцын обращается к Л. П. Берия с ходатайством дать указания о необходимости демобилизовать из армии и ускорить возвращение в МГУ для переквалификации физиков, окончивших ранее МГУ, и бывших студентов старших курсов. Он считает совершенно необходимым для успешного выполнения возложенного на него задания возвращение в МГУ группы физиков (первых 30–35 чел. по прилагаемому списку), которые после окончания физфака были мобили-

⁷ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2 / С. 453–454.

зованы для прохождения курса в Академии ВВС им. Жуковского и в настоящее время находятся в распоряжении НКВС и НКАП, так как, по имеющимся сведениям, они могут быть использованы как ценные специалисты-физики. Скобельцын обращает внимание Берия на то, что промедление в проведении испрашиваемого им распоряжения поведет к срыву всего задания в части выпуска специалистов по физике атомного ядра в 1946 г. Берия на письме ставит резолюцию – поддержать просьбу Д. В. Скобельцына.

Анализ опубликованных архивных документов показывает, как оперативно решались проблемы демобилизации бывших студентов физических факультетов вузов страны, причем на самом высоком уровне. Ими лично занимались заместитель председателя Совета Министров СССР Г. В. Маленков, заместитель наркома обороны Н. А. Булганин, член специального комитета по созданию советского атомного оружия В. А. Махнев. О результатах докладывалось Л. П. Берия. Так, в докладной записке генерал-полковника, начальника Главного управления кадров Советской армии и ВМФ Ф. И. Голикова Г. М. Маленкову от 18 апреля 1946 г. говорится: «идя навстречу научно-исследовательским учреждениям, работающим над проблемами атомной энергии, Главное управление кадров Вооруженных сил возвращает из армии значительное количество бывших студентов физических факультетов вузов»⁸.

По мере расширения работ в атомной отрасли увеличивалась потребность в кадрах. Правительство в 1948 г. приняло ряд постановлений по этому вопросу. В 17 вузах страны для подготовки кадров по 66 специальностям были организованы спецфакультеты с выпуском уже в 1950 г. 1210 и в 1951 г. 1315 чел. Правительство возложило на ПГУ задачу согласования и утверждения профилей специалистов, учебных планов и программ подготовки кадров требующихся профилей. Одновременно на ПГУ была возложена задача проработки порядка организации и проведения производственной и преддипломной практик на атомных объектах, контроля за контингентами лиц, принимаемых для учебы на спецфакультетах, помощи Министерству высшего образования СССР в оснащении учебно-лабораторной базы спецфакультетов наиболее дефицитной аппаратурой и необходимыми для лабораторных работ полуфабрикатами и реактивами.

---

⁸ Атомный проект СССР. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2. С. 453–454, 458–459, 490–491.

Постановлениями правительства в 1948–1949 гг. ПГУ было разрешено организовать с 1949 г. подготовку кадров со среднетехническим образованием в закрытых поселениях, где строились атомные заводы, по наиболее дефицитным специальностям. Организация техникумов в некоторых закрытых поселениях диктовалась, кроме потребности в подготовке кадров требующихся профилей, еще и тем, что молодежь, которая оканчивала школы-семилетки и десятилетки, находящиеся в зонах этих объектов, нельзя было отпускать для учебы в другие города Советского Союза⁹.

Постановление правительства от 20 января 1949 г. расширяло географию подготовки кадров. Планировалось открыть два специальных института для подготовки кадров с высшим образованием и научно-исследовательской работы для ПГУ в Свердловске и Томске с постройкой всех необходимых учебных зданий, специальных сооружений, студенческих общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского состава. Это постановление также обязало организовать на базе физико-технического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова специальный Физический институт по подготовке кадров для ПГУ при Совете министров СССР. Провести строительство указанного института было предписано силами Главпромстроя Министерства внутренних дел СССР. Комиссии в двухнедельный срок было поручено разработать мероприятия по строительству института, исходя из необходимости окончания всех работ в 1950 г.

О том, какими широкомасштабными были решения этого постановления, говорит одно перечисление министерств, которым предписывалась реализация мероприятий. Таких министерств было более 20. Министерство высшего образования СССР обязали организовать при специальных факультетах и МГУ аспирантуру с ежегодным приемом 70 чел. по специальностям ПГУ при Совете Министров СССР, установив для аспирантов повышенную стипендию в размере 1 300 руб. в месяц. Министерству высшего образования СССР предписали установить особые требования к поступающим на отделения и факультеты специального назначения и обеспечить их комплектование преимущественно за счет мужчин, проявляющих склонность к инженерному делу и физико-математическим наукам¹⁰.

---

⁹ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 4. С. 688–689.

¹⁰ Там же. С. 240–243.

С целью увеличения числа специалистов для зарождавшейся атомной отрасли было решено с 11 января 1950 г. организовать заочное обучение на ряде предприятий ПГУ. Подготовка специалистов с высшим образованием проводилась по 12 специальностям. Для обеспечения учебного процесса были выделены необходимые помещения, организована лабораторная база, подобран квалифицированный профессорско-преподавательский состав. Учебный процесс проводился по учебным планам и программам Московского механического и Уральского политехнического институтов (ММИ и УПИ). Однако с 1 августа 1952 г. было принято решение о реорганизации системы заочного обучения на объектах ПГУ. В постановлении отмечается, что заочная система обучения целесообразна в тех случаях, когда студенты не связаны территориально с учебной организацией. В сложившихся условиях студенты имеют полную возможность ежедневно общаться с учебной организацией и заниматься по системе вечернего вуза. Поэтому был предложен проект постановления Совета Министров СССР о реорганизации существующей системы заочного обучения на отдельных атомных объектах в систему очных занятий по графику вечернего вуза без отрыва от производства и без выезда с территории объекта.

Переход на очные занятия по системе вечернего вуза, отмечается в проекте постановления, предоставит возможность по всем предметам учебного плана дать систематический лекционный курс с необходимым количеством практических занятий, создаст условия для более качественной подготовки специалистов с высшим образованием. Организация филиалов ММИ и УПИ на объектах по системе вечернего вуза создаст предпосылки для подготовки квалифицированных специалистов с высшим образованием из практиков и техников, имеющих среднетехническое образование по специальностям основного профиля объектов ПГУ. Эти меры были согласованы с Министерством высшего образования СССР¹¹.

Результаты этой титанической работы по развитию системы образования в атомной отрасли, подготовке кадров и специалистов для создания советского атомного оружия регулярно доводились до сведения высшего руководства. Так, в докладе ПГУ И. В. Сталину о ходе работ по развитию предприятий атомной промышленности от 25 марта 1951 г. отмечалось, что общая численность работающих на основных предприятиях ПГУ составляет 63 208 чел., в том числе

---

¹¹ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 5. С. 753–754.

инженеров и научных работников с законченным высшим образованием 5 863 чел. Ввиду новизны техники предприятий атомной промышленности в вузах было организовано 17 специальных факультетов по подготовке специалистов для ПГУ. За 1948–1950 гг. этими факультетами было выпущено 4 600 специалистов, в том числе 736 физиков, 359 химиков; в ближайшие четыре года будет дополнительно подготовлено около 7 тыс. специалистов, из них физиков 1 413 и химиков 1320. Задача создания квалифицированных кадров для атомной промышленности успешно разрешена. Подготовка руководящих инженерно-технических работников для новых предприятий ПГУ организована на старых предприятиях в порядке назначения дублеров, а также в порядке стажировки в научно-исследовательских учреждениях¹².

Таким образом, менее чем за десятилетие произошло становление и оформление уникальной многоуровневой отраслевой системы ядерного образования в различных формах: дневной, вечерней и заочной. Причем не только в центральных городах страны, но и в закрытых поселениях, где проживали работники и их семьи, создававшие атомное оружие. Проблема подготовки и переподготовки кадров в начальный период создания советского атомного оружия фактически была решена. Это произошло во многом благодаря тому, что в анализируемый период работы над советским атомным проектом получили наивысший государственный приоритет. Именно в это время ключевой становится задача скорейшей ликвидации монополии США в ядерной сфере. Без подготовленных квалифицированных специалистов в короткий период времени реализовать грандиозную правительственную задачу – создать в СССР атомное оружие – было невозможно.

Ядерное образование в 1960–1980-е гг.

В 1960–1970-х гг. и в первой половине 1980-х гг. ядерная отрасль оставалась приоритетной в сфере интересов государства, финансирование по-прежнему было масштабным, сохранялся высокий уровень подготовки специалистов. Исключительно интересные объекты научного исследования и будущая престижная работа привлекали в вузы, готовящие специалистов для атомной промышленности, много одаренной творческой молодёжи. В это время происходит определенная специализация вузов, готовящих кадры не только для атомного оружейного комплекса, но и для «мирного атома». Так, начи-

---

¹² Там же. С. 675.

ная с 1958 г. Высшее инженерное морское училище имени адмирала С. О. Макарова стало готовить кадры для первого экипажа атомного ледокола, а затем вести подготовку инженеров для отечественных судов с атомными энергетическими установками, а также целевую подготовку специалистов для обслуживания Северного морского пути. К числу таких специалистов относятся не только командный состав атомных ледоколов, но и метеорологи, океанологи, гидрографы, радиоинженеры. В начале 1960-х гг., например, в МИФИ сформировалась школа кибернетиков, и он стал одним из основоположников современных информационных технологий в стране. В истории МИФИ произошел очередной синтез знаний: инженерное и естественнонаучное образование дополнилось образованием в области информационных технологий. Появилась квалификация «инженер-системотехник». В вузе готовили специалистов для ядерной отрасли по широчайшему спектру специализаций, включая генетику, биофизику, экономику отрасли, экологию – всего более 50 наименований. Томский политехнический университет, старейший технический вуз в азиатской части России, обеспечивал кадрами ядерную отрасль страны. Это единственный вуз в стране, имевший собственный работавший исследовательский ядерный реактор, на котором обучались студенты. Уже более 65 лет он готовит специалистов для атомной отрасли. Более 13 тыс. инженеров выпущено из его стен, из них около 60 % распределялись на АЭС¹³.

Специализированное ядерное образование особенно проявляется в закрытых атомных городах, где есть шесть филиалов МИФИ, четыре из которых были созданы в 1952 г. Например, филиал в Северске осуществляет подготовку специалистов для конкретных производств Сибирского химического комбината, который имеет пакет уникальных технологий производства делящихся материалов по полному ядерному топливному циклу. Филиал в Новоуральске готовит кадры для уникального первого в нашей стране промышленного предприятия по разделению изотопов урана газодиффузионным методом. Отделения МИФИ в закрытых городах фактически представляли собой сетевой вуз, где головным институтом, осуществляющим учебно-методическое руководство вечерними отделениями через учебно-методический отдел, был МИФИ, а финансирование вечерних отделений и организационное руко-

¹³ Институт Росатома и Томский политехнический университет договорились о подготовке кадров для зарубежных АЭС // Новости сибирской науки. 2016. 3 июня. URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/rosatom-i-tomskiy-politekh-02062016> (дата обращения: 15.09.2016).

водство были в ведении Первого главного управления при Совете Министров СССР, затем Минсредмаша. Иначе говоря, вечерние отделения были отраслевыми вузами, причём финансово самостоятельными. В конце 1980-х гг. был создан совет директоров вечерних отделений МИФИ (впоследствии – ректоров институтов МИФИ) под председательством проректора МИФИ по отраслевому образованию. Такая структура сохранилась вплоть до 2001 г. Это была оптимальная сетевая система подготовки специалистов всех уровней для атомной промышленности. МИФИ не был обременён вопросами организационного и финансового управления отделениями: они были в ведении Минсредмаша СССР, впоследствии – Минатома РФ, «Росатома». Уровень подготовки специалистов в отделениях был очень высокий, и выпускники получали дипломы МИФИ. Например, уже в период первых выпусков (1956–1960) институт через вечернее отделение в Арзамасе-16 окончили около 200 специалистов, среди них целая плеяда докторов и кандидатов наук, лауреатов Ленинской и Государственной премий. Активное участие и содействие в работе вуза, в том числе и в качестве преподавателей, оказали учёные с мировым именем – академики Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, В. Н. Михайлов, Е. А. Негин, А. И. Павловский¹⁴. В 1971 г. «Минсредмаш» представил оригинальную идею, новую для высшей школы того периода. Суть предложения заключалась в подготовке специалистов, совмещавшей дневную (три года) и затем вечернюю (три года) форму обучения. Тогда отраслевые вузы впервые получили право принимать выпускников школ на дневное отделение. Три года дневной подготовки давали возможность глубоко освоить физико-математические дисциплины, а распределение после третьего курса на предприятие и переход на вечернюю форму позволяли студентам за время учебы адаптироваться к будущей профессии. Фактически атомное предприятие получало готового специалиста с необходимыми компетенциями. Такой метод был назван индивидуальной формой обучения.

Ядерное образование на рубеже XX–XXI вв.

Радикальные преобразования в России в начале 1990-х гг. сменили государственные приоритеты, сузили традиционную сферу деятельности физиков, расширили невоенное применение военных технологий. Конверсия охватила отечественную

---

¹⁴ Васильев А. Ступени роста «ядерного вуза» // Родина. 2012. № 6. С.160.

промышленность, высочайшая квалификация физиков оказалась мало востребованной в период реформ. Формирующиеся рыночные отношения поставили совершенно новые задачи: готовить специалистов для атомной отрасли, умеющих работать в условиях рынка, знающих маркетинг, способных найти инвестиции, продать свой товар в условиях жесткой конкуренции. Появилась потребность в подготовке специалистов интегрального образования, осведомленных в области перспективных технологий, глубоко знающих международную экономику и право, владеющих современными информационными технологиями и иностранными языками. Экономико-аналитический институт (ЭАИ) был пионером в этих начинаниях МИФИ. Созданный именно в интересах реального сектора экономики в 1996 г., ЭАИ является программно-целевым подразделением МИФИ. Задача ЭАИ – обеспечить интеграцию кафедр всех факультетов МИФИ для подготовки высококвалифицированных экономистов и менеджеров, владеющих современными математическими и информационными технологиями и способных развивать коммерческий успех перспективных наукоемких технологий, находить оптимальные решения сложных социально-технических проблем. Специальности и направления обучения в ЭАИ МИФИ соответствуют опыту и традициям естественнонаучного и компьютерного образования в МИФИ применительно к наукоемким отраслям промышленности. ЭАИ МИФИ готовит экономистов-математиков, экономистов-информатиков и экономистов-менеджеров. По примеру ЭАИ были созданы и другие программно-целевые подразделения с нетрадиционными для МИФИ направлениями подготовки, имеющими, однако, глубокие корни в истории вуза. Эти процессы стали естественными причинами формирования статуса МИФИ как государственного университета, причем базового университета ядерной отрасли¹⁵.

Участие российских университетов в международных образовательных проектах

Реформы в России в начале 1990-х гг. привели к возникновению открытого общества. С этого времени вузы России стали контактировать с западными университетами. С 1992 г., например,

---

¹⁵ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»: История вуза // Планета образования. URL: <http://www.planetaedu.ru/articles/487> (дата обращения: 12.07.2016).

МИФИ открыт для приема иностранных студентов и аспирантов. Первые иностранные студенты в МИФИ появились в 1992–1993 академическом году, но вплоть до 2000 г. их число не превышало нескольких десятков человек. Так, в 1998–1999 академическом году в МИФИ обучались 35 иностранных граждан из десяти стран, в том числе 13 человек из Турции, восемь – из Китая, четверо – из Сирии, трое – из Пакистана и т. д.¹⁶ За последнее время существенно выросло и число иностранных преподавателей и студентов. Так, если в 2014 г. среди сотрудников вуза было чуть менее 2 % иностранцев, и лишь 6,6 % студентов МИФИ были из-за рубежа, то в 2015 г. уже почти 14 % преподавателей и 12 % учащихся приехали из-за границы. К 2020 г. предположительно каждый пятый профессор и студент в МИФИ будет из-за границы¹⁷.

Стали развиваться контакты с международными организациями, связанными с содействием в подготовке кадров для атомной отрасли, в частности с МАГАТЭ, Агентством по ядерной энергии ОЭСР, Всемирным ядерным университетом, европейской и азиатской сетями ядерного образования ENEN и ANENT, крупнейшими научными центрами и университетами США, Европы и Азии.

МАГАТЭ с начала своей деятельности признавала необходимость сфокусированного и консолидированного подхода в содействии государствам-членам в их усилиях, нацеленных на обеспечение сохранения образования и подготовки кадров в ядерной области по всем направлениям ядерной технологии для использования в мирных целях. МАГАТЭ являлась хранилищем знаний, связанных с мирным применением ядерной технологии, с момента своего создания в 1957 г. С начала 2000-х гг. многие направления деятельности в программах МАГАТЭ имеют отношение к сохранению и укреплению ядерных знаний и обеспечению наличия квалифицированных кадров в ядерной области по всем областям ядерной технологии для использования в мирных целях. В докладах генерального директора МАГАТЭ на генеральных конференциях 2003, 2004 г. и последующих присутствовало обращение к государствам – членам МАГАТЭ содействовать объединению учреждений в сети для обеспечения сохранения образования и подготовки кадров в ядерной

---

¹⁶ Стриханов М. Н., Дмитриев Н. М. НИЯУ «МИФИ»: от института боеприпасов до университета мирового класса // Грани российского образования. М.: Центр социол. исслед., 2015. С. 562.

¹⁷ Каждый пятый студент и профессор НИЯУ МИФИ к 2020 году будет из-за рубежа // РИА Новости [официальный сайт]. 2016. 11 нояб. URL: <https://ria.ru/society/20161111/1481150667.html> (дата обращения: 12.12.2016).

области¹⁸. В 2012 г. между МАГАТЭ и НИЯУ МИФИ было подписано соглашение о сотрудничестве в области сохранения и развития ядерных знаний, в том числе ядерного образования, включая подготовку и переподготовку кадров.

С начала XXI в. МАГАТЭ стала осознавать важность управления ядерными знаниями в атомной отрасли. Идея управления ядерными знаниями сначала была принята в качестве официальной программы, а затем стала приоритетной для государств-членов. Несколько резолюций, принятых на Генеральной конференции МАГАТЭ с 2002 г., включали разделы по управлению ядерными знаниями. В 2003 г. Генеральная конференция МАГАТЭ признала, что сохранение и укрепление ядерных знаний и обеспечение наличия квалифицированных кадров имеют жизненно важное значение для дальнейшего более широкого, безопасного и надежного использования всех ядерных технологий в мирных целях¹⁹.

В документах МАГАТЭ подчеркивается, что необходимость повышения эффективности управления ядерными знаниями вызвана рядом факторов: это старение рабочей силы в ядерной отрасли во все странах мира, сокращение числа студентов, поступающих на специальности, связанные с научными и техническими программами, риск потерять накопленные знания и опыт. Эти факторы также влекут за собой снижение числа технических инноваций и потенциальные потери технических компетенций, которые могут привести к падению уровня ядерной безопасности и жизнеспособности, и МАГАТЭ обращает внимание всех заинтересованных сторон на необходимость выработки эффективных стратегий и программ по управлению знаниями. Оно определяется МАГАТЭ как комплексный системный подход к идентификации, получению, преобразованию, развитию, распространению, использованию, обмену и сохранению знаний, способствующий достижению определенной цели, который помогает организации оценить собственный опыт. Конкретные мероприятия в управлении знаниями помогают организации найти лучший способ приобретения, хранения и использования знания²⁰.

¹⁸ Ядерные знания : докл. ген. директора // Международное агентство по атомной энергии [официальный сайт]. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC48/GC48Documents/Russian/gc48-12_rus.pdf (дата обращения: 12.12.2016) ; Обзор ядерных технологий – 2016 : докл. ген. директора // Международное агентство по атомной энергии.

¹⁹ Ядерные знания : докл. ген. директора // Международное агентство по атомной энергии.

²⁰ Knowledge Management and its Implementation in Nuclear Organizations // Intern. Atomic Energy Agency. Vienna : IAEA, 2016. P 1.

Управление ядерными знаниями может осуществляться на любом этапе жизненного цикла ядерного знания: это научные исследования и разработки, проектирование, строительство, ввод в эксплуатацию, эксплуатация, техническое обслуживание, модернизация и продление ресурсов, обращение с отходами и снятие с эксплуатации. Оно может быть направлено на формирование знаний, их идентификацию, обмен, передачу, защиту, проверку, хранение, распространение, сохранение и использование. Практика управления ядерными знаниями может предусматривать применение любого из широкого диапазона знаний и методов управления в целях повышения и поддержки традиционных бизнес-функций и целей, таких как управление человеческими ресурсами, обучение, планирование, эксплуатация, ремонт, проекты, инновации, производительность и управление рисками, информационное управление, процесс управления, организационное обучение и информационно-техническая поддержка²¹.

МАГАТЭ продолжает оказывать содействие государствам-членам в их усилиях, направленных на обеспечение сохранения образования и подготовки кадров в ядерной области во всех сферах ядерной технологии для использования в мирных целях. Многие направления деятельности в программах МАГАТЭ имеют отношение к управлению ядерными знаниями и ядерной информацией. На накопление знаний и управление ими МАГАТЭ потратило 11,5 % своего бюджета в 2014 г.²² Обеспечение подхода «единого дома» к управлению знаниями стало основной задачей междисциплинарной группы связи по вопросам управления знаниями, созданной в агентстве, которая имеет в своем составе представителей всех основных программ²³.

Ряд российских вузов и предприятий атомной промышленности участвует в программах управления ядерными знаниями. Например, НИЯУ «МИФИ» активно сотрудничает с МАГАТЭ по управлению и сохранению ядерных знаний и разработке примерных образовательных программ в областях ядерной безопасности и физической

²¹ Managing Nuclear Knowledge : A Pocket Guide // Vienna International Centre [official website]. PO Box 100, 1400 Vienna, Austria. URL: https://www.iaea.org/nuclearenergy/nuclearknowledge/NKM_NEWS/NKM_Book_web.pdf (дата обращения: 17.12.2016).

²² Ежегодный доклад МАГАТЭ за 2014 год. С. 114 // Международное агентство по атомной энергии [официальный сайт]. 2014. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc59-7_rus.pdf (дата обращения: 19.12.2016).

²³ Ядерные знания : докл. ген. директора. С. 2.

ядерной безопасности ядерных технологий и атомного машиностроения. В сентябре 2015 г. было подписано соглашение между НИЯУ МИФИ и МАГАТЭ, согласно которому МИФИ стал членом Международной академии ядерного менеджмента (МАЯМ), которая ставит своей целью повышение компетенций специалистов в области управления в ядерных технологиях путём запуска международных магистерских программ в ведущих университетах мира. В 2015 г. такую программу запустил Манчестерский университет. НИЯУ МИФИ запустил первую в России магистерскую программу в области управления в ядерных технологиях, соответствующую требованиям МАГАТЭ, с 1 сентября 2016 г.²⁴

Проекты по управлению ядерно-технологическими знаниями внедряются и на объектах ядерной промышленности. Так, на Смоленской АЭС – первой в концерне «Росэнергоатом» – с 2013 г. вводится методика по управлению рисками утраты критических знаний, которая впервые была апробирована на американских атомных станциях, а затем взята за основу в МАГАТЭ. Смоленская АЭС успешно адаптировала и использовала на практике эту методологию. Ее специалисты осуществили картирование знаний, собрали и задокументировали информацию, установили порядок интегрирования процесса управления ядерными знаниями в общую систему менеджмента предприятия. В будущем намечено перевести процесс по управлению ядерными знаниями в рутинную деятельность предприятия. Это требует определенных структурных изменений, дополнительного информирования, взаимодействия с кадровой службой, службой качества, учебно-тренировочным подразделением, службой информационных технологий. Необходимо на регулярной основе производить ее оценку, формировать целевые программы подготовки специалистов по выбранным тематикам, интегрировать ее с программами наставничества, периодической подготовкой персонала, отчетами об опыте эксплуатации. По статистике, накопленный опыт на 80 % не задокументирован, его необходимо перенести в инструкции, методики, учебные материалы и таким образом сделать систему

²⁴ Крючков Э. Ф. Ядерное образование и обучение в России // Российское атомное сообщество [информ. портал]. 2012. 23 июля. URL: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2012/07/23/35002> (дата обращения: 19.12.2016) ; Представители НИЯУ МИФИ вошли в Управляющий совет Международной академии ядерного менеджмента (INMA) // Пресс-центр НИЯУ МИФИ [официальный сайт]. Новости от 12.05.2016. URL: https://mephi.ru/content/news/1810/111320/?sphrase_id=8831891 (дата обращения: 19.12.2016).

управления ядерными знаниями частью общей системы менеджмента предприятия²⁵. В целях содействия управлению знаниями представители МАГАТЭ в сотрудничестве с МАЯМ в 2015 г. посетили Смоленскую АЭС. При проведении этой миссии основное внимание было сосредоточено на углублении понимания стратегической важности, совместной ответственности и конкретных проблем устойчивого поддержания базы ядерных знаний, необходимой для обеспечения высокого уровня безопасности, а также на обмене опытом²⁶.

Таким образом, МАГАТЭ постоянно оказывает помощь государствам-членам в укреплении и сохранении ядерного образования и подготовке кадров во всех областях ядерной технологии в мирных целях; в разработке принципов и методики планирования, проектирования и осуществления программ управления ядерными знаниями; в предоставлении надежных информационных ресурсов в области мирного использования ядерной энергии. Она также продолжает развивать инструменты и методы сохранения, передачи и использования ядерных знаний. Глава секции МАГАТЭ по управлению ядерными знаниями Д. де Грозбис, характеризуя общие проблемы и вызовы, с которыми столкнулась система управления знаниями в атомной отрасли, назвал в первую очередь сложность технологической базы, ее длительный жизненный цикл, ее регулирующие структуры и отсутствие понимания проблем управления знаниями. Он подчеркнул, что нехватка навыков управления знаниями может привести к нерешительности и, в конечном счете, к неверным решениям. Проблемы управления знаниями стоят в повестке дня для целого ряда стран²⁷.

Одной из форм международного сотрудничества в сфере образования является участие вузов в международных проектах по сетевому образованию. В ст. 15 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что сетевая форма реализации образовательных программ (далее – сетевая форма) обес-

---

²⁵ Проект по управлению знаниями в Смоленской АЭС // Управление производством [деловой портал]. 2015. 27 апр. URL: http://www.up-pro.ru/library/personnel_management/training/znaniya-aes.html (дата обращения: 29.12.2016).

²⁶ Ежегодный доклад МАГАТЭ за 2015 год. С. 39 // Международное агентство по атомной энергии [официальный сайт]. 2015. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC60/GC60Documents/Russian/gc60-9_rus.pdf (дата обращения: 29.12.2016).

²⁷ The Challenge of Managing Nuclear Knowledge // International Atomic Energy Agency [official website]. 2014. Sept. 24. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/challenge-managing-nuclear-knowledge> (mode of access: 30.12.2016).

печивает возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций. Участие в реализации образовательных программ с использованием сетевой формы рассматривается как направление международного сотрудничества в сфере образования²⁸.

НИЯУ МИФИ является ярким примером участия в международных проектах по сетевому ядерному образованию. В 2016 г. был подписан договор о сотрудничестве между МАГАТЭ и региональной сетью по образованию в области ядерных технологий STAR-NET²⁹. В настоящее время STAR-NET объединяет 13 университетов из шести стран, имеющих программы по ядерной физике.

STAR-NET была создана в 2015 г. в рамках генеральной конференции МАГАТЭ и стала новой международной региональной сетью ядерного образования, являющейся аналогом ENEN, ANENT и охватывающей регионы Восточной Европы и Средней Азии. Созданию STAR-NET предшествовала подготовительная работа, проведенная МАГАТЭ, когда в январе 2014 г. во время консультационного совещания несколько университетов Центральной и Восточной Европы подтвердили свою заинтересованность в ее создании. Первоначально в сеть вошли 12 университетов из России, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Украины и Казахстана. Сеть STAR-NET является международной организацией, учрежденной государственными и частными университетами, научно-исследовательскими организациями, промышленными предприятиями и другими заинтересованными субъектами, связанными с образованием в области ядерной промышленности.

Цель создания STAR-NET – способствовать развитию, управлению и сохранению ядерных знаний, оказывать поддержку в подготовке квалифицированных кадров в ядерной области в странах-участницах. НИЯУ МИФИ выступил одним из инициаторов создания STAR-NET совместно с Белорусским государственным уни-

²⁸ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016 // Консультант Плюс [официальный сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174.

²⁹ МАГАТЭ и региональная сеть по образованию в области ядерных технологий STAR-NET договорились о сотрудничестве // Росатом [официальный сайт]. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/news/magate-i-regionalnaya-set-po-obrazovaniyu-v-oblasti-yadernykh-tekhnologiy-star-net-dogovorilis-o-sot/> (дата обращения: 30.12.2016).

верситетом информатики и радиоэлектроники и Нижегородским государственным техническим университетом имени Алексева. Позднее, возможно, к сети присоединятся ведущие университеты Болгарии, Словакии, Венгрии и др.

Еще один пример активного взаимодействия НИЯУ МИФИ связан с Европейской сетью ядерного образования (ENEN). Его старт был дан в 2014 г. В проекте ENEN участвуют около 50 организаций, включающих не только вузы, но и ядерные центры европейских стран. МИФИ и Центральный институт повышения квалификации «Росатома» являются ассоциированными членами ENEN. В рамках этой сети действует проект ENEN-RU II по сотрудничеству сети с Россией. В рамках проекта в настоящее время в МИФИ по линии ENEN проходят стажировку три аспиранта из Италии, Румынии и Словакии. Руководство МИФИ обсуждает с европейскими партнерами возможность создания совместных образовательных программ на английском языке. Со временем, отмечает декан физико-технического факультета НИЯУ МИФИ Г. Тихомиров, может идти речь о программе двойных дипломов³⁰.

24 ноября 2015 г. в НОУ ДПО «ЦИПК Росатома» прошла встреча Форума проекта Европейской сети ядерного образования ENEN-RU II. Она была посвящена краткосрочной и долгосрочной стратегии развития проекта и сотрудничеству. Во встрече приняли участие представители организаций из входящих в состав ENEN стран – Чехии, Румынии, Словакии, Германии, Испании и Италии. В сфере ядерного образования ENEN и Россия (представлена НИЯУ МИФИ и НОУ ДПО «ЦИПК Росатома») договорились разработать совместный европейско-российский сертификат магистра наук в области ядерной инженерии, используя опыт ENEN в создании EMSNE (Европейской степени магистра наук в ядерной инженерии). На форуме был предложен совместный курс ENEN / ЦИПК Росатома по тематике культуры ядерной безопасности для российской аудитории. Его проведение планируется на площадке НОУ ДПО «ЦИПК Росатома»³¹.

³⁰ Декан МИФИ: расширим международное сотрудничество по ядерному образованию // РИА Новости [официальный сайт]. 2016. 8 июня. URL: <https://ria.ru/authors/20160608/1444446498.html> (дата обращения: 30.12.2016).

³¹ В НОУ ДПО «ЦИПК Росатома» прошла встреча Форума проекта ENEN-RU II // ГК «Росатом» [информационный портал]. URL: <http://rosatom.ru/journalist/news/vnou-dpo-laquo-tsipk-rosatoma-raquo-proshla-vstrecha-foruma-proekta-enen-ru-ii-15/> (дата обращения: 30.12.2016).

НИЯУ МИФИ, исторически являясь сетевым вузом с филиалами в закрытых атомных городах, в 2016 г. подписал соглашение со школами из таких городов для того, чтобы будущие квалифицированные кадры для «Росатома» начинали подготовку уже со школы. МИФИ предлагает для подготовки школьников свои сетевые технологии на уровне лицеев. В МИФИ работает проект «Сетевая школа НИЯУ МИФИ», представляющий образовательную среду, объединяющую учебно-методические и информационные ресурсы, а также различные формы и практики обучения в рамках довузовской подготовки школьников, ориентированных на профессии инженерно-физического профиля. В целом этот проект есть обобщение всех проектов НИЯУ МИФИ, направленных на работу со школьниками.

Таким образом, сети учебных заведений, связанные с ядерным образованием, представляют собой эффективный механизм обмена информацией, подготовки специалистов, способствуют созданию знаний в области ядерной безопасности и нераспространения.

Сотрудничество ГК «Росатом» с профильными университетами

Как уже было сказано, ПГУ, а затем Минсредмаш с середины 1940-х гг. способствовали становлению и развитию системы ядерного образования. Позднее, когда была создана ГК «Росатом», эта система отраслевых образовательных организаций была передана в Минобрнауки России, и на ее базе был образован сетевой вуз. Это стало новым этапом в истории взаимоотношений атомной отрасли с высшей школой. Сегодня модель взаимодействия ГК «Росатом» с образовательными организациями строится на принципах частно-государственного партнерства и включает в себя различные инструменты. Во-первых, ГК «Росатом» совместно с Минобрнауки России выступает заказчиком программы создания и развития НИЯУ МИФИ. Ежегодная субсидия «Росатома» в данную программу измеряется 400 млн руб. Цель программы – создание профильного исследовательского университета мирового уровня, способного решать образовательные и научные задачи атомной отрасли. В НИЯУ МИФИ входят 11 вузов и 13 колледжей, которые расположены в городах «Росатома» и осуществляют подготовку специалистов по профильным специальностям³². Именно глава «Росатома» ставит наиболее актуальные задачи в области ядерного образования.

³² «Росатом» делится знаниями. С. 85.

В 2011 г. в рамках программы «Инновационное развитие и технологическая модернизация ГК «Росатом» на период до 2020 года» была создана ассоциация «Консорциум опорных вузов госкорпорации «Росатом»». Одна из главных целей ассоциации – консолидация усилий и координация взаимодействия ведущих вузов России для содействия инновационному развитию и технологической модернизации ГК «Росатом». В состав консорциума входят 14 профильных вузов: НИЯУ МИФИ, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Уральский федеральный университет, Нижегородский государственный технический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет, Московский государственный технический университет, Ивановский государственный энергетический университет, Национальный исследовательский университет Московский энергетический институт, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Российский химико-технологический университет, Московский государственный строительный университет, Нижегородский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный университет морского и речного флота.

Председатель учредительной конференции ректор НИЯУ МИФИ М. Н. Стриханов отмечает, что целью создания ассоциации является налаживание эффективного научно-образовательного взаимодействия высших учебных заведений с ГК «Росатом» и Фондом развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий «Сколково». Решение о создании ассоциации было ранее одобрено на заседании рабочей группы «Ядерные технологии» Комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики России в рамках Программы инновационного развития и технологической модернизации ГК «Росатом» на период до 2020 г. Директор проекта департамента управления персоналом ГК «Росатом» В. В. Карезин выделил приоритетные задачи, связанные с повышением качества образования, подготовкой кадров для зарубежных стран-партнеров, а также повышением квалификации научно-технического состава корпорации³³.

В 2012 г. ГК «Росатом» приняла Программу формирования системы управления знаниями. Цель программы – инфраструктур-

---

³³ Учреждена ассоциация «Консорциум опорных вузов Госкорпорации «Росатом»» // Ивановский гос. энергетич. ун-т им. В. И. Ленина [официальный сайт]. 2011. 25 июля. URL: <http://ispu.ru/node/9355>. (дата обращения: 30.12.2016).

ное сопровождение реализации инновационной программы развития атомной отрасли. В 2016 г. «Росатом» и Минобрнауки РФ договорились о предоставлении права использования министерству второй версии Системы управления знаниями (СУЗ) «Росатома» для внедрения в вузах страны. СУЗ разработана в «Росатоме» и представляет собой продукт, позволяющий управлять знаниями и интеллектуальной собственностью с использованием передовых методик и информационных систем. Ее пользователями в первую очередь являются университеты; в 2016 г. дополнительно 30 вузов заявили о своем желании подключиться к этой системе.

Заместитель генерального директора ГК «Росатом» В. Першуков отмечает, что аналогов системе управления знаниями, имеющейся в «Росатоме», в мире и в РФ практически нет. Особенность СУЗ в том, что она охватывает весь жизненный цикл знаний – от создания до применения. Большинство же компаний используют управление знаниями только в отдельных областях, например, в управлении данными и контентом или управлении персоналом. В 2014 г. этот проект получил одобрение миссии поддержки МАГАТЭ по вопросам управления ядерными знаниями как один из лучших отраслевых проектов по управлению знаниями³⁴. Миссии по содействию управлению знаниями продолжают оставаться важными услугами, предоставляемыми МАГАТЭ. При проведении этих миссий основное внимание сосредоточено на улучшении понимания стратегической важности, совместной ответственности и конкретных проблем устойчивого поддержания базы ядерных знаний, необходимой для обеспечения высокого уровня безопасности в ядерной отрасли, а также на обмене опытом по осуществлению соответствующих программ.

Примером создания системы управления знаниями во взаимодействии с ГК «Росатом» является Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ) – один из ведущих ядерных университетов России. Университет, имея сложную организационную структуру, несущий огромный поток знаний

---

³⁴ «Росатом» и Минобрнауки РФ договорились об использовании системы управления знаниями «Росатома» в вузах страны // Российское атомное сообщество [информационный портал]. 2016. 14 июня. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2016/06/14/66674> (дата обращения: 30.10.2016) ; Система управления знаниями // Росатом [официальный сайт]. URL: <http://ar2013.rosatom.ru/168> (дата обращения: 30.10.2016) ; Система управления знаниями в корпорации «Росатом» // Группа компаний ЛЕДАС [официальный сайт]. 2015. 21 мая. URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=17753 (дата обращения: 30.10.2016).

и информации, нуждается в системе налаженного управления знаниями. Поэтому ТПУ изучает сейчас опыт ГК «Росатом» в создании системы управления знаниями и пытается внедрить эту систему на уровне Физико-технического института (ФТИ). Внедрение концепции в структуру института позволит иметь доступ к существующему наследию ядерных знаний, обеспечит передачу знаний новому поколению, а также позволит заполнить пробелы, появившиеся в связи с потерей ядерных знаний. Однако процесс становления системы управления ядерными знаниями ТПУ, отмечают М. В. Перминова и Д. Г. Демянюк, находится на начальной стадии. Начинаются оцифровка всех накопленных знаний, технической документации и пополнение электронной библиотеки. После практического применения системы на уровне ФТИ планируются расширение концепции и ее внедрение во все институты ТПУ³⁵.

Еще одно направление сотрудничества ГК «Росатом» с образовательными организациями заключается в широко распространенной практике создания корпоративных кафедр предприятий госкорпорации в профильных вузах. Как правило, руководители кафедр – это топ-менеджеры предприятий. Учеба на кафедрах и практика на предприятиях позволяют студентам ознакомиться с особенностями функционирования производства будущего работодателя, что называется, изнутри, еще на стадии обучения. Это дает возможность существенно улучшить качество профессиональной подготовки студентов, при этом избежать разрыва между учебной и научной деятельностью и производством. В 2014 г. в профильных вузах действовало 11 базовых кафедр, созданных восемью организациями атомной отрасли. В 2015 г. добавилось еще 14 кафедр. Например, в 2013 г. была создана корпоративная кафедра «Росатома» «Строительство объектов атомной отрасли» в ведущем строительном вузе России – Московском государственном строительном университете (МГСУ)³⁶. Другой пример – АО «Нижегородская инжиниринговая компания „Атомэнергопроект“» (НИАЭП, управляющая компания группы ASE). В плане подготовки кадров и в сотрудничестве с профильными вузами она ставит перед собой три стратегические зада-

³⁵ Перминова М. В., Демянюк Д. Г. Управление ядерными знаниями в высших учебных заведениях // Энергетика: эффективность, надежность, безопасность : материалы XXI Всерос. науч.-техн. конф., 2–4 декабря 2015 г. : в 2 т. Томск : СКАН, 2015. Т. 1. С. 425–426.

³⁶ «Росатом» : Стратегия развития кадров // Аккредитация в образовании: информ.-аналит. журн. 2014. 31 окт. URL: http://www.akvobr.ru/rosatom_strategiya_razvitiya_kadrov.html (дата обращения: 30.10.2016).

чи: сохранить имеющиеся компетенции, выстроить систему передачи критически важных знаний и обеспечить получение новых знаний и навыков в соответствии с требованиями бизнеса. Руководство компании не устраивает советская модель: «Придете на предприятие – забудьте все, чему вас учили в институте, будете учиться заново». Такой подход, по мнению президента НИАЭП В. Лимаренко, слишком дорого обходится организации. Поэтому в 2010 г. НИАЭП заключил соглашение о сотрудничестве с НГТУ, а в 2013 г. – с ННГАСУ. В рамках соглашений он проводит целевую подготовку специалистов для НИАЭП, а студенты имеют возможность не только пройти все виды практики на базе компании, но и получить дополнительные знания на базовой кафедре НИАЭП в НГТУ. В преподавательской работе участвуют 45 сотрудников НИАЭП³⁷.

В 2014 г. по заказу «Росатома» впервые в МГСУ отобрали 80 сильных абитуриентов, каждый из которых не просто поступил в университет на бюджетное место, но еще и заключил прямой договор о целевом обучении с одним из предприятий «Росатома». В эту работу вовлечено порядка 20 предприятий, входящих в систему управления ГК «Росатом». В рамках участия в государственной программе подготовки кадров для оборонно-промышленного комплекса «Росатом» отобрал в 2014 г. еще 45 студентов-старшекурсников МГСУ, которые через год-два придут работать на семь ведущих предприятий его ядерно-оружейного комплекса. Это и легендарный «Маяк», и «Электрохимприбор», и Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, и ФГУП «Приборостроительный завод» ГК «Росатом», и знаменитая фирма «Элерон».

Таким образом, студенты-целевики будут вовлечены в масштабные инновационные проекты ядерной отрасли и в дальнейшем смогут эффективно работать на предприятиях «Росатома», воплощая в жизнь амбициозные планы корпорации. При этом у них будет возможность общаться с топ-менеджерами отраслевых компаний – планируется, что у каждого из молодых людей будет свой куратор. Предприятия «Росатома», в свою очередь, будут поддерживать своих целевиков: организовывать для них производственную практику, выплачивать дополнительные стипендии. Можно сказать, что сейчас возрождаются забытые славные традиции

---

³⁷ «От сотрудников мы требуем особых знаний» // Коммерсантъ. № 174. 2016. 21 сент. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3094605> (дата обращения: 20.10.2016).

Министерства среднего машиностроения СССР, касающиеся набора и обучения подрастающей смены и преемственности поколений. Такие тенденции будут способствовать притоку молодых специалистов, вооруженных последними научными знаниями, на предприятия «Росатома».

* * *

Анализ истории развития ядерного образования в России показывает, что в период 1940–1950-х гг. оно было подчинено созданию и совершенствованию ядерного оружия. Соответственно, государственная поддержка развития ядерного образования была приоритетной. В 1960–1980-е гг. акцент в государственной политике начал смещаться с военной сферы на создание и развитие ядерной энергетики, атомного флота, ядерной медицины и других областей ядерных наук, связанных с «мирным атомом». Вузы стали готовить специалистов для ядерной отрасли по широчайшему кругу специализаций.

В результате реформ 1990-х гг. сменились проблемы и тенденции в развитии ядерного образования. Глобализация и требования ядерной безопасности меняют его содержание. Оно становится высококонкурентным, требует выработки программ по управлению ядерными знаниями, активного участия в международных образовательных проектах. Участие российских вузов в международных ядерных образовательных проектах направлено на дальнейшее повышение глобальной репутации университетов, на достижение высокого качества ядерного образования за счет более эффективного использования имеющихся образовательных ресурсов, в том числе активизации обмена студентами, преподавателями, взаимной проверки качества обучающих программ. Сети вузов стали особой частью управления ядерными знаниями, способствующего их формированию, сохранению, укреплению и передаче в пределах национального, регионального и мирового уровня. Сотрудничество предприятий «Росатома» с профильными вузами в настоящее время продолжает традиции Министерства среднего машиностроения СССР, осуществлявшего тесное взаимодействие атомных предприятий с вузами. Это проявляется в создании корпоративных кафедр предприятий «Росатома» в университетах, готовящих кадры

для атомной отрасли, в чтении лекций работниками корпорации. Все это в конечном итоге значительно повышает уровень знаний и компетенций студентов, готовых успешно работать на ядерных объектах, содействовать укреплению глобальной ядерной и физической ядерной безопасности и вносить свой вклад в дело нераспространения и установления глобального мира.

Глава 13

БАНК ЯДЕРНОГО ТОПЛИВА В КАЗАХСТАНЕ: ИМИДЖЕВЫЙ ПРОЕКТ ИЛИ ВКЛАД В НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ?

Д. А. Абен

Несмотря на трагические последствия масштабной природно-техногенной катастрофы на японской АЭС «Фукусима-дайити» и негативные отголоски чернобыльской аварии и других чрезвычайных ситуаций в ядерной сфере, говорить о закате атомной энергетики преждевременно. В условиях постоянно меняющихся цен на ископаемые виды топлива и возрастающего спроса на энергоресурсы, который возобновляемая энергия пока не в состоянии удовлетворить, а также в силу опасений по поводу глобального потепления и изменения климата, устремлений государств диверсифицировать источники энергии и снизить зависимость от иностранных поставок мирный атом продолжает играть заметную роль в международной энергетической политике. В настоящее время большинство стран с развитой атомной промышленностью строят или планируют построить новые АЭС, а ряд развивающихся стран выражает растущий интерес к ядерной энергии, в то время как о закрытии своих мирных ядерных программ объявило лишь ограниченное число государств. Некоторые из них не исключают возможности отмены принятых решений.

Первые гражданские атомные электростанции начали работу в 1950-х гг., и в настоящее время в 31 стране мира действуют 447 коммерческих ядерных энергетических реакторов с общей установ-

ленной мощностью свыше 390 тыс. МВт, которые производят более 11 % мировой электроэнергии. Кроме того, в 55 странах действуют 245 исследовательских реакторов для научных целей и производства медицинских и промышленных изотопов, а еще 180 реакторов используются на 140 морских судах и подводных лодках. Около 60 энергетических реакторов находятся в стадии строительства, а более 160 планируется построить¹.

Однако серьезную угрозу расширению атомной энергетики во всем мире представляет потенциальное военное применение ядерных технологий и материалов, вызывающих обеспокоенность с точки зрения их распространения. После окончания холодной войны угроза тотальной ядерной войны значительно уменьшилась, но вероятность разрушительного ядерного нападения возрастает по мере того, как все больше государств и, возможно, негосударственных акторов международных отношений стремятся получить доступ к оружейному плутонию и высокообогащенному урану – расщепляющимся материалам, используемым для создания ядерного оружия. Хотя ДНЯО признает неотъемлемое право каждого государства на развитие мирной атомной деятельности, существует повышенный риск того, что глобальное расширение ядерной энергетики предоставит возможности топливного цикла государствам, которые политически или технически не готовы обеспечить сохранность ядерных материалов, или же странам и негосударственным субъектам, которые намереваются переключить чувствительные технологии и материалы на военные цели. Понимая риски безопасности, связанные с таким переключением, международное сообщество на протяжении многих лет искало инновационные механизмы и решения, которые в сочетании с традиционной системой гарантий в области нераспространения помогли бы удовлетворить потребности в ядерной энергии и в то же время укрепить глобальный режим ядерного нераспространения.

Экскурс в историю

Вопрос обеспечения высокого уровня использования атомной энергии в мирных целях при одновременном противодействии ядерному распространению и ускорению гонки ядерных вооруже-

---

¹ Nuclear Power in the World Today // World Nuclear Association [official website]. Jan. 2017. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/nuclear-power-in-the-world-today.aspx> (mode of access: 28.03.2017).

ний, в первую очередь посредством внедрения многостороннего контроля над ядерным топливным циклом, находится в международной повестке дня с самого начала атомной эпохи в 1940-х гг. После окончания Второй мировой войны в ноябре 1945 г., спустя несколько месяцев после разрушительных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, руководство США, Великобритании и Канады выступило с совместной декларацией, предложив создать международную структуру для контроля над атомной энергией, а также организовать обмен научной информацией между заинтересованными странами и содействовать ее использованию в мирных и гуманитарных целях². В июне 1946 г. правительство США представило вновь созданной Комиссии ООН по атомной энергии так называемый «план Баруха», который стал первой попыткой разработать наднациональное регулирование ядерных технологий. В нем предлагалось доверить «все этапы развития и использования ядерной энергии» новому международному органу, обмениваться основной научной информацией между всеми странами в мирных целях, осуществлять контроль за атомной энергией в той мере, в какой это необходимо для обеспечения ее использования только в мирных целях, и ликвидировать ядерное оружие и все другие виды ОМУ, имевшиеся в арсенале национальных вооружений, а также установить эффективные гарантии «посредством инспекций и других средств» с целью защиты выполняющих свои обязательства государств от нарушений и уклонений³. Однако этот план так и не был реализован из-за отсутствия согласия между ведущими державами.

В декабре 1953 г. президент США Дуайт Эйзенхауэр в своем выступлении «Атомы для мира» перед Генеральной Ассамблеей ООН призвал США и Советский Союз внести «совместные вклады из своих запасов обычного урана и расщепляемых материалов» в международный орган по атомной энергии, который должен быть создан под эгидой ООН. Агентство было бы ответственно, в частности, за получение, хранение и защиту предоставляемых в его распоряжение ядерных материалов и за обеспечение того,

---

² The President's News Conference Following the Signing of a Joint Declaration on Atomic Energy. Nov. 15, 1945 // Harry S. Truman Library and Museum [official website]. URL: <https://www.trumanlibrary.org/publicpapers/index.php?pid=196&st=&st1> (mode of access: 28.03.2017).

³ The Baruch Plan : Presented to the United Nations Atomic Energy Commission. June 14, 1946 // Atomic Archive [official website]. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml> (mode of access: 28.03.2017).

чтобы они служили «мирным целям человечества»⁴. В 1957 г. на основе идеи Эйзенхауэра было создано Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) в качестве международного центра сотрудничества в ядерной области, призванного содействовать надежному, безопасному и мирному использованию ядерной энергии, включая предоставление развивающимся странам возможности пользоваться достижениями ядерной науки и доступа к передовым технологиям. В последующие годы в рамках МАГАТЭ и других структур предпринимались попытки разработать эффективные недискриминационные инструменты сокращения распространения технологий по производству ядерного топлива, но работа в этом направлении в условиях блокового противостояния и борьбы за сферы влияния шла без особого успеха.

Инициатива по созданию банка ядерного топлива

После окончания холодной войны, и особенно в свете раскрытия секретных программ по созданию ОМУ, в ряде государств вопрос установления справедливого многостороннего контроля над ядерным топливным циклом вновь стал занимать важное место в международной деятельности по укреплению режима нераспространения. Рассматривался целый ряд многосторонних подходов к ядерному топливному циклу, которые предлагали варианты решения проблем, связанных с обеспечением поставок ядерного топлива и усилением контроля над чувствительными ядерными материалами и технологиями⁵. В их числе было предложение американского неправительственного фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (*Nuclear Threat Initiative, NTI*), деятельность которого направлена на снижение угроз от ядерного, радиологического, биологического и химического оружия, по созданию международного банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ. План NTI предусматривал создание глобального хранилища ядерного топлива на основе низкообогащенного урана (НОУ), который является основным компонентом ядерного топлива для гражданских реакторов. Это дало бы странам возможность покупать

---

⁴ *Eisenhower D. D. Atoms for Peace* // Am. Rhetoric [official website]. Dec. 8, 1953. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhoweratomsforpeace.html> (mode of access: 28.03.2017).

⁵ *Rauf T., Vovchok Z. Fuel for Thought* // IAEA Bulletin [official website]. March 2008. No 2 (49). URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/49204845963.pdf> (mode of access: 28.03.2017).

НОУ-топливо из специального резерва для производства ядерной энергии в обмен на отказ от развития собственных мощностей по обогащению урана. Чтобы воспользоваться услугами банка, потенциальные государства-клиенты должны применять гарантии МАГАТЭ, воздерживаться от эксплуатации установок по обогащению урана или переработке отработавшего топлива, а также полностью соблюдать свои обязательства по нераспространению. Таким образом, глобальный банк ядерного топлива подрывал бы доводы потенциальных государств-пролиферантов о том, что для развития мирных ядерных программ им необходимы собственные обогатительные предприятия. Инициатива была также направлена на обеспечение безопасного и надежного доступа к ядерному топливному циклу под беспристрастным контролем МАГАТЭ в случае сбоев в поставках топлива по политическим или иным мотивам, не связанным с нераспространением⁶.

Предложение NTI получило развитие в сентябре 2006 г., когда американский бизнес-магнат Уоррен Баффет внес первоначальный взнос в размере 50 млн долл. на осуществление плана по созданию банка. Свое пожертвование Баффет обусловил необходимостью привлечь встречное финансирование в размере 100 млн долл. либо в виде эквивалентного количества НОУ для создания запаса топлива. Установленный крайний срок (сентябрь 2008 г.) был продлен на один год по просьбе тогдашнего генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эль-Барадеи. В период с декабря 2007 по март 2009 г. финансовую поддержку проекту оказали США (49 млн долл.), Норвегия (5 млн долл.), ОАЭ (10 млн долл.), Европейский союз (25 млн евро) и Кувейт (10 млн долл.). Таким образом, к оговоренному сроку усилиями целого ряда стран удалось собрать дополнительные деньги, необходимые для создания и эксплуатации банка НОУ. Впоследствии в число доноров вошел и Казахстан, внеся средства в размере 400 тыс. долл. Согласно оценкам, предоставленной донорами суммы, превышающей 150 млн. долл., достаточно на покрытие расходов за первые десять лет деятельности банка НОУ. Следует отметить, что выделения каких-либо средств из регулярного бюджета МАГАТЭ на эти цели не предусмотрено⁷.

После обеспечения финансирования следующим шагом для МАГАТЭ и его государств-членов было принятие решения о ме-

---

⁶ International IAEA LEU Fuel Bank // NTI [official website]. URL: <http://www.nti.org/about/projects/international-nuclear-fuel-bank/> (mode of access: 28.03.2017).

⁷ *Ibid.*

стонахождении, организации и условиях доступа к банку. Как заявил тогда Эль-Барадеи, организационно-правовые рамки деятельности управляемого МАГАТЭ банка ядерного топлива, которые должен одобрить совет управляющих агентства, должны в идеале основываться на следующих трех принципах: 1) любой такой механизм должен быть неполитическим, недискриминационным и доступным для всех государств, соблюдающих свои обязательства по гарантиям; 2) любое предоставление материала должно определяться неполитическими критериями, установленными заранее и применяемыми объективно и последовательно; 3) ни к какому государству не должно предъявляться требование об отказе от своих прав, предоставляемых ДНЯО, в отношении любых частей ядерного топливного цикла⁸.

Предложение Казахстана

Казахстан объявил о своей готовности принять международный банк ядерного топлива в апреле 2009 г. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев публично выступил с этой инициативой в президентской резиденции Акорда на совместной пресс-конференции с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, находившимся с визитом в Астане. Как заявил Назарбаев, Казахстан стал бы подходящим местом для такого хранилища: «Если будет создан банк ядерного топлива, мы могли бы рассмотреть возможность размещения его у нас как в стране, подписавшей Договор о нераспространении и добровольно отказавшейся от ядерного оружия». Президент Назарбаев также отметил, что Иран, как и другие страны, имеет полное право на использование атомной энергии в мирных целях⁹. В свою очередь, Ахмадинежад приветствовал инициативу Казахстана: «Мы считаем, что идея Нурсултана Назарбаева о размещении банка ядерного топлива [в Казахстане] – очень хоро-

---

⁸ Introductory Statement to the Board of Governors by IAEA Director General Dr. Mohamed ElBaradei. Mar. 2, 2009 // IAEA [official website]. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/statements/introductory-statement-board-governors-33> (mode of access: 28.03.2017).

⁹ Президент Нурсултан Назарбаев встретился с Президентом Исламской Республики Иран Махмудом Ахмадинежадом, который прибыл в Астану с официальным визитом. 6 апр. 2009 // Президент Республики Казахстан [официальный сайт]. URL: <http://www.president.kz/ru/events/prezident-nursultan-nazarbaev-vstretilsya-s-prezidentom-islamskoi-respubliki-iran-mahmudom-ahmadinezhadom-kotoryi-pribyl-v-astanu-s-oficialn> (дата обращения: 28.03.2017).

шее предложение»¹⁰. Готовность Казахстана к размещению на своей территории международного банка ядерного топлива Назарбаев подтвердил в 2010 г. на первом глобальном саммите по физической ядерной безопасности в Вашингтоне¹¹.

Согласно сообщениям в прессе, за несколько недель до обнародования соответствующего предложения Казахстан обращался к США, предложив рассмотреть свою кандидатуру в качестве принимающей стороны банка ядерного топлива. Хотя администрация президента Обамы не стала торопиться с принятием окончательного решения, Белый дом выразил неофициальную поддержку этой идее¹². Примечательно, что еще в 2007 г. американский дипломат Лора Холгейт (в то время вице-президент NTI) заявила, что Казахстан мог бы стать местом размещения банка в силу имеющейся ядерной инфраструктуры, положительной репутации в области нераспространения и большого мусульманского населения. Последний фактор, по ее мнению, мог бы сделать выбор в пользу Казахстана более привлекательным с точки зрения незападного мира¹³.

Аргументы в пользу Казахстана

Действительно, несмотря на имевшиеся сомнения в отношении способности Казахстана выступать в роли принимающей страны для особо чувствительного с точки зрения ядерного нераспространения объекта, существовал целый ряд важных факторов, которые говорили в пользу его кандидатуры. Ключевыми из них были развитая ядерная промышленность и готовая инфраструктура, международная репутация и опыт страны в области нераспространения, в том числе действенная национальная система ядерной

¹⁰ *Bhadrakumar M. K.* Obama may cede Iran's nuclear rights. Apr. 10, 2009 // Asia Times Online [website]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/KD10Ak03.html (mode of access: 28.03.2017).

¹¹ Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев принял участие и выступил в рамках дискуссии на Глобальном саммите по ядерной безопасности, проходящем в столице США г. Вашингтоне. 2010. 13 апр. // Президент Республики Казахстан [официальный сайт]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/events/prezident-kazahstana-nursultan-nazarbaev-prinyal-uchastie-i-vystupil-v-ramkah-diskussii-na-globalnom-sammite-po-yadernoi-bezopasnosti-prohod> (дата обращения: 28.03.2017).

¹² *Weisman J., Champion M.* Kazakhstan Offers Nuclear Fuel Deal to US. Apr. 5, 2009 // Wall Street J. [website]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB123894229162890323.html> (mode of access: 28.03.2017).

¹³ *Horner D.* Fuel-Bank Moving in Congress as IAEA Board Meeting Nears // Nuclear Fuel. May 21, 2007.

безопасности и экспортного контроля, а также стратегические отношения с ведущими державами.

После распада СССР в Казахстане на базе советских военных ядерных объектов, в том числе бывшей инфраструктуры Семипалатинского испытательного полигона, был создан Национальный ядерный центр (НЯЦ), который при поддержке государства превратился в ведущую организацию по проведению фундаментальных и прикладных исследований в области мирного использования атомной энергии. Ученые и специалисты НЯЦ решают сложные научные задачи и проводят уникальные работы по ядерной физике и радиационному материаловедению, сейсмологии, безопасности атомной энергетики, радиоэкологической экспертизе и мониторингу. Урановая промышленность страны, которая являлась неотъемлемой частью сложной единой структуры ядерного военно-промышленного комплекса СССР, пришла в упадок в первые годы независимости вследствие разрыва сложившихся хозяйственно-экономических связей. Тем не менее, успешная реализация стратегии развития созданной в 1997 г. национальной компании «Казатомпром», совпавшая по времени с возрождением интереса к ядерной энергии в мире, позволила возродить отрасль. Обладая 12 % мировых запасов природного урана, Казахстан в 2009 г. превратился в ведущего производителя урана, а к 2015 г. сумел увеличить свою долю в мировом производстве с 28 до 39 %¹⁴. В настоящее время Казахстан ставит перед собой амбициозные цели по использованию возможностей мирного атома для создания новой высокотехнологичной отрасли национальной экономики, превращения в одного из ключевых игроков мирового рынка ядерного топлива и укрепления внутреннего научно-технического потенциала.

С момента обретения независимости ядерное разоружение стало одним из основных приоритетов внешнеполитического курса Казахстана. Одним из важных достижений страны, благодаря которому она получила признание на международном уровне, был отказ от статуса ядерной державы. Процесс, который начался в августе 1991 г. с закрытия Семипалатинского полигона, был успешно завершен в апреле 1995 г. с передачей последней из 1410 ядерных боеголовок в Россию. После распада Советского Союза перед Казахстаном также встала задача не допустить «утечки мозгов» и обеспечить сохранность значительного объема ядерных материалов

---

¹⁴ Uranium and Nuclear Power in Kazakhstan // World Nuclear Association [official website]. March 2017. URL: <http://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/kazakhstan.aspx> (mode of access: 28.03.2017).

и технологий. В период с 1992 г. правительство Казахстана добилося существенного прогресса в создании эффективной национальной системы контроля за экспортом чувствительных технологий и материалов, в том числе тех, которые могут быть использованы при производстве ОМУ и средств его доставки. С целью преодолеть продолжающийся застой во всемирном разоруженческом процессе Казахстан регулярно выступает с новыми инициативами, направленными на снижение ядерной угрозы и продвижение к миру, свободному от ядерного оружия. Активная политика Казахстана в этой области не только способствует формированию его положительного имиджа в мировом сообществе, но и призвана вдохнуть жизнь в международный режим ядерного нераспространения и укрепить сотрудничество в сфере обеспечения ядерной безопасности.

Решение присоединиться к ДНЯО в качестве государства, не обладающего ядерным оружием, было непростым для страны, расположенной в потенциально нестабильном взрывоопасном регионе. Статус единственного на тот момент мусульманского ядерного государства мог быть привлекательным для Казахстана, но под жестким давлением США и России и в обмен на обещанную экономическую помощь и гарантии безопасности руководство страны отказалось от ядерного статуса. По всей видимости, именно тогда оно осознало, что ради стабильности и будущего развития Казахстану жизненно важно сотрудничать с ведущими державами по ключевым вопросам международной политики. Поэтому не случайно, что сбалансированные отношения Астаны, в том числе в ядерной области, с Вашингтоном, Москвой и Пекином – тремя ключевыми игроками в Центральной Азии – стали одним из наиболее весомых аргументов в пользу Казахстана при выборе места размещения банка ядерного топлива.

США стали первым государством, которое признало независимый Казахстан, учредило дипломатическую миссию и способствовало вложению инвестиций в его экономику. Казахстан рассматривает США в качестве стратегического партнера в политической и торгово-экономической областях, а наращивание сотрудничества с Вашингтоном воспринимается как важная гарантия его безопасности. В ядерной области двустороннее взаимодействие осуществляется в основном в рамках программ по нераспространению ядерного оружия, укреплению ядерной безопасности и предотвращению терроризма с применением ОМУ. Российская Федерация является приоритетным внешнеполитическим и одним из основ-

ных внешнеэкономических партнеров Астаны, тесное сотрудничество с которым играет важную роль в обеспечении устойчивого развития Казахстана. В последние годы одним из ключевых направлений двусторонних экономических связей становится углубление взаимодействия атомно-энергетических комплексов Казахстана и России. Что касается КНР, то следует отметить, что страна, которая в первые годы независимости считалась основным источником потенциальной военной угрозы для Казахстана, превратилась за последние годы в его ведущего торгово-экономического и инвестиционного партнера. Выступая в качестве основного импортера казахстанского урана, Китай проявляет большой интерес к крупным урановым месторождениям Казахстана. Все три государства обладают передовыми технологиями атомной энергетики полного цикла и практическим опытом их применения, сотрудничество с ними в полной мере отвечает национальным интересам Казахстана и соответствует приоритетам развития страны.

Соглашение между Казахстаном и МАГАТЭ

В декабре 2010 г. Совет управляющих МАГАТЭ одобрил план по созданию банка НОУ, а также критерии, при соблюдении которых государство сможет получить доступ к топливу: (1) государство испытывает затруднения с приобретением ядерного топлива на коммерческом рынке; (2) МАГАТЭ вынесло заключение о том, что весь ядерный материал находится в мирном использовании и не имеет нерешенных вопросов по применению гарантий в государстве; (3) государство заключило соглашение о применении гарантий¹⁵.

В июле 2011 г. Казахстан подал официальную заявку в агентство о намерении разместить объект на своей территории. В заявке были предложены две площадки – Ульбинский металлургический завод (УМЗ) в городе Усть-Каменогорске и площадка № 5 на территории бывшего Семипалатинского испытательного полигона. По результатам технической миссии МАГАТЭ, проведенной в августе-сентябре того же года, предпочтение было отдано УМЗ по причине того, что предприятие располагает необходимой инфраструктурой, удовлетворяющей требованиям долговременного хранения

---

¹⁵ Rauf T. From 'Atoms for Peace' to an IAEA Nuclear Fuel Bank // Arms Control Today [official website]. Oct. 2015. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_10/Features/From-Atoms-for-Peace-to-an-IAEA-Nuclear-Fuel-Bank (mode of access: 28.03.2017).

и обеспечения физической защиты ядерных материалов, имеет более 45 лет опыта работы с НОУ и уже более 20 лет находится под гарантиями МАГАТЭ¹⁶.

Интенсивные переговоры между МАГАТЭ и Казахстаном по правовому режиму и техническим характеристикам банка НОУ продолжались почти четыре года. В июне 2015 г. Совет управляющих МАГАТЭ утвердил проект странового соглашения с Казахстаном, регулирующего создание и функционирование банка, а 27 августа 2015 г. в Астане состоялась церемония подписания соглашения между Казахстаном и МАГАТЭ о создании банка НОУ. Документ, ратифицированный Казахстаном в декабре 2016 г., заключен на десять лет и будет автоматически продлеваться на последующие десятилетние периоды, пока одна из сторон не примет решение не продлевать его действие¹⁷.

В соответствии с соглашением банк НОУ будет находиться в собственности и под контролем МАГАТЭ, а Казахстан будет отвечать за содержание, охрану и безопасность объекта. Банк обеспечит хранение физического запаса НОУ с уровнем обогащения до 4,95 % и объемом до 90 метрических тонн, достаточного для одной полной загрузки легководного реактора мощностью 1000 МВт, в стандартных контейнерах, предназначенных для хранения и транспортировки гексафторида урана (до 60 металлических цилиндров повышенной прочности типа 30B). К банку будут применяться гарантии МАГАТЭ в соответствии с соглашением о всеобъемлющих гарантиях между Казахстаном и МАГАТЭ и дополнительным протоколом к нему¹⁸. Как заявил генеральный директор МАГАТЭ Юкия Аmano, официальный запуск банка НОУ состоится в сентябре 2017 г.¹⁹

¹⁶ Соглашение о Банке ядерного топлива МАГАТЭ ратифицировал парламент. 9 дек. 2016 // Казинформ [официальный сайт]. URL: http://www.inform.kz/kz/soglashenie-o-banke-yadernogo-topliva-magate-ratificiroval-parlament_a2978346 (дата обращения: 28.03.2017).

¹⁷ Agreement between the International Atomic Energy Agency and the Government of the Republic of Kazakhstan regarding the Establishment of the Low Enriched Uranium Bank of the International Atomic Energy Agency in the Republic of Kazakhstan. INF/CIRC/916. Mar. 22, 2017 // IAEA [official website]. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infcircs/2017/infcirc916.pdf> (mode of access: 28.03.2017).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Amano Y. Introductory Statement to the Board of Governors // IAEA. March 6, 2017. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/statements/introductory-statement-to-the-board-of-governors-6-march-2017> (mode of access: 28.03.2017).

В течение всего переговорного процесса шла подготовка системы обеспечения безопасности УМЗ к размещению банка. Было проведено более 20 технических миссий МАГАТЭ, в которых приняли участие международные эксперты, специализирующиеся в различных аспектах обеспечения безопасности ядерной деятельности. Были проведены работы по повышению уровня безопасности склада гексафторида урана УМЗ, укреплению системы физической безопасности и модернизации объектов предприятия, а также исследованию сейсмической активности районов, прилегающих к Усть-Каменогорску. Результатом миссий стали детальные рекомендации по совершенствованию законодательства, нормативной базы, государственной инфраструктуры, регулирования и безопасности в сфере использования атомной энергии Казахстана на основе стандартов МАГАТЭ²⁰.

Следует отметить, что создаваемый банк НОУ МАГАТЭ дополняет Международный центр по обогащению урана, открытый Россией в Ангарске в сентябре 2007 г. 10 % доли этого центра принадлежат Казахстану в лице национальной компании «Казатомпром». В июне 2015 г. МАГАТЭ подписало с Российской Федерацией соглашение о транзите НОУ через российскую территорию, что обеспечило возможность поставок НОУ в банк в Казахстане и обратно в государства, которые потенциально могут стать его клиентами. Ожидается, что аналогичное соглашение будет подписано и с КНР²¹.

Потенциальные выгоды для Казахстана

Существует мнение, что банк ядерного топлива является для Казахстана сугубо имиджевым проектом, который не принесет стране осязаемых политических или экономических выгод. Более того, страна будет нести эксплуатационные расходы, связанные с непосредственным содержанием банка и оплатой труда казахстанского персонала. Действительно, на первый взгляд, единственный положительный результат, который можно извлечь из данного проекта, это дальнейшее укрепление репутации Казахстана как активного сторонника международного режима нераспространения. Однако более глубокий анализ последствий

²⁰ Соглашение о Банке ядерного топлива МАГАТЭ...

²¹ Жантикин : МАГАТЭ и Китай близки к подписанию соглашения о транзите НОУ // РИА «Новости» [официальный сайт]. 2016. 8 апр. URL: <https://ria.ru/world/20160408/1405139375.html> (дата обращения: 28.03.2017).

размещения банка НОУ на территории страны демонстрирует целый ряд потенциальных преимуществ. Прежде всего Казахстан вносит конкретный практический вклад в глобальную ядерную безопасность и нераспространение, что в сочетании с избранием страны непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2017–2018 гг. подчеркивает ее возрастающую роль в мировых делах. Кроме того, укрепляя международную безопасность, Казахстан опосредованно укрепляет и собственную безопасность от вызовов и угроз ядерного распространения. Немаловажно и то, что благодаря размещению у себя стратегического объекта общемирового значения Казахстан создает дополнительные гарантии своей независимости и суверенитета, приобретая весомый политический козырь в отношениях с ведущими державами.

Как отмечалось выше, Казахстан стремится стать одним из лидеров мировой атомной энергетики и производить внутри страны ядерную продукцию более высокого передела с высокой добавленной стоимостью, а не только природный уран. Хотя прямых экономических выгод от размещения банка НОУ не предвидится, этот уникальный проект может придать определенный импульс развитию существующих и потенциальных ядерных производственных мощностей, включая строительство объектов по конверсии урана и производству тепловыделяющих сборок, а также высокотехнологичных производств в смежных отраслях промышленности. Кроме того, создание банка поможет активизировать сотрудничество Казахстана с МАГАТЭ по другим актуальным вопросам использования атомной энергии в мирных целях. При этом прямая коммерческая выгода от банка НОУ возможна при условии, что этот механизм поставок будет задействован на регулярной основе, а Казахстан по результатам тендеров МАГАТЭ станет основным поставщиком уранового сырья для банка ядерного топлива.

Возможные вызовы для Казахстана

В настоящее время главный вопрос заключается в том, насколько хорошо Казахстан готов противостоять возможным вызовам, связанным с выполнением функций принимающей стороны этого чувствительного объекта, который, если его не эксплуатировать, содержать и охранять надлежащим образом, может представлять существенный риск с точки зрения технической и физической ядерной безопасности. Прежде всего руководству Казахстана

необходимо преодолеть высокий уровень радиофобии и серьезное противодействие размещению банка ядерного топлива среди населения, что является результатом негативного воздействия на здоровье и загрязнения окружающей среды, вызванных десятилетиями советских ядерных испытаний. Широкая общественность в Казахстане не проводит какого-либо различия между ядерным топливом и ядерными отходами, и власти должны быть готовы к массовым протестам, организованным экологическими и другими неправительственными организациями. Чтобы смягчить эту проблему, правительству следует начать тщательно продуманную и скоординированную общенациональную кампанию по информированию общественности с целью разъяснения политических, экономических и технологических преимуществ, связанных с реализацией инициативы. Самое главное – это убедить население, что осуществление проекта не окажет отрицательного воздействия на экологическую обстановку и не будет представлять опасности для здоровья людей.

Еще одна проблема заключается в том, что из-за растущих рисков терроризма и экстремизма банк НОУ может стать привлекательной мишенью для террористов или диверсантов. Даже если объект надежно охраняется и оснащен передовыми системами физической защиты, человеческая ошибка или алчность могут привести к нарушениям безопасности. Поэтому реализация данного проекта потребует привлечения значительных ресурсов самого Казахстана, в том числе инвестиций не только в усовершенствованную инфраструктуру безопасности, но и в обучение персонала. Квалифицированные специалисты, хорошо осведомленные о гарантиях в области нераспространения, культуре технической и физической ядерной безопасности, будут необходимы как для эксплуатации банка ядерного топлива, так и для предотвращения/реагирования на возможные угрозы распространения и терроризма.

***

Банк НОУ МАГАТЭ – это международный проект, целью которого является укрепление режима нераспространения ядерного оружия без ущемления прав государств на развитие атомной энергетики в мирных целях. Банк предоставит государствам – членам

МАГАТЭ гарантированный доступ к ядерному топливу в том случае, если они не смогут приобрести НОУ на мировом коммерческом рынке или посредством любых других законных средств. Хранилище НОУ рассматривается как механизм обеспечения поставок в исключительных обстоятельствах, и его деятельность не направлена на нарушение свободной рыночной конкуренции либо на ограничение прав государств – членов МАГАТЭ. Чтобы пользоваться этим недискриминационным механизмом, государства-члены должны полностью соблюдать свои обязательства по нераспространению.

Оснований полагать, что размещение банка ядерного топлива в Казахстане отрицательно скажется на режиме ядерного нераспространения или связано с серьезными рисками безопасности, нет. Весьма маловероятно, что Казахстан будет пытаться незаконно развивать оружейно-ядерный потенциал или передавать чувствительные технологии третьим сторонам. Руководство страны высоко ценит стратегические отношения с ведущими мировыми державами и международный имидж страны как одного из лидеров процесса ядерного разоружения и не будет подвергать риску этот статус, чтобы попасть в разряд «государств, вызывающих обеспокоенность», не говоря уже о «государствах-изгоях». Наоборот, Казахстан попытается извлечь максимум выгод от размещения банка на своей территории. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что такие выгоды не ограничиваются эфемерными имиджевыми приобретениями. Делая конкретный вклад в международные усилия по нераспространению и повышая свою роль в мировых делах, Казахстан также укрепляет национальную безопасность и закладывает основы для поступательного развития атомной промышленности страны.

Часть 4

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР

Глава 14

ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ, 1991–2016

Л. В. Дериглазова, Н. К. Рожановская

В главе рассмотрены особенности восприятия российским обществом ядерных технологий мирного и военного назначения на протяжении последних 25 лет. Среди факторов, которые влияют на общественное восприятие, необходимо отметить изменение статуса атомной отрасли, что отражено в новом российском законодательстве; проблемы советского «ядерного наследия»; вопросы развития атомной энергетики как наукоемкой отрасли; роль ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности и актуальные вопросы, стоящие на повестке дня международного режима нераспространения ядерного оружия. В числе других факторов, оказывающих воздействие на восприятие ядерных технологий, можно назвать состояние международных отношений в целом и отношений России с отдельными государствами, аварии на атомных объектах, военные ядерные программы других стран. Особую роль играет подача всех этих тем в средствах массовой информации в тот или иной отрезок времени.

Можно утверждать, что в России существует национальный консенсус по поводу рисков и преимуществ, связанных с производ-

ством атомной энергии, и важной роли ядерных вооружений в обеспечении национальной безопасности. Общественные настроения россиян в целом схожи с настроениями населения в других странах, развивающих атомную энергетику и/или обладающих ядерным оружием. Сохраняющимся отличием является недостаточно развитое взаимодействие между атомным сектором и обществом. В России на смену полной закрытости сектора пришла государственная монополия, которая стремится сохранить высокий уровень корпоративной непрозрачности, не позволяя общественным организациям оказывать влияние на принятие решений в данной сфере. Другой особенностью является не просто восприятие ядерного оружия как необходимого атрибута российского статуса на мировой арене, а рассмотрение вопросов сохранения, модернизации или сокращения ядерного арсенала в тесной привязке к динамике отношений России с западными странами, и прежде всего с США.

Изменение статуса атомной отрасли и ее отношений с обществом

В рамках данного исследования наша задача состоит в изучении особенностей восприятия российским обществом ядерного фактора, то есть вопросов, связанных с наличием у России и других стран мирных и военных ядерных программ. Период с 1991 по 2016 г. дает возможность проследить на примере одной проблемы влияние внутри- и внешнеполитических событий на российское общественное мнение. Мы исходим из предположения, что комплекс ядерных вопросов не может быть оторван от широкого спектра факторов, определяющих объективное и субъективное ощущение безопасности, причем не обязательно непосредственно связанных с ядерными технологиями. Формулируя проблему предельно компактно, можно сказать, что мы ставим задачу изучить спектр мнений россиян о ядерном оружии и атомной энергетике и выявить наличие или отсутствие общенационального консенсуса по этим вопросам. Изучение данной темы позволяет выявить *факторы*, влияющие на массовую поддержку или оппозицию программам национальных правительств по использованию ядерной энергии в мирной или военной сферах. Даже в политических системах, где реальное влияние граждан на принятие государственных решений ограничено по тем или иным причинам, массовая поддержка важна для реализации внешне- и внутриполитических планов и формирования приоритетов развития страны.

В 2016 г. отмечались 25-я годовщина распада СССР и юбилей раздельного существования 15 республик, входивших в его состав. Для России эти 25 лет стали периодом радикальной трансформации всех сфер жизни, включая такую специфическую отрасль, как атомный сектор, который зарождался в условиях войны и развивался в период следовавшего за ней острого противостояния между странами социалистического и капиталистического блоков, между Востоком и Западом. Как отмечает В. М. Кузнецов, «с момента своего возникновения атомная отрасль в нашей стране находилась на особом режиме: она создавалась прежде всего в военных целях и формировалась в виде закрытой структуры. Отсутствие законодательного регулирования общественных отношений, возникающих в области использования атомной энергии, было последствием тотальной секретности и прошлого правового нигилизма, что усугубляло многочисленные проблемы, связанные с использованием атомной энергии»¹. Для этого сектора на протяжении всего советского периода была характерна абсолютная закрытость, и даже ведомство, отвечавшее за развитие атомной промышленности, носило неопределенное название – Министерство среднего машиностроения.

Изучение современного российского общественного мнения об атомной энергетике и ядерном оружии интересно по нескольким причинам. Во-первых, современная Россия является правопреемницей СССР в области ядерных программ мирного и военного характера и международных договоренностей в этой сфере, однако статус ядерного сектора претерпел изменения в постсоветский период. Во-вторых, после распада СССР общественное мнение стало играть более важную роль в формировании политики на региональном и общероссийском уровне. Не случайно центры по изучению общественного мнения возникают в период перестройки и в начале 1990-х гг.² Общество стало более информировано о проблемах атомной отрасли и рисках неблагоприятного воздействия на окружающую среду и мо-

---

¹ Кузнецов В. М., Назаров А. Г. Радиационное наследие холодной войны: опыт историко-научного исследования / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Рос. Зелен. Крест. М. : Ключ-С, 2006. С. 138.

² ВЦИОМ создан в 1987 г., с 1992 г. – Всероссийский центр изучения общественного мнения. ФОМ – Фонд «Общественное мнение» создан в 1992 г., «Служба “Vox populi” профессора Гришина», «Мониторинг общественного мнения» ИСИ РАН, РОМИР. См.: Мансуров В. А., Петренко Е. С. Изучение общественного мнения в России и СССР // Социология в России : учеб. пособие для студентов вузов / Г. М. Андреева, В. Н. Амелин, Я. Астафьев и др. ; отв. ред. В. А. Ядов; сост. З. Т. Голенкова, В. А. Ядов ; РАН. Ин-т социологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. 695 с. С. 532.

жет выражать свое мнение по поводу планов развития сектора в рамках общественных движений и политического процесса. Кроме того, российское общество традиционно следит за происходящим на мировой арене и имеет доступ к различным источникам информации для формирования представления об угрозах национальной безопасности и средствах преодоления этих угроз.

Можно утверждать, что российской политической элите важен общенациональный консенсус по поводу необходимости сохранения ядерного статуса современной России, который требует значительных усилий по развитию атомной энергетики и поддержанию и модернизации ядерного арсенала. Обладание ядерным оружием нередко называют важнейшим фактором, определяющим положение России на мировой арене и ее сохраняющиеся притязания на статус великой державы. Именно наличие значительного ядерного военного потенциала делает Россию ключевым участником переговоров в многостороннем формате в рамках режима ядерного нераспространения и в двустороннем формате в рамках переговоров с США. Значение ядерных технологий в их мирном приложении также выходит за пределы чисто экономического или энергетического поля. Их часто воспринимают как символ прогресса и свидетельство научно-технической успешности страны. Россия является ведущим игроком на мировом рынке ядерных технологий и услуг, одним из основателей ГЯП и важным членом МАГАТЭ. Она имеет атомный ледокольный флот, развивает ядерную медицину, ведет фундаментальные исследования и прикладные разработки. Сеть специализированных учебных заведений готовит российских специалистов для работы в атомном секторе.

После распада СССР советские ядерные вооружения оказались на территории четырех независимых государств: России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Однако именно Российская Федерация стала правопреемницей Советского Союза, и весь арсенал был в конечном итоге передан ей. Унаследовав международные обязательства Советского Союза, Россия является одним из пяти «государств, обладающих ядерным оружием» в соответствии с ДНЯО³. В период после окончания холодной войны Россия и США заключили ряд соглашений о сокращении ядерных арсеналов, однако до «договора о всеобщем и полном разоружении под строгим

---

³ Договор о нераспространении ядерного оружия // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 20.08.2016).

и эффективным международным контролем» еще далеко, и Россия сохраняет опору на ядерное оружие как средство обеспечения национальной безопасности. В частности, согласно текущей версии Военной доктрины, «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»⁴.

При этом эксперты отмечают, что «российские стратегические силы более открыты, по официальным данным», даже по сравнению с американскими⁵. По информации Стокгольмского института изучения проблем мира, в январе 2015 г. российский арсенал насчитывал порядка 4380 ядерных боезарядов, из них примерно 2430 – стратегические⁶. Идея контроля над вооружениями родилась в эпоху разрядки, от соглашений об ограничении стратегических наступательных вооружений к соглашениям об их сокращении также удалось перейти еще в годы холодной войны. Особенностью же нового периода является относительно высокий уровень открытости информации о ядерном арсенале и его месте в системе обеспечения национальной безопасности. Эксперты комментируют происходящее в этой сфере не только на научных конференциях и в специализированных изданиях, но и в СМИ. Граждане имеют возможность следить за актуальными событиями – от российско-американских переговоров до ситуации вокруг иранской ядерной программы или ядерных испытаний КНДР. Так, например, процесс заключения нового СНВ подробно освещался ведущими российскими телеканалами от стадии переговоров до этапа ратификации.

Со времени своего появления атомная отрасль находилась на особом положении с точки зрения секретности, объемов финансирования, контроля со стороны государства. Фактически отсутствовало какого-либо влияние со стороны общества на эту

---

⁴ Военная доктрина Российской Федерации // Рос. газ. [официальный сайт]. № 6570. 2014. 30 дек. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 20.08.2016).

⁵ Арбатов А. Современные арсеналы государств / Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.

⁶ Russia in World Nuclear Forces // Stockholm Intern. Peace Research Inst. URL: <https://www.sipri.org/research/armaments-and-disarmament/nuclear-weapons/world-nuclear-forces/Russia> (mode of access: 20.08.2016).

отрасль производства. Важным моментом, изменившим характер отношений между обществом и атомным сектором в России, стало принятие законов, регламентирующих деятельность отрасли в соответствии с существующими международным законодательством и стандартами. В 1994 г. Россия подписала Конвенцию о ядерной безопасности⁷, в ноябре 1995 г. был принят федеральный закон «Об использовании атомной энергии», который определил «правовую основу и принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии». Закон «направлен на защиту здоровья и жизни людей, охрану окружающей среды, защиту собственности при использовании атомной энергии, призван способствовать развитию атомной науки и техники, содействовать укреплению международного режима безопасного использования атомной энергии»⁸.

В 1996 г. были приняты федеральные законы «О радиационной безопасности населения» и «О финансировании особо радиационно опасных и ядерно опасных производств и объектов», в 2000 г. – закон «Об административной ответственности организаций за нарушение законодательства в области использования атомной энергии». Важным дополнением к этим законам, фактически закреплявшим право общества влиять на принятие решений в области охраны окружающей среды, в том числе и в контексте развития атомной энергетики, стал федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 15 июля 1995 г. Ст. 2 закона предусматривала порядок проведения государственной и общественной экологической экспертизы, исходя из принципа «презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной или иной деятельности»⁹. Однако в 2000-е гг. этот закон претерпел несколько изменений, которые значительно ограничили право общественных объединений на проведение независимой экспертизы и фактически оставили один обязательный уровень ее проведения – государственный.

В новой России атомная отрасль стала гораздо более открытой для общества. Информация о проблемах отрасли, об авариях, уровне угроз, исходящих от атомного сектора, стала доступной благода-

---

⁷ Convention on Nuclear Safety // IAEA [official website]. URL: <http://www-ns.iaea.org/conventions/nuclear-safety.asp?s=6&l=41> (mode of access: 07.08.2016).

⁸ Об использовании атомной энергии: федер. закон от 21 нояб. 1995 г. № 170-ФЗ // Рос. газ. 1995. 28 нояб. URL: <https://rg.ru/1995/11/28/atomenergiya-dok.html> (дата обращения: 22.08.2016).

⁹ Об экологической экспертизе: федер. закон от 23 нояб. 1995. № 174-ФЗ // Рос. газ. № 232. 1995. 30 нояб.

ря СМИ, в том числе зарубежным¹⁰. С 1989 г. начинается публикация бюллетеня Центра общественной информации по атомной энергии, периодического издания Межведомственного координационного совета по информации и связям с общественностью в области атомной энергии¹¹. Постепенно появляются публикации отечественных специалистов, посвященные истории ядерного сектора в СССР и России, авариям на атомных станциях, последствиям ядерных испытаний. Политика гласности позволила открыть многие ранее почти или совсем не известные страницы из истории атомного сектора¹². В это же время появляются профессиональные публикации специалистов в области атомной энергетики. К обсуждению подключаются и те, кто стоял у истоков советского атомного проекта¹³. Позднее выйдет целая серия биографий и воспоминаний «отцов советской атомной бомбы» и создателей советской атомной энергетики¹⁴. Эти издания также проливают свет на многие сложные вопросы – научные, политические, этические – и знакомят с историей ядерных технологий в их мирной и военной ипостасях. Все это создает новый уровень отношений между обществом, экспертным и профессиональным сообществом, властью и СМИ и формирует контекст для дискуссии относительно национальных ядерных программ военного и мирного характера.

¹⁰ *Porfiriev B. N. Profile: Environmental aftermath of the radiation accident at Toms-7*. N. Y. : Springer-Verlag, 1996.

¹¹ Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии 1996. Спец. вып. Июль // Центр. НИИ управления, экономики и информ. Минатома России / отв. ред. В. Г. Терентьев. М. : Центр обществ. информации по атомной энергии, 1996.

¹² *Булатов В. И.* 200 ядерных полигонов СССР : География радиационных катастроф и загрязнений. Новосибирск : ЦЭРИС, 1993. 88 с. ; Атомный проект СССР: документы и материалы: [в 3 т.] // Федер. агентство по атом. энергии ; [сост. Г. А. Гончаров, П. П. Максименко] ; под общ. ред. Л. Д. Рябева. М. : Наука ; Физматлит, 2005 ; История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования // отв. ред. и сост. В. П. Визгин ; Рос. Акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Вып. 1, 2. М. : Янус-К, 1998, 2002. 392 с., 655 с.

¹³ *Александров А. П.* Как делали бомбу // Известия. 1988. 2 июля ; *Иоффе Б. Л.* Кое-что из истории атомного проекта СССР // Сибир. физич. журн. 1995. № 2. с. 67–87 ; *Харитон Ю. Б.* У истоков ядерного дела // Природа. 1996. № 3–4. С. 144–147 ; *Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н.* Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно // Известия. 1992. 8 дек.

¹⁴ *Академик А. И. Алиханов* : Воспоминания, письма, документы. М. : Физматлит, 2004. 240 с. ; *Юлий Борисович Харитон* : путь длиною в век / Ин-т хим. физики им. Н. Н. Семенова. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2005. 557 с. ; *И. К. Кикоин* – физика и судьба / отв. ред. С. С. Якимов. М. : Наука, 2008. 933 с. Сер. «Памятники отечественной науки. XX век» ; *Яков Борисович Зельдович* (воспоминания, письма, документы) / под ред. С. С. Герштейна и Р. А. Сюняева. изд. 2-е, доп. М. : Физматлит, 2008. 416 с.

Именно на рубеже 1980–1990-х гг. начинается действительно широкое общественное обсуждение вопросов, связанных с настоящим и будущим ядерных технологий в России. В ходе обсуждения принимаются во внимание потенциальная опасность, исходящая от военных программ, и угрозы экологической безопасности, связанные с атомной энергетикой¹⁵. Именно в этот период возникают неправительственные организации, в том числе экологические движения. Появляются инициативные группы тех, кто пострадал в ходе ликвидации чернобыльской аварии, создаются организации жителей закрытых атомных городов, где проблема экологической безопасности была очень острой, но находилась под грифом секретности.

Историография вопроса

В советский период вопросы развития атомной промышленности рассматривались в основном юристами и преимущественно с точки зрения международно-правового регулирования и национального законодательства зарубежных стран. Например, в книге А. И. Иойрыша «Атом и право», опубликованной в 1969 г., представлена информация о различных аспектах правового регулирования атомной промышленности (атомного сырья, радиоактивных изотопов, ядерных судов), о регламентации перевозки ядерных материалов, системе лицензий на использование атомной энергии, регулировании защиты от ионизирующей радиации, правовом обеспечении безопасного удаления радиоактивных отходов, открытиях и патентах в области атомной энергии, гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб, уголовно-правовой ответственности за нарушение атомного законодательства. Однако показательным является тот факт, что в этой книге рассмотрены только международные договоры и законодательство капиталистических стран – Великобритании, Бельгии, Италии, Канады, США, ФРГ, Финляндии, Франции, Швейцарии

---

¹⁵ Будущее атомной энергетики: за и против : Реферативный сборник: специализированная информация по социально-экологическим проблемам атомной энергетики / отв. ред. А. И. Панченко. М. : ИНИОН АН СССР, Центр. науч.-исслед. ин-т информации и технико-эконом. исслед. по атомной науке и технике ; Межвед. Совет по информации и связям с общественностью в области атомной энергии ; Центр обществ. информации, 1990. 226 с. ; Будущее атомной энергетики: за и против : Сб. материалов: специализированная информация по социально-экологическим проблемам атомной энергетики. Вып. 4./ отв. ред. А. И. Панченко. М. : ИНИОН РАН СССР, М-во РФ по атомной энергии ; Упр-е по информации и связям с общественностью, 1992. 226 с.

и Японии. Правовое регулирование атомного сектора в СССР не обсуждалось, а политика СССР была представлена как направленная на развитие недискриминационного международного сотрудничества в сфере мирного использования ядерной энергии¹⁶.

В советский период исследования военных ядерных программ западных стран были написаны с очевидной идеологической пристрастностью¹⁷. Публиковались также переводы книг зарубежных авторов, характерной особенностью которых было выражение критического отношения к ядерным программам западных стран. Такие публикации, тем не менее, сопровождались дополнительными комментариями и разъяснениями по поводу «неправильных оценок» советских целей и политики¹⁸. Ядерные военные программы стран Запада преподносились как имеющие исключительно агрессивный характер, а политика СССР оценивалась как миролюбивая и направленная на всеобщее ядерное разоружение, которому препятствуют западные страны и монополистические объединения. В СССР изучались антивоенные движения в западных странах, но почти не изучалось отношение советского общества к ядерным программам или сама история развития этого сектора и его современное состояние¹⁹. В тот период тема общественного мнения о ядерном оружии была предметом исследования преимущественно в западных странах, обладающих этим оружием.

¹⁶ Иойрыш А. И. Атом и право. М.: Междунар. отношения, 1969. 219 с. С. 21–25.

¹⁷ См., например: Петросьянц А. М. Атом не должен служить войне : Атомистика в древности и в наши дни. М. : Политиздат, 1986. 188 с.

¹⁸ Алперовиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам : О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом / сокр. пер. с англ. В. Э. Петровского и др. М. : Междунар. отношения, 1968. 269 с. ; Гольдшмидт Б. Атомная проблема : Политические и технические аспекты. М. : Атомиздат, 1964. 175 с. ; Рэн Ф. Атомная проблема / пер. с фр. А. Г. Бубновского. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 127 с.

¹⁹ Антивоенное движение в Северной Америке и Западной Европе: тенденции, проблемы, перспективы / отв. ред. Ю. А. Замошкин. М. : Междунар. отношения, 1980. 208 с. ; Загладин Н. В. Антивоенное движение сегодня // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 6 ; Климов Ю. М. Антивоенное движение под прицелом спецслужб. М. : Мысль, 1984. 220 с. ; Разум против безумия (социально-экономические аспекты новых массовых движений) / М. К. Бункина, Ю. М. Климов, В. В. Мотылев. М. : Мысль, 1987. 252 с. ; Рогов С. М. Поворотный пункт в ядерной конфронтации // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 1. С. 4–17 ; Современное антивоенное движение / под ред. П. Н. Федосеева. М. : Наука, 1987. 124 с. ; Трудящиеся массы и антивоенное движение : О новых массовых демократических движениях в развитых капиталистических странах / отв. ред. И. К. Пантин. М. : Наука, 1988. 224 с. ; Филин И. Антивоенное движение: новые условия, новые вопросы // Век XX и мир. 1988. № 3. С. 9–14 ; Яковлев Н. Н. Война и мир по-американски (традиции милитаризма в США). М. : Педагогика, 1969. 128 с. ; Яковлев А. П. От Трумэна до Рейгана : Доктрины и реальности ядерного века. М. : Молодая гвардия, 1988. 416 с.

В современной отечественной науке представлены разнообразные исследования, которые обращены к изучению общественного мнения о таких проблемах, как советское ядерное наследие, будущее атомной энергетики, экологические проблемы атомной отрасли, значение ядерного оружия, перспективы ядерного разоружения. Периодические опросы общественного мнения, которые проводят исследовательские центры, позволяют сделать обзор отношения россиян к ядерным программам России и других стран. Колебания в настроениях граждан можно проследить благодаря работе российских центров изучения общественного мнения: ВЦИОМ, Левада-центра, РОМИР, Фонда «Общественное мнение». В 1999 и 2006 г. Центр политических исследований (ПИР-Центр, Москва) проводил специальные опросы, посвященные отношению россиян к ядерному оружию. Кроме того, проблема ядерной безопасности и мнения экспертов и широких слоев общества являются предметом локальных исследований²⁰.

Опросы общественного мнения являются достаточно интересным, хотя и неоднозначным источником представлений об отношении населения к той или иной проблеме. Существует определенный скепсис по поводу количественных методов исследования и того, насколько массовые опросы и существующая методология отражают реальные представления общества. Отношение к ядерному оружию и атомной энергетике имеет свою специфику. Оно является отражением страхов, реальных или транслируемых через СМИ подвержено влиянию эмоциональных факторов. Когда речь идет о таком сложном научно-техническом и политическом феномене, как ядерные технологии в их мирном или военном воплощении, общественное сознание может легко стать объектом манипуляции со стороны как официальной пропаганды, так и неправительственных сил. Кроме того, такой многогранный феномен не может не порождать противоречивых оценок.

²⁰ Ахтамзян И. А. Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения: всерос. социол. опрос. Докл. ПИР-Центра. М. : Права человека, 2006 ; Тихонов В. Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность. М. : Моск. центр Карнеги. 2000. 95 с. ; Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах : докл. ПИР-Центра. М., Б. и. 2000 ; Дронишинец А. Н. Общественное мнение России и Японии о развитии ядерной энергетики : социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008. 149 с. ; Дронишинец Н. П., Носырев Н. А. Ядерная безопасность, ядерные угрозы и ядерное нераспространение в структуре ценностей российских студентов // Фундаментальные исследования. 2005. № 2. С. 60–63. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5738> (дата обращения: 20.08.2016).

Учитывая особенности общественного мнения и его изучения, мы используем зарубежные и отечественные исследования, помогающие включить рассматриваемую проблему в более широкий концептуальный контекст. Это позволяет не только сделать вывод о факторах влияния на общественное мнение по ядерным вопросам, но также выявить, насколько специфичным является российское общественное мнение по сравнению с другими странами. Зарубежная историография отношения общества к ядерной проблематике разнообразна и сконцентрирована вокруг нескольких тем: антивоенные движения и их роль в ядерном разоружении; ядерное сдерживание и баланс сил в международных отношениях; этические вопросы применения ядерного оружия; массовые алармистские настроения в отношении ядерных военных программ; атомная энергетика; международное сотрудничество в области ядерной безопасности²¹. Политологов также интересуют вопрос выбора страны в пользу развития или отказа от ядерной программы, процесс формирования или разрушения общенационального консенсуса, а также факторы, влияющие на отношение общества к мирным и военным ядерным программам, включая политический процесс²². Российские исследователи сейчас являются частью международного академического сообщества и публикуют свои работы на иностранных языках, что позволяет рассматривать их как часть международного обсуждения значимых проблем²³.

²¹ *Nehring H.* Cold War, Apocalypse and Peaceful Atoms : Interpretations of Nuclear Energy in the British and West German Anti-Nuclear Weapons Movements, 1955–1964 : Historical Social Research // *Historische Sozialforschung*. Vol. 29, no. 3 (109) ; *The Frontiers of Environmental History / Umweltgeschichte in der Erweiterung* (2004). P. 150–170 ; *Paul T. V.* Nuclear Taboo and War Initiation in Regional Conflicts // *The J. of Conflict Resolution*. Vol. 39, no. 4. Dec., 1995. P. 696–717 ; *Rosi E. J.* Mass and Attentive Opinion on Nuclear Weapons Test and Fallout, 1954–1963 // *The Public Opinion Quarterly*, Vol. 29, no. 2. Summer, 1965. P. 280–297 ; *Sagan S. D.* Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb // *Inter. Security*. Vol. 21, no. 3. Winter, 1996–1997. P. 54–86.

²² *Krieger Z., Roth A. I.* Nuclear Weapons in Neo-Realist Theory // *Intern. Studies Rev.* Vol. 9, no. 3. Autumn, 2007. P. 369–384 ; *Kugler J.* Terror without Deterrence : Reassessing the Role of Nuclear Weapons // *The J. of Conflict Resolution*. Vol. 28, no. 3. Sept., 1984. P. 470–506 ; *Sagan S. D.* Why Do States Build Nuclear Weapons?: Three Models in Search of a Bomb // *Intern. Security*. Vol. 21, no. 3. Winter, 1996–1997. P. 54–86 ; *Sims B., Henke C. R.* Repairing credibility : Repositioning nuclear weapons knowledge after the Cold War // *Social Studies of Science*. Vol. 42, no. 3. June, 2012. P. 324–347.

²³ См., например: *Kashpur V. V., Afanasieva D. O. et. al.* Public attitude to the development of nuclear power industry and ecological risks (the case of the Tomsk region) // *Intern. J. of Environmental Studies*. 2015. Vol. 72, № 3. P. 592–598.

Отношение россиян к ядерной энергии

Завершение холодной войны породило надежды на уменьшение конфронтации и возможность всеобщего мира на условиях кооперативной безопасности. Отношение к ядерному оружию, которое выступало в период биполярного равновесия в качестве ключевого элемента системы сдерживания, также претерпело изменения. Можно сказать, что первый период после окончания холодной войны был отмечен усилением тенденций в пользу укрепления институтов и механизмов международной безопасности и оптимизмом в отношении планов разоружения, в том числе ядерного. Однако за этим последовали кризис в международном режиме ядерного нераспространения, модернизация ядерных арсеналов и возрастание роли ядерного оружия в национальных доктринах. Противоречивость и неоднозначность тенденций в этой сфере как в зеркале отразились в общественном сознании граждан России – одной из пяти официальных ядерных держав.

Отношение общества к ядерным технологиям отражает их двойственность – возможность применения как в мирных, так и в военных целях. Специфику общественного мнения в той или иной стране нередко определяет наличие или отсутствие у нее соответствующей программы. В государстве, обладающем или стремящемся обладать ядерным оружием, ядерный арсенал может рассматриваться как источник стабильности и необходимый элемент обеспечения национальной безопасности. В странах, не обладающих ядерным оружием, его наличие у других государств или стремление его создать воспринимаются как угроза безопасности. Мирная ядерная программа является результатом экономического и технологического развития страны и, соответственно, индикатором успешности. Атомная энергетика нередко рассматривается как важный источник «чистой энергии» в противоположность традиционным источникам (углю, газу, нефти), запасы которых конечны, а широкое использование является причиной парникового эффекта и загрязнения окружающей среды. Однако именно негативные экологические последствия развития ядерных проектов становятся главным источником страхов населения.

Настороженное отношение к мирному атому

В настоящее время в России действуют десять атомных электростанций и 35 энергоблоков, которые обеспечивают почти 18 % электроэнергии в стране²⁴. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» работает «во всех сегментах ядерного топливного цикла, от добычи урана до вывода из эксплуатации ядерных объектов». Атомная отрасль России стала особенно стремительно развиваться в последнее десятилетие, и сейчас «Росатом» реализует десятки проектов внутри страны и за рубежом, являясь одним из трех мировых лидеров по добыче урана, по производству ядерного топлива (третье место в мире) и по количеству действующих энергоблоков (четвертое место в мире)²⁵. По данным на 2014 г., корпорация насчитывала 258 тыс. сотрудников. Помимо них, «Росатом» существенно влияет на жизнь почти 3,3 млн жителей десяти городов, рядом с которыми расположены АЭС, десяти так называемых ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований), более 70 муниципальных образований в 37 регионах России.

В России на протяжении всего рассматриваемого периода можно отметить настороженное отношение населения к вопросам безопасности производства атомной энергии. Факторами влияния являются память о серьезных авариях на АЭС (Чернобыль в 1986 г. и «Фукусима» в 2011 г.). Кроме того, эта настороженность связана с большим «советским наследием» атомного сектора, нерешенными проблемами оздоровления зараженных территорий и поиска безопасного и долгосрочного способа захоронения отходов ядерного производства²⁶. В условиях стремительного развития отрасли эти проблемы, а также уменьшение влияния общественных организаций и ограничение права на общественную экологическую экспертизу значительно повышают скепсис населения и недоверие к официальной информации.

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в апреле 2007 г., проблема загрязнения окружающей среды оценивалась как крайне острая: 57 % респондентов негативно оценили экологическую

---

²⁴ Генерация электроэнергии // Росатом [официальный сайт]. URL: <http://www.rosatom.ru/production/generation/> (дата обращения: 21.08.2016).

²⁵ Росатом. Годовой публичный отчет // Росатом [официальный сайт]. 2014. URL: http://archive.rosatom.ru/resources/0940a3004a03de62b0dff9e03862a3e4/anrep_rosatom_2014_public.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

²⁶ Кузнецов В. М. Радиационное наследие холодной войны.

обстановку в месте своего проживания, в их числе 47 % респондентов считали её скорее неблагоприятной, и 10 % – очень плохой, близкой к катастрофической. Среди наиболее опасных источников загрязнения окружающей среды были названы «транспортировка и захоронение радиоактивных отходов» – 36 % и «атомные электростанции» – 31 %, на первом месте были отмечены «промышленные предприятия» (41 % респондентов)²⁷. По данным ВЦИОМ, актуальность фактора радиоактивных загрязнений в апреле 2016 г. оказалась значительно ниже, чем 26 лет назад (6 % против 30 %)²⁸.

Большинство россиян в начале 2000-х гг. опасались, что ядерные объекты могут стать целью диверсий со стороны террористов: 90 % в 2000 г. и 84 % в 2006 г.²⁹ Кроме того, в 2000 г. был зафиксирован высокий уровень озабоченности возможностью хищения ядерных материалов с российских ядерных объектов: 83 % респондентов полагали, что это возможно, 10 % – что невозможно. Такое отношение, по мнению социологов, отражало «стереотип несунув», который сложился в СССР и продолжал действовать в России: «с места своей работы можно унести все, что угодно»³⁰. При этом ВЦИОМ приводит данные о значительном уменьшении опасений терактов против атомных электростанций за последние десять лет³¹.

Самую большую обеспокоенность россиян вызывала возможность повторения аварий, подобных аварии на Чернобыльской АЭС. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в результате перестройки и гласности, а также под влиянием чернобыльской аварии было заморожено строительство целой серии АЭС: в Татарстане, Башкирии, в Крыму, Воронеже, Нижнем Новгороде, Костроме. Некоторые специалисты отмечали в начале 2000-х гг. наличие у россиян радиофобии – немотивированного страха перед любыми ядерными технологиями. Согласно данным Фонда «Общественное мнение», в 1995 г. 45 % респондентов опасались повторения такой

²⁷ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 669. Экономика против экологии? 2007. 09 апр. // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/4354.html> (дата обращения: 15.08.2016).

²⁸ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3093. 26.04.2016 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115670> (дата обращения: 15.08.2016).

²⁹ Ахтамзян И. А. Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения : всерос. социол. опрос. С. 6, 34.

³⁰ Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах : докл. ПИР-Центра. М. : Права человека, 2000. С. 42, 45.

³¹ Что угрожает России? : ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2651. 19.08.2014 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114941> (дата обращения: 15.08.2016).

аварии, 36 % были не уверены, и только 4 % полагали, что ничего подобного не может случиться³². Согласно исследованиям Левада-центра, большая часть россиян понимала необходимость развития атомной энергетики, однако значительное число респондентов считали «очень или довольно вероятным повторение» в России катастрофы, подобной чернобыльской: 68 % респондентов в 2000 г., 76 % – в 2001 г., 59 % – в 2006 г., и 56 % – в 2011 г. Только в апреле 2016 г. число тех, кто не опасался повторения аварии, стало больше, чем тех, кто боялся этого: 46 % против 33 %³³.

Авария на АЭС «Фукусима» в марте 2011 г. вновь усилила страх россиян перед развитием атомной энергетики. Согласно исследованиям ВЦИОМ, только 16 % опрошенных в 2011 г. поддерживали увеличение числа атомных станций, в 2012 г. – 27 %. Аналогичный показатель был зафиксирован и в 2006 г. За развитие отрасли высказывались молодые (32 %) высокообразованные россияне – 31 %, жители городов-миллионников, крупных и средних городов – 30–33 %. Оставить число станций на прежнем уровне предлагали 45 % респондентов в 2011 г. и 38 % в 2012 г., в основном это были москвичи и петербуржцы – 53 %. При этом 26 % россиян считали, что число таких объектов надо сокращать, и такое мнение было распространено среди респондентов с низким уровнем образования – 31–33 % и жителей сельской местности – 34 %. Большинство опрошенных не считали, что современные атомные электростанции являются достаточно безопасными: 57 % в 2012 г. и 45 % в 2011 г. Причем такой позиции придерживаются жители средних городов – 69 %. Противоположное мнение высказывают 35 % россиян, чаще всего москвичи и петербуржцы и жители крупных городов – 42 %. Потенциальная возможность строительства атомной электростанции в регионе проживания по-прежнему пугает большинство россиян. Доля тех, кто не поддержал бы такую инициативу, сократилась с 82 % в 2011 г. лишь до 74 % в 2012 г. Против строительства выступили бы прежде всего женщины и жители средних городов – 78 %. Самую низкую степень поддержки строительству АЭС выразили жители двух федеральных округов – Уральского (15 %) и Сибирского (12 %), на территориях которых находит-

---

³² Считаете ли вы вероятным повторение такой же аварии, как на Чернобыльской АЭС? // ФОМ [официальный сайт]. 1995. 28 апр. URL: http://bd.fom.ru/report/map/finfo/finfo1995/of1995_16/of19951601 (дата обращения: 10.08.2016).

³³ Чернобыльская катастрофа // Левада-Центр [официальный сайт]. 22.04.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/04/22/chernobylskaya-katastrofa/> (дата обращения: 20.09.2016).

ся большое количество объектов, связанных с военной ядерной программой, производством, переработкой и захоронением ядерных отходов. Лояльное отношение к возможности строительства АЭС в регионе своего проживания выразили только 18 % респондентов, причем, как отмечено в исследовании, это самый высокий показатель за весь период измерения. Такое отношение характерно для мужчин (23 %) и жителей крупных городов (24 %)³⁴.

Оценивая общее отношение россиян к развитию атомной энергетики в стране, можно привести недавний опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» 29 апреля 2016 г., то есть в тридцатую годовщину чернобыльской аварии. На открытый вопрос «Что хорошего, на ваш взгляд, приносит России развитие ядерной энергетики?» затруднились ответить 51 % респондентов; 16 % полагали, что это «доступное электричество, свет, тепло»; по 9 % получили два ответа: «безопасность, укрепление военного потенциала, обороны страны» и «экономическое развитие, финансовая выгода»; 8 % ответили, что «ничего хорошего». На вопрос «Что плохого приносит России развитие ядерной энергетики?» 40 % респондентов затруднились ответить и 13% ответили, что «ничего плохого». 20 % респондентов назвали среди негативных последствий «загрязнение окружающей среды», 8 % – «опасность аварий, катастроф», 6 % – «опасную отрасль в целом», 5 % – «вредное влияние на здоровье людей», 4 % – «проблему захоронения ядерных отходов». Этот же опрос выявил улучшение отношения населения к атомному сектору в целом за последние десять лет. В феврале 2006 г. 39 % респондентов считали, что «развитие ядерной энергетики приносит России больше хорошего», 25 % считали, что «больше плохого», 36 % затруднились ответить. А в апреле 2016 г. 51 % были настроены положительно, 16 % – отрицательно, 33 % не определились. Возможность строительства АЭС вблизи места жительства по-прежнему не вызывает энтузиазма среди россиян: отрицательно к этой идее относились 72 % в 2006 г., 82 % в 2011 г. (после аварии на «Фукусиме») и 73 % в апреле 2016 г.³⁵

Данные опросов показывают, что атомная энергетика вызывает смешанные чувства у многих россиян, но совершенно точно,

---

³⁴ «Развивать нужно, но подальше от нас» // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2010. 2012. 26 апр. [официальный сайт] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112751> (дата обращения: 30.04.2012).

³⁵ Последствия Чернобыля и ядерная энергетика // Фонд «Общественное мнение» [официальный сайт]. 20016. 29 апр. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12627> (дата обращения: 10.08.2016).

что они опасаются размещения атомных объектов в непосредственной близости от места их жительства. Необходимы реальные шаги со стороны атомного сектора по обеспечению действительно безопасного функционирования атомных объектов и лучшему информированию общества о планах по расширению производства. Активное сотрудничество атомного сектора с населением регионов, где находятся или строятся новые объекты, могло бы способствовать решению проблем развития территорий и обеспечения экологического благополучия на условиях равного и заинтересованного участия.

Изучение отношения общества к атомной энергетике в других странах позволяет увидеть, что опасения россиян не являются чем-то уникальным. Например, США обладают самой большой атомной отраслью в мире, здесь действуют 100 энергоблоков (реакторов), производящих 20 % электроэнергии в стране³⁶. Учет общественного мнения необходим политической элите для принятия решений и важен для развития отрасли. Исследование о будущем ядерной энергии, проведенное Массачусетским технологическим институтом в 2003 г., показало, что общество достаточно скептически относится к развитию ядерного сектора. Главные проблемы развития отрасли связаны со страхом общества перед повторением крупных аварий на АЭС³⁷, возможностью терактов и нерешенностью проблемы безопасного хранения радиоактивных отходов. Данное исследование также зафиксировало любопытное отличие опросов американцев от опросов россиян или европейцев – отсутствие связей между ответами и возрастом, полом, политическими взглядами или доходами респондентов (социо-демографические корреляции)³⁸.

³⁶ Power reactors // United States Nuclear Regulatory Commission [official website]. URL: <http://www.nrc.gov/reactors/power.html> (mode of access: 10.08.2016).

³⁷ Эта общая тенденция увеличения обеспокоенности по поводу возможности повторения крупных аварий на АЭС опровергается только в статье М. Линделла и Р. Перри, выводы которых опирались на статистический анализ ответов респондентов из Вашингтона. Опросы были проведены за пять месяцев до чернобыльской аварии и один месяц спустя. Корректность выводов этого исследования вызывает сомнение из-за значительного сокращения числа респондентов (почти в два раза) между первым анкетированием (128 ответов, или 63 % от общего числа отобранных респондентов методом случайной выборки, и 69 ответов из тех респондентов, кто ответил на первую анкету). См.: *Lindell M. K., Perry R. W. Effects of the Chernobyl accident on public perceptions of nuclear plant accident risks // Risk Analysis. Vol. 10, no. 3. 1990. P. 393–399.*

³⁸ The Future of Nuclear Power // Interdisciplinary. MIT study. 2003. P. 9, 71–72. URL: <http://web.mit.edu/nuclearpower/pdf/nuclearpower-full.pdf> (mode of access: 03.08.2016).

Страны – члены ЕС представляют собой еще одного важного игрока на мировом рынке атомной энергии. Примечательно, что в результате одного из первых интеграционных договоров, заключенных в 1957 г., было создано Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). При этом в странах ЕС существует большое разнообразие подходов к решению вопросов безопасности и развития национальной атомной энергетики, а общественное мнение имеет важное значение в принятии решений. В 15 странах ЕС действует 131 реактор. Эти реакторы производят 27 % всей генерируемой в Евросоюзе электроэнергии, и в атомном секторе работает 800 тыс. человек³⁹.

Изучение отношения европейцев к радиоактивным отходам в 2008 г. показало полярное разделение общества по поводу ядерной энергии: 45 % респондентов высказались против, и 44 % – за⁴⁰. Любопытно, что во Франции, где объем электроэнергии, производимой на АЭС, составляет почти 80 %, большинство граждан (65 %), согласно опросу 2010 г., не верили в возможность безопасного захоронения радиоактивных отходов. Именно эта проблема вызывает наибольшее сопротивление планам развития атомной энергетики среди европейцев. 92 % респондентов считали, что решение этой проблемы необходимо найти сейчас, не оставляя ее будущим поколениям, 81 % высказались против любых политических решений, которые бы откладывали рассмотрение этого вопроса, а 79 % полагали, что любое откладывание принятия решений в большинстве стран означает отсутствие безопасных технологий хранения высокорadioактивных отходов⁴¹.

Опрос, посвященный проблеме ядерной безопасности, показал, что большинство европейцев – 53 % в 2006 г. и 51 % в 2009 г. – полагали, что риски превышают выгоды от использования ядерной энергии; наоборот считали 33 и 35 % респондентов соответственно⁴². Согласно данным исследования «Отношение общества к ядерной энергии», проведенного в 2010 г. Агентством по ядерной энергии ОЭСР, только незначительное количество европейских респондентов поддержива-

³⁹ What people really think about nuclear energy // Europ. Atomic Forum. Brussels, 2014. P. 5.

⁴⁰ Attitudes towards radioactive waste // Special Eurobarometr [official website]. № 297. 2008. P. 5 URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_297_en.pdf (mode of access: 03.08.2016).

⁴¹ Public attitudes to Nuclear power // OECD. 2010. Nuclear Energy Agency. № 6859. P. 29–30.

⁴² Europeans and Nuclear Safety // Special Eurobarometr [official website]. № 324. 2010. P. 40. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_324_en.pdf (mode of access: 03.08.2016).

ли развитие АЭС в своих странах – 20 % в 2010 г., а 37 % были против. Несмотря на общее понимание необходимости развития атомной энергетики для решения проблемы дефицита и диверсификации источников энергии, 53 % респондентов полагали, что риски отрасли преобладают над преимуществами. Респонденты высказали наибольшее доверие информации по проблемам ядерной безопасности, исходящей от ученых, – 71 %, экологических организаций или объединений потребителей – 64 %, национальных ведомств по ядерной безопасности – 51 %, энергетических компаний, которые управляют АЭС, – 46 %. Доверие к СМИ и национальным правительствам было низким – 31 и 29 % соответственно⁴³.

Опрос, проведенный по заказу МАГАТЭ в 2005 г. в 18 странах, включая Россию, показал скорее низкий уровень поддержки развития атомной энергетики: 34 % респондентов высказались за использование имеющихся АЭС, но без увеличения их числа, 28 % считали, что ядерная энергия безопасна, и поддерживали строительство новых станций, 29 % полагали, что атомная энергетика является опасной, и в целом 59 % респондентов не поддерживали строительство новых АЭС. Этот опрос показал, что европейцы испытывают больше опасений по поводу ядерной энергии, чем жители других регионов мира. В большинстве стран жители опасались терактов в отношении атомных объектов (54 % в целом), самый высокий уровень беспокойства был выявлен в Японии – 79 %, России – 63 %, Индонезии – 62 %, Германии – 60 %, Франции, Мексике и Марокко – по 57 %, США – 56 %⁴⁴.

Стоит обратить внимание на то, что правительства и независимые агентства, связанные с атомным сектором, уделяют большое внимание работе с общественностью, вовлекая ее в обсуждение планов развития атомной энергетики и проблемы радиоактивных отходов. В России эта деятельность началась относительно недавно. Главным ее проводником является госкорпорация «Росатом», которая проводит мероприятия, направленные на улучшение имиджа ядерной энергетики, пропагандирует свою экологическую деятельность, реализует социальные проекты для жителей населенных пунктов, расположенных вблизи атомных объектов⁴⁵.

---

⁴³ Public attitudes to Nuclear power. P. 22–26, 32.

⁴⁴ Ibid. P. 37.

⁴⁵ Редчикова Н. А. Корпоративная социальная ответственность и публичная отчетность организаций атомной отрасли // Актуальные вопросы экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых с междунар. участием, 5–6 дек. 2013 г. Томск : Томск. гос. ун-тет, 2014. С. 489–495.

В 2008 г. «Росатом» создал сеть информационных центров по атомной энергии, которые сейчас действуют в 22 городах России⁴⁶. Согласно официальному сайту «Росатома», «их задача – просвещение в области ядерных технологий, популяризация науки и инноваций среди школьников, их родителей, студентов и педагогов»⁴⁷.

Кроме того, следует отметить, что в последние десять лет создается, по сути, корпоративный образовательный комплекс с привлечением к обучению студентов из городов, привязанных к атомному производству, что рассматривается как способ формирования особой лояльности среди молодежи закрытых городов к атомному сектору при сохранении его обособленности от общества в целом⁴⁸.

В российской исследовательской литературе можно встретить попытки теоретизации вопросов формирования положительного образа атомной промышленности через введение концепции «обогащенного общественного мнения»⁴⁹. Суть подхода заключается в просветительской работе с группами респондентов после проведения первичного опроса об отношении к атомной энергетике и затем в проведении повторного опроса и фиксации изменения отношений. Термин «обогащенное общественное мнение» был предложен российскими авторами как эквивалент англоязычного термина *deliberative democracy*⁵⁰. Однако нам представляется некорректной предложенная методология, так как при таком подходе делается попытка заменить существующий в социологии метод проверки данных с помощью контрольных групп при проведении

---

⁴⁶ Информационный центр атомной отрасли [официальный сайт]. URL: <http://www.miatom.ru/сеть-ицэз/> (дата обращения: 03.08.2016).

⁴⁷ Росатом : информационные центры [официальный сайт]. URL: <http://www.rosatom.ru/about-nuclear-industry/centers/> (дата обращения: 05.08.2016).

⁴⁸ Ядерно-техническое образование в закрытых атомных городах России : (Системный подход) / А. Н. Жиганов, С.А. Карпов, Б. М. Кербель и др. Северск : СГТИ, 2004. 186 с. ; Кербель Б. М., Попова И. Г. Многоуровневая подготовка специалистов в корпоративном ядерном университете // Участие вузов России в Болонском процессе: проблемы и перспективы : материалы регион. семинара, 2–3 нояб. 2006 г., Томск. Томск : Изд-во ТГУ, 2006. С. 35–40 ; Жиганов А. Н., Карпов С. А. Университетский комплекс Росатома как инструмент региональной деятельности вуза и его социальных партнеров по формированию кадрового резерва отрасли // IX Всесибирский инновационный форум, 11–13 окт. 2006 г., г. Томск. Тверь : Тверской инноцентр, 2007. С. 247–255.

⁴⁹ Дронищинец А. Н. Формирование положительного общественного мнения об атомной энергии: проблемы методологии // Фундаментальные исследования. 2006. № 1. С. 71.

⁵⁰ Докторов Б. З. Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения // Социальная реальность. 2007. № 10. С. 83.

эксперимента. По сути, речь идет о формировании общественного мнения и фиксации этих изменений после работы с группами респондентов. Подобную методику использовали сторонники «ядерного просвещения» в США в 1980-е гг. в рамках движения «Фриз», которые выступали за замораживание ядерных арсеналов и разработок⁵¹. Для темы ядерной безопасности, особенно с учетом наличия термина «обогащение», этот подход может рассматриваться как удачный маркетинговый ход, помогающий формировать положительный образ атомного сектора у населения, но никак не может являться научным методом изучения общественного мнения.

По нашему мнению, главными препятствиями на пути успешного развития атомной энергетики и повышения доверия общества к безопасности ядерных объектов в России остаются большой запас нерешенных проблем советского периода, сохранение закрытости многих атомных проектов, недостаточно открытое проведение общественного обсуждения новых проектов развития отрасли, реализация коммерческих проектов по утилизации отработанного ядерного топлива и его захоронения на территории России без получения должного одобрения со стороны общества⁵². Стоит отметить существующее напряжение между руководителями отрасли и общественными движениями и обществом в целом. Это выражается в крайне отрицательном отношении отрасли к экологическим движениям, выступающим против ее проектов, в обвинениях общества в неграмотности, политических партий – в ангажированности, а СМИ – в манипуляциях страхами⁵³. «Росатом» на уровне официальных документов декларирует курс на большую открытость и диалог с общественностью, но ни корпоративная культура, унаследованная со времен Министерства среднего машиностроения, ни общественно-политический климат в стране не способствуют успешной реализации заявленных целей.

Общественность получила возможность влиять на решение ядерных проблем в России в 1990-е гг. благодаря принятию за-

---

⁵¹ Дериглазова Л. В. Участие антиядерного движения в формировании взглядов молодежи по вопросам войны и мира в США 1980-е годы: мотивы, формы, достижения // Вестн. Томск. гос. ун-та. № 276. Март 2003. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. Томск, Изд-во ТГУ. С. 21–38.

⁵² Kashpur V. V., Afanasieva D. O. et. al. Public attitude to the development of nuclear power industry and ecological risks (the case of the Tomsk region) // Intern J. of Environmental Studies. 2015. Vol. 72, № 3. P. 592–598.

⁵³ Дронищинец А. Н., Носырев Н. А. Противоречия формирования общественного мнения об атомной энергии : социол. анализ // Фундаментальные исследования. 2005. № 8. С. 67.

конодательства, регулирующего деятельность атомного сектора и его взаимодействие с обществом. Можно назвать несколько примеров, когда отрицательное отношение общества привело к замораживанию или отмене реализации проектов атомного сектора. Решение не возобновлять строительство начатых АЭС по-прежнему связано не только с финансовыми трудностями и технологическими задачами безопасности, но и с негативным отношением населения (Татарстан, Башкирия, Воронеж). В начале 2000-х гг. были прекращены коммерческие проекты на предприятии «Маяк» Челябинской области по переработке и регенерации отработанного ядерного топлива из Финляндии и стран Восточной Европы. В 2004 г. в Томске под влиянием мощной общественной кампании против строительства завода по производству МОКС-топлива данный проект был заморожен. Для преодоления негативного и замороженного отношения общества к атомным проектам государство реализует политику создания положительного имиджа отрасли. Государство и отрасль стремятся наладить диалог с населением, понимая, что роль общественного мнения возросла. Однако зачастую такое взаимодействие носит односторонний характер просветительских миссий. Выстраивать действительно партнерские отношения с представителями общественных организаций, СМИ и политических партий атомная отрасль не готова в силу того, что сильны прежние культурные установки, унаследованные с советских времен. Необходим поиск форматов реального вовлечения общественности и населения в обсуждение и принятие решений проблем советского наследия и будущего развития ядерного комплекса, в том числе восстановления зараженных территорий, а также обеспечения безопасных технологий производства и хранения отработанного топлива.

Отношение российского общества к ядерному оружию

Отношение российского общества к ядерному оружию неразрывно связано со статусом ядерного государства, который Россия унаследовала от СССР, и представлениями о той роли, которую ядерное оружие играло в годы холодной войны и сейчас играет в мировой политике. Наличие этого оружия оценивается россиянами как атрибут великой державы, с которой должны считаться другие страны. Россияне на протяжении всего периода после окончания холодной войны в большинстве своем продолжают поддер-

живать идею сохранения и развития российского ядерного арсенала. Однако уровень поддержки колеблется в зависимости от общей мировой ситуации. В случае военных конфликтов или обострения отношений России с другими государствами он повышается.

Конец 1980-х и начало 1990-х гг. были временем надежд на возможность значительного сокращения ядерных вооружений и постепенного ядерного разоружения. В октябре 1986 г. состоялась встреча Рональда Рейгана и Михаила Горбачева в Рейкьявике. Результатом сближения позиций СССР и США стало подписание в декабре 1987 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), первого двустороннего договора, в котором речь шла не просто об ограничении, а об уничтожении целого класса ядерных вооружений. В 1991 г. был подписан договор СНВ-1, который предусматривал сокращение арсеналов сверхдержав до 6 тыс. боезарядов в течение семи лет. В 1991 г. РФ объявила о введении моратория на ядерные испытания и всячески поддерживала принятие ДВЗЯИ. В 1993 г. был подписан российско-американский СНВ-2. В начале 1990-х гг. были также достигнуты договоренности об ограничении обычных вооруженных сил в Европе: Договор между НАТО и ОВД об ограничении обычных вооружений в Европе – ДОВСЕ, вступивший в силу в 1992 г. Впрочем, не все соглашения 1990-х гг. действуют до настоящего времени. После выхода в 2002 г. США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны Россия объявила о прекращении своих обязательств по СНВ-2, а в 2007 г. запустила процесс приостановления своей деятельности по выполнению ДОВСЕ и связанных с ним документов, обосновав это тем, что его договорные механизмы, с ее точки зрения, утратили эффективность, а Соглашение об адаптации ДОВСЕ так и не вступило в силу. Подписанный в 2002 г. российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) значительно уступал по значимости СНВ-1, так что следующий по-настоящему серьезный шаг в области ядерного разоружения был сделан только в 2010 г., когда Россия и США подписали так называемый «новый СНВ» (Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений).

Во второй половине 1990-х гг. в отношениях между США и Россией происходит значительное охлаждение, связанное с расширением НАТО, военной операцией в Косово и критикой со стороны западных стран в адрес процесса демократизации в России.

По мнению Д. Глинского-Васильева, «расширение НАТО в сочетании с балканской войной обозначило смену вех в российской внутренней политике: впервые за долгое время оно создало почву для общенационального консенсуса, по крайней мере, по одному стратегическому вопросу, и притом на условиях, приемлемых и благоприятных для правящей элиты»⁵⁴. Кроме того, конец 1990-х – начало 2000-х гг. сопровождались обострением проблемы так называемых пороговых стран, которые развивали ядерные программы и были способны к быстрому созданию ядерного оружия. Попытки международного сообщества оказать воздействие на страны, подрывающие режим ядерного нераспространения, оказывались не вполне продуктивными. Все эти проблемы стали рассматриваться как новые угрозы и оказали влияние на отношение бывших сверхдержав к принципам обеспечения международной и национальной безопасности. Несмотря на заявленное потепление отношений после терактов сентября 2001 г. и осознание общности новых угроз, в XXI в. ядерные державы продемонстрировали склонность опираться на собственные силы в борьбе с традиционными и новыми угрозами. Это проявилось в том числе в усилении опоры на ядерное оружие в стратегиях национальной безопасности.

В представлениях россиян ядерное оружие является символом величия страны. Можно также утверждать, что в России существует общенациональный консенсус о важном месте ядерного оружия как гарантии безопасности страны. Характерной в этом отношении является публикация статьи министра РФ по атомной энергии В. Н. Михайлова, в которой он доказывал важность ядерного оружия в обеспечении безопасности России и ссылаясь на слова президента Б. Н. Ельцина о ядерном оружии как о «святой святыни национальной безопасности» России. Статья появилась в преддверии саммита «большой семерки» по проблемам ядерной безопасности в Москве⁵⁵. Опрос ВЦИОМ 2009 г., посвященный тому, как россияне оценивают последствия появления у СССР атомной бомбы в 1949 г., показал: 60 % респондентов полагали, что благодаря атомному оружию был «восстановлен военный паритет, предотвращена угроза войны Запа-

---

⁵⁴ Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век // под ред. Д. Тренина ; М., Моск. Центр Карнеги, 2000.

⁵⁵ Михайлов В. Н. Необходимость новых концептуальных подходов к проблеме ядерных вооружений // Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. Спецвып. Июль 1996. М. : Межведомств. координац. совет по информации и связям с общественностью в области атомной энергии, 1996. С. 16.

да против СССР с применением ядерного оружия, обеспечено мирное сосуществование СССР и США на многолетнюю перспективу». Только 27 % респондентов считали, что это событие привело к бессмысленной и опасной гонке ядерных вооружений. В 2009 г. более половины респондентов считали, что ядерное оружие является «главной гарантией безопасности России» (52 % в 2006 г. и 53 % в 2009 г.), и менее трети респондентов полагало, что атомное оружие «играет важную, но не решающую роль» в обеспечении ее безопасности (31 % в 2006 г. и 27 % в 2009 г.)⁵⁶.

Ядерное оружие рассматривается как один из важных атрибутов величия страны, хотя и не самый важный, и процент респондентов, считающих так, может варьироваться. В 2000 г. те, кто назвали Россию великой страной, среди признаков этого статуса указали обширную территорию, ядерное оружие, богатые природные ресурсы⁵⁷. В 2001 г. ядерное оружие считали атрибутом великой державы 17 %, в 2002 г. этот показатель существенно вырос и составил 30 %⁵⁸, а в 2005 г. сократился до 22 %⁵⁹ (табл. 8).

Таблица 8

Критерии оценки государства, согласно которым оно может считаться великим⁶⁰

Критерии оценки	1998	1999	2000	2002
Высокий уровень благосостояния граждан	63	72	64	67
Высокоразвитая промышленность	70	74	69	66
Ядерное оружие	14	27	27	30
Соблюдение прав и свобод человека	32	41	39	34

⁵⁶ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1300. 2009. 27 авг. // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=12347> (дата обращения: 13.08.2016).

⁵⁷ Россия как великая страна. Пресс-выпуск. 2000. 21 нояб. // Левада-центр [официальный сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2000/11/20/rossiya-kak-velikaia-strana/> (дата обращения: 13.08.2016).

⁵⁸ Левада-центр. Пресс-выпуск. 2002. 01 февр. // Левада-центр [официальный сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2002/01/31/1-fevralya-2002-goda/> (дата обращения: 13.08.2016).

⁵⁹ Атомная бомба – важный атрибут великой державы. Но далеко не единственный : ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 262. 2005. 05 авг. // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=125> (дата обращения: 13.08.2016).

⁶⁰ Левада-центр. Пресс-выпуск. 01.02.2002.

Стоит заметить, что в опросах Левада-центра используется близкий вопрос, при ответе на который необходимо оценить атрибуты величия России: «Выберите, пожалуйста, из списка две-три позиции, по которым в первую очередь Россию следовало бы считать великой державой?» Отвечая на него, россияне давали более высокие оценки ядерному оружию. Например, в 2001 г. 50 % респондентов назвали ядерное оружие сразу после богатых ресурсов (71 %) и огромной территории (56 %) ⁶¹. На вопрос «На чем основывается членство России в клубе великих держав?» в 2006 г. были получены следующие ответы: 55 % респондентов считали, что это объясняется прежде всего ресурсами; 40 % видели главное основание в том, что «Россия имеет мощные вооруженные силы, включая ядерное оружие»; 32 % – в том, что «Россия оказывает значительное влияние на мировую политику и является постоянным членом Совета безопасности ООН» ⁶².

По данным Левада-центра, в 2016 г. военный фактор вышел на первое место в определении великой державы – «военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия» (48 %), хотя в 1999–2015 гг. основными позициями, необходимыми для отнесения к великим державам, выступали, с точки зрения большинства, высокое благосостояние граждан и экономический, промышленный потенциал страны ⁶³. Однако опрос ВЦИОМ, также проведенный в 2016 г., показывает преобладание в качестве значимых факторов экономическое развитие и благополучие граждан над военной мощью ⁶⁴.

Обладание ядерным оружием рассматривается российским обществом как необходимый элемент сдерживания агрессии против России и защиты страны от внешнего давления. Это может приводить к резкому возрастанию положительного отношения к ядерному оружию и его наращиванию в случае обострения меж-

---

⁶¹ Левада-центр : Пресс-выпуск. 2010. 01 дек. // Левада-центр [официальный сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2010/12/01/resursy-i-territoriya-strany-osnovnaya-gordost-rossiyan/> (дата обращения: 03.08.2016).

⁶² Россия в восьмерке: равная среди равных или «младшая сестра»? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2006. № 488. 10 июля. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2867> (дата обращения: 18.07.2016).

⁶³ Национальная гордость // Левада-центр [официальный сайт]. Пресс-выпуск. 2016. 30 июня. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (дата обращения: 03.08.2016).

⁶⁴ Россия – великая наша держава // ВЦИОМ [официальный сайт]. Пресс-выпуск. 2016. № 3126. 10 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115728> (дата обращения: 03.08.2016).

дународной ситуации, особенно ухудшения отношений с развитыми странами. Так, рост одобрения ядерного оружия и перевооружения России был отмечен в 1999 г. после военной кампании НАТО в Югославии, а также в условиях продолжающегося расширения НАТО. В опросе российского ФОМ в апреле 1999 г. 78 % респондентов заявили, что России нужно ядерное оружие как гарантия национальной безопасности⁶⁵. В 2006 г. примерно столько же россиян (76 %) были убеждены, что ядерное оружие нужно России. Почти 60 % считали, что Россия должна сохранить свои ядерные арсеналы в ближайшие 3–5 лет, в то время как 18,54 % высказались за их увеличение⁶⁶. При этом 33,1 % респондентов считали необходимым нацеливать ядерное оружие на определенные страны в мирное время, а 56,6 % были против этого⁶⁷.

Поддержка обладания ядерным оружием возросла почти в два раза с середины к концу 1990-х гг. По мнению М. Кацва, «в отличие от официальных доктрин, которые не предполагают наличие противника, а отношения с бывшими противниками называют партнерскими, общественное мнение вполне определенно указывает, какие государства и/или блоки государств являются, по крайней мере, потенциальными противниками»⁶⁸. Действительно, среди стран, которые, по мнению респондентов, представляют для России угрозу, связанную с использованием ОМУ, в 2006 г. США (33,2 %) опередили Иран (15,2 %), Китай (14,5 %), Пакистан (11 %) и Северную Корею (6,8 %). Ответы на вопрос, от кого в настоящее время в первую очередь исходит угроза применения ядерного оружия, распределились следующим образом: США – 32 %, международные террористы – 32 %, КНДР – 7 %, Китай – 6 %, Индия и Пакистан – 4 %⁶⁹. В условиях усиления конфронтации между Россией и Западом в связи с конфликтом в Грузии в 2008 г., а затем на Украине

---

⁶⁵ ФОМ. 11.08.1999 // Фонд «Общественное мнение» [официальный сайт]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/t906006> (дата обращения: 03.08.2016).

⁶⁶ Ахтамзян И. А. Всероссийский социологический опрос «Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения»: докл. ПИР-центра. М., 2006. С. 16, 18.

⁶⁷ Там же. С. 18, 19, 21.

⁶⁸ Кацва М. Роль и место ядерного оружия в контексте взаимодействия России и институтов европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / под ред. Д. Тренина. М.: Моск. центр Карнеги, 2000.

⁶⁹ Ахтамзян И. А. Всероссийский социологический опрос «Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения». С. 6, 34.

с 2014 г. эта закономерность проявилась достаточно явно. Значительное количество россиян (64 %) уверены, что в мире есть угроза военного конфликта с применением ядерного оружия, согласно опросу ФОМ, проведенному в июле 2014 г. Среди стран, от которых исходит опасность, были названы США – 52 %, Северная Корея – 15 % и Пакистан – 9 %⁷⁰.

Данные опросов ВЦИОМ показывают, что количество сторонников ядерного разоружения уменьшилось с 48 % в 1991 г. до 19 % в 2010 г., а количество сторонников сохранения имеющегося потенциала увеличилось почти вдвое – с 32 до 60 %⁷¹. Подавляющее большинство опрошенных в 2014 г. были убеждены, что следует стремиться к всеобщему ядерному разоружению (76 %), при этом доминирует точка зрения, что в ближайшие десятилетия это невозможно (54 %)⁷². В целом поддержка полного ядерного разоружения зависит от общей ситуации в мире и ощущения безопасности или наличия угроз, но традиционно является незначительной – в пределах 2–3,5 %⁷³. В то же самое время большинство россиян поддерживает нераспространение ядерного оружия. Подавляющее большинство (почти 90 %) в 2006 г. полагали, что мир не станет более стабильным, если ядерным оружием будет владеть больше стран, однако с пониманием относились к развитию ядерных технологий в новых странах, особенно из развивающегося мира, рассматривая это как проявление принципа равноправия и справедливости⁷⁴. Эта тенденция отражает традиционно антизападное позиционирование СССР в период холодной войны и сохранение такой позиции в постсоветской России в период охлаждения отношений с западными странами. Опросы ВЦИОМ в июле 2005 г. показали, что каждый второй россиянин (51 %) полагал, что Индия, Пакистан, Северная Корея и другие страны имеют такое же право на ядерное оружие, как «старые» ядерные державы (США, Россия, Китай), поэтому никакой особенной политики по отношению к тем, кто создает атомную бомбу, вести не надо. Только 29 % респондентов согласились с тем, что «новые ядерные страны» нуж-

⁷⁰ О ядерных державах и ядерной угрозе.

⁷¹ Ядерное разоружение: за и против // ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2010. № 1538. 15 июня. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13681> (дата обращения: 03.08.2016).

⁷² О ядерных державах и ядерной угрозе.

⁷³ Ахтамзян И. А. Россияне о ядерном оружии и ядерных угрозах.

⁷⁴ Там же. С. 7.

но изолировать от мирового сообщества, вводить экономические и другие санкции, чтобы предотвратить новую гонку ядерных вооружений⁷⁵.

Тем не менее, ядерные программы Северной Кореи и Ирана вызывают некоторое беспокойство россиян. Так, опрос 2006 г. показал незначительный интерес россиян к «испытанию ядерного оружия и баллистических ракет в Северной Корее» и «конфликту между Ираном и ООН по поводу ядерной программы Ирана»: 20-е и 21-е места (8 и 7 % соответственно) среди наиболее значимых событий года, то есть ниже по значимости, чем «падение курса доллара в конце года» (18-е место – 9 %), и «2-е место Димы Билана на конкурсе “Евровидение”» (19-е место и 9 %), но выше «выхода на экран фильма “9-я рота”» (22-е место и 6 %)⁷⁶. В 2013 г. продолжающееся демонстративное поведение Северной Кореи увеличило страх перед возможностью ядерной войны. По мнению 47 % россиян, Северная Корея действительно разработала ядерное оружие, и они видят в ее действиях реальную угрозу. Причем, как отмечено в исследовании, «страх ядерной войны сильнее всего у тех, кто жил в эпоху холодной войны». Генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров отмечает, что «в умах молодежи вероятность ядерной войны не больше, чем вероятность нападения марсиан»⁷⁷.

Суждение Федорова было высказано в 2013 г., с тех пор международная обстановка и общественные настроения существенно изменились. В марте 2014 г. известный российский телеведущий Д. Киселев в эфире своей программы «Вести недели» напомнил зрителям, что Россия – «единственная страна в мире, способная превратить США в радиоактивный пепел»⁷⁸. Подобные заявления хорошо вписываются в антиамериканскую риторику, которая стала обыденностью на российском телевидении в последние годы. Однако многие россияне встревожены столь безответственным обращением с ядерным оружием в публичном дискурсе, ведь то, что раньше «казалось экстравагантной выходкой, сегодня уже воспринимается едва ли не как общее место», хотя даже на пике холодной войны

⁷⁵ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 262.

⁷⁶ Важнейшие события 2006 г. // Левада-центр [официальный сайт]. 2006. 25 дек. URL: <http://www.levada.ru/press/2006122501.html> (дата обращения: 03.08.2016).

⁷⁷ Россияне считают, что Северная Корея может развязать ядерную войну // РБК [официальный сайт]. 2013. 22 апр. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2013/04/22/56c1a9a19a7947406ea09c9e> (дата обращения: 03.08.2016).

⁷⁸ Вести недели. 2014. 16 марта // Россия-1 [официальный сайт]. URL: <http://vesti7.ru/news?id=42384> (дата обращения: 03.08.2016).

подобное считалось в Советском Союзе недопустимым⁷⁹. Кризис в отношениях России с Западом побуждает некоторых популярных медиаперсон «размахивать» ядерным мечом и выражать мнения, расходящиеся с официальной российской позицией по вопросам ядерного нераспространения и разоружения. Эксперты, такие как, например, А. Г. Арбатов из Московского центра Карнеги, обеспокоены этой «эскалацией ядерной риторики»⁸⁰. Журналисты «Новой газеты» даже предложили ввести наказание за публичные призывы «к использованию ядерного потенциала как оружия возмездия, а не инструмента сдерживания» в условиях сложной международной обстановки, когда реален риск столкновения⁸¹.

В последние годы российские граждане стали усматривать все более тесную связь между статусом России на мировой арене и ее ядерным арсеналом, и важную роль в этом сыграли средства массовой информации. Российское телевидение держит зрителей в курсе последних событий в ядерной сфере, будь то российско-американские переговоры о ядерном разоружении, иранская ядерная программа или испытания в КНДР. «Первый канал» регулярно информирует об испытаниях баллистических ракет. Если поместить эти репортажи в контекст ухудшающихся отношений России с Западом и растущего национализма, то совсем не удивит тот факт, что ракетные комплексы «Тополь» и «Искандер» переключались с военных парадов на патриотические футболки с антизападными лозунгами: «“Тополь” санкцией не боится» и «Не смешите мои “Искандеры”»⁸².

Телевидение играет важную, а в российском случае, вероятно, ключевую роль в формировании общественного мнения. При этом новая информация накладывается на традиционное восприятие ядерного оружия как советского наследия и национального достояния. Согласно опросам конца 2016 г., проведенным Левада-центром, «ядерная мощь – это самое главное, а в глазах многих и единственное,

---

⁷⁹ Сапрыкин Ю. Как мы перестали бояться и полюбили бомбу // Слон [интернет-портал]. URL: <http://slon.ru/insights/1209561/> (дата обращения: 03.08.2016).

⁸⁰ Арбатов А. Г. Ядерный пояс шахидов // Независ. газ. [официальный сайт]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-09-30/5_nuclear.html (дата обращения: 03.08.2016).

⁸¹ Ядерные отбросы // Новая газета [официальный сайт]. 2015. 3 дек. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/71006.html> (дата обращения: 03.08.2016).

⁸² См.: Russians Hand In Western T-shirts in Patriotic Fashion Drive // Moscow Times [official website]. URL: <http://www.themoscowtimes.com/article.php?id=507844> (mode of access: 23.08.2016).

что есть у страны для диалога с окружающим миром»⁸³. Проблема заключается в том, что каждый россиянин имеет мнение о ядерном оружии, но не каждый по-настоящему информирован. Яркие образы в конечном счете запоминаются лучше, чем факты. Так, например, переговоры о новом СНВ активно освещались российскими телеканалами, которые объясняли суть договоренностей и подчеркивали их значение для России. Однако, несмотря на внимание СМИ, проведенный в мае 2010 г. опрос показал, что 52 % респондентов «ничего не слышали о подписании договора» и только 8 % хорошо знали, что это за документ⁸⁴. Российские телеканалы следили и за процессом вступления договора в силу, но и после его ратификации показатели не улучшились: летом 2011 г. только 45% респондентов знали о договоре, но из них для 43 % его суть осталась неясна⁸⁵.

Любопытно, что телевизионные репортажи, призванные убедить граждан в прочности «ядерного щита» и защищенности страны от внешних угроз, зачастую вызывают противоположный эффект. Опросы общественного мнения показывают высокий уровень беспокойства среди россиян. В ноябре 2014 г. многие полагали, что угроза новой холодной войны стала более реальной, а каждый четвертый считал, что она уже началась⁸⁶. Прославляя ядерное сдерживание и способность России «превратить США в радиоактивный пепел», российские СМИ уделяли так много внимания ядерному оружию в последние несколько лет, что ядерный конфликт стал казаться реальной угрозой по крайней мере некоторым из телезрителей. В январе 2015 г. ВЦИОМ провел опрос на тему «Чего боится Россия?», предложив респондентам выбрать не более пяти вариантов из списка. Оказалось, что 17 % опрошенных боятся ядерной войны, в то время как двумя годами ранее это опасение разделяли только 8 %⁸⁷.

---

⁸³ Оружие и ресурсы: за что можно уважать Россию // Левада-Центр [официальный сайт]. 18.11.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/11/18/oruzhie-i-resursy-zachto-mozhno-uvazhat-rossiyu/> (дата обращения: 21.12.2016).

⁸⁴ ВЦИОМ. Пресс-выпуск 1492 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13478> (дата обращения: 21.12.2016).

⁸⁵ ВЦИОМ. Пресс-выпуск 1791 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111728> (дата обращения: 21.12.2016).

⁸⁶ ВЦИОМ. Пресс-выпуск 2726 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115071> (дата обращения: 23.12.2016).

⁸⁷ ВЦИОМ. Пресс-выпуск 2762 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115132> (дата обращения: 23.08.2016).

Трудно отследить и документировать непосредственное влияние СМИ на общественное мнение. Механизмы этого воздействия сложны. Общественные настроения обладают инерцией и не всегда поспевают за сменой политического курса. Существуют также глубоко укоренившиеся представления о проблеме, не зависящие ни от текущих событий, ни от их подачи. Однако информационный фон важен для формирования общенационального консенсуса по тому или иному вопросу. В случае ядерной проблематики беспечное обращение с ядерным оружием в общественном дискурсе может стать препятствием на пути участия России в новых двусторонних и многосторонних инициативах по ядерному нераспространению и разоружению. Так, например, Россия отстаивает идею перевода переговоров о ядерном разоружении в многосторонний формат. Теоретически финальной точкой успешных переговоров, в соответствии со ст. 6 ДНЯО, должен стать «договор о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»⁸⁸. В публичном дискурсе российский ядерный арсенал традиционно позиционируется как «ядерный щит», и полное разоружение не находит поддержки среди абсолютного большинства россиян. Ведь всеобщее разоружение рассматривается не только как отказ от «меча», но и как утрата «щита», что может сделать страну уязвимой для других государств, которые кажутся партнерами, но на самом деле ненадежны и легко превращаются в оппонентов. Этот мотив хорошо прослеживается в освещении российско-американских отношений.

* * *

Разбор комплекса вопросов, определяющих особенности отношения россиян к ядерной проблематике, позволяет сделать следующие выводы. Важную роль в формировании взглядов россиян по вопросам ядерной энергетики сыграло изменение статуса атомной отрасли, которая стала более открытой для общества. Политика открытости в 1990-е гг. привела к пу-

---

⁸⁸ Договор о нераспространении ядерного оружия // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 23.08.2016).

бликации большого массива информации, связанной с развитием сектора в советский период и с его негативным наследием. Новая законодательная основа взаимодействия общества и атомного сектора дала обществу возможность оказывать влияние на принятие решений через процедуру общественной экологической экспертизы и через политический процесс. Фактически под давлением общественного мнения были свернуты некоторые проекты в конце 1990-х и начале 2000-х гг., в том числе по строительству АЭС и созданию предприятий топливного цикла. Однако в 2004–2006 гг. меняется законодательство, ограничивается возможность проведения экологической экспертизы и деятельность неправительственных организаций, в том числе экологических. Госкорпорация «Росатом» в это же время начинает политику по формированию положительного образа атомного сектора, реализуя ее через большую открытость своей деятельности, а также экологические и образовательные проекты. При этом в настоящее время граждане сохраняют высокий уровень тревоги по поводу строительства АЭС рядом с местом своего проживания, хотя значительное количество россиян понимают преимущества атомной энергетики.

Несомненно, россияне относят ядерное оружие к наиболее явным критериям великой державы в современном мире. Это подкрепляется существованием «ядерного клуба», конфигурация которого совпадает с конфигурацией Совета безопасности ООН, важного института в рамках глобальной и универсальной международной организации, обладающего полномочиями принимать решения об использовании силы во имя мира и безопасности. Ядерное оружие воспринимается россиянами как необходимый элемент системы обеспечения безопасности страны, и поддержка реальных планов ядерного разоружения является незначительной, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Наибольшую обеспокоенность россиян вызывает возможность использования ядерного оружия в вооруженном конфликте, а США рассматриваются как главный источник такой угрозы. Причиной этому в настоящее время является обострение отношений между Россией и США на фоне украинского кризиса, причем антиамериканские настроения активно подогреваются СМИ. Большинство россиян в целом поддерживает идею ядерного нераспространения, однако считает необходимым сохранять ядерный арсенал России.

Глава 15

**ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В РОССИИ: ОПЫТ ТОМСКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ***А. Жермон*

«Судя по всему, на смену железному занавесу пришла дымовая завеса»¹. Такими словами Мириам Десэр начинает свой анализ гражданского общества в России. Эта фраза подчеркивает тревожность и дискомфорт в отношениях, сложившихся между ЕС и Россией. Хотя про эту страну написано множество научных работ, лишь малая часть из них затрагивает вопросы ядерной энергетики, несмотря на глобальное лидерство России в данной технологической области. Для действующего российского правительства остается приоритетным развитие потенциала ядерной энергетики в ближайшем будущем. В ЕС использование ядерной энергии является более сложным вопросом, так как мнения насчет того, должно ли оно расширяться или же быть сведено на нет, разнятся, в особенности после аварии на атомной станции «Фукусима» в Японии в 2011 г. В Германии мнения общественности по этому вопросу разделились после заявления канцлера Ангелы Меркель об отмене программ по ядерной энергетике, сделанного под давлением мощных протестных движений против использования мирного атома. Этот пример демонстрирует серьезную озабоченность людей вопросами энергетики, особенно ядерной. В России вся индустрия ядерной энергетики контролируется государственной корпорацией «Росатом», которая пользуется сильной поддержкой у населения. Интересно пронаблюдать, насколько благожелательно россияне относятся к этому типу энергетики в сравнении с европейцами.

Основной темой нашего исследования является анализ коллективных действий и движений против ядерной энергии и в её поддержку в России. На примере ядерной энергетики мы рассмотрим проблематику представления и анализа специфической социальной дискуссионной модели в России, находящейся под влиянием или же, напротив, противостоящей европейской социальной модели.

¹ *Désert M. La société civile en Russie // Études. 2014. № 5 (mai). P. 7–17.*

Интерес вокруг ядерной энергетики в последние десятилетия возрастал в связи с ограниченностью природных ресурсов, а также с ее прибыльностью и эффективностью. Тем не менее, спорные вопросы касаются отходов производства и безопасности сохраняются, и в дискуссиях по ним роль гражданского общества часто отходит на второй план, так как граждане не всегда могут выразить свое мнение и повлиять на энергетическую политику². Проанализируем, желают ли российские власти и гражданское общество следовать европейской модели или же, напротив, создать свою собственную уникальную модель, и как население и власти в России относятся к ядерной энергетике и последствиям ее использования?

Очень важно правильно определить, что стоит за словами «гражданское общество»³. Согласно Дж. Скотту и Г. Маршаллу, «ключевым атрибутом гражданского общества является его направленность на общественную жизнь, а не на частные интересы; оно связано как с семьей, так и с государством; и оно существует внутри рамок, определяемых законом. Гражданское общество всегда рассматривается как динамичное и вовлекающее в социальное движение»⁴. Мы можем дополнить это определение, разграничив гражданское общество и политику. Л. Даймонд утверждал, что «гражданское общество должно поддерживать демократию, создавая альтернативные партийным каналы для выражения гражданами своих интересов. В деятельности организаций гражданского общества по мобилизации граждан с целью транслировать их требования напрямую правительству проявляется их лоббистская роль. Гражданское общество построено на множественных структурах официальных и неформальных организаций, включая следующие их типы: (1) экономические, (2) культурные и религиозные, (3) информационные и образовательные, (4) группы по интересам, (5) развивающие и (6) социально-ориентированные. Вдобавок гражданское общество включает в себя организации, являющиеся частью идеологического пространства, такие как медиа, университеты, аналитические центры и издательства»⁵.

² Delcour L. L'énergie, enjeu clé de la présidence française de l'Union // *Revue internationale et stratégique*. Armand Colin. No. 69. Jan. 2008.

³ Sanchez S. R. La société civile européenne : les usages d'une fiction // *Raisons politiques*. 2011. № 4 (44). P. 201–226.

⁴ Scott J., Marshall G. *A Dictionary of Sociology*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.

⁵ Diamond L. *Toward Democratic Consolidation* // *J. of Democracy*. 1994. Vol. 5, no. 3.

Мы решили, что будем рассматривать понятие гражданского общества, опираясь на определение Л. Даймонда как наиболее широкое и всеобъемлющее. Мы также должны обратить внимание на концепцию коллективного действия, определение которой звучит как «действие, предпринятое группой или организацией с целью преследования разделяемых группой интересов». «Было бы логичным ожидать, что люди, разделяющие общие интересы, будут вместе их отстаивать. Это не всегда так, многие люди, претендующие на получение выгоды от коллективных действий, откажутся к ним присоединиться». Это идет вразрез с рациональностью человеческого поведения⁶. В этом определении подчеркивается тот факт, что заинтересованность не всегда ведёт к действию. Мы попытаемся понять, какие механизмы могут спровоцировать гражданское общество на выступление, а также выявить мнение населения по вопросам ядерной энергетики.

В рамках нашего исследования внимание будет преимущественно сфокусировано на последнем десятилетии. Нам необходимо подойти к проблеме с практической стороны с тем, чтобы правильно понять нужды, ожидания и требования общества. Исследование проводилось в течение двух месяцев непосредственно на месте, в Томске. Томская область представляет особенный интерес ввиду того, что здесь размещается центр по переработке ядерных отходов; кроме того, она выбрана местом развертывания в ближайшем будущем нового экспериментального атомного реактора. Европа же будет восприниматься нами как единое целое ввиду того, что Брюссель принимает решения за весь ЕС в целом. Для иллюстрации мы возьмем в качестве примера случай Нормандии, региона Франции, находящегося в похожей с Томской областью ситуации в вопросах переработки ядерных отходов и сооружения нового реактора.

Наше исследование основывается на интервью, взятых в основном в Томске и в Москве в июне 2015 г., и отражает взгляды представителей гражданского общества России. Мы взяли 14 интервью у представителей разных социальных групп – учёных, студентов, сотрудников местной администрации и специалистов ядерной промышленности. Для сравнения мы взяли интервью у представителей французских ассоциаций и представителей партии «зеленых». Мы не ставили своей целью воспроизвести картину во всем ее разнообразии. Однако наше исследование

---

⁶ Scott J., Marshall G. A Dictionary of Sociology.

дает ключи к пониманию места акторов в системе гражданского общества в России. Мы попробуем понять мотивы действий граждан и характер их взаимодействия с политическими и промышленными кругами по вопросам ядерной энергетики, а также провести сравнение с европейской ситуацией. Второй задачей исследования будет то, рассматривают ли россияне европейскую модель гражданского общества в качестве образца для подражания, в качестве альтернативы, или же Россия совсем не ссылагается на европейский опыт?

Ядерная энергетика: стратегический выбор России

Ядерная энергетика является стратегической сферой для каждой страны, которая её использует. Под надзором наднациональных ведомств 31 страна в мире использует атомные электростанции для производства энергии, что в сумме составляет общую цифру в 442 реактора. Россия и ЕС используют эти технологии уже на протяжении более чем 60 лет, но их исследования в этой области и совершенствование технологий продолжают и в настоящее время.

Объединенная ядерная промышленность России. Россия является одним из мировых лидеров в сфере ядерной энергетики. Первая атомная станция была открыта в 1954 г. в Обнинске, и с тех пор потенциал России в этой сфере никогда не прекращал развиваться. Россия является одной из немногих стран, которые могут самостоятельно обеспечить полный цикл функционирования ядерной промышленности, начиная с добычи и обогащения урана до производства энергии и переработки ядерных отходов. Единственной страной, которая также может обеспечить полный цикл, является Франция⁷. Один лишь этот факт наглядно демонстрирует стратегическую важность ядерной отрасли для России. Более того, «Росатом» является мировым лидером по экспорту технологий и сооружению атомных станций за рубежом. Корпорация объявила на своем сайте о строительстве 34 новых реакторов к 2030 г. на общую сумму более чем 100 млрд долл. США. «Все дело в разработке важных технологий, у которых есть множество преимуществ. Именно поэтому мы достигаем такого значительного успеха»⁸.

---

⁷ Интервью с вице-президентом регионального отделения «Росатома» в Западной Европе. Париж, 7 августа 2015 г.

⁸ Интервью с руководителем Томского информационного центра по атомной энергии. Томск, 11 июля 2015 г.

Идея борьбы за глобальное лидерство поднимает другой вопрос – вопрос сотрудничества или конкуренции между двумя соседями. Если факт крепкого давнего сотрудничества по газу и нефти очевиден, то вопрос сотрудничества по ядерным технологиям и ядерной энергии решить гораздо сложнее.

Сотрудничество между ЕС и Россией по ядерной энергетике: по-прежнему всё впереди? Интересно понять, в какой степени Россия готова сотрудничать с европейским соседом по стратегическим и конфиденциальным вопросам. Прежде всего важно сконцентрировать внимание на характеристиках и механизмах взаимодействия между Москвой и Брюсселем. Институциональное взаимодействие по-прежнему носит ограниченный характер, основываясь лишь на двух соглашениях, подписанных в 2001 г., которые расширили базовое сотрудничество на дипломатическом уровне и в сфере некоторых исследований. И эти соглашения никак не конкретизировали характер российско-европейского взаимодействия в ядерной сфере. Обе стороны совместно работали над такими международными проектами, как новый реактор ITER и проект ЦЕРН. Также делегация ЕС в России принимает участие в осуществлении проекта в сфере ядерной энергетики и окружающей среды под названием «Северное измерение». Он направлен на пересмотр планов по переработке ядерных отходов в северо-западной части России⁹. Хотя эти примеры демонстрируют сам факт сотрудничества между Россией и ЕС в данной области, правительственные институты не спешат создавать крепкие связи, которые бы соединили Москву и Брюссель.

Отделение «Росатома» в Париже настроено оптимистично и считает ЕС главным партнёром России: «Мы не считаем сотрудничество с ЕС недостаточным. <...> В бывших странах советского блока по-прежнему используются российские технологии, и мы сохраняем с ними прочные связи. <...> Мы сотрудничаем с *Électricité de France*, у нас, к примеру, есть проект в Болгарии, целью которого является увеличение срока работы атомных станций. <...> Про это не пишут много в СМИ, но для нас Европа – это главный партнер. <...> На технологическом и тактическом уровнях Европа – это наш партнёр номер один»¹⁰.

⁹ См.: об этом: Северное измерение [официальный сайт]. URL: nder.org (дата посещения: 17.04.2016).

¹⁰ Интервью с вице-президентом регионального отделения корпорации «Росатом» в Западной Европе. Париж, 7 августа 2015 г.

Для большинства людей, с которыми мы работали в Томске и которые были вовлечены в программы сотрудничества с ЕС, такое сотрудничество остается либо многосторонним, либо межрегиональным, на уровне двух конкретных субъектов. Возможно существование партнерства на уровне двух университетов¹¹, или проекты могут строиться по принципу, подобному тому, на котором основывается проект *TSU-Swedish* в сфере радиационной безопасности, существующий с 2005 г. Он направлен на обучение студентов и граждан в области ядерной энергетики и безопасности¹². Он приоткрывает некоторые аспекты отношений между Москвой и Брюсселем: институциональное сотрудничество испытывает трудности, однако остается возможным его осуществление на местном уровне. Если Российская Федерация не стремится к установлению диалога с ЕС как единой общностью, она поддерживает его с отдельными членами ЕС.

Российская ядерная энергетика: элемент силы на международной арене, недоступный для критики

Москва рассматривает ядерную энергетику в качестве элемента жесткой силы России¹³. Это оказывает влияние на ее внутреннюю и внешнюю политику и отражается не только на экономике, но и на международном имидже. Позиции по этому вопросу тех, с кем мы проводили интервью, несколько различаются. С одной стороны, некоторые из них считали, что Россия не нуждается в помощи Европы даже для разработки специфических исследовательских программ, так как Советский Союз «разработал технологию до Европы, и Россия сейчас имеет в своем распоряжении уникальные методы проведения исследований»¹⁴. С другой стороны, представитель «Росатома» в Париже считает, что Россия многому научилась у Европы, и в особенности у Франции, в том, что касается ядерных

---

¹¹ Интервью с инженером безопасности исследовательского реактора ИРТ-Т Национального томского политехнического университета. Томск, 8 июля 2015 г.

¹² Интервью с сотрудником Томской областной администрации, работавший с Томским государственным университетом (далее – ТГУ) и шведскими специалистами над проектом организации летних школ и образовательных проектов на темы ядерных технологий и безопасности. Томск, 18 июня 2015 г.

¹³ *Kuhr N. Russia and the World : The Internal-External Nexus.* Univ. of Glasgow : Routledge, 2013.

¹⁴ Интервью с инженером безопасности исследовательского реактора ИРТ-Т Национального томского политехнического университета. Томск, 8 июля 2015 г.

циклов¹⁵. Однако гораздо интереснее понять, как российские власти вовлекают граждан в ядерные программы.

Темы, попадающие под гриф секретности, часто занимают особое место в общественной политике и гражданском обществе. Большинство национальных политик в сфере безопасности окружено секретностью, и общественное мнение не имеет возможности оказать на их обсуждение столь же весомое влияние, как политические элиты. Как мы понимаем, вопросы ядерной энергетики непосредственно связаны с вопросами национальной безопасности, и граждане едва ли могут выразить свое мнение по этой теме. Ядерная энергетика не может быть подвергнута критике в качестве инструмента России на международной арене.

Однако, исходя из полученных данных, «Росатом» внимательно прислушивается к замечаниям и вопросам граждан. «Обсуждения всегда воспринимаются нами позитивно и приносят пользу «Росатому» и его партнерам, они помогают находить решения»¹⁶. Но сфера ядерной энергетики остаётся стратегически важной, что делает невозможным полное разрешение ситуации. Это может быть связано с идеями Жана Пьера Дюпюи о рисках и демократии. Демократии более склонны к признанию и принятию риска, в то время как авторитарные режимы пытаются скрыть его. Это исходит из того факта, что люди могут лучше понять и осознать риск, когда инициатива исходит от общества, нежели чем в случае, когда она исходит от решения верхов¹⁷. Более того, проблемы, особенно экологического характера, могут быть решены, только если представители разных слоев населения обеспокоены ими и пытаются решить их сообща¹⁸. Мы не имеем в виду, что в России действует авторитарный режим, но это тот самый момент, который выявляется в ходе обсуждений и который может дать ответ на вопрос о том, почему ядерная энергетика остаётся исключительно государственным вопросом.

Это утверждение вызывает другую дискуссию: почему граждане России в большей своей части соглашаются с программами

---

¹⁵ Интервью с вице-президентом регионального отделения корпорации «Росатом» в Западной Европе. Париж, 7 августа 2015 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Dupuy J. P. Pour un catastrophisme éclairé : Quand l'impossible est certain. Seuil, 2004.

¹⁸ Larrere C. Le principe de précaution et ses critiques // Innovations. 2003. № 2 (18). P. 9–26.

ядерной энергетики? Объясняется ли это ошибочным восприятием рисков, недостатком информации, или поддержка ядерной энергетики является проявлением воли нации как элемента силы России на внешнеполитической арене?

В отличие от Европы, где многие страны склоняются к сокращению или закрытию своих ядерных программ, Российская Федерация развивает ядерную программу и строит дальнейшие планы по ее реализации. Томск расположен рядом с закрытым городом Северском, где в ближайшие годы будет построен новый экспериментальный реактор. Наши наблюдения, а также взятые нами интервью и исследования непосредственно на месте показывают, что желание развивать ядерный потенциал России разделяется большинством российских граждан. Интенсивность обсуждений остается низкой, в то время как в Европе ситуация развивается в противоположном направлении. Эти различия проистекают в основном из прошлого протестных движений, а также возможности (или невозможности) выражения мнения и участия гражданского общества в этих вопросах.

В России вопросы ядерной энергетики не являются важными для населения. Даже когда ядерные объекты расположены неподалеку, граждане не выглядят обеспокоенными этим фактом. Как мы можем оценить стремление россиян к расширению ядерной сферы? Проблема участия, роль каналов поступления информации и реакция государства рассматриваются как определяющие в формировании осведомленности гражданского общества.

Концепция «участия» является важным элементом для понимания того, как гражданское общество может ощущать себя ближе или дальше от сферы ядерной энергетики¹⁹. Участие «означает состояние связи с чем-либо; в сравнении с вовлеченностью, которая определяется как заинтересованность в качестве участника чего-либо, участие – это восприимчивость, которая может быть выражена в активной или пассивной позиции»²⁰. П. Бруне анализирует антиядерные движения и тот путь, который ведёт к действию или бездействию. Он отмечает, что понятие участия имеет два аспекта: 1) актор должен быть связан со своим окруже-

---

¹⁹ Brunet P. De l'usage raisonné de la notion de « concernement » : mobilisations locales à propos de l'industrie nucléaire // Natures Sciences Sociétés. 2008. N 4 (16). P. 317–325.

²⁰ Ibid.

нием, и 2) актер должен обладать специализированным знанием об окружении, в котором он живет, для создания восприимчивости в этой среде. Это означает то, что граждане не могут почувствовать участие без наличия связей друг с другом и знания об их окружении. Первое положение может быть легко выполнено: произошедшие в Чернобыле или на «Фукусиме» аварии были широко освещены²¹, и близость к атомной станции или объекту ядерной промышленности выполняет как минимум первое условие близости к среде. Однако мы увидим, что второй аспект относительно знания выявляет значительное отставание между гражданскими институтами в Европе и в России в плане отношения людей к ядерной энергетике.

В ходе наших интервью нами было обнаружено, что осведомленность граждан относительно ядерной энергетики и рисков ее использования была крайне низка. Пресс-релиз по общественной позиции относительно ядерных вопросов после аварии на «Фукусиме» в 2011 г. показывает, что мнение 60 % граждан оставалось стабильным, в то время как ситуация получила широкое освещение в европейских медиа и оказала значительное влияние на ситуацию в Европе (Германия и Италия, например, приняли решения приостановить свои ядерные программы).

Члены экологических ассоциаций не согласны с этими результатами и считают, что люди активно обсуждают вопросы ядерной энергетики, особенно в Томске. Результаты опросов в России ставятся ими под сомнение: «Я не уверен, что всё это правда. <...> Я не думаю, что 70 % населения Томска выступают в поддержку ядерной энергетики. Возможно, в Северске, там они живут этим, это их работа, но здесь... Я так не думаю»²².

Однако результаты этого опроса были подтверждены нашим исследованием. Исходя из материалов интервью, можно делать выводы об отсутствии страха или даже обеспокоенности относительно этой проблематики, так как она стала частью повседневной жизни. «Здесь ничего давно не происходит. Реактор был закрыт в 90-е, и хотя город сохраняет статус “закрытого”, все

---

²¹ Освещение в СМИ чернобыльской аварии не было объективным и прозрачным ни в СССР, ни в Европе. Сейчас постепенно вскрываются истинные обстоятельства аварии и её последствий, но для людей, участвовавших в её ликвидации, эта информация пришла слишком поздно.

²² Интервью с заместителем главы департамента европейских исследований ТГУ. Томск, 23 июля 2015 г.

к этому привыкли. Даже если опасность и существует, люди её не ощущают»²³.

Этот отрывок из интервью с исследователем из Томска демонстрирует отсутствие особого отношения к ядерной тематике. Чаще всего в ходе интервью мы слышали такие слова, как «обычный» и «привыкнуть». Они отражают отсутствие интереса к данным вопросам. Более того, интервьюируемые называли социальный фактор в качестве основной причины низкого уровня обеспокоенности. Так как государство не предоставляет социальную помощь и не обеспечивает социальную безопасность в достаточном объёме, обычные люди в первую очередь стремятся решить свои насущные проблемы, а не проблемы общественного и гражданского характера, такие как экологические²⁴.

Как мы можем наблюдать в Европе, основываясь на данных исследования «Евробарометр 324», граждане чувствуют обеспокоенность ядерными проблемами и достаточно хорошо о них осведомлены²⁵. На базовые вопросы о ядерной промышленности, технологиях и ядерных отходах большинство европейских граждан способны дать правильный ответ. Куда более значимым является тот факт, что результаты подобных исследований по ядерной энергетике остаются стабильными. Подавляющее большинство европейских граждан ощущают серьёзный недостаток информации. Исследование «Евробарометр 297»²⁶ по отношению к радиоактивным отходам от июня 2008 г. выявило, что в 1998 г. 76 % граждан говорили о недостатке информированности в этой области, в то время как в 2008 г. их количество по-прежнему равнялось 74 % от общего числа населения. Мы можем трактовать это скорее как признак растущих потребностей общества относительно знаний по ядерной проблематике, чем увеличение числа обеспокоенных этими вопросами.

Таким образом, мы делаем следующее предположение: деятельность в сфере ядерной энергетики придается огласке, информация

---

²³ Интервью с докторантом ТГУ, работающим совместно со шведскими специалистами над проектом организации летних школ и образовательных проектов на темы ядерных технологий и безопасности. Томск, 24 июня 2015 г.

²⁴ Интервью с заместителем главы департамента европейских исследований ТГУ. Томск, 23 июля 2015 г.

²⁵ Special Eurobarometer 324 : Les Européens et la sûreté nucléaire // Commission Européenne. March, 2010.

²⁶ Special Eurobarometer 297 : Attitudes towards radioactive waste // European Commission. June, 2008.

передается гражданам через СМИ, а также благодаря ассоциациям и политическим партиям. Доступ к информации шире и разнообразнее в Европе. Он дает людям возможность прикоснуться к этой тематике, а деятельность множества различных ассоциаций в этой сфере создает возможность перейти от пассивной обеспокоенности к активному участию.

Влияние информации на гражданское общество

Попробуем оценить влияние информации на степень обеспокоенности гражданского общества. Осведомленность и открытость важны для людей, так как они испытывают потребность быть в курсе темы, особенно темы сложной и специфичной²⁷. В Томске основным таким источником информации является Информационный центр по атомной энергии²⁸. «Росатом» использует его для информирования граждан, в особенности молодежи и школьников, по вопросам функционирования атомных станций. Как говорит руководитель центра, его деятельность действительно оказывает влияние на формирование общественного мнения: «Год за годом центр привлекает все больше людей. С момента открытия центра в 2008 году у нас уже побывало 167.000 посетителей. Статистика показывает, что точка зрения людей меняется после посещения центра. Мы должны генерировать интерес, поощрять тягу к знаниям и любопытство»²⁹.

Руководитель центра утверждает, что они «не подают информацию о ядерной энергетике в негативном или позитивном свете, а лишь излагают факты». Наше мнение несколько отличается от проведенного выше. Оно опровергается, к примеру, фильмом под названием «Мир атомной энергии». Он предлагается центром к просмотру и рассказывает исключительно о достоинствах ядерной энергетике, при этом не упоминается ничего о ядерных отходах, рисках использования ядерной энергии и авариях. Основываясь на этих фактах, сложно говорить о непредвзятости позиции центра «Росатома». Можно понять, что государственная компания,

---

²⁷ Baisnée O. Publiciser le risque nucléaire : La polémique autour de la conduite de rejets en mer de l'usine de La Hague // *Politix*. № 14 (54). Deuxième trimestre 2001. P. 157–181.

²⁸ Более подробно см.: Информационный центр по атомной энергии [официальный сайт]. URL: tomsk.mysatom.ru (дата обращения: 27.11.2016).

²⁹ Интервью с руководителем Томского информационного центра по атомной энергии. Томск, 11 июля 2015 г.

занимающаяся ядерной энергетикой, не будет выставять напоказ опасности и риски своей деятельности (стоит отметить, что европейские компании в сфере ядерной промышленности, к примеру, французская *Areva*, придерживаются точно такой же позиции относительно информации). Тем не менее, без упоминания этих аспектов сложно говорить о предоставлении полной и объективной информации по ядерной тематике.

Хоть некоторые люди и доверяют этой информации полностью, считая, что у государственной корпорации «нет никаких причин, чтобы скрывать информацию»³⁰, другие понимают, что предоставление ядерной промышленности утаивают часть информации, но немногие придают значение этому дискурсу. Осведомленность граждан о проблеме не означает, что они ей заинтересованы. Глава Сибирского экологического агентства видит в недостатке возможностей для выражения альтернативных точек зрения серьезную проблему. Он объяснил нам, что значительный гражданский подъем связан с закрытием ТВ-2 (местного независимого телеканала) административным решением в январе 2015 г.³¹ Отношения с администрацией и властями для членов гражданского общества всегда складываются непросто, и экология остается одной из наиболее сложных для обсуждения тем с точки зрения населения. «Они [ТВ-2] транслировали наши взгляды, они были очень независимыми и открытыми. Но когда дело доходит до выяснений отношений с администрацией, это становится опасным. <...> Проблема – в самих властях и администрации. Пару лет назад люди из Департамента экологии Томска хотели разобраться с ядерным топливом МОХ и другими вопросами по ядерной тематике, но начальство сказала им заниматься птицами»³².

В Европе информационные ресурсы предоставляют информацию самого разного характера. Несмотря на то, что ядерная промышленность и власти контролируют самые значительные каналы для продвижения своей точки зрения³³, в ЕС известно множество независимых исследователей и ассоциаций, старающихся выра-

---

³⁰ Интервью с инженером безопасности исследовательского реактора ИРТ-Т Национального томского политехнического университета. Томск, 8 июля 2015 г.

³¹ Закрытие телеканала ТВ-2 вызвало большое возмущение в Томске, люди выступают за возобновление его вещания. См. об этом: Thousands protest closure threat against TV2 channel in Tomsk // *The Siberian Times*. 2014. 15 дек.

³² Интервью с заместителем главы департамента европейских исследований ТГУ. Томск, 23 июля 2015 г.

³³ *Baisnée O.* Publiciser le risque nucléaire.

жать свое мнение. Информация из разных источников в сочетании с низким уровнем доверия к представителям ядерной промышленности³⁴ приводит к появлению ассоциаций и групп европейского гражданского общества, специализирующихся на ядерной проблематике. В Европе по вопросам, касающимся радиоактивных отходов, люди больше всего доверяют ученым (40 %), после которых идут неправительственные организации (38 %), а сама ядерная индустрия располагается лишь на седьмой позиции с показателем доверия в 12 % на 2008 г.³⁵ Таким образом, предоставление информации в Европе – это ответственность не только государства, но и гражданского общества. По словам президента ассоциации *CRILAN*³⁶, распространение информации в обществе – это их главная цель. «Мы используем наши публикации, а также встречи, демонстрации, бойкотирование работы станций (как это было во Фламанилле в 1977 г. в течение месяца)... и весь спектр законных воздействий. <...> Ядерная промышленность не может быть одновременно и заинтересованной стороной, и тем, кто выносит решения. Общественное мнение предпочитает нейтральность во всем»³⁷.

В Европе различные источники информации играют большую роль в общественных дебатах. Председатель *CRILAN* по-прежнему подчеркивает тот факт, что ассоциации не могут контролировать информационные каналы. Однако они могут и должны контролировать социальные сети и оперативно распространять свои сообщения. Даже если в конечном итоге они не всегда получают желаемый результат, то все равно они влияют на мнение людей в том или ином виде.

Гражданское общество в Европе, судя по всему, имеет большие возможности для распространения своих взглядов, в то время как россияне испытывают с этим трудности. Этот фактор вполне может объяснять низкую степень участия в России, а также слабое развитие экологических движений в стране.

---

³⁴ Special Eurobarometer. № 324.

³⁵ Special Eurobarometer. № 297.

³⁶ Данная французская ассоциация действует на территории департамента Ла-Манш, где на протяжении десятилетий находились ядерные объекты и хранились радиоактивные отходы. Более того, *Areva* строит в регионе новый ядерный реактор EPR. Ассоциация существует на протяжении 40 лет и продолжает бороться против дальнейшего развития ядерной промышленности.

³⁷ Интервью с председателем ассоциации *CRILAN*. 22 июля 2015 г.

Реакция государства и властей на воздействие гражданского общества

Гражданское общество в России не настолько пассивно, насколько это считается в Европе. Его основное отличие заключается в лояльности политическим властям, но это не говорит об отсутствии единства и согласия³⁸. Нам нужно принять во внимание эту особенность, чтобы понять, почему трудно обнаружить в России протестные движения против ядерной энергетики.

Прежде всего важно помнить, что экологические движения в России приобрели большие масштабы в конце 1980-х – 1990-х гг. «С 1987 по 1991 г. общественные движения выступали против продолжавшихся эксплуатации и строительства новых ядерных реакторов на территориях четырех советских республик, где осуществлялась советская ядерная программа. Сочетание политики Михаила Горбачёва и аварии на Чернобыльской атомной электростанции удобрило почву для экологических и антиядерных дебатов в России³⁹. Однако если российские экологические движения и были одними из самых динамично развивавшихся и эффективных форм социальной активности в стране и были способны оказывать влияние на власти во многих сферах, то уже в поздних 90-х они потерпели крах»⁴⁰. «Интенсивность дискуссий серьезно возросла в предыдущее десятилетие. На закате существования СССР многие движения были созданы в России, в том числе в Томске. Но сегодня эти дискуссии носят больше скрытый характер. Они всё ещё ведутся, но не так явно, как раньше»⁴¹.

На сегодняшний день многие экологические движения и неправительственные организации продолжают существовать, и «за последние десять лет в России были созданы сотни работоспособных групп, приспособленных под реальную ситуацию», тем не менее, цели, которые они перед собой ставят, в большинстве своём очень скромны, носят местный характер. Эти группы также сталкиваются с недостатком поддержки со стороны граждан и властей⁴².

³⁸ Désert M. La société civile en Russie.

³⁹ Dawson J. Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. Duke Univ. Press, 1996.

⁴⁰ Henry L. Red to Green. Cornell Univ. Press, 2010.

⁴¹ Интервью с руководителем Сибирского экологического агентства. Томск, 24 июля 2015 г.

⁴² Henry L. Red to Green.

Томский областной экологический комитет, созданный в 1989 г. для того, чтобы справиться с природными и экологическими проблемами региона (включая вопросы загрязнения воздуха и радиационного загрязнения от установки в Северске), является хорошим примером такого прогресса. Комитет работал довольно эффективно, но был упразднен в мае 2000 г., так как Президент Владимир Путин принял решение, что защита окружающей среды – это непозволительная роскошь⁴³.

Мы обнаруживаем здесь новый аспект трудностей для экологических неправительственных организаций – отсутствие поддержки, которая в отношениях с властями может значить очень многое. Российское правительство, как мы уже упомянули, считает ядерную энергетику вопросом национальной безопасности. Вот почему активистам-экологам редко позволяют высказывать свою позицию по этому вопросу и говорить о непозволительности некоторых его аспектов. Различные группы чиновников даже прибегают к запугиванию активистов с целью заставить их замолчать. Активисты в России уже были вынуждены просить политического убежища за рубежом, так как им не позволяли публично выразить свое мнение. Российские власти также прибегали к воздействию на процессуальном уровне, чтобы не иметь дела с неудобными вопросами. В октябре 2000 г. было собрано 2,5 млн подписей в поддержку петиции о проведении конституционного референдума по трём вопросам (воссоздание национального экологического комитета, развитие лесного хозяйства и запрет на ввоз ядерных отходов в Россию из-за рубежа). Однако референдум не состоялся, так как 600 тыс. подписей были признаны недействительными⁴⁴. Выступления иногда могут даже караться тюремным заключением, как в случае с журналистом Григорием Пасько в 2001 г., которого осудили за съёмку и трансляцию того, как российские корабли сбрасывали ядерные отходы прямо в Японское море⁴⁵, так как состояние экологии посчитали в России конфиденциальной информацией⁴⁶. Один из интервьюируемых рассказал нам: «В России гражданское общество заботится о тех сферах, о которых государство заботиться не же-

⁴³ Marquand J. Development Aid in Russia, Lessons from Siberia. L. : Palgrave Macmillan, 2009.

⁴⁴ Vorobev D. Ecological referendums in Russia // Отеч. зап. 2005.

⁴⁵ Melis N. Comment la Russie devient la poubelle nucléaire du monde // Le Monde Diplomatique. Feb, 2002.

⁴⁶ Более подробно см.: Raviot J.-R. L'écologie aux frontières de la raison d'État en Russie // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2005. Гл. 36.

ляет»⁴⁷. Как мы уже сказали, окружающая среда и ядерная энергетика являются национальными государственными прерогативами, и гражданское общество не может в них вмешиваться. Государство может разъяснять происходящее и спрашивать граждан об их мнении, но в конечном итоге мнения этих граждан ничего не решают. Эти примеры показывают, насколько трудна борьба российских неправительственных организаций: они борются за свое дело, а государство постоянно мешает им в этом.

В ходе нашего исследования этот аспект выделил глава Сибирского экологического агентства, сфокусировав внимание на его юридической стороне. В действительности за последние десять лет было принято несколько законов, затрудняющих деятельность ассоциаций и гражданского общества. Самым важным из них является закон об иностранных агентах от 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Он принуждает организации, осуществляющие политическую деятельность и получающие финансирование из зарубежных источников, регистрироваться в статусе иностранного агента (что создает для их деятельности значительные трудности). «Количество организаций гражданского общества сократилось из-за недостатка финансирования. Многие из них получали деньги из-за рубежа, а эти законы нарушили функционирование системы гражданского общества»⁴⁸. Более того, неправительственные организации испытывают трудности в распространении информации, так как местные власти не позволяют им делать это. Например, в 2009 г. были проведены общественные слушания по вопросу строительства нового реактора в Северске. Но администрация сделала все хитро, организовав слушания не в Томске, а в Северске и проинформировав всех о проведении мероприятия за 30 дней, в то время как ждать получения пропуска в Северск необходимо в течение 45 дней. В результате в администрации Томска люди могли слушать дебаты, но не могли участвовать в них⁴⁹.

---

⁴⁷ Интервью с докторантом ТГУ, работающим совместно со шведскими специалистами над проектом организации летних школ и образовательных проектов на темы ядерных технологий и безопасности. Томск, 24 июня 2015 г.

⁴⁸ Интервью с координатором проектов, одним из директоров неправительственной организации «Обыкновенное чудо». Томск, 30 июня 2015 г.

⁴⁹ Интервью с заместителем главы департамента европейских исследований ТГУ. Томск, 23 июля 2015 г.

В Европе, безусловно, среда деятельности экологических неправительственных организаций более прозрачна, и они встречают меньше препятствий на своем пути. Во Франции, например, такие ассоциации создали общую сеть под названием «Ядерный отказ». Хотя акторы гражданского общества в ЕС и осознают свою слабость, они все равно чувствуют, в отличие от россиян, что их действия могут что-либо изменить. Председатель ассоциации *CRILAN* во Франции, отвечая на вопрос: «Считаете ли вы, что имеете возможность оказывать влияние на ядерную промышленность или политические власти?», сказал следующее: «Не очень серьезное... меньшее, чем мы бы хотели. Но мы не совсем беспомощны. К примеру, во Фламанвилле только два реактора были построены вместо запланированных четырех... в Гааге только одна из двух станций продолжает работу из-за сокращения иностранных контрактов по вывозу ядерных отходов (чему мы содействовали лично)... и некоторые проекты были закрыты из-за давления общественности, как в случае реактора Суперфеникс в 1997 году»⁵⁰.

На многих примерах видно, что если граждане не полностью удовлетворены результатом своей работы и думают, что могли бы сильнее повлиять на общественное мнение, то конечный результат их действий будет гораздо ощутимее. Это лишь одна иллюстрация, но подобная ситуация наблюдается в разных странах ЕС как на национальном, так и на местном уровне.

Стоит отметить, что хотя роль медиа и информации важна для экологической мобилизации гражданского общества, она во многом зависит от политических и экономических властей. Европейские неправительственные организации имеют гораздо больше возможностей для трансляции своей позиции и влияния на общественное мнение, в то время как россиянам приходится иметь дело с административными барьерами и недоверчивыми гражданами, которых тяжело вовлечь в социальную активность. Российские власти пытаются избежать диалога с гражданским обществом по ядерной энергетике или минимизировать его ввиду неоднозначности темы. Эта позиция властей по отношению к своим гражданам наводит на мысль о низкой степени их вовлеченности в жизнь общества и заботы о людях.

Таким образом, мы выявили несколько различий между Россией и ЕС. Это различия в менталитете и представлениях, которые влияют на направление развития гражданского общества. Россия благодаря своему географическому положению и своей истории была

---

⁵⁰ Интервью с председателем ассоциации *CRILAN*. 22 июля 2015 г.

подвержена влиянию как из Европы, так и из Азии. Тем не менее, западное влияние в значительной степени формирует характер современной российской культуры и общества. Меняется ли эта ситуация в связи с последними событиями? Желает ли Россия пойти по своему собственному пути, в отрыве от европейского наследия?

Существует ли гражданское общество в Европе?

Довольно сложно определить европейское гражданское общество как целостный элемент из-за разнородности его внутренних акторов⁵¹. Исторически европейское гражданское общество основывается на профсоюзах в рамках общей поддержки борьбы за равенство. Но эти движения сформировались в ранние годы XX в., будучи ориентированными на технократическую модель Европы, и в наши дни такая модель слабеет. «Гражданское общество» теперь – обобщенный термин, используемый для узаконивания деятельности групп, представляющих чьи-либо интересы. Если на определенном этапе появление единого европейского гражданского общества виделось возможным, то сейчас очевидно, что по-прежнему сохраняются многие разъединяющие элементы (культурные, лингвистические), и степень единства во многом определяется наличием реальной воли к переменам⁵².

По классификации гражданских обществ Р. С. Сальгадо, европейское гражданское общество может быть определено как либеральное, поскольку основано на принципах плюрализма, который является одной из наивысших ценностей гражданского общества (табл. 9).

Таблица 9

Концепции гражданского общества⁵³

Критерии	Либеральные (политически и экономически)	Гегелевские	«Взгляд древних»
Приоритет ценностей	Приоритетно то, что справедливо, а не то, что полезно	Приоритетна полезность, воплощённая в государстве	То, что полезно, приоритетнее того, что справедливо

⁵¹ Sanchez S. R. La société civile européenne : les usages d'une fiction.

⁵² Gobin C. De l'Union européenne à ... l'eupéanisation des mouvements sociaux? // Revue internationale de politique comparée. 2002. № 1 (9). P. 119–138.

⁵³ Sanchez S. R. La société civile européenne : les usages d'une fiction.

Критерии	Либеральные (политически и экономически)	Гегелевские	«Взгляд древних»
Место универсальности	Универсальность относительна	Универсальность воплощена в государстве	Универсальность воплощена в Боге или природе
Место ассоциаций и интересов групп	Плюрализм	Корпоратизм, этатизм	Взаимодействие между группами и государством не затруднено
Место государства	Разделение между гражданским обществом и государством	Единение между государством и гражданским обществом	Государство – это синоним гражданского общества

Теперь мы попытаемся понять, под какое из определений, согласно этой классификации, попадает российское гражданское общество, и каких взглядов оно придерживается по отношению к европейскому гражданскому обществу. Если история показывает важность влияния Европы на Россию, то актуальная ситуация довольно сильно изменилась, особенно в последние годы.

Российское гражданское общество считает себя особенным

Российская модель гражданского общества находилась под влиянием различных тенденций, основываясь на авторитарном наследии в сочетании с религиозными традициями. Это влияние все еще ощущается в современной России. Согласно классификации, предложенной Р. С. Сальгадо, российское гражданское общество расположено ближе к гегелевскому типу: его акторы формируют собой корпоративные группы, привязанные к государству (что противоположно плюрализму), и они действуют совместно с ним. В данной ситуации отсутствует полное разобщение, но в то же время понятие «государство» не синонимично понятию «гражданское

общество», так как правительство России стремится к контролю над ним⁵⁴.

Таким образом, российское и европейское гражданское общество несколько различаются. Но как акторы гражданского общества воспринимают это? Некоторые граждане считают, что их общество уникально, что его невозможно сравнивать с европейским, и они подтверждают в своих комментариях наши выводы о гражданском обществе, контролируемом государством: «В России другая культура и другие традиции... Иногда российское общество в чем-то совпадает с европейским, но в большинстве своём они противоположны. Государство оказывает здесь большее влияние на гражданское общество, чем наоборот. С одной стороны, государство хочет, чтобы гражданское общество развивалось... Я имею в виду, что неправительственные организации должны искать финансирование и решать социальные проблемы. Но в то же время государство делает ситуацию всё сложнее для ассоциаций»⁵⁵.

Сотрудница Томского государственного университета продемонстрировала иной взгляд на российское гражданское общество и на то, как люди воспринимают себя в этот антиевропейский период. По её словам, в России нет настоящего гражданского общества, так как у граждан нет обязанностей. Более того, отсутствие инициативы снизу, «нехватка диалога между гражданским обществом» и действия властей создают реальные проблемы, как мы уже подчеркивали ранее, говоря об экологических движениях⁵⁶.

В итоге перед нами предстают две позиции: одна выражает идею уникальности гражданского общества, другая доказывает, что этого гражданского общества практически не существует. Российская концепция гражданского общества, дополняющего государство и участвующего в подавлении альтернативных социальных движений, действительно уникальна. Эта позиция, поддержанная В. Путиным, оставляет меньше места для критики власти и инакомыслия. Такая концепция активно критикуется, особенно западными исследователями. Например, в 2012 г. на фоне выборов в России некоторые наблюдатели

⁵⁴ Daucé F. Russie 2012 : la difficile incarnation politique de la société civile // Presses de Sciences Po. Févr. 2012. Для получения более подробной информации о контроле российских властей над гражданским обществом в России см.: Merlin A., Brenez L. Face au pouvoir russe, des mobilisations ténues mais vivaces // Critique internationale. 2012. № 2 (55). P. 9–16

⁵⁵ Интервью с координатором проектов, одним из директоров неправительственной организации «Обыкновенное чудо». Томск, 30 июня 2015 г.

⁵⁶ Интервью с антропологом ТГУ. Томск, 14 июля 2015 г.

писали о «пробуждении» российского гражданского общества, считая его неэффективным до этого момента⁵⁷. Теоретики соревновательного авторитаризма С. Левитски и Л. Уэй также были настроены критически, говоря о том, что в России «разделение ветвей власти иллюзорно, а медиа находятся под контролем правительства»⁵⁸. Таким образом, иностранные наблюдатели и исследователи также расходятся во мнениях, только в более критическом ключе.

Определение российского гражданского общества может быть более сложным, в зависимости от контекста и его восприятия акторами. Россия и ЕС одновременно имеют общие корни и очень разную историю, что объясняет различия между двумя соседями. Однако существует ли со стороны России желание пойти по европейскому пути?

Построение уникальной социальной модели

Россия всегда воспринимается в качестве «плохого ученика» Европы⁵⁹. Текущий контекст напряженных дипломатических отношений между Россией и ЕС не ведет к положительному восприятию странами друг друга. В наших интервью с небольшим перевесом большинство отстаивало идею сильных связей между гражданским обществом в России и Европой: «Исторически отношение к Европе часто менялось, но после Петра I Европа всегда оставалась моделью для подражания в культуре, языке... Идея евразийства серьезно раздражает меня. Все сейчас поворачивается к Азии потому, что видят лишь негативные стороны Европы»⁶⁰.

Однако большинство интервьюируемых все еще ощущают большую разницу между Россией и ЕС. Это не означает, что у россиян отсутствует желание его сократить и принять европейскую модель. Тем не менее, Россия остается самобытным и независимым актором для большинства своих граждан: она пыталась подражать европейской модели, но безуспешно. По словам некоторых интервьюируемых, Россия «хотела бы следовать европейской модели, но по определенным причинам не может. Это следствие традиций, политики и религии»⁶¹.

⁵⁷ Daucé F. Russie 2012 : la difficile incarnation politique de la société civile.

⁵⁸ Rupnik J. Géopolitiques de la démocratisation : L'Europe et ses voisinages // Presses e Sciences. Po. 2015.

⁵⁹ Désert M. La société civile en Russie.

⁶⁰ Интервью с антропологом ТГУ, Томск, 14 июля 2015 г.

⁶¹ Интервью с координатором проектов, одним из директоров неправительственной организации «Обыкновенное чудо».

Каждое общество уникально и разнородно, но «российское – единственное в своем роде». Со стороны Европы оно часто воспринимается как пассивное, но это скорее проявление лояльности к власти. Особенность российского гражданского общества, которое особенно контрастно выделяется на фоне европейского, состоит в том, что оно не идет против позиции государства. Российское гражданское общество одобряет и поддерживает государство, когда оно терпит неудачи⁶².

Как следствие, для России европейскую модель сложно копировать, что подтверждают примеры «праздника соседей» (европейская модель) и российского «дня двора»⁶³. В Европе нет большого восхищения этим праздником, однако каждый что-то готовит и приносит, чтобы поделиться. В России люди поют и танцуют, но ничего не приносят с собой. Они ожидают, что организатор все для них приготовит, что происходит и в ситуации с государством.

Хоть Европа и не может быть моделью для российского гражданского общества, она его вдохновляет, порой в форме протестов. Члены гражданского общества практикуют новые формы действия в современной России, создавая их собственную модель вне европейской парадигмы. Выбор, который есть у граждан, задается средой, ресурсами и властями⁶⁴. Как мы видим, российское гражданское общество сталкивается с большим противодействием, чем его европейские оппоненты, в вопросах представления своей позиции, особенно в публичном пространстве. По наблюдениям Т. Шукан, специализирующейся на уличных демонстрациях, на том, как новые гражданские движения противостоят силам полиции, эта форма протеста заключается в совершении ненасильственного действия, окрашенного определенным смыслом, в юмористической и непрямой форме, которая обратит на себя внимание людей без прямой конфронтации с властями. Отличие от западных перформансов заключается в том, что они появились не с целью выделиться на фоне прошлого, но для преодоления новых барьеров и сложностей. Так что это хороший пример уникальности модели, которую российское общество старается построить.

Ядерная энергетика является важным элементом силы России на международной арене, и она практически не подвергается критике членами гражданского общества. Ядерные технологии свя-

⁶² Désert M. « La société civile en Russie » // Études 2014. № 5 (mai). P. 7–17.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ См.: Shukan T. Les mouvements de jeunes contestataires en Russie : s'opposer dans la rue et par la rue (2005–2010) // Critique internationale. 2012. № 2 (55). P. 51–71.

зываются с идеями прогресса. Они (технологии) разрабатывались год за годом, сделав в итоге Россию признанным мировым лидером в этой области⁶⁵. Реальное влияние акторов гражданского общества на власти и их решения по ядерной промышленности весьма незначительно даже в Европе. Основные различия между Россией и ЕС в этих вопросах сходятся к аспектам доступа к информации и давления властей.

Концепция участия является крайне важной для понимания того, как граждане могут справиться с проблемами, реагировать на них или же оставаться пассивными. Привязанность или чувствительность к определенному объекту или проблеме заложена в основах гражданского общества⁶⁶. В России привязанность к вопросу ядерной энергетики связана больше с повседневной обыденностью. Некоторые члены российского гражданского общества стараются самостоятельно формировать позицию за или против данного типа энергии, но их деятельность ослабляется недостатком публичности и противостоянием политическим и промышленным силам.

* * *

Результаты наших исследований позволяют сделать вывод о том, что члены гражданского общества в России испытывают трудности в выражении альтернативных точек зрения. Примеры Сибирского экологического агентства и независимого телеканала ТВ-2 говорят сами за себя. Когда мы сравниваем эти факты с каналами выражения своих позиций, которые используют ассоциации в Европе, мы замечаем определенное отставание. К тому же действия властей, которые мешают работе экологических активистов или, по крайней мере, не способствуют ей, создают совсем иную ситуацию. Мы подчеркивали тот факт, что неправительственные организации, занимающиеся ядерной энергетикой, раньше существовали в России, но они испытывали серьезные трудности в работе из-за давления на законодательном уровне.

---

⁶⁵ Интервью с вице-президентом регионального отделения корпорации «Росатом» в Западной Европе.

⁶⁶ *Brunet P.* De l'usage raisonné de la notion de « concernement » : mobilisations locales à propos de l'industrie nucléaire.

В то же время поводов для тревоги нет, так как российское гражданское общество далеко от пассивности. Это представление, иногда воспроизводимое европейскими или западными аналитиками, является результатом ошибочного восприятия ситуации⁶⁷. Даже если результаты деятельности экологических движений в России не очень заметны, эти движения все же продолжают активно функционировать. Они сталкиваются с законодательными и организационными барьерами, но, тем не менее, продолжают свою борьбу. Наглядность результатов деятельности европейских неправительственных организаций делает их посыл более ясным для понимания гражданским обществом и усиливает их воздействие. Это является ключевым моментом для понимания разницы между двумя типами гражданского общества.

Может ли модель европейского гражданского общества оказаться подходящей для России с точки зрения разрешения ядерной проблематики? Если на первый взгляд ответ кажется отрицательным, то некоторые нюансы меняют наше представление о картине в целом. Во-первых, российское и европейское гражданское общество имеет разное происхождение и разные типы моделей. В Европе гражданское общество соответствует либеральной модели и противостоит государству в рамках концепции совершенствования через противоречия⁶⁸. Российское гражданское общество ближе к гегелевской модели, дополняющей государство. Оно выполняет функции поддержки государства, а не противопоставлено ему. Это различие не всегда воспринимается корректно и ошибочно понимается в Европе как проявление пассивности.

Между тем, Европа вдохновляет Россию и оказывает на неё определенное влияние. Многие акторы гражданского общества, которых мы упоминали, говорили о важности Европы для России в качестве модели для подражания, и многие элементы российской культуры также заимствованы у Европы⁶⁹. Текущий контекст, выражающийся во всплеске патриотизма в России и обостренный конфликтом на Украине и кризисом в дипломатических отношениях с ЕС, выражается в преуменьшении или даже игнорировании европейского наследия в пользу уникальности российской модели. Европейская модель, хоть она и вдохновля-

---

⁶⁷ *Désert M.* La société civile en Russie.

⁶⁸ *Sanchez S. R.* La société civile européenne : les usages d'une fiction.

⁶⁹ Интервью с антропологом ТГУ.

ла модель российскую, не обязательно должна подходить России. Некоторые и вовсе отказываются воспринимать европейскую модель в качестве образца и следовать ей, считая, что она им не подходит⁷⁰. Опыт применения европейских форм дискуссий в России показывает необходимость их адаптации на российской почве. Необходимыми также являются изменения в отношениях между властями и гражданским обществом с целью дать неправительственным организациям больше возможностей. Гражданское общество в России эволюционирует и старается дорасти до уровня европейского наследия, которое оно стремится превзойти, следуя стремлениям к автономности и своеобразию.

Глава 16

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ УРАЛА, ПОДВЕРГШИХСЯ РАДИОАКТИВНОМУ ЗАРАЖЕНИЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИЙ НА ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ «МАЯК»

В. Д. Камынин

Атомный комплекс сыграл значительную роль в истории России второй половины XX в., более того, он существенно определял ее политическое и социально-экономическое развитие. Огромный вклад в его создание внес Уральский регион, превращению которого в крупнейший оборонный центр способствовали благоприятный геополитический фактор и наличие высококвалифицированной рабочей силы, накопившей большой опыт работы на оборонных предприятиях, и руководителей, способных работать в условиях мобилизационной экономики. Удаленный от государственных границ страны, Урал был удобен для управления и осуществления оперативной связи с центром.

---

⁷⁰ Интервью с координатором проектов, одним из директоров неправительственной организации «Обыкновенное чудо».

На Урале в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны было организовано многопрофильное атомное производство. На территории Челябинской и Свердловской областей были возведены первые действующие атомные объекты в СССР, начавшие освоение внутриядерной энергии в промышленных масштабах. Среди этих объектов выделяется завод № 817 (ныне ПО «Маяк», г. Озерск). Актуальность обращения к изучению его истории определяется двумя обстоятельствами. С одной стороны, ПО «Маяк» сыграло огромную роль в производстве оружейного плутония для первой советской атомной бомбы. С другой, именно в результате производственной деятельности этого предприятия произошли три крупных радиационных аварии, имевших масштабные последствия для экологии и социальной сферы Урала.

В главе анализируются основные направления политики Советского государства, направленные на минимизацию для населения последствий радиационных аварий на Урале, а также законодательство Российской Федерации, имеющее целью реабилитацию и обеспечение безопасности населения, проживающего в районах радиационных аварий.

В таком ракурсе исследование проводится впервые. Его методологической основой стала теория мобилизационного общества, согласно которой основной особенностью развития России на всех этапах ее истории является «доминирование политических факторов и, как следствие, гипертрофированная роль государства в лице правительства или центральной власти. Последние, используя различные меры контроля, опеки, попечительства, принуждения и прочих регламентаций, стремятся решить встающие проблемы, беря инициативу на себя»¹.

Источниками для изучения обозначенной проблемы стали рассекреченные и опубликованные на рубеже XX–XXI столетий документы по истории создания атомной промышленности в СССР² и законодательные акты Российской Федерации, направленные на обеспечение социальной защиты населения, пострадавшего в результате радиационных аварий, которые стали активно приниматься после чернобыльской катастрофы. Мы опираемся также на опубликованные отчеты

---

¹ Фомотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : Наука, 1993. С. 96.

² См.: Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. М. : Физматлит ; Саров : ВНИИЭФ, 1999–2000. Т. 2. Атомная бомба. Кн. 1. 719 с. ; Кн. 2. 640 с.

по обследованию современной экологической ситуации на территории Челябинской области, проведенному, в частности, Министерством по радиационной и экологической безопасности Челябинской области³. Кроме того, использовались некоторые документы международного сотрудничества в области обеспечения ядерной безопасности.

Определенное значение для раскрытия темы исследования имеют ставшие в последние десятилетия достоянием научной общественности документы личного происхождения. Некоторые сведения об атомной промышленности имелись в немногочисленных воспоминаниях, опубликованных еще в советский период. О характере содержащейся в них информации многое могут рассказать воспоминания М. Г. Первухина (1904–1978), входившего с августа 1945 г. в состав Спецкомитета по атомным делам при Совнаркоме СССР (СК). Они были написаны в 1974 г. и направлены для внутреннего использования в Минсредмаше СССР. В опубликованных в 2000-е гг. дочерью М. Г. Первухина воспоминаниях отца содержатся следующие данные о создании завода № 817: «В 1946 г. началось строительство первого атомного завода с установкой уран-графитовых реакторов. В течение двух лет были построены основные сооружения. Сам реактор был расположен в подземном здании в пять этажей. Управление реактором расположено в отдельном надземном здании. Был построен комплекс зданий химического завода с большим подземным хозяйством для выделения плутония из облученного в реакторе урана. Для хранения радиоактивных отходов были сооружены подземные хранилища. Отдельно был построен комплекс зданий для получения изделий из металлического плутония»⁴.

Массовый характер приобрела публикация мемуаров, дневниковых записей и других источников личного происхождения на рубеже XX–XXI столетий, когда увидели свет воспоминания

---

³ См.: Областной доклад о состоянии здоровья населения и деятельности учреждений здравоохранения Челябинской области. Челябинск : [Б. и.], 2003; Комплексный доклад о состоянии окружающей среды Челябинской области в 2010 г. Челябинск : Б. и., 2011 ; Комплексный доклад о состоянии окружающей природной среды в Челябинской области в 2011 г. Челябинск : [Б. и.], 2012 ; Отчет по экологической безопасности ФГУП «ПО Маяк» за 2012 г. // РосРАО [официальный сайт]. URL: <http://www.rosrao.ru/wps/wcm/connect/rosrao/rosraosite/resources.pdf> (дата обращения: 13.03.2016).

⁴ См.: Первухин М. Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 121–136.

директора ПО «Маяк» Б. В. Броховича⁵ и непосредственных участников создания ПО «Маяк»⁶.

История изучения проблемы

История изучения деятельности ПО «Маяк» и вызванных ею последствий находится в самом начале. Поскольку деятельность предприятий атомной промышленности в советское время относилась к области государственных секретов, то публикации по ядерной тематике были представлены главным образом научно-популярными изданиями. Известный российский исследователь истории советского ВПК Н. С. Симонов так характеризует степень изученности проблемы в советское время: «В отечественной историографии послевоенной советской истории ссылки на “кадровые военные заводы”, равно как и показатели объемов производства военной продукции отсутствуют. Инструкции Главлита запрещают упоминание в открытой печати оборонных предприятий, НИИ и КБ, мест их дислокации и ведомственной принадлежности»⁷.

В годы перестройки, когда стали вскрываться «белые пятна» в отечественной истории, в периодическую печать стали попадать сведения о радиационных катастрофах на Урале⁸.

⁵ См.: Брохович Б. В. Игорь Васильевич Курчатова на Южном Урале – в Челябинске-40 : воспоминания ветеранов (Челябинск-65). Озерск : Тип. ПО «Маяк», 1993; *Его же*. Славский Е. П. : воспоминания сослуживца (Челябинск-65). Озерск : Тип. ПО «Маяк», 1995 ; *Его же*. Химический комбинат «Маяк» : История. Серпантин событий : воспоминания. Озерск : Тип. ПО «Маяк», 1996.

⁶ См.: Дворянkin И. Мы были первыми... // Озерск. вестн. 1993. 4 июня ; Елфимов Ю. После взрыва (из воспоминаний) [ВУРС – 30 сентября 1957 г.] // Там же. 1994. 9 апр. ; Трякин П. И. Аннушка [завод «А»] // Там же. 1996. 20 июня ; Полухин Г. А. Атомный первенец России – ПО «Маяк» : Ист. очерки : в 2 ч. Озерск : Тип. ПО «Маяк», 1998 ; Творцы ядерного щита : Краткая история ПО «Маяк» и г. Челябинска-65, ныне Озерска (1948–1998 гг.) : сб. воспоминаний / отв. ред. П. И. Трякин. Озерск : Тип. ПО «Маяк», 1998 ; След 57 года : сб. воспоминаний ликвидаторов аварии 1957 г. на ПО «Маяк» / ред.-сост. Г. А. Чернецкая. Озерск : ФГУП «ПО «Маяк», 2007; и др.

⁷ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. С. 7.

⁸ См.: Чертков В. «Объект особого назначения» // Правда. 1989. 4 марта ; Смирнов С., Белковский С., Полушин А. Ядерная авария // Комсомольская правда. 1989. 15 июля ; Иллеи А. За тридцать лет до Чернобыля // Там же. 1990. 10 янв. ; Бородинков А. «Предтеча Чернобыля» : Лишь 40 лет спустя открыли нам страницы той драмы, что прежде именовалась подвигом во имя создания ядерного щита // Моск. новости. 1991. Май (№ 19) ; Никитина А. «Мутанты» // Комсомолец. 1991. 31 мая.

История завода № 817 по производству оружейного плутония стала объектом подлинно научного исследования лишь на рубеже XX–XXI столетий. В это время стали появляться работы по изучению процесса реализации урановой проблемы на ПО «Маяк» и его последствий. А. К. Круглов, В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков, Л. В. Шубарина, В. В. Алексеев, В. Н. Кузнецов, В. И. Ларин, Л. П. Сохина, О. Ю. Жарков свое внимание сосредоточили главным образом на технических, политико-экономических и экологических аспектах истории советского атомного проекта. Повседневная жизнь людей, работавших на ПО «Маяк», а также закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) г. Озерска, освещена в исследованиях В. Н. Кузнецова, В. Н. Новоселова, Н. В. Мельниковой и др. Некоторые особенности политики Советского государства в отношении предприятий атомной промышленности и населения, проживавшего на территории ЗАТО, охарактеризованы в работах В. Н. Новоселова, В. С. Толстикова и др.

Следует отметить, что наиболее крупные исследования по истории деятельности ПО «Маяк» были созданы в 1990-е гг., когда начали открываться архивы по истории создания советского атомного проекта. В 2000-е гг. документы по данной проблеме вновь стали засекречиваться, и исследователи перешли к изучению частных вопросов. Таким образом, освещение проблемы политики государства в отношении территорий Урала, подвергшихся радиоактивному заражению в результате аварий на ПО «Маяк», в отечественной литературе нельзя считать исчерпывающим.

Зарубежные исследователи также интересуются историей создания атомной промышленности на Урале. Одним из первых опубликовал результаты своего научного расследования по теме радиационной катастрофы 1957 г. на Урале советский биолог Ж. А. Медведев, с 1973 г. живший в Англии и сотрудничавший с лондонским Национальным институтом медицинских исследований. Впервые сведения о катастрофе, почерпнутые автором из публикаций в открытых научных журналах СССР, появились в ноябрьском номере журнала *New Scientist* за 1976 г. Позже вышла его книга на ту же тему *Nuclear Disaster in the Ural* («Ядерная катастрофа на Урале»). Фрагменты исследования Ж. А. Медведева увидели свет в нашей стране только в начале 1990-х гг.⁹

⁹ См.: Медведев Ж. А. Ядерная катастрофа на Урале (главы из книги) // Энергия: экономика, техника, экология. 1990. № 1–3; *Его же*. Новое о ядерной катастрофе на Урале // Там же. № 10–11; *Его же*. Атомный ГУЛАГ // Поиск. 1994. № 33–34. 10–16 сент.

Из современных изданий на данную тему можно отметить книгу американского ученого Д. Холловэя, в которой впервые советская ядерная политика рассматривается не как взаимодействие отдельных людей, учреждений и обстоятельств, как продукт советской системы и марксистско-ленинской идеологии или как выражение интересов какого-либо вождя. Автор проанализировал ее в контексте истории холодной войны. Правда, это мало что меняет концептуально, ибо Д. Холловэй ответственность за развязывание холодной войны и гонки вооружений возлагает на И. В. Сталина¹⁰.

Политика Советского государства в отношении территорий Урала, подвергшихся радиационному заражению в результате аварий на ПО «Маяк»

Государственная политика в отношении территорий Урала, подвергшихся радиационному заражению в результате аварий на ПО «Маяк», характеризуется рядом особенностей. Существует принципиальное отличие между политикой Советского государства и соответствующей политикой современной России.

Из того факта, что советским атомным проектом руководил Совнарком во главе с заместителем председателя правительства Л. П. Берия, в подчинении которого находились все хозяйственные и научные учреждения, участвовавшие в реализации проекта, а многие решения принимались на уровне правительства¹¹, следует, что все проблемы, возникшие в процессе создания атомной промышленности на Урале, и его последствия являлись результатом политики Советского государства. Для нее были характерны строжайший режим секретности в отношении предприятий атомной промышленности и закрытых территорий, а также отсутствие опыта действий в условиях чрезвычайных ситуаций, постоянно возникавших в результате аварий на атомном производстве.

Строжайший режим секретности соблюдался уже при выборе площадок для строительства заводов, который осуществлялся в соответствии с решением СК от 28 сентября 1945 г. (протокол № 5)¹².

---

¹⁰ См.: Холловэй Д. Сталин и бомба : Советский Союз и атомная энергия : 1939–1956 гг. Новосибирск : Сибир. хронограф, 1997. С. 477.

¹¹ См.: Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 1. С. 11.

¹² Там же. С. 27–35.

О значении завода № 817 для Советского государства свидетельствуют следующие факты. За выбор места для его строительства отвечал лично Б. Л. Ванников – начальник Первого главного управления (ПГУ) при ГКО СССР (впоследствии – Минсредмаша), которое занималось строительством создававшейся отрасли и ее управлением¹³. Научным руководителем предприятия был назначен академик И. В. Курчатов – научный руководитель советского атомного проекта. Статус академика позволял И. В. Курчатову беспрепятственно решать задачи на государственном уровне. Он давал рекомендации по выбору места для строительства завода № 817. Именно И. В. Курчатов в своем письме на имя Л. П. Берия от 14 ноября 1945 г. разработал схему для маскировки будущего завода на местности. Он настоял на необходимости размещения площадки под строительство в районе оз. Кызыл-Таш в 75 км к северу от Челябинска, аргументировав такой выбор тем, что вода на градириях должна иметь температуру около 80°, что неизбежно при сбросе будет приводить к выделению пара, особенно в зимнее время, и демаскировке площадки с воздуха. Дело значительно упросталось при расположении завода вблизи озера, что позволяло охлаждать в нем воду и избежать ее парения. Более того, предлагаемая площадка должна была быть создана в озерной полосе Урала, где на небольшой территории расположено большое число озер тех же очертаний, что и Кызыл-Таш¹⁴.

Решение о строительстве завода было принято 1 декабря 1945 г. Постановлением СНК СССР «О заводе № 817»¹⁵. Главным объектом предприятия стал атомный реактор¹⁶. 1 июня 1948 г. государственная комиссия приняла объект «А» (реакторное производство) в эксплуатацию¹⁷. 18 июня 1948 г. на промышленном реакторе завода № 817 впервые на территории Европейского континента был выработан плутоний путем облучения урана на урано-графитном реакторе¹⁸.

¹³ Первый ракетный нарком Борис Львович Ванников // Виртуальный музей космонавтики [интернет-портал]. URL: <http://virtualcosmos.ru/index.php/2016/03/10/1narcom/> (дата обращения: 04.09.2016).

¹⁴ Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 2. С. 354–355.

¹⁵ Приложение 1 // Атомный проект СССР. Т. 2. Кн. 2. С. 73.

¹⁶ Доллежалъ Н. А. У истоков рукотворного мира : Записки конструктора. М. : Знание, 1989. С. 56.

¹⁷ Шевченко В., Трякин П. Объект «А» // Творцы ядерного щита : Краткая история ПО «Маяк» и г. Челябинска-65, ныне Озерска (1948–1998 гг.). С. 92.

¹⁸ Новоселов В. Н. ВПК Южного Урала в 1945–1965 гг. // Промышленность Урала в XIX–XX вв. М. : АИРО-XX, 2002. С. 286.

Получение делящихся материалов для ядерного оружия представляло собой сложную задачу. При создании реактора на заводе № 817 и вводе его в эксплуатацию в условиях острого дефицита времени руководство страны пошло на рискованный шаг: атомное промышленное производство запускалось на основе технологии, разработанной в институтах Академии наук СССР, и доводилось до оптимального состояния уже в условиях действующих предприятий.

Нестабильная технология и множество неизвестных эффектов, ею вызванных, стали причинами сотен технологических нарушений, инцидентов и аварий, большинство из которых пришлось на период с 1948 г. до середины 1950-х гг.

Выбросы радиоактивных веществ в атмосферу, ставшие результатом деятельности реактора на заводе № 817, из-за несовершенства использовавшегося в первые годы газоочистительного оборудования вносили существенный вклад в формирование радиационной обстановки и облучение жителей близлежащих населенных пунктов, в особенности населения Озерска, расположенного в 10 км от промышленной площадки. Радиоактивные газы и аэрозоли поступали в атмосферу как в результате штатной деятельности предприятия, так и в результате аварий.

Масштабные последствия для населения Урала имели три крупных радиационных аварии, произошедших в результате производственной деятельности ПО «Маяк». Все они были связаны с нерешенностью проблемы радиоактивных отходов, которых на данном предприятии образовалось огромное количество.

Еще до начала промышленного производства плутония в июле 1947 г. после длительных консультаций было принято решение о сбросе высокоактивных жидких радиоактивных отходов (ЖРАО) радиохимического производства химкомбината в мелководную реку Теча, которую население использовало в хозяйственно-бытовых целях и которая была частью огромной речной системы Теча – Исеть – Тобол – Иртыш – Обь¹⁹. Массовый сброс ЖРАО в Течу начался в марте 1949 г. и продолжался по ноябрь 1951 г. За этот период в нее было сброшено 95 % всех радионуклидов²⁰. Всего за 21 месяц в речную систему было сброшено не менее 76 м³ высокоактивных ЖРАО

¹⁹ Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность СССР. М. : ЦНИИ Атоминформ, 1994. С. 92.

²⁰ Евланов Д. С. Теча – 50 лет радиационных проблем // Полярное сияние [сайт]. URL: <https://polar.mephi.ru/ru/conf/2000/6/7.html> (дата обращения: 16.09.2016).

с суммарной активностью, по одним оценкам, 2,75 млн кюри (ки)²¹, по другим – 2,86 ки²².

Расхождения в данных объясняется тем, что вся документация по учету сброса радиоактивности в Течу за период пуска и освоения комбината с 1949 по 1951 г. была уничтожена, а регулярное наблюдение и контроль организованы только в ноябре 1951 г., поэтому вся основная информация по динамике сбросов и удельной активности была получена в середине 1950-х гг. методами расчетных оценок с использованием технологических данных²³. Уничтожение документации по учету сброса радиоактивности в Течу также можно объяснить желанием соблюсти строжайший режим секретности в отношении предприятий атомной промышленности и закрытых территорий.

Некоторые эксперты полагают, что формально сброс высокоактивных ЖРАО в Течу нельзя назвать аварией, так как это было сознательно принятым в то время техническим решением. В то же время они признают, что последствия такого решения для человека и окружающей среды региона вполне могут рассматриваться как результаты аварии²⁴.

В ноябре 1951 г. был прекращен широкомасштабный сброс высокоактивных ЖРАО радиохимического производства в р. Течу, но он продолжал оставаться на недопустимо высоком уровне. Окончательно он был прекращен лишь в 1956 г.

После этого высокоактивные ЖРАО стали накапливать в банках-емкостях из нержавеющей стали, установленных в бетонных каньонах, расположенных на территории ПО «Маяк». 29 сентября 1957 г. на химкомбинате «Маяк» взорвалось хранилище с высокоактивными отходами. Эта крупнейшая в мире промышленная радиационная авария по современной международной классификации радиоактивных инцидентов (шкала INES) относится к шестому уровню по 7-балльной шкале²⁵. Основная доля выброса

²¹ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. 2-е изд. М. : КМК, 2001. С. 428.

²² Гордон Б. Г., Рубцов П. М. и др. Социальные, экономические, экологические и медицинские последствия, обусловленные авариями на ПО «Маяк» и 4-м блоке Чернобыльской АЭС : (Обзор и анализ материалов открытых публикаций). : внеплан. отчет. М. : НТЦ ЯРБ, 2003. С. 46.

²³ Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Атомный след на Урале. Челябинск : Рифей, 1997. С. 34.

²⁴ Гордон Б. Г., Рубцов П. М. и др. Социальные, экономические, экологические и медицинские последствия... С. 6.

²⁵ Международная шкала ядерных событий // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международная_шкала_ядерных_событий (дата обращения: 26.07.2016).

(18 млн ки) осела на территории промышленной площадки предприятия, а остальная часть (2 млн ки) поднялась в атмосферу на высоту до 1000 м и рассеялась на поверхности почвенно-растительного покрова в направлении движения радиоактивного облака, образовав Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС)²⁶.

Общая площадь загрязнения территории в границах 0,1 ки/км² по стронцию (Sr) – удвоенный фон глобального загрязнения на момент аварии – составила 23 тыс. км², а в границах 2 ки/км² – официальный статус радиоактивно загрязненной территории, на которой принимались меры радиационной защиты населения, – 1000 км². Эта территория представляет узкую полосу шириной 4–6 км и протяженностью 105 км, с которой из пунктов, отстоящих на 12–22 км от места взрыва, в начальный период ликвидации аварии в течение первых 7–10 суток было экстренно эвакуировано 1383 чел.²⁷

После прекращения широкомасштабного сброса отходов в Течу 25 октября 1951 г. был начат сброс высокоактивных ЖРАО радиохимического производства в оз. Карачай – небольшой естественный водоем, расположенный на территории промышленной площадки комбината²⁸. Использование озера в качестве хранилища среднеактивных отходов привело к накоплению в нем 120 млн ки активности и формированию под ним в результате инфильтрации радионуклидов из донных отложений линзы загрязненных вод объемом около 5 млн м³ и площадью 10 км². Скорость пространственного перемещения этих загрязненных подземных вод составляет 80 м в год. Существовала реальная возможность поступления их в открытую гидрографическую сеть, угрожавшая радиоактивным загрязнением питьевых водозаборов населенных пунктов²⁹.

В апреле 1967 г. наблюдались усиленные выпадения радиоактивных веществ и распространение радиоактивной пыли, обусловленные погодными условиями – недостаточным количеством осадков зимой, ранней и сухой весной, сильными порывистыми ветрами. Сочетание этих климатических факторов привело к ветровому разносу радиоактивного вещества с обнажившегося дна хранилища. При чрезвычайно сильных ветрах 18 и 19 апреля наблюдались повышенные концентрации радиоактивных аэрозолей в воздухе.

²⁶ Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Атомный след на Урале. С. 90.

²⁷ Челябинская область : Ликвидация последствий радиационных аварий. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 2008. С. 25.

²⁸ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 429.

²⁹ Радиационные аварии на Урале : экологические, медицинские и социальные аспекты // Проблемы экологии Южного Урала. 1997. № 2. С. 34.

Исследованиями было установлено, что радиоактивное вещество, представленное цезием (Cs) и Sr, загрязнило территории к северо-востоку, востоку и юго-востоку, примыкающие к территории ВУРСа. Общая площадь загрязнения составила 1800 км², количество радиоактивного вещества – 6 тыс. ки. В целом превышение мощности экспозиционной дозы над фоновой (при плотности загрязнения ниже 74 кБк/кв. м) находилось в пределах 3–30 мкР/ч³⁰.

В результате аварий, ставших следствием производственной деятельности ПО «Маяк», радиационному заражению подверглось население, проживавшее на части территорий Челябинской, Свердловской, Курганской и Тюменской областей. Вследствие режима секретности, существовавшего в СССР в отношении атомной промышленности, и сознательного уничтожения документов трудно восстановить точное количество пострадавших в результате радиоактивного поражения. Все статистические данные по этому вопросу носят приблизительный характер, и их полнота зависит во многом от позиции автора исследования и поставленных им целей.

По одним данным, на берегу Течи к началу сбросов радиоактивных отходов было расположено 38 населенных пунктов с населением более 28 тыс. чел.³¹ По другим данным, за период с марта 1949 г. по ноябрь 1951 г. облучению в результате сброса ЖРАО в р. Теча подверглись 124 тыс. чел. в 41 населенном пункте³². По одним данным, облучению в 1957 г. подверглись 272 тыс. чел. в 217 населенных пунктах³³, по другим – 335 тыс. чел. в 391 населенном пункте³⁴. Положение усугублялось тем, что радиоактивному облучению, бывшему результатом трех аварий, подверглось население практически одних и тех же территорий.

На пострадавших от радиоактивного загрязнения территориях отмечался более высокий уровень заболеваемости взрослого и детского населения по сравнению с районами, не имевшими такого загрязнения. Следствиями радиационных аварий на химкомбинате «Маяк» стали миграция населения, сокращение его численности, исчезновение десятков населенных пунктов на тер-

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Новоселов В. Н. Ядерный щит великой державы // Урал в панораме XX века. Екатеринбург : БКИ, 2000. С. 323.

³² Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 430.

³³ Там же. С. 432.

³⁴ Лемясев М. А. ВУРС и здоровье человека // Зеленый мир. 2000. № 7–8 (спецвып.). С. 16.

риториях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, что, естественно, привело к уменьшению числа занятых, особенно в сельскохозяйственном секторе экономики. Общий ущерб, причиненный населению Уральского региона, связанный с переселением жителей, реабилитацией загрязненных территорий, со здоровьем населения, выводом из оборота земельных угодий, миграцией, по подсчетам специалистов, составляет почти 15 млрд руб. в ценах 1991 г., или примерно 1 млрд долл.³⁵ Причем данная оценка не учитывает таких важных составляющих, как понесенный населением социальный и моральный ущерб.

В реализации политики Советского государства в отношении территорий Урала, подвергшихся радиационному заражению в результате аварий на ПО «Маяк», можно выделить два этапа.

Во второй половине 1940-х гг. различные ведомства издавали нормативную документацию, которая существовала в виде производственных стандартов и технических норм и была ориентирована на решение конкретных санитарно-гигиенических и технических проблем. Когда произошли крупные радиационные аварии на ПО «Маяк», меры по смягчению медицинских, экологических, социальных и экономических последствий для человека и окружающей среды были совершенно не известны, и даже сама необходимость их принятия практически не обсуждалась. Потребовалось определенное время для их разработки. Принятие таких мер стало ответом на реакцию руководства химкомбината, высказывавшего серьезную озабоченность в связи с ухудшением здоровья у большого числа работников.

К решению задач ликвидации последствий радиационных аварий были подключены практические работники в области здравоохранения, атомного производства и научные силы. Ими были созданы учреждения, имевшие назначение смягчить в первую очередь медицинские последствия воздействия радиации на человека.

По решению государственных структур в 1948–1950 гг. на атомных предприятиях Урала создавались специальные службы, которые разрабатывали и внедряли в производство контрольно-измерительные приборы, системы автоматического регулирования и управления технологическими операциями.

Первые меры по улучшению условий труда персонала были приняты на реакторном производстве ПО «Маяк». Они сводились, во-первых, к совершенствованию технологии реакторного

---

³⁵ См.: Радиационные аварии на Южном Урале: уроки и выводы. Челябинск, 1997. С. 25.

производства, во-вторых, к созданию впервые в стране и в Европе дозиметрической службы (службы «Д»), работникам которой принадлежала большая роль в снижении дозовых нагрузок на персонал. Они не только контролировали радиационную обстановку, но и активно занимались разработкой новых приборов, методик, стремились довести до сознания эксплуатационного персонала сведения о вредном воздействии ионизирующего излучения на человеческий организм, о необходимости применения соответствующих защитных мер, обеспечивающих безопасность выполнения работ³⁶.

Для изучения последствий, нанесенных деятельностью и особенно радиационными авариями на комбинате «Маяк» экологии, экономической и социальной инфраструктуре прилегающих к нему территорий, в 1947 г. по указанию одного из руководителей атомного проекта А. П. Завенягина в санатории НКВД на озере Сунгуль недалеко от г. Касли была создана секретная радиобиологическая лаборатория «Б». В ее задачу входило решение вопросов изучения биологической очистки сточных вод, устранения радиоактивных загрязнений, захоронения радиоактивных отходов и воздействия радиации на живые организмы. Здесь собрали многих видных химиков, биологов, медиков, в основном осужденных, а также ученых, вывезенных из Германии и работавших по контрактам. Они уже имели определенный опыт в изучении соответствующей проблематики. В лаборатории «Б» сформировались два основных отдела – медико-биологический и радиохимический. Первый состоял из четырех лабораторий, его возглавлял радиобиолог с мировым именем Н. В. Тимофеев-Ресовский, работавший с 1927 по 1945 г. в Германии, за что и был осужден. Основной задачей отдела было создание методов и средств защиты людей, работающих в условиях атомной промышленности³⁷.

В августе 1948 г. Минсредмаш и Минздрав СССР подготовили документ «Общие санитарные нормы и правила по охране здоровья работающих на объектах “А” и “Б”». Они предусматривали максимальную дозу облучения персонала в 30 сЗв (сантитизивертов), равную 30 Р в год. В 1949 г. было введено специальное положение о контроле за состоянием здоровья работающих, которое требова-

³⁶ Толстиков В. С. Условия труда производственного персонала ядерного комплекса Урала // Промышленность Урала в XIX–XX вв. С. 309.

³⁷ Горбушин Н. Г., Иванов В. И. К истории советского атомного проекта : Н. В. Тимофеев-Ресовский и радиобиология // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 70.

ло запрещения проведения радиационно опасных работ без письменного разрешения руководства³⁸.

На втором этапе, который начался после успешного испытания первой советской атомной бомбы в 1949 г., государственные структуры провели целый комплекс реабилитационных мероприятий с целью устранения опасности, вызванной радиационным загрязнением территории. По подсчетам В. С. Толстикова, с 1950 по 1956 г. ПГУ при Совете Министров СССР, его научно-техническим советом и дирекцией химкомбината «Маяк» было принято более 90 соответствующих приказов и решений по вопросам биологической защиты³⁹. Большое количество распоряжений по этому вопросу было принято Советом министров РСФСР⁴⁰.

Принятые меры были направлены на снижение радиоактивной загрязненности водоема, исключение или уменьшение радиационного воздействия загрязненного водоема на жителей прибрежных районов, контроль радиационной обстановки в прибрежном районе и состояния здоровья местного населения. Среди большого количества проведенных мероприятий выделим те, которые были направлены на снижение облучения населения.

С этой целью летом 1951 г. была создана правительственная комиссия во главе с академиком А. П. Александровым. Ею был составлен план ликвидации последствий деятельности ПО «Маяк», который предусматривал проведение ряда технических мероприятий, а также изоляцию населения от реки и обеспечение его чистой водой⁴¹.

В 1950-е гг. к анализу последствий радиационных аварий для здоровья персонала и населения, а также для оценки состояния окружающей среды были привлечены крупные научные коллективы. Меры социальной защиты были разработаны государственными структурами для реабилитации населения Челябинской области, пострадавшего как от сбросов радиоактивных отходов в Течу, так и от аварии 1957 г.

Медицинское обследование населения, проживающего в населенных пунктах, расположенных на Тече, началось в 1951 г. До 1955 г. оно

³⁸ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 428.

³⁹ Толстикова В. С. Условия труда производственного персонала ядерного комплекса Урала. С. 320.

⁴⁰ Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона. М. : Б. и., 2002. С. 120–121.

⁴¹ Там же. С. 119.

проводилось в основном специалистами выездных бригад Института биофизики Минздрава СССР и Института гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР и не охватывало все население, подвергнувшееся облучению. В дальнейшем профилактические осмотры населения, проживавшего на берегах рек Теча и Исеть, стали планомерными благодаря организации специализированного диспансера в Челябинске, преобразованного затем в филиал Института биофизики Минздрава СССР⁴².

В апреле 1957 г. была создана опытная научно-исследовательская станция (ОНИС) для изучения способов реабилитации территории ВУРС⁴³.

Одной из важнейших мер, принятых с целью реабилитации населения, проживающего на территориях, загрязненных отходами ядерного производства, стало его отселение в более «чистые» местности. Всего в 1954–1960 гг. с берегов Течи было переселено около 7,5 тыс. чел. из 19 населенных пунктов, что составляет около 30 % от количества проживавших там жителей⁴⁴. После взрыва 1957 г. на химкомбинате «Маяк» и образования ВУРС в течение первых суток после взрыва из зоны поражения были выведены военнослужащие и заключенные. Эвакуация населения из наиболее пострадавших деревень началась через 7–10 суток после аварии, когда было экстренно эвакуировано 1383 чел. из пунктов, отстоящих на 12–22 км от места взрыва⁴⁵. Всего к концу 1959 г. было отселено 19 населенных пунктов с населением 10 тыс. чел., и была образована зона отчуждения, где запретили любую хозяйственную деятельность⁴⁶.

В целях предупреждения опасного влияния загрязненной территории на окружающее население в 1959 г. правительство СССР приняло решение об образовании на этой части ВУРС санитарно-защитной зоны с особым режимом. В нее вошла территория, ограниченная изолинией 2–4 ки на км² по стронцию-90, площадью около 700 км². Земли этой зоны признаны временно непригодными для ведения сельского хозяйства. Здесь запрещается использовать земельные и лесные угодья, водоемы, пахать и сеять, рубить лес,

⁴² Там же. С. 149.

⁴³ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 430.

⁴⁴ Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона. С. 121.

⁴⁵ Челябинская область : Ликвидация последствий радиационных аварий. С. 25.

⁴⁶ Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона. С. 133.

косить сено и пасти скот, охотиться, ловить рыбу, собирать грибы и ягоды. Без специального разрешения сюда никто не допускается. В настоящее время пострадавшие в ходе аварии, а также участники ликвидации последствий имеют социальные льготы.

23 декабря 1968 г. на территории ВУРС (примерно 300 км в длину и около 10 км в ширину) был создан Восточно-Уральский заповедник. В результате радиоактивного распада выпадений, произошедших вследствие аварии 1957 г., площадь радиоактивного загрязнения территории заповедника сокращается. В настоящее время посещать заповедник нельзя, ибо уровень радиоактивности в нем по существующим нормам для человека все еще очень высок. Атомный заповедник и по сей день играет важную роль в проведении научных исследований, связанных с радиацией⁴⁷.

Эксперты негативно оценивают эффективность проведенной государством переселенческой политики. Они отмечают: «Из организационных мер, предусматривавших уменьшение радиационного воздействия на население, самой радикальной могла быть своевременная эвакуация населения из прибрежной зоны. Решение, запоздавшее на 5–7 лет, сделало это мероприятие малодейственным. К этому времени радиационная обстановка в результате принятых мер и распада короткоживущих элементов существенно улучшилась. Жители переселяемых населенных пунктов уже получили основную часть как внешнего, так и внутреннего облучения»⁴⁸.

В 1960 г. в СССР начали действовать санитарные правила работы с радиоактивными веществами. Приложение № 2 к этим правилам устанавливало предельно допустимую дозу внешнего облучения персонала, равную 0,1 Р в неделю и 5 Р (5 сЗв) в год. Этот документ предусматривал возможность получения дозы до 12 Р в год для людей старше 30 лет. В 1969 г. были разработаны (введены с 1970 г.) нормы радиационной безопасности (НРБ-69), согласно которым годовая норма не должна превышать 5 Р (5 сЗв) в год. Это положение было сохранено в новой редакции НРБ-76/87⁴⁹.

Серьезные изменения в советской государственной политике по отношению к населению, пострадавшему от радиационных аварий, стали происходить после аварии на Чернобыльской АЭС, про-

⁴⁷ Расповов П. Восточно-Уральский радиационный заповедник // Ураловед [интернет-портал]. URL: <http://uraloved.ru/mesta/chelyabinskaya-obl/vostochno-uralskiy-zapovednik> (дата обращения: 27.07.2016).

⁴⁸ Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона. С. 122.

⁴⁹ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 431.

изошедшей 26 апреля 1986 г. и ставшей крупнейшей техногенной катастрофой XX в., в которой в наибольшей степени пострадали Белоруссия, Украина и Россия. Радиационный шлейф достиг Прибалтики, Урала и Зауралья, распространился на Польшу, Болгарию, Югославию, Скандинавские страны⁵⁰. Чернобыльская трагедия пробила первую брешь в завесе секретности, скрывавшей работу могущественного Минсредмаша. Одним из последствий Чернобыля стало первое гласно проведенное обсуждение проблем и последствий аварии в сентябре 1957 г. на химкомбинате «Маяк» в Челябинской области на сессии Верховного Совета СССР.

Политика современной России в отношении территорий Урала, подвергшихся радиационному заражению в результате аварий на ПО «Маяк»

Государственная политика современной России по отношению к населению, пострадавшему от радиационных аварий, качественно отличается от политики советского государства.

Во-первых, в законодательстве России закреплена ответственность лиц, намеренно скрывающих или не доводящих до населения последствия экологических катастроф или техногенных аварий. Информация, относящаяся к экологической безопасности мест, ныне не может быть классифицирована как секретная. В соответствии со ст. 7 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения о состоянии окружающей среды⁵¹. Согласно ст. 10 федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» сведения о чрезвычайных ситуациях, экологические, метеорологические, демографические, санитарно-эпидемиологические и другие, необходимые для обеспечения безопасного функционирования производственных объектов, безопасности граждан и населения в целом, являются открытыми и не могут относиться к информации с ограниченным доступом⁵².

⁵⁰ Алексеев В. В. Атомный комплекс в истории России // Алексеев В. В. Ответственный потенциал истории. Екатеринбург : Урал. гуманитар. ин-т, 2004. С. 108.

⁵¹ О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/10102673/> (дата обращения: 28.07.2016).

⁵² Об информации, информатизации и защите информации : федер. закон от 20 февр. 1995 г. № 24-ФЗ // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/10103678/> (дата обращения: 28.07.2016).

Во-вторых, разработаны основополагающие документы, в которых закрепляются меры, связанные с обеспечением безопасности населения, проживающего на территории повышенной радиационной опасности, и определены новые нормы радиационной безопасности.

9 января 1996 г. был принят федеральный закон № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»⁵³. 19 апреля 1996 г. Госкомсанэпидемнадзор РФ опубликовал НРБ-96 (для персонала атомных объектов доза не должна превышать 20 мЗв в среднем за любые последовательные пять лет, для населения – 1 мЗв, но не более 5 мЗв в год)⁵⁴.

В-третьих, разработаны законы, регулирующие права населения, проживающего на территории ЗАТО.

Законом РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14 июля 1992 г. г. № 3297-1 десяти закрытым городам Минатома России был установлен статус ЗАТО, которым «признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование, созданное в порядке, предусмотренном ст. настоящего закона, в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов, для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан»⁵⁵.

Распоряжением правительства РФ от 4 января 1994 г. № 3-р населенным пунктам Уральского региона, расположенным в ЗАТО, были восстановлены ранее установленные географические названия: Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный и Снежинск⁵⁶.

---

⁵³ О радиационной безопасности населения : федер. закон от 9 янв. 1996 г. № 3-ФЗ // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/10108778/> (дата обращения: 28.07.2016).

⁵⁴ Ларин В. И. Комбинат «Маяк» – проблема на века. С. 433.

⁵⁵ О закрытом административно-территориальном образовании : закон РФ от 14 июля 1992 г. г. № 3297-1 // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/10108046/> (дата обращения: 28.07.2016).

⁵⁶ Кузнецов В. Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала : История и современность : в 2 ч. Екатеринбург : БКИ, 2015. Ч. 1. Советский период. С. 12–13.

В-четвертых, разработаны меры социальной защиты пострадавших от последствий Чернобыльской аварии, ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и радиационных аварий на ПО «Маяк». Наиболее подробно они были прописаны в законе РФ № 1244-1 от 15 мая 1991 г. «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»⁵⁷, который ежегодно пересматривается и дополняется. Эксперты считают, что работа над этим законом свидетельствует о том, что вопросы социальной защиты граждан на территориях, подвергшихся воздействию радиации, в РФ «проработаны достаточно подробно и в полном объеме»⁵⁸.

Еще 20 мая 1993 г. был принят закон РФ от № 4995-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на ПО «Маяк»»⁵⁹. 30 июля 1996 г. в его текст были внесены изменения⁶⁰. 26 ноября 1998 г. этот закон был отменен в связи с принятием федерального закона № 175-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча», аналогичного «Чернобыльскому»⁶¹. По мнению экспертов, «закон 1998 г. сформулирован таким образом, что фактические льготы пострадавших от радиационных аварий на ПО «Маяк» автоматически привязаны к соответствующим льготам различных категорий чернобыльцев, определенным в стремительно меняющемся чернобыльском законе»⁶².

⁵⁷ О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон РФ № 1244-1 от 15 мая 1991 г. // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/185213/> (дата обращения: 28.07.2016).

⁵⁸ Гордон Б.Г., Рубцов П.М. и др. Социальные, экономические, экологические и медицинские последствия... С. 140.

⁵⁹ О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на ПО «Маяк» : закон РФ от 20 мая 1993 г. № 4995-1 // Кодекс : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027260> (дата обращения: 28.07.2016).

⁶⁰ Российская газета. 1996. 30 июля.

⁶¹ О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча : федер. закон от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ // Гарант.Ру [интернет-портал]. URL: <http://base.garant.ru/185213/> (дата обращения: 28.07.2016).

⁶² Гордон Б. Г., Рубцов П. М. и др. Социальные, экономические, экологические и медицинские последствия... С. 141.

Администрации областей, территории которых подверглись воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча, принимали соответствующие постановления «О мерах по реализации федерального закона», в которых строго предписывалось «проводить прием и экспертизу документов, поступающих от граждан и организаций, для оформления и выдачи справок и удостоверений единого образца, дающих право на получение мер социальной поддержки гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча»⁶³.

Тем не менее, общественностью были зафиксированы сведения о том, что несовершеннолетним, проживающим в населенных пунктах, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на ПО «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча, в судебном порядке отказывалось в получении льгот, поскольку это якобы «ведет к нецелевому использованию средств федерального бюджета»⁶⁴.

В связи с многочисленными нарушениями законодательства РФ 28 декабря 2010 г. в федеральный закон от 26 ноября 1998 г. № 175-ФЗ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в р. Теча» были внесены изменения. Закон вступил в силу с 1 января 2011 г. Хотя сам его текст опубликован не был, известно, что он гарантировал гражданам, проживавшим в 1949–1956 гг. в населенных пунктах, подвергшихся радиоактивному загрязнению из-за указанных сбросов, ежемесячную денежную компенсацию. Ее размер для получивших накопленную эффективную дозу облучения от 7 до 35 сЗв (бэр) был увеличен со 100 до 210 руб. 26 коп., свыше 35 сЗв (бэр) – с 200 до 420 руб. 49 коп. Законом были установлены ежемесячные денежные выплаты для несовершеннолетних, проживающих в указанных

---

⁶³ См., например: О мерах по реализации федерального закона от 26 ноября 1998 № 175-ФЗ «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча : постановление администрации (правительства) Курганской области от 27.04.2005 г. № 151: НГР RU45000200500116 // Кодекс : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469606482> (дата обращения: 28.07.2016).

⁶⁴ Ильина А. Слова «химкомбинат Маяк» и «пятьдесят седьмой»... // Зеленый мир. 2000. № 7–8 (спецвып.). С. 16.

населенных пунктах, где средняя годовая эффективная доза облучения превышает 1 мЗв (0,1 бэр) (дополнительно над уровнем естественного фона)⁶⁵.

В-пятых, разработаны специальные государственные программы, связанные с ПО «Маяк». К финансированию государственной программы 1992–1995 гг. и федеральной целевой программы 1996–2000 гг. были привлечены как бюджетные средства, так и средства из зарубежных фондов. Был решен вопрос о присоединении к действующим международно-правовым нормам в области ядерной безопасности, существовавшим в развитых государствах Запада, в том числе и практиковавшимся в ЕС. В соответствии с итоговым документом Венской встречи представителей государств – участников СБСЕ законодательство России в области радиационной безопасности должно обязательно учитывать разработанные МАГАТЭ стандарты⁶⁶. В рамках совершенствования законодательной базы в области ядерной и радиационной безопасности заинтересованными министерствами и ведомствами и Советом безопасности РФ разработаны и утверждены 4 декабря 2003 г. Президентом РФ «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерной и радиационной безопасности на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу», в которых определены принципы и приоритеты в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности.

В настоящее время в РФ активно идет процесс формирования законодательства, регулирующего вопросы обеспечения ядерной и радиационной безопасности. Уже действуют федеральные законы «Об использовании атомной энергии», «Об охране окружающей среды», «О радиационной безопасности населения», «О специальных экологических программах реабилитации радиационно-загрязненных участков территории», «Об экологической экспертизе», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии»⁶⁷.

⁶⁵ О внесении изменений в федеральный закон «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча»: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 414-ФЗ // Гарант.РУ [интернет-портал]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081635/#ixzz4Ffw8kyuN> (дата обращения: 28.07.2016).

⁶⁶ Итоговый документ Венской встречи государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вена, 15 янв. 1989 г.) // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739141> (дата обращения: 28.07.2016).

⁶⁷ Бекяшев К. А. Принципы и источники международного экологического права. М.: Проспект, 1999. С. 54.

Законы РФ «Об использовании атомной энергии» и «О радиационной безопасности населения» в полной мере соответствуют положениям Конвенции о ядерной безопасности 1994 г. В целях конкретизации закона «О радиационной безопасности населения» введены в действие нормативные документы федерального уровня – НРБ и основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности. Согласно тексту закона, понятие «радиационная безопасность» рассматривается как состояние защищенности настоящего и будущего поколения людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения.

Федеральные законы «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» и «О таможенном тарифе» напрямую связаны с международным сотрудничеством в области радиационной безопасности⁶⁸.

С целью привлечения средств из-за рубежа для ликвидации последствий радиационных катастроф были заключены соответствующие международные соглашения и внесены изменения в Гражданский, Таможенный и Налоговый кодексы РФ. В частности, в Налоговый кодекс РФ была включена специальная норма, регулирующая вопросы предоставления помощи. Кроме того, в мае 1999 г. вступил в силу федеральный закон № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) РФ и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты РФ о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) РФ»⁶⁹. Поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы РФ предусматривают возврат получателям технической помощи из федерального бюджета средств, равных размеру налога на добавленную стоимость, уплаченного ими при реализации безвозмездной технической помощи (содействия) на территории Российской Федерации. Принятие этих поправок способствовало увеличению притока технической помощи и расширению содействия в области радиационной безопасности в Российской Федерации.

⁶⁸ Лузин Г. П. Северное измерение: перспективы сотрудничества // Вестн. Кольск. науч. центра РАН. 2009. № 1. С. 13–16.

⁶⁹ Сотрудничество во имя глобальной безопасности. М. : Права человека, 2002. С. 19.

Нерешенные проблемы загрязненных территорий Урала, связанные с деятельностью ПО «Маяк»

Несмотря на принимаемые Правительством РФ меры, остаются нерешенными некоторые проблемы загрязненных территорий Урала, связанные с деятельностью ПО «Маяк».

По состоянию на 31 декабря 2013 г. общая площадь территории, загрязненной радионуклидами, составляет 446,8 км² (включая 38,5 км² земли промышленной площадки), на ней проживают около 200 тыс. чел.⁷⁰

Основные вопросы радиационной безопасности сохранения угрожающего экологического режима – это состояние Теченского каскада водоемов, усиление фильтрации в р. Теча загрязненных вод из каскада водоемов и фильтрация загрязненной воды из каскада и оз. Карачай в подземные воды.

В настоящее время ФГУП ПО «Маяк» старается выполнять мероприятия, требуемые современным российским экологическим законодательством и международными экологическими стандартами для повышения безопасности водоемов-хранилищ, несмотря на сложившуюся устаревшую систему хранения отходов⁷¹. Проводятся тщательный контроль над системой водоемов и анализ источников формирования сбросов.

Современная система обращения с ЖРАО, а именно их хранение в открытой сети промышленных водоемов, сложилась в 1950–1960-х гг. в конкретных исторических условиях гонки вооружений, жесточайшей секретности и недостатка научных знаний. Начиная с середины 1950-х гг. до настоящего времени радиоактивное загрязнение вод р. Теча приходится на долгоживущие Sr-90 и Cs-137, значительная часть которых до сих пор находится в донных отложениях⁷².

По мнению некоторых экспертов, ил на дне р. Теча следует относить к категории твердых радиоактивных отходов со всеми вытекающими требованиями по обращению с ними и по их за-

---

⁷⁰ Челябинская область : Ликвидация последствий радиационных аварий. С. 109.

⁷¹ Комплексный доклад о состоянии окружающей природной среды в Челябинской области в 2011 г. С. 77.

⁷² Смагин А. И. Исследование антропогенного воздействия на экосистемы технологических водоемов ПО «Маяк» // Вопросы радиационной безопасности. 2001. № 1. С. 34.

хоронению. Основная часть радионуклидов депонирована в пойме верховьев реки и распределена крайне неравномерно. До 1987 г. основным источником поступления Sr-90 являлся поверхностный сток радионуклидов с прилегающих территорий, загрязненных в 1957 г. В последующее время до середины 1990-х гг. основным источником загрязнения воды р. Теча являлась заболоченная пойма реки в районе Асановских болот, откуда происходило вымывание Sr-90 в результате взаимодействия реки с загрязненными пойменными грунтами.

Некоторые опасения вызывает тот факт, что под озером Карачай (водоем В-9) сформировалась линза подземных вод объемом 4 млн м³⁷³. Она связана с системой поверхностных водоемов и постепенно расширяется. В настоящее время эта линза сформировалась под руслом р. Мишеляк, которая является притоком р. Течи, что создает угрозу выноса радионуклидов на сопредельные территории. По существующим в настоящее время оценкам, ореол загрязнения подземных вод может к 2020 г. выйти к р. Мишеляк, что будет началом систематического поступления в р. Течу загрязненных грунтовых вод из оз. Карачай.

В Течу поступает некоторое количество трития, в результате чего загрязнение воды в створе пос. Муслюмово в десять раз превышает санитарные нормы⁷⁴. Основная часть поступления трития обусловлена фильтрацией вод из водоемов Теченского каскада. Почти все водоемы, входящие в каскад, имеют гидротехнические сооружения (дамбы, плотины), повреждение или разрушение которых всегда будет фактором радиационной опасности. С начала 1990-х гг. наблюдалось повышение водности водоемов, и в некоторые годы уровень воды в плотинах приближался к максимально допустимым значениям. Особенно угрожающая ситуация могла бы сложиться вокруг водоема № 11 в случае превышения в нем допустимого уровня воды и повреждения дамбы.

В период с 2005 по 2009 г. объемы и активность сбросов были снижены в 1,2–1,5 раза по сравнению с периодом с 2000 по 2004 г. за счет разработки и внедрения ряда новых технологических процессов и оптимизации водопотребления. В 2009 г. за счет оптимизации внутренней схемы обращения с ЖРО был прекращен сброс двух типов отходов в водоемы В-9 и В-17 (оз. Карачай).

⁷³ Экология : справочник. URL: <http://ru-ecology.info/post/102857801490007/> (дата обращения: 12.09.2016).

⁷⁴ Челябинская область : Ликвидация последствий радиационных аварий. С. 311.

Дальнейшее сокращение сбросов требует принципиального изменения технологической схемы обращения с жидкими отходами.

В настоящее время выбросы радионуклидов в атмосферу из труб предприятия практически не оказывают влияния на формирование радиационной обстановки и облучение населения.

Глава 17

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАКРЫТЫХ ГОРОДАХ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

А. В. Лямзин

В настоящее время на территории России существует целый ряд закрытых городов, важных для атомной энергетики и ядерной безопасности России. Перед руководством нашей страны сейчас стоит сложная проблема выбора форм дальнейшего существования этих городов. Минэкономразвития РФ планирует в ближайшее время лишить их статуса ЗАТО. Причиной тому является экономия финансовых средств в связи с наступившим экономическим кризисом.

Атомные ЗАТО имеют своеобразные черты, связанные с особенностями их возникновения и формирования их населения. Для правильного понимания перспектив развития этих городов и эволюции их человеческого капитала в случае трансформации сложившихся форм существования необходимо выявить черты и особенности восприятия жителями их положения и статуса.

В данном контексте можно выделить четыре основных сюжета, которые являются значимыми для жителей закрытых атомных городов: 1) ощущение несвободы, возникающее вследствие режима секретности производства; 2) чувство опасности, тесно связанное с радиофобией; 3) высокий уровень оплаты труда и ощущение бытового комфорта; 4) высокий социальный статус жителя и работника ЗАТО как человека, причастного к почетному праву защитника Отечества, обеспечивающего серьезные гарантии суверенитета и безопасности своей страны.

На протяжении 70 лет развития атомных ЗАТО восприятие этих ключевых сюжетов постепенно менялось. В настоящее время население закрытых городов под воздействием социальных и экономических изменений последних постперестроечных десятилетий воспринимает себя и свой статус несколько иначе. Понимать эти представления важно для того, чтобы намеченный процесс открытия закрытых городов прошел для их жителей наиболее безболезненно и комфортно, а значит, наиболее эффективно с производственной точки зрения.

Советская историография закрытых городов практически отсутствует, поскольку большинство городов, включавшихся в атомный проект, исчезали с географической карты Советского Союза, и писать о них открыто было невозможно, хотя литература о деятельности ученых-атомщиков выходила, воспевая и романтизируя их деятельность без «лишних» подробностей¹. Первые более откровенные публикации и литература появляются с приходом перестройки в конце 1980-х – начале 1990-х гг.² Ослабление режима секретности позволило опубликовать и ввести в научный оборот довольно большое количество воспоминаний непосредственных участников советского атомного проекта, проживавших и проживающих в закрытых городах. Они позволили не только взглянуть на советское прошлое, но и увидеть восприятие современных событий периода шоковой терапии³. 1990-е гг. становятся довольно плодотворными для исследователей. Они получают доступ в ранее секретные архивы, где содержится большая часть необходимых источников⁴. Однако наиболее основательные исследования, основанные на источниковом всплеске 1990-х гг., выходят в 2000-е гг.

---

¹ Асташенков П. Т. Подвиг академика Курчатова. М. : Знание, 1979 ; Блохинцев Д. И. Рождение мирного атома. М. : Атомиздат, 1977 ; Головин Н. И. И. В. Курчатова. М. : Атомиздат, 1978 ; Жежерук И. Ф. Строительство и пуск первого в СССР атомного реактора. М. : Атомиздат, 1978 ; Петросьянц А. М. Проблемы атомной науки и техники. М. : Атомиздат, 1979 ; Сивинцев Ю. В. И. В. Курчатова и ядерная энергетика. М. : Атомиздат, 1980.

² Медведев Ж. Атомный ГУЛАГ // Урал. 1994. № 12 ; Создание первой советской ядерной бомбы. М. : Энергоатомиздат, 1995.

³ Брохович Б. В. Игорь Васильевич Курчатова на Южном Урале – в Челябинске-40 : Воспоминания ветеранов. Озёрск : [Б. и.], 1993 ; Брохович Б. В. Химический комбинат «Маяк» : История. Серпантин событий (воспоминания). Озёрск : [Б. и.], 1996 ; Творцы ядерного щита : сб. воспоминаний ветеранов химкомбината «Маяк» / отв. ред. П. И. Трякин. Озёрск : [Б. и.], 1998.

⁴ Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «Сороковки». 2-е изд. Екатеринбург : Урал. рабочий, 1995 ; Радиационные аварии на Урале : экологические, медицинские и социальные аспекты // Проблемы экологии Южного Урала. 1997. № 2.

Среди них наибольший интерес для анализа повседневности представляют работы Н. В. Мельниковой⁵ и В. Н. Кузнецова⁶.

К сожалению, по современному положению в закрытых городах обобщающих работ довольно мало⁷. Поэтому для анализа текущей ситуации привлекались материалы центральной и региональной прессы, сайты и форумы закрытых городов, а также небольшое количество социологических исследований, которые удалось обнаружить в Сети.

Возникновение закрытых городов

Возникновение такого явления как «закрытые города» происходило в особенную эпоху, довольно сильно отличающуюся от нынешней. В послевоенные годы, когда советскому государству потребовалось быстрое создание эффективного ядерного щита, об экономии речи не было. В кратчайшие сроки огромные материальные, финансовые, интеллектуальные, людские ресурсы страны были сосредоточены для реализации атомного проекта. МВД СССР располагало огромной армией заключенных. Также в строительстве объектов принимали участие спецпоселенцы, прикрепленные к предприятиям, военные и вольнонаемные строители.

Традиция концентрировать усилия по модернизации промышленности в рамках закрытых и открытых моногородов берет свое начало во времена Петровской модернизации России, когда массово возникают железоделательные города-заводы, такие как Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский. В дальнейшем тенденция распространения моногородов получила развитие в ходе модернизации легкой промышленности в период так называемого «ситцевого» капитализма в Орехово-Зуево, Шуче, Павловом Посаде в конце XIX в. В годы Великой Отечественной значительное число моногородов возникло в ходе эвакуации предприятий на восток (Танкоград в Челябинске, Шадринск в связи с эвакуацией ЗИЛа)⁸.

---

⁵ Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006 ; Мельникова Н. В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР. М. : РОССПЭН, 2009.

⁶ Кузнецов В. Н. Закрытые города Урала : ист. очерки. Екатеринбург : Полиграфист, 2008 ; Кузнецов В. Н. Специалисты и спецпереселенцы немецкой национальности на объектах атомной отрасли на Урале // Веси. 2014. № 5. С. 68–77.

⁷ Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М. : ИНХП РАН, 1996.

⁸ Павленко А. С. Моногорода: проблемы и перспективы // Российская академия естествознания [официальный сайт]. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/pdf/1832.pdf> (дата обращения: 14.12.2016).

Высокий интеллектуальный потенциал Урала сыграл важную роль в выборе этого региона для реализации атомного проекта. Сформировались трудовые коллективы, состоящие из квалифицированных кадров, способные решать задачи в экстремальных условиях. Уральские предприятия стали основными поставщиками рабочих и инженерно-технических кадров на предприятия атомной промышленности.

Вокруг строящихся режимных предприятий создавались рабочие поселки, располагались воинские части. Численность населения таких поселков изначально планировалась не очень большой, 1300–1500 чел. На строительство мобилизовывали квалифицированные кадры, направляли лучших ученых, выпускников вузов. Как правило, это были молодые люди возрастом до 30 лет. Их необходимо было обеспечить комфортным жильем и избавить от множества бытовых проблем, чтобы они могли плодотворно работать на благо страны.

Создание атомного комплекса породило особую форму производственно-бытовой инфраструктуры – закрытые города-заводы. В Советском Союзе таких атомградов насчитывалось десять с населением 732 тыс. чел. (1994)⁹. Пять из десяти городов Минсредмаша (теперь «Росатом России») расположены на Урале¹⁰. В Челябинской области таких городов три: Озерск, Снежинск, Трехгорный. Из соображений секретности у них часто менялись названия. Город Озерск, например, сначала назывался База-10, затем Челябинск-40, Челябинск-65, хотя от областного Челябинска до него почти сто километров. Снежинск первоначально именовался Челябинск-50, Челябинск-70, а Трехгорный – Златоуст-20, Златоуст-36. Два закрытых города находятся в Свердловской области: это Новоуральск (Свердловск-44) и Лесной (Свердловск-45). В них в соответствии со специализацией каждого разрабатывались конструкции ядерного оружия, производились опытные образцы и серии, нарабатывался плутоний, обогащался уран, складировались ядерные отходы. Поначалу жизнь в атомных городах была трудной, но постепенно они превратились в привилегированные центры, куда стремились попасть лучшие специалисты в данной области. В них сконцентрировался научно-технический потенциал высочайшего класса¹¹.

⁹ Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М. : ИНХП РАН, 1996. С. 6.

¹⁰ Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «Сороковки». С. 83.

¹¹ Алексеев В. В. Атомный комплекс в истории России // Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 183.

Что касается десятков тысяч строителей, занятых на сооружении ядерных промышленных объектов и жилых поселков, то их руководители атомного проекта рассматривали в качестве временных жителей. Их задачей было построить атомные предприятия и поселки для эксплуатационного персонала, а затем покинуть эти заповедные места навсегда.

Использование труда заключенных на строительстве атомных городов – отдельная довольно интересная страница со своими мифами и загадками.

Участники этой поистине героической и одновременно драматической эпопеи были отнюдь не бесправными «рабами атомного ГУЛАГа», «заложниками» Берии или «заложниками атомной бомбы», как их нередко изображают в средствах массовой информации¹². Утверждение Ж. Медведева в публикации «Атомный ГУЛАГ» о том, что в 1956 г. завод № 817 строили 85 тыс. заключенных¹³, совершенно не соответствует действительности и, вероятно, является следствием недоступности для этого известного ученого архивных источников по данной проблеме. При реализации подобных проектов и в будущем допускалось применение неквалифицированной рабочей силы. Однако уже в начале 1950-х гг. число заключенных-строителей на заводе № 817 составило 5–6 %, а ВНИИТФ в Снежинске строился без единого заключенного¹⁴.

Все основные строительные работы на закрытой территории осуществлял Главпромстрой МВД СССР, находящийся в структуре ГУЛАГа. Главпромстрой был создан во время войны и накопил огромный опыт ускоренного строительства сложнейших производственных объектов. Заключенные использовались на самых сложных и тяжелых участках работы: на выемке грунта из котлованов фундамента промышленных зданий, на заготовке леса, в каменоломнях, на заводах по производству бетона, раствора, шлакоблоков и других производствах.

Интересно, что в отборе контингента для строительства, так же как и у вольнонаемных, присутствовал идеологический фактор. Лица, осужденные по контрреволюционным статьям, в частности,

---

¹² Толстиков В. С. Условия труда производственного персонала ядерного комплекса Урала // Промышленность Урала в XIX–XX вв. М. : АИРО-XX, 2002. С. 323–324.

¹³ См.: Медведев Ж. Атомный ГУЛАГ.

¹⁴ См.: Новоселов В. Н. ВПК Южного Урала в 1945 – 1965 гг. // Промышленность Урала в XIX–XX вв. М. : АИРО-XX, 2002. С. 285.

по печально знаменитой 58-й УК РСФСР, на строительство не допускались. А если и присутствовали, то были их единицы. Также не разрешалось использовать заключенных, осужденных за нелегальный переход государственной границы, иностранных подданных и лиц без гражданства, лиц, постоянно проживавших до ареста в пограничных районах СССР, непосредственно примыкающих к государственным границам СССР с капиталистическими странами и прибалтийскими республиками¹⁵. Вместо заключенных, осужденных по политическим мотивам, на строительство атомных предприятий направлялись заключенные, осужденные на длительные сроки по уголовным статьям (бандитизм, кража, грабеж, разбой, хулиганство, изнасилование, убийство), за исключением рецидивистов.

Контингент был непростым. Это приводило к разнообразным осложнениям. Происходили столкновения между заключенными, сотрудничавшими с администрацией, и представителями уголовной среды (ворами или блатными). Помимо этого, периодически происходили акции массового неповиновения и бунты заключенных, которые, впрочем, были вызваны равнодушием лагерной администрации к нуждам и потребностям арестантов.

Определенное напряжение в жизни закрытых городов создавало взаимодействие с заключенными, которые также работали на строительстве заводов. Свободные граждане жили в страхе, поскольку могли подвергнуться ограблению или кражам со стороны контингента исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Имели место случаи изнасилований, иногда сопряженные с убийством. Несмотря на подобные инциденты, жители поселков старались не переносить злобу и ненависть на весь спецконтингент. Находящиеся на свободе понимали, что многие осуждены несправедливо. Вольные помогали заключенным продуктами, передавали бумагу, табачные изделия, спиртные напитки. Это частенько приводило к конфликтам с конвойными, поскольку попытка передать что-либо считалась грубым нарушением правил сопровождения колонн заключенных.

Порой происходило и вполне мирное общение. Ветеран г. Лесного вспоминает: «В лагере был духовой оркестр, и летом... мы устраивали танцы. Они – по ту сторону проволоки, мы – по эту»¹⁶.

---

¹⁵ См.: Кузнецов В. Н. Закрытые города Урала : исторические очерки. С. 57.

¹⁶ Цит. по: Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 68.

Существует устойчивое представление о том, что среди заключенных ИТЛ была колоссальная смертность, и атомные города построены «на костях». Исследователь В. Н. Кузнецов утверждает, что это не соответствует действительности. Смертность в ИТЛ и колониях МВД была ниже, чем в среднем по стране. Если в СССР 1950-х гг. смертность в среднем была 9 чел. на тысячу, то в лагерях МВД в 1953 г. на каждую 1000 чел. умерло 8,4 чел. заключенных, в 1954 г. – 6,7 чел., в 1955 г. – 5,3 чел.¹⁷

Жилищная проблема

Эксплуатационному персоналу атомных предприятий, научной элите необходимо было создать в лесной глуши хорошие жилищные условия для того, чтобы они не испытывали социально-бытовых трудностей, а весь свой творческий потенциал направляли на успешное создание ядерного оружия.

Одним из важнейших факторов, определявших жизнь первых строителей и переселенцев, был жилищный вопрос. В первые годы как военные, так и вольнонаемные строители жили в бараках, палатках, щитовых домиках и юртах или с подселением в соседних населенных пунктах. Численность только работавших в строительном-монтажных коллективах, без учета членов их семей, к 1 июля 1947 г. составляла на стройплощадке завода № 817 около 42 тыс. чел., и 30 тыс. – на заводе № 814. К лету 1948 г. сложилась критическая ситуация с обеспечением жильем работников строящихся атомных городов. За весь предыдущий год в Челябинске-40 построили всего пять домов, которые использовались как общежития. В них разместили 260 чел. Кроме того, необходимо было строить здания заводоуправления, школы, столовых.

Ветеран химкомбината «Маяк» О. С. Рыбакова в связи с этим вспоминает: «На главной улице будущего города в 1947 г. появилось несколько двухэтажных домов. В мае заводоуправление переехало из барака в построенное для него здание (ныне это дом № 40 по проспекту Ленина). В правом крыле открылась столовая. Будущий проспект обещал быть красивым и необычным. Посреди улицы по инициативе первого директора П. Т. Быстрова сохранялась аллея из могучих сосен, которая и сейчас радует жителей всего города»¹⁸.

¹⁷ Кузнецов В. Н. Закрытые города Урала... С. 69.

¹⁸ См.: Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «Сороковки». С. 357.

Ко времени пуска первого промышленного атомного реактора на заводе № 817 ввели в эксплуатацию жилые помещения барачного типа, отдельно брусчатые и щитовые дома. Всего на 1 июня 1948 г. было построено пять 12-квартирных домов и 42 финских дома. В то время требовалось в несколько раз больше жилплощади.

У построенных зданий не было подъездов и тротуаров, городские дороги не имели кюветов, отсутствовала ливневая канализация. Улицы после сильных дождей приходилось переходить почти по колено в воде. Серьезно отставало строительство санитарно-очистных сооружений. Инженерно-техническим работникам, квалифицированным рабочим, прибывшим на закрытые объекты часто не по своей воле, пришлось переносить многие жизненные невзгоды, что вызывало справедливые жалобы и нарекания с их стороны, а самое главное, ставило под угрозу их успешную работу по пуску и освоению сложного и опасного ядерного производства.

Подобная ситуация с жильем вызывала беспокойство у центральных и местных органов власти. 18 июня 1948 г. на закрытом заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) слушался вопрос «О ходе жилищного и социально-бытового строительства на комбинате № 817». В постановлении бюро обкома отмечалось, что, несмотря на специфические условия комбината, связанные с его стратегической значимостью, жилищное и культурно-бытовое строительство резко отстает от уровня промышленного и от потребностей людей в удовлетворении их неотложных бытовых и культурных нужд. В этом документе резкой критике было подвергнуто руководство строительного управления № 859, которое с точки зрения областного партийного органа проявляло недооценку своей особой роли по созданию нормальных жилищных и культурно-бытовых условий для атомщиков. Однако и после принятия постановления бюро Челябинским обкомом партии положение с обеспечением трудящихся жильем все еще оставалось крайне тяжелым. По состоянию на 10 июля 1948 г. на двухъярусных койках проживали 1012 чел., в том числе 560 чел. буквально ютились в казарменных помещениях по 80 чел. в одной комнате. В летних верандах проживало 55 семей, в сараях – 18 семей, а в комнатах, площадь каждой из которых составляла 12–14 м², размещалось 40 семей.

Аналогичная во многом обстановка с жильем была и в других закрытых поселениях атомного Урала. Активное вмешательство областных комитетов партии в ускорение темпов жилищного строительства дало определенные положительные результаты. Так, уже

к 1 сентября 1948 г. на стройплощадке комбината № 817 строители ввели в эксплуатацию 22 627 м² жилплощади, а на комбинате № 814 – около 15 тыс. м². В этом же году в Челябинске-40 были построены первое школьное здание (ныне в этом здании находится станция юных техников), клуб имени Ленинского комсомола, затем – стадион «Строитель».

Кадровая политика

Отбор людей осуществлялся по анкетным данным без предварительного собеседования. Отслеживались социальное происхождение и политическая благонадежность. В итоге в составе населения закрытых городов оказалось по происхождению 45 % рабочих, 36 % крестьян, 18 % служащих. Только 0,75 % были выходцами из сословий мещан, дворян и духовенства. Судимые, бывшие в плену, на оккупированных территориях, имевшие родственников за границей, в приграничных районах и прибалтийских республиках, не подлежали оформлению на объекты. По национальному составу 83 % были славянами, остальные – представителями других проживавших на Урале народов (татарами, удмуртами, башкирами).

53 % людей, приезжавших в города, не имели семьи. В течение 1940-х гг. наблюдался некоторый демографический перекося, когда незамужних женщин приезжало больше (61,3 %), чем холостых мужчин (38,7 %). Это было вызвано колоссальными мужскими потерями в ходе Великой Отечественной войны. Впоследствии ситуация выравнивалась. Администрация стремилась соблюдать в этом вопросе паритет.

Важным признаком считалось членство в КПСС и ВЛКСМ, однако доля беспартийных (58 %) превышала долю коммунистов. В то же время руководящие работники, соприкасавшиеся с тем, что составляло государственную тайну, на 85 % являлись коммунистами.

Кадровики искали наиболее квалифицированных и талантливых работников. Но тут тоже возникали некоторые трудности. Не все начальники охотно отдавали лучших людей. Е. П. Славский вспоминал, что очень трудно было привлекать выдающихся ученых и инженеров, все страшно боялись. Особенно ученые опасались оказаться в изоляции¹⁹.

---

¹⁹ Е. П. Славский вспоминает // Российская история в лицах [сайт]. http://redstory.ru/education/rus_faces/171.html (дата обращения: 14.12.2016).

Опасения были небезосновательными. Режим секретности был очень строгим. Территория закрытого города обносилась забором 2,5–3 м в высоту с несколькими нитями колючей проволоки сверху. У населения зачастую изымались паспорта и заменялись спецудостоверениями. Представления о таком контроле дают письма участников строительства. Один из военных строителей Новоуральска описывал это так: «Работаем на строительстве, нас охраняют чекисты, словно мы не солдаты, а заключенные. Недалеко от нас находится завод, я еще такой не видел даже на картинке». Секретность и неосведомленность людей порой порождали причудливые слухи и догадки: «...этот город очень большой, но в случае войны здесь будет озеро в течение двух часов, то есть как будто ничего не было»²⁰. Поговаривали, что все, кто попал за колючую проволоку, назад уже не вернутся или, по крайней мере, лет пять выпускать за пределы поселения их не будут. Действительно, выезжать из городов стало возможно только в середине 1950-х гг. А попытки самовольно покинуть режимную территорию жестко карались. Так, в июле 1949 г. четыре работника завода в Озёрске попытались выйти за пределы спецзоны, за что получили сроки тюремного заключения от пяти до восьми лет. Силами КГБ осуществлялось прослушивание телефонных разговоров, просматривалась личная корреспонденция, отслеживалось содержание бесед в неформальной обстановке. «Утратившего доверие» могли уволить с завода и выселить из города либо вызвать в КГБ для «профилактической беседы». За разглашение государственной тайны, например путем переписки, можно было получить до 20 лет заключения. Сухие строки Указа Президиума ВС СССР 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны...» говорили об этом так: «1. Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, совершенное лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от восьми до двенадцати лет. 2. Разглашение военными служащими сведений военного характера, составляющих государственную тайну, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как из-

²⁰ Цит. по: Мельникова Н. В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. С. 61.

мена Родине или шпионаж, карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от десяти до двадцати лет²¹».

В целях поддержания режима секретности частная жизнь горожан подлежала тотальному контролю. Одно из постановлений Совета Министров СССР предписывало усилить цензуру: «Обязать МГБ СССР (т. Абакумова) с 1 сентября 1947 г. установить цензуру на входящую и исходящую корреспонденцию лиц, работающих на объекте № 59 и строительстве, и граждан, проживающих в 5-километровой режимной зоне»²². Представители Первого отдела (КГБ) вербовали осведомителей, которые следили за разговорами как в городе, так и вне его. Как следствие, для психологической атмосферы закрытого города в первые годы была характерна напряженность, боязнь «сказать что-то лишнее». Даже ведение личных дневников считалось опасным²³.

Реализация принципа секретности была настолько успешной, что в первые годы большинство населения (53 %) не знало, какую продукцию будут производить строящиеся предприятия. Молодые ученые также туманно представляли себе контуры будущей работы, но уже понимали, что она будет связана с радиоактивными материалами.

Несмотря на опасности и бытовые трудности, в закрытых городах сформировался своеобразный дух патриотизма, дух гордости за свое дело и Отечество. Об этом писал, основываясь на воспоминаниях ветеранов и выражая свою точку зрения, Б. В. Брохович. «Мы в то время опирались на наш внутренний патриотизм и желание во что бы то ни стало выполнить задание Родины в срок, чтобы Родина избежала атомный шантаж США и катастрофу. В этом мы были едины – от академика Курчатова до любого инженера, рабочего, солдата, строителя и даже заключенного. Поэтому жертвы, облучение, плохие условия быта и труда, недоедание казались незначительными упущениями»²⁴. Сотрудники атомного производства верили, что они занимаются исключительно важным делом, поскольку ситуация была крайне напряженная. Вернувшийся из Москвы после одного из

²¹ Атомный проект СССР : Документы и материалы. М. ; Саров : Наука, 2002. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954 . Кн. 3. С. 316–318.

²² Атомный проект СССР : Документы и материалы. Т. 2. Кн. 3. С. 316–318.

²³ Мельникова Н. В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР. М. : РОССПЭН, 2009. С. 54.

²⁴ Брохович Б. В. Игорь Васильевич Курчатов на Южном Урале... С. 8.

торжественных приемов Е. Славский привел сказанные там слова Сталина: «Если бы мы опоздали на 1–1,5 года с атомной бомбой, то, наверное, попробовали бы ее на себе»²⁵.

Для восприятия жителей закрытых городов периода их строительства и формирования было характерно несколько особенностей: 1) острое ощущение несвободы, порожденное обстановкой повышенной секретности; 2) своеобразное восприятие опасности атомного производства, которое могло колебаться от панического ужаса до поразительной беспечности при работе с радиоактивными материалами. То и другое было связано со слабой информированностью работников о свойствах радиоактивности; 3) хозяйственно-бытовые трудности, характерные для жизни в закрытых городах в 1940-х – начале 1950-х гг., ухудшали восприятие жизни горожанами.

Общественный и домашний быт

Неотъемлемой частью жизни горожан была закрытость. В 1940-е гг. около 80 % населения считало, что эта особенность приносила в их жизнь неудобства. В 1960-е гг. ситуация поменялась прямо противоположным образом, большинство жителей уже не пугала закрытость. В том числе и потому, что она перестала быть абсолютной.

В закрытости наблюдались свои плюсы – высокое качество жизни и низкий уровень преступности, особенно после окончания применения труда заключенных. Большинство преступлений (77 %) составляли мелкие кражи личного имущества и хулиганство на почве алкогольного опьянения. Злостные нарушители общественного порядка могли быть выселены из закрытого города по решению спецсуда. Такие виды преступлений как убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования, угоны автотранспорта, были большой редкостью.

Закрытые города получали приоритетное финансирование. В 1950–1960-е гг. бюджет г. Лесного превышал бюджеты 18 районов Свердловской области. Это позволяло уделять большое внимание благоустройству.

По воспоминаниям ветеранов атомной отрасли, большой заслугой И. В. Курчатова является то, что он лично пробивал «наверху» многие вопросы социокультурного назначения.

---

²⁵ Цит. по: Там же. С. 30.

В связи с этим любопытно следующее сравнение. Так, руководитель Манхэттенского проекта, или, иначе говоря, «американский Берия» генерал Л. Гровс делает любопытные признания в своей книге «Теперь об этом можно рассказать», где пишет об унылости культурной жизни во время строительства плутониевого комбината в Хэнфорде (аналогичного химкомбинату «Маяк» в Челябинске-40). Л. Гровс отмечает: «Жизнь для многих оказалась неинтересной, так как никаких развлечений не было, если не считать самых простых, которые они смогли самостоятельно организовать. У нас не было ни симфонических оркестров, ни опер, ни театров, ни лекций на какие-либо культурно-просветительские темы»²⁶.

В отличие от американских атомных центров Хэнфорда или Ок-Риджа, культурная жизнь в уральских закрытых поселениях была иной, хорошо организованной, содержательной. В Челябинске-40 был построен и сдан в эксплуатацию драматический театр в самый напряженный и ответственный период строительства ядерных объектов – 28 октября 1948 г. Театры, дворцы культуры, клубы, библиотеки и стадионы стали настоящими центрами культурной жизни атомщиков.

По инициативе И. В. Курчатова в Челябинске-40 был создан профессиональный симфонический оркестр, в составе которого играли отличные музыканты – выпускники консерваторий Москвы, Ленинграда, Свердловска. На озере Иртяш находился эллинг, где имелись не только яхты-шверботы, но и настоящие килевые яхты, вплоть до шхерного крейсера. И все это не для прогулок начальства, а для большой яхт-секции, где занимались водными видами спорта сотни молодых людей.

Поселения атомщиков относительно быстро переросли рамки обыкновенных рабочих поселков. Их инфраструктура, численность населения, которая к началу 1950-х гг. в Челябинске-40 и Свердловске-44 превышала в каждом из них 40 тыс. чел. и несколько меньше была в Свердловске-45, в полной мере соответствовали критериям городов. Сами жители уже давно именовали их с гордостью «соцгородами» или, со скепсисом, «зонами». Вскоре последовали уточнения: 17 марта 1954 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР первые поселения атомщиков получили статус городов. Поселок

---

²⁶ Цит. по: Лютов В. Несекретная история Озёрска // Провинциальные тетради Вячеслава Лютова [сайт]. URL: <http://lyutov70.livejournal.com/54937.html> (дата обращения: 14.12.2016).

комбината № 817 преобразовали в г. Озерск, комбината № 813 – в г. Новоуральск, и комбината № 814 – в г. Лесной. Так как Указ Президиума Верховного Совета РСФСР был секретным, названия закрытых городов не публиковались в печати, не значились они в справочниках административно-территориального деления страны, на географических картах²⁷. На одном из партийных собраний в Озерске было сказано следующее: «Нашего города нет на карте, но многие могут позавидовать тем условиям, которые есть у нас»²⁸.

Однако в самом начале истории закрытых городов бытовые условия были не так хороши. В 1940-е гг. только 9 % граждан по приезду на новое место работы получали отдельную квартиру, остальные селились в общежитиях с разной степенью комфорта. В семейных общежитиях в одной комнате проживало по десять и более человек. Острейшим дефицитом были кирзовые сапоги, валенки и шубы. В 1950-е гг. отдельную квартиру получали уже 14 % приезжающих. В общежитиях нормой стало проживание по два-четыре человека в комнате. Начали распространяться случаи, когда одинокие мужчины проживали в общежитии по пять-восемь лет, отказываясь переселяться в отдельные квартиры, поскольку их все устраивало. Они имели машины и откладывали большие суммы на сберкнижки. В 1960-е гг. уже до 70 % семей проживало в отдельных благоустроенных квартирах. В среднем на одного человека приходилось 8 м² жилплощади, в то время как в Свердловске – только 6 м².

Резко росло потребление телефонов, мебели, мотоциклов и автомашин. Население трех закрытых городов (Озерска, Новоуральска, Лесного) покупало 1–2 % производимых в СССР автомобилей. В Новоуральске находилось 7 % всех личных автомобилей Свердловской области. Кроме того, город занимал первое место в области по насыщенности радиоприемниками и телевизорами. В Озерске на сто жителей приходилось 15 телефонов, тогда как в Челябинске – 1,8.

Хорошие условия снабжения население использовало в своих интересах, занимаясь перепродажей продуктов питания и товаров народного потребления за пределами закрытых городов.

²⁷ Толстиков В. С. К истории формирования и развития закрытых городов Урала в 40–50-е годы XX века // Вестн. ЮУрГУ. 2011. № 30 (247). С. 53–56.

²⁸ Цит. по: Мельникова Н. В. Творцы советского атомного проекта в режимных городах С. 78.

Автомобиль «Москвич», например, можно было продать на 3 тыс. рублей дороже. Но городские власти следили за масштабами такой торговли, и слишком активные продавцы наказывались как спекулянты. Потребности покупателей постоянно росли, работники торговли жаловались, что они требуют только импортные товары, одежду и обувь.

Проблема недостатка досуговых учреждений по большей части была решена к 1960-м гг. Наибольшей популярностью пользовались кинотеатры. Значительная часть жителей города занималась спортом. Люди, как правило, делились на спортсменов и болельщиков. Наиболее популярен был футбол. На матчи любительских футбольных команд собирались целыми стадионами. В Лесном частенько после каждого забитого гола звучали выстрелы из охотничьих ружей.

С середины 1950-х гг. появились возможности отдыха за пределами закрытых городов, и выездной отдых приобрел огромную популярность, являясь способом психологической разгрузки от жизни в изоляции. Люди активно выезжали в областные цирки, музеи и театры, а также дома отдыха и санатории. Министерству среднего машиностроения был передан санаторий «Черноморец» в Сочи. 20 % путевок были полностью бесплатными.

Заработная плата работников завода, особенно ИТР, была довольно высокой. Это позволяло работнику обеспечивать неработающую жену и детей.

Период расцвета атомных городов, длившийся с второй половины 1950-х до начала 1990-х гг., сформировал многие из сохраняющихся ныне особенностей восприятия действительности их жителями. Ощущение несвободы несколько притупилось, в том числе и потому, что появилась возможность покидать ЗАТО для отдыха и визитов к родственникам. Чувство опасности также уменьшилось благодаря усовершенствованию технологии работы с радиоактивными материалами, а также высокому уровню медицинского обслуживания. Ощущение комфортного существования подкреплялось высоким уровнем оплаты труда и прекрасными, лучшими в стране условиями снабжения промышленными товарами и продуктами питания. Важной частью восприятия стало ощущение элитарности и сопричастности делу защиты Отечества.

Перестройка и трансформация системы закрытых городов

Кризисные явления в обществе и партии затронули и сравнительно благополучные островки советского социального государства – закрытые атомные города. Деятельность городских партийных организаций мало чем отличалась от других областей РСФСР. Решения вышестоящих партийных органов принимались к исполнению и воплощались в жизнь, насколько это было возможно.

Избрание М. С. Горбачева первым секретарем ЦК КПСС было воспринято населением как знак грядущих позитивных преобразований в партии и обществе. Среди жителей закрытых городов увеличилось число желающих вступить в партию. Но по мере развития перестроечных реформ доверие к партии и комсомолу начинает снижаться, начиная с 1988 г. намечается отток членов из их рядов. В середине 1991 г. наблюдается массовый выход из партии.

Так же, как и во многих регионах СССР, в закрытых городах Урала популярностью пользовался Б. Н. Ельцин. Так, согласно данным анкетирования, среди жителей Свердловска-45 на выборах президента России в 1991 г. 65,7 % поддерживали Б. Н. Ельцина, 20 % – Н. И. Рыжкова, 14,3 % – В. В. Бакатина.

Горкомы КПСС прекратили свою деятельность согласно указам президента России Б. Н. Ельцина от 23 августа и 6 ноября 1991 г. В Лесном в тот момент насчитывалось 5 тыс. коммунистов, а при перерегистрации в 1993 г. осталось только 200, то есть всего 5 % прежней численности.

В последние месяцы существования горкомов их руководящий и технический состав был трудоустроен на руководящие должности на градообразующих предприятиях и на объектах городской инфраструктуры. Часть представителей номенклатуры ушли в частный бизнес и стали успешными предпринимателями.

Трагическое ощущение гибели сверхдержавы, беспокойство за собственную судьбу и судьбу ядерного щита страны были характерны для жителей закрытых городов в 1990-е гг. В качестве примера можно привести несколько цитат из работы Б. Броховича 1996 г.: «СССР, а за ним и Россия как могучее государство перестали практически существовать. Осталась раздираемая противоречиями

и национальной рознью лоскутная Россия с отдельной Калининградской областью, сырьевой придаток США и Запада»²⁹.

Такое тревожное восприятие обуславливалось не только объективными проблемами, но и особенно резким падением жизненного уровня населения закрытых городов, которые к 1980-м гг. были наиболее благополучными жителями Союза. И пусть за сравнительно приличные условия порой приходилось платить здоровьем и даже жизнью, риск зачастую уравнивался чувством сопричастности славному делу защиты великой Родины.

Закрытые города в новой России

Новые времена потребовали законодательного оформления статуса закрытых городов. В советское время термин «закрытый город» употреблялся неофициально. Это означало, что в город не допускаются иностранцы, а въезд для советских граждан возможен только со специального разрешения властей.

14 июля 1992 г. был принят закон РФ «О закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО)», который официально оформил статус закрытых городов. Таковым признавалось территориальное образование, в пределах которого расположены промышленные предприятия по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов, военные и иные объекты, для которых устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан.

К началу XXI в. в России имелось 42 ЗАТО, из них 32 – в ведении Министерства обороны РФ, десять – «Росатома» РФ. В 2013 г. на территории РФ находилось 44 закрытых города, общая численность населения которых по переписи 2010 г. составляет 1 252 207 чел. На Урале находятся пять из десяти городов «Росатома». Они представляют собой замкнутый ядерно-оружейный комплекс, объединяющий в себе комплекс современных технологий, позволяющих осуществлять обогащение и обеднение урана и плутония, а также сборку ядерных боеприпасов.

Судя по данным уральских ЗАТО, в последующие десять лет численность их населения практически не изменилась. Всем этим людям

---

²⁹ Брохович Б. В. Химический комбинат «Маяк»... С. 154.

предстояло пережить непростой период шоковой терапии и радикальных реформ. Объемы производства резко упали. Безработица, достигавшая 10 %, коснулась и некогда благополучных городов. Начались сокращение производственных мощностей и штатов работников на предприятиях, задержки заработной платы, а также конверсия, сопряженная с множеством трудностей.

Финансирование градообразующих предприятий, которое шло из федерального бюджета, сокращалось и перечислялось не в полном объеме. Вследствие этого администрациям городов приходилось брать кредиты у банков, чтобы выплатить зарплату бюджетникам. В конце 1990-х финансовая ситуация в ЗАТО стабилизировалась.

В 1990-х гг. ЗАТО приобрели специфический экономический статус офшорных зон, который определил направление нового этапа их развития. В 1992 г. в России увидел свет федеральный закон «О закрытых административно-территориальных образованиях», предусматривавший значительные налоговые льготы для тех компаний, которые регистрируются на территории закрытых городов. Такое положение дел привело не только к значительному росту местных бюджетов, но и к увеличению количества инвестиционных проектов, часть из которых оказались весьма недолговечными. Многие пользователи офшоров не проявляли желания вкладывать серьезные средства в развитие этих территорий.

Что касается градообразующих предприятий, то они, в свою очередь, также стремились трансформироваться, принять рыночные «правила игры», навязываемые государством и менеджментом. Так, в 1990-е гг. по программе конверсии многие заводы стали производить товары народного потребления (например, аудио- и видеокассеты), собирали телевизоры, запускали другие инновационные проекты (производство элементов питания для космических кораблей, аппаратов для изготовления мороженого, высокоточной медицинской аппаратуры и т. д.). Примечательно, что закрытые города Урала стали пионерами освоения нанотехнологий. Так, в Новоуральске налажено производство автомобильных каталитических нейтрализаторов выхлопных газов. Развивались и непрофильные для атомных уральских ЗАТО направления, например, разведение рыбы или изготовление керамической посуды.

Третье тысячелетие ознаменовалось для ЗАТО очередными значительными переменами в статусе. Согласно изменениям в налоговом законодательстве, серьезно ужесточались подходы к организации в ЗАТО офшорных зон. В результате к концу 2005 г.

бюджеты существенно оскудели, многие закрытые города оказались в сложной финансовой ситуации и перешли в разряд дотационных территорий. Кроме того, ЗАТО потеряли статус городов федерального подчинения, получив двойное федерально-региональное подчинение, и были значительно ограничены в распоряжении государственными средствами (только в рамках субвенций и дотаций), что вынуждало муниципалитеты латать бюджетные дыры исключительно за счет собственных источников пополнения.

С начала 2000-х гг. активно обсуждается перспектива ликвидации ЗАТО. Эта идея имеет как плюсы, так и минусы. Причем сами их жители создают как положительные, так и отрицательные особенности своего положения, и в ближайшее время им предстоит если не сделать выбор, то быстро приспособиться к резко меняющимся обстоятельствам.

«Дом, милый дом»

Пребывание в зоне комфорта, которой являются закрытые города для своих обитателей, имеет очевидные преимущества. Пропускной режим защищает горожан от проникновения нежелательных лиц, в том числе с наличием судимости.

Самоощущение жителей закрытых городов можно рассмотреть на примере социологического исследования, проведенного А. И. Жмайло в г. Озёрске Челябинской области в 2009 и 2016 г. Им было опрошено около 600 мужчин и женщин в возрасте от 25 до 60 лет³⁰. 82 % жителей довольны своей работой в Озёрске. Около половины опрошенных хотят, чтобы и их дети остались работать в родном городе. Причинами этого называются комфортные условия жизни, низкий уровень преступности и стабильная заработная плата. Отвечая на вопрос о качестве жизни, 69 % ответили, что город удобен для жизни, а опрошенные в 2009 г. отметили, что город особенно удобен для пенсионеров и семей с детьми.

По данным А. Николаева, опросы жителей Озёрска в 1989 г. показали, что 97 % выступают против открытия города. Спустя десять лет таковых продолжало оставаться достаточно много – 85 %³¹.

³⁰ Жмайло А. И. Анализ и пути использования кадрового потенциала закрытого города // Озёрск.Ru [интернет-портал]. URL: <http://ozersk.ru/print:page,1,20344-analiz-i-puti-ispolzovaniya-kadrovogo-potenciala-zakrytogo-goroda.html> (дата обращения: 14.12.2016).

³¹ Николаев А. Закрытые города: между льготами и свободой // Полит.ру [интернет-портал]. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/22/closed/> (дата обращения: 14.12.2016).

Идея открытия закрытых городов, которая вновь зазвучала в связи с кризисом в 2014–2015 гг., вызывает неизменную негативную реакцию жителей. На городском форуме Novouralsk.su можно встретить такие комментарии: «Пропал город! (э-ээ); Конец нормальной жизни. Жаль. (мс); Сбывается мечта идиотов, даже раньше, чем мечтали. (CV); Открытия города в пользу спекулянтов, бандитов и гастрбайтеров нельзя допустить! (местный567)»³². Слышны голоса и в поддержку этого решения, но они немногочисленны. Отметим, что симпатия к привычному советскому прошлому отразилась и в доменной зоне, выбранной организаторами городского сайта SU (Советский Союз).

Обсуждение на сайте Pikabu.ru рисует ряд привлекательных особенностей закрытых городов: «Там вообще люди непуганые живут. Нет у них криминала, за месяц работы был только один криминальный труп, хотя у меня в Магнитогорске их штуки 2–3 в день было :) (usla2001); Огромный и единственный плюс – Образование и центр МЧС в пос. Новогорный, наши спасатели действуют на всей России и совсем недавно вернулись с Алтая. А школа в том же Новогорном готовит одних из самых сильных учеников, баллы по ЕГЭ у нас одни из самых высоких во всей стране и выше Москвы на пару десятков пунктов!» – несколько более сдержанно комментирует пользователь wsi2007³³.

Удовлетворенность положением жителя закрытого города своеобразно проявляется в поддержке глав местных администраций. Согласно опросу об эффективности деятельности муниципалитетов, проведенному в Челябинской области в 2015 г., главу Челябинска положительно оценили 31,7 % опрошенных, Златоуста – 10,8 %. Поддержка глав администраций ЗАТО выглядит гораздо внушительнее: Снежинск – 50 %, Трехгорный – 47,9 %³⁴.

Большинство тех, кто жили и живут на территории закрытых городов, продолжают ценить стабильность и спокойствие, привычные с детства. Попытки изменить привычную среду обитания вы-

³² Минэкономразвития собирается «открыть» Новоуральск с 1 января 2016 года // Novouralsk.su [интернет-портал]. URL: http://novouralsk.su/News/news_citylife/themes/4120 (дата обращения: 14.12.2016).

³³ Жизнь в закрытом городе // Pikabu.ru [сайт]. URL: http://pikabu.ru/story/zhizn_v_zakryitom_gorode_2477612 (дата обращения: 14.12.2016).

³⁴ Подгузова М. Южноуральцы оценили работу глав муниципалитетов: Евгению Тефтелеву доверяет только 16,8 % жителей // РИА Накакуне.RU [сайт]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2016/5/4/22435200#sthash.slS1GUfb.dpuf> (дата обращения: 14.12.2016).

зывают довольно острую негативную реакцию. С одной стороны, изменения в статусе ЗАТО вызывают страх неизвестности, с другой, граждане, преодолевшие опыт шоковой терапии, еще сильнее ценят островки минувшего, навсегда утраченные в 1990-е гг.

Выхода нет

При всей позитивности образа родного закрытого города отношение к нему нынешних горожан нельзя назвать однозначным. А. С. Павленко ситуацию в моногородах называет кризисом самоопределения: «С одной стороны, город несомненно представляет для его жителей некую ценность, ему можно и должно помогать, с другой стороны, все чаще проявляется позиция личного неучастия. Горожанин как бы еще повернут лицом к городу, но уже отстранен от него»³⁵.

Интересно, что с такой оценкой перекликается подзаголовок, который дал А. И. Жмайло своему социологическому исследованию Озёрска: «Этот город погубит равнодушие». Только 2,4 % опрошенных в 2016 г. оценили качество жизни в Озёрске как высокое. Большинство (60,5 %) назвали его средним. Из причин, вызывающих недовольство современным местом работы (40 % опрошенных), на первых местах находятся зарплата и отсутствие перспектив карьерного роста. Говоря о причинах, по которым родители не хотели бы, чтобы их дети остались в Озёрске, 55 % также отметили проблему отсутствия перспектив профессионального и карьерного роста.

А. И. Жмайло отмечает, что за последние семь лет рост оценок наблюдался только в одном случае – «низкий уровень преступности». Объяснить это можно двумя факторами: во-первых, нагнетаемая федеральными СМИ истерия по поводу криминала и терроризма, и, во-вторых, остальные возможные причины не дают оснований для роста удовлетворенности»³⁶. Повышение преступности также называют основным риском в случае открытия города.

В то же время заметно, что восприятие статуса закрытого города в настоящее время далеко от идеализации. Порой ощущение уязвимости этого положения приводит к радикальной переоценке значимости привычного status quo. В марте 2004 г. около здания

³⁵ Павленко А. С. Моногорода: проблемы и перспективы // Российская академия естествознания [официальный сайт]. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/pdf/1832.pdf> (дата обращения: 14.12.2016).

³⁶ Жмайло А. И. Анализ и пути использования кадрового потенциала закрытого города.

администрации Озёрска проходили митинги. СМИ сообщили, что учителя, работники детсадов и медики требовали снять с Озёрска режим секретности и восстановить сниженную зарплату бюджетников³⁷. Ситуация оказалась тем более болезненной, если учесть, что в советское время работники закрытых атомных городов получали зарплату на 20 % больше, чем в среднем по стране. Сейчас социальная сфера закрытых городов сравнялась с малопривлекательными условиями российских бюджетных учреждений.

Есть проблемы и с развитием этих городов. Весьма ограничен приток инвестиций на территорию ЗАТО. Особенно это стало заметно, когда с 2000 по 2004 г. были упразднены налоговые льготы, которые существенно сократили инвестиционную привлекательность. Положение в этой области хорошо показано на гистограмме, согласно которой инвестиции в экономику Пермского края в 8–10 раз превышают вложения в развитие предприятий ЗАТО Звёздный (рис. 1).

Согласно «Правилам создания и деятельности на территории закрытого административно-территориального образования организаций с иностранными инвестициями», ФСБ или МВД вправе не допустить создания подобного предприятия³⁸, что затрудняет деятельность бизнеса на территории ЗАТО.

Рис. 1. Объём инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. руб. / чел.³⁹.

³⁷ Николаев А. Закрытые города: между льготами и свободой.

³⁸ Законы о ЗАТО : сборник законодательных и нормативных актов о закрытых территориальных образованиях Федерального агентства по атомной энергии. Екатеринбург : Паритет, 2012. С. 133–136.

³⁹ Программа социально-экономического развития ЗАТО Звёздный Пермского края на 2012–2014 годы // ООО «Веб Депо» [сайт]. URL: http://zvezdny.permareg.ru/upload/pages/10997/dat_1329214363174.pdf (дата обращения: 14.12.2016).

В обсуждении на сайте Picabu.ru о проблемах Озёрска говорится так: «В город не пускают конкурентов! Там заняты все ниши: Авторемонт, торговля, супермаркеты. “Магнит”, “Дикси”, “Ашан” – не пускают в город, в городе есть сеть “Три богатыря” с ценами просто заоблачными. (wsi2007); ...как только люди заканчивают школу/МИФИ/ЮУРГУ – без оглядки убегают из этого болота. О том, в каком состоянии дороги и вообще вся инфраструктура. О том, как народ массово выгоняют с “Маяка”, о том, как ядерный щит превращается в картонный. С каждым годом всё грустнее и грустнее туда приезжать. Город совершенно не развивается, а только увядает. Со стороны оно прям здорово заметно :((y0urn1ck)»⁴⁰.

Жители закрытых городов видят и недостатки своего положения. Если люди в возрасте во многом удовлетворяются плюсами своего статуса, то для молодежи они желают иного будущего, что показывают соцопросы. Впрочем, и молодые люди стремятся получить больше перспектив и все чаще планируют свою карьеру за пределами закрытых городов.

В начале XXI в. у жителей закрытых городов сформировались следующие особенности восприятия: 1) ощущение несвободы сохранилось, но ослабло и трансформировалось. Теперь несвобода прежде всего связывается с сокращением карьерных перспектив и уменьшением финансового комфорта у жителей ЗАТО. Сейчас их зарплата и снабжение далеко не лучшие в стране, а зачастую ниже среднего уровня; 2) чувство опасности присутствует, но с ним за десятилетия уже свыклись; 3) сохраняется положительная оценка элементов бытового комфорта (хорошее образование, низкая преступность); 4) по-прежнему присутствует ощущение принадлежности к интеллектуальной элите страны, ответственной за ее безопасность. Поэтому ухудшение экономических возможностей воспринимается жителями закрытых городов чрезвычайно болезненно, не только как личная угроза, но и как угроза безопасности России.

Выход есть

Если не планы, то намерения оптимизировать нагрузку на бюджетную сферу со стороны закрытых городов проявились довольно давно. Но война в Чечне и связанные с ней опасения за безопас-

---

⁴⁰ Жизнь в закрытом городе // Pikabu.ru [сайт]. URL: http://pikabu.ru/story/zhizn_v_zakryitom_gorode_2477612 (дата обращения: 14.12.2016).

ность несколько отодвинули время открытия этих опасных объектов. Хотя уже в конце марта 2000 г. только что избранный президентом В. В. Путин отправился в Снежинск, где на расширенной коллегии Минатома высказался за постепенное «раскрытие» ЗАТО и снижение их налоговых льгот⁴¹. Это предложение местные журналисты называли тогда «ложкой дегтя». Однако благоприятная нефтяная конъюнктура позволила еще на полтора десятилетия отложить болезненные реформы, сохранив ЗАТО и их дотационное финансирование. Так, Новоуральск и Лесной получили в 2015 г. 1,2 млрд руб. дотаций из бюджета Свердловской области и около 600 млн руб. из федерального бюджета, что составило около 30 % дохода этих городов⁴².

Сложные обстоятельства, в которых оказалась Россия в 2014–2016 гг., потребовали более активно приняться за экономию государственных средств, затраченных на решение внешнеполитических задач. В октябре 2015 г. увидели свет проекты указов Минэкономразвития о ликвидации статуса ЗАТО в шести закрытых городах (Северске Томской области, Зеленогорске Красноярского края, Новоуральске Свердловской области, Звездном Пермского края, поселке Локомотивный Челябинской области и в Заречном Пензенской области). Во всех городах этот проект вызвал негативную реакцию жителей. Исключение, пожалуй, может составить поселок Локомотивный, инфраструктура которого пришла в упадок после того, как там была ликвидирована последняя ракетная шахта МБР СС-20 «Сатана». Именно по этому населенному пункту Президент России В. В. Путин подписал 23 сентября 2016 г. указ о ликвидации ЗАТО⁴³. В остальных городах данные указы еще обсуждаются населением и администрацией. По оценкам главы администрации Новоуральска В. Попова, ликвидация шести ЗАТО даст государству существенную экономию в 3 млрд руб. в год. С другой стороны, по его мнению, только укрепление периметра одного УЭХК в Новоуральске потребует 2,5 млрд руб. и нескольких лет

⁴¹ Германович А. Путин поддержал атомщиков // Ведомости [официальный сайт]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2000/04/03/putin-podderzhal-atomschikov> (дата обращения: 14.12.2016).

⁴² Ласкутова А. «Росатом» выписывает пропуск в ЗАТО для «импортозамещающих» инвесторов // РИА Накауне.RU [официальный сайт]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/110544#sthash.wa7KPOil.dpuf> (дата обращения: 14.12.2016).

⁴³ Шумов А. На Урале ликвидируют секретный «ядерный» поселок : Решение принял лично Путин // УРА.Ру [официальный сайт]. URL: <http://ura.ru/news/1052262475> (дата обращения: 14.12.2016).

работы, не говоря о том, что финансовой поддержки лишатся пожарная охрана, медицина и другие объекты социальной сферы города. На заседании Городской думы в октябре 2015 г. депутаты приняли решение о нецелесообразности открытия города⁴⁴. Впрочем, тех, кто заинтересован в существовании этой системы, становится все меньше. За последние годы количество сотрудников УЭХК сократилось с 17 тыс. до 2,3 тыс. чел.

Минэкономразвития и «Росатом» предлагают жителям создать на базе их городов так называемые ТОР (территории опережающего развития): «На базе индустриального парка Новоуральска могут быть реализованы проекты производства автономных источников тока на твердооксидных топливных элементах, а также катализаторов для автомобильного транспорта. На высвобождаемых площадках Уральского электрохимического комбината местные власти считают возможным запустить проект создания оборудования и материалов для аддитивного производства совместно с УЭХК и УрФУ. Ожидаемый экономический эффект от ТОР в Новоуральске – 5 млрд руб. инвестиций, еще 2 млрд руб. можно привлечь в Лесной»⁴⁵. Предполагаются также существенные налоговые льготы, сокращающие налоговое бремя в несколько раз и направляющие доходы в местные бюджеты.

* * *

За последние 25 лет система восприятия закрытых городов, основывающаяся на балансе двух негативных (несвобода и опасность) и двух позитивных (бытовой комфорт и высокий статус) факторов, начала утрачивать равновесие. При этом отрицательные моменты набирают вес. Несвобода угнетает еще и тем, что угрожает проигрышем в конкурентной борьбе индивида за более высокий социальный статус. Опасные производства начинают выглядеть более устрашающими в связи с опасениями усиления социальной нестабильности. Уровень бытового, материального комфорта снижается.

⁴⁴ Плюснина М. Урал. Уран. Забор // Знак : информ. агентство [официальный сайт]. URL: https://www.znak.com/2015-10-28/ural_uran_zabor_zakrytyy_yadernuyu_gorod_otkazyvaetsya_stat_otkrytyy (дата обращения: 14.12.2016).

⁴⁵ Ласкутова А. «Росатом» выписывает пропуск в ЗАТО для «импортозамещающих» инвесторов.

Высокий статус интеллектуальной элиты, стоящей на страже безопасности страны, уже не так радует, не находя соответствующего материального подкрепления.

В таких условиях, учитывая исключительную важность объектов, находящихся на территории закрытых городов, необходимо в процессе трансформации сохранить работоспособную систему, пусть и в урезанном виде. Остающимся трудовым коллективам необходимо обеспечить высокий уровень материального стимулирования и социальных гарантий. В противном случае нестабильная социальная среда вскоре начнет превращаться во взрывоопасную в прямом и переносном смысле этого слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЯДЕРНЫЙ МИР – БУДУЩИЕ КОНТУРЫ?

Мыслительный эксперимент позволяет заглянуть в недалекое будущее ядерного мира. На глобальном уровне ядерное оружие останется важным фактором баланса сил в современном мироопорядке, несмотря на то, что его контуры не совсем ясны. Совершенно не очевидными могут быть сферы влияния в мире. Появляются новые акторы, которые начинают играть все большую роль. В образовавшемся «вакууме» могущества возросло значение как региональных держав, так и региональных группировок, негосударственных акторов. Открытый и взаимозависимый мир во время перехода от биполярности к некой новой, еще не сформировавшейся конфигурации может оказаться без международных «полицейских» и не сможет противодействовать распространению ядерного оружия. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда глобальные институты, работающие в сегменте ядерной безопасности, не справляются с новыми вызовами. К серьезным вызовам относится не только ставшая классической угроза терроризма, но и новые технологические вызовы, распространение критических технологий.

Режим ядерного нераспространения в условиях неопределенного формирующегося миропорядка испытывает серьезные вызовы. Как отмечают современные эксперты, внутри режима ДНЯО множатся различные региональные и тематические группировки, которые начинают заниматься активным лоббированием собственных интересов – от технических вопросов, связанных с мирным атомом, неядерными зонами, до полной ликвидации ядерного оружия. Возникает вопрос о необходимости выстраивания взаимоотношений внутри сложной мозаики интересов стран, групп, инициатив.

Серьезным испытанием для международного режима стала несогласованность позиций официальных ЯОГ. Мы становимся свидетелями усугубляющегося конфликта, перехода в конфронтацию отношений между РФ и США. Дальнейшая деградация

двустороннего сотрудничества может стать серьезной проблемой для международного режима нераспространения ядерного оружия. Двусторонние российско-американские отношения в области разоружения и нераспространения оказывают самостоятельное влияние на функционирование международного режима ядерного нераспространения.

Несомненно, важным фактором эффективности любого режима является действенность заключенных соглашений и договоров. Есть конкретные договоры, имеющие качественные верификационные режимы. Верификационные механизмы КЗХО и ДВЗЯИ из всех существующих многосторонних режимов контроля над вооружениями остаются наиболее детально проработанными. Институты и субрежимы международного режима ядерного нераспространения работают по-разному. Необходимо включить эффективные институты с участием экспертных сообществ для продвижения эффективных форм взаимодействия.

На региональном уровне происходит ряд существенных изменений. К традиционным зонам риска в сфере ядерного распространения, таким как Юго-Восточная и Северо-Восточная Азия, Большой Ближний Восток, добавляются Евро-Атлантика и Центральная Азия, в которых формируется новая повестка ядерного дискурса.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе формируются серьезные вызовы режиму ядерного нераспространения. Ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г., КНДР в 2000-е и 2010-е гг., стали серьезным вызовом не только региональному, но и глобальному порядку. Наличие пороговых государств, обладающих полным набором ядерного топливного цикла, обуславливает возможную перспективу появления новых ядерных государств. Экономический рост стран региона с переходом на ядерную энергетику требует пересмотра требований ядерной безопасности. Можно ли построить режим безопасности в этом регионе? Необходимо. Для этого важным представляется участие не только важных игроков региона, таких как Япония, Китай, но и официальных ядерных держав.

Сложным и разноуровневым регионом остается регион Большого Востока. Начиная с 1975 г. в рамках режима ядерного нераспространения производится работа по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Пока эта идея так и остается нереализованной. К традиционным противоречиям в регионе относятся проблема статуса Израиля, милитаризация входящих в его состав стран, появление пороговых государств. К ним добавляются новые вызовы – кибер-

противостояние между странами региона и внешними игроками. Относительно слабая прогнозируемость развития военно-политической ситуации в регионе, противоречивые интересы главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики, их приверженность двойным стандартам позволяют прийти к выводу о том, что поиск путей выхода из ближневосточной «ядерной петли» еще долго будет оставаться для мирового сообщества уравниванием со многими неизвестными.

Центральная Азия сегодня позиционируется как регион с активной позицией в области ядерного нераспространения. Центральназиатская зона, свободная от ядерного оружия, стала серьезным достижением региона. Несмотря на разногласия между странами региона по ряду вопросов, этот договор стал важным шагом для формирования единого регионального пространства безопасности. На современном этапе договор о ЦА ЗСЯО стал одним из важных элементов региональной архитектуры безопасности и активно поддерживается региональными военно-политическими организациями – ОДКБ и ШОС.

Тем не менее, регион Центральной Азии остается местом, где серьезные проблемы связаны с развитием ядерной инфраструктуры: это транспортировка ядерных материалов, поддержание безопасности хранилищ, процессы добычи и т. д. Самовывдвижение Казахстана в роли регионального лидера в вопросах ядерного нераспространения пока не нашло явного отклика среди других стран региона, имеющих на своей территории потенциально опасные объекты атомной отрасли. Между странами региона не существует единого подхода к культуре ядерной безопасности, продолжается внутренняя конкуренция.

В Евро-Атлантическом регионе в период после окончания холодной войны происходит маргинализация роли ядерного оружия как инструмента обеспечения безопасности. Тем не менее, на фоне российско-украинского конфликта снова усиливаются ядерная риторика, дискуссии о роли ядерного оружия в обеспечении евроатлантической безопасности. НАТО проводит мероприятия, призванные повысить убедительность ядерной угрозы не только в глазах потенциального противника, но самое главное – в глазах союзников. К этим мерам относятся разработка детальных оперативных планов, проведение учений с привлечением, в частности, Польши, четкая коммуникация идей о ядерном сдерживании потенциальному противнику. Активизация НАТО в области формирования

новой ядерной стратегии может привести к серьезному дисбалансу не только в регионе, но и в мире в целом.

Инцидент на «Фукусиме-1» привел к серьезным переоценкам ядерной тематики в формировании национальной стратегии, во внешней и внутренней политике не только Японии, но и Италии и других стран. Авария 2011 г. в Японии повлекла серьезные последствия во внутренней политике. Это и масштабная переоценка всей системы энергосбережения, изменение стандартов безопасности, и усиление внимания к альтернативным источникам энергии. Япония становится важным игроком на мировой арене, продвигающим вопросы ядерного нераспространения, разоружения и запрета ядерного оружия.

Италия после 2011 г. также не стала исключением. В стране активизировалась дискуссия о вопросах безопасности и дальнейшего использования мирного атома. Общественное обсуждение продемонстрировало страхи и неоднозначность оценки роли мирного атома в энергетике Италии.

Казахстан и Россия демонстрируют позитивный тренд – сохранение приоритетов в области атомной энергетики и активное вхождение в новые международные программы и обязательства. В России атомная энергетика остается важной частью энергетической отрасли. В связи с этим подготовка кадров для атомной промышленности является составной частью общей культуры безопасности в ядерном секторе.

Казахстан участвует в международном проекте банка НОУ МАГАТЭ, что подтверждает амбиции страны стать региональным лидером в области ядерного нераспространения. Несмотря на то, что Казахстан не получит прямых экономических выгод от размещения банка НОУ, этот уникальный проект может придать определенный импульс развитию существующих и потенциальных ядерных производственных мощностей, включая строительство объектов по конверсии урана и производству тепловыделяющих сборок, а также высокотехнологичных производств в смежных отраслях промышленности.

Российское общество всегда особым образом относилось к ядерному оружию и атомной энергетике. Ядерное оружие остается предметом гордости россиян. Оно воспринимается как элемент великодержавности страны. Исследование гражданского общества России демонстрирует тенденцию, противоположную европейской. Гражданское общество в России поддерживает политику государ-

ства в области мирного атома, в то время как европейское общество страдает скорее радиофобией.

Феномен закрытых городов России также является вопросом выбора не только государственной политики в области развития мирного атома в России, но и проблемой социального уровня. Несмотря на ряд ядерных аварий на предприятиях Урала и Сибири, население этих регионов продолжает жить на этих территориях и верить государственной власти в том, что проживание здесь не несет опасности. Отсутствие или слабость гражданских институтов, которые могли бы проводить независимые радио- и экологические исследования, позволяют обществу не задумываться о проблемах безопасности для здоровья населения. Более того, жители ЗАТО, имевшие в советский период более высокий социальный статус и комфортное материальное положение и не имеющие его сейчас, продолжают бороться за сохранение статуса своих городов в качестве закрытых.

Ядерный мир становится все более сложным. Режим ядерного нераспространения имеет важное значение. Тем не менее, все чаще возникает вопрос о реализации и выполнении обязательств, взятых на себя участниками данного режима. Усложняющиеся межгосударственные, межрегиональные и региональные процессы, характерные для современной системы международных отношений, становятся зачастую дестабилизирующими факторами для внутренней динамики режима ядерного нераспространения, а также демонстрируют появление новых тенденций и вызовов. Будущие контуры ядерного мира становятся все более размытыми и неопределенными. Необходимо не останавливаться в исследовании новых вызовов и тенденций, которые могут показаться незначительными сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В. В. Атомный комплекс в истории России / В. В. Алексеев // Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. гуманитар. ин-та, 1994. С. 92–109.

Аничкина Т. Б. Восточная Азия и ядерный зонтик США / Т. Б. Аничкина // Индекс безопасности. 2012. Т. 18. № 2. С. 63–72.

Аничкина Т. Б. Международный режим нераспространения ядерного оружия (теоретико-методологические аспекты) / Т. Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=262> (дата обращения: 31.08.2016).

Арбатов А. Г. Ядерное сдерживание и ядерное распространение / А. Г. Арбатов // The Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies. URL: <https://www.armscontrol.ru/course/lectures03b/aga030917.htm> (дата обращения: 31.08.2016).

Ахтамзян И. А. Бангкокский договор / И. А. Ахтамзян // ПИР-Центр [официальный сайт]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/31 (дата обращения: 31.08.2016).

Ахтамзян И. А. Зона, свободная от ядерного оружия / И. А. Ахтамзян // ПИР-Центр [официальный сайт]. URL: http://pircenter.org/sections/view/section_id/100 (дата обращения: 31.08.2016).

Ахтамзян И. А. Россияне об угрозах, связанных с оружием массового уничтожения : доклад ПИР-Центра / И. А. Ахтамзян. М. : Права человека, 2006. 62 с.

Ахтамзян И. А. Ядерный фактор в Центральной Азии / И. А. Ахтамзян // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ : Возможности и вызовы для России / И. А. Ахтамзян ; под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина ; МГИМО(У) МИД России ; ИНО-Центр. М. : Логос, 2003. С. 191–218.

Баклицкий А. Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения / А. Баклицкий // Индекс безопасности. 2015. № 2. С. 26–40.

Бужинский Е. Есть ли будущее у Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности / Е. Бужинский // Индекс безопасности. 2014. № 3 (110). Т. 20. С. 147–152.

Булатов В. И. 200 ядерных полигонов СССР : География радиационных катастроф и загрязнений / В. И. Булатов. Новосибирск : ЦЭРИС, 1993. 88 с.

Геловани В. И. Эволюция концепций стратегической стабильности : Ядерное оружие в XX и XXI веке / В. И. Геловани, А. А. Пионтковский. М. : ЛКИ, 2008. 100 с.

Голубев А. Инфраструктура и социальная среда атомных городов в XXI веке: вызовы и преимущества // Общественный совет Росатома [сайт]. URL: www.osatom.ru (дата обращения: 25.04.2017).

Гольдшмидт Б. Атомная проблема : Политические и технические аспекты. М. : Атомиздат, 1964. 175 с.

Горбушин Н. Г. К истории советского атомного проекта : Н. В. Тимофеев-Ресовский и радиобиология / Н. Г. Горбушин, В. И. Иванов // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 65–77.

Десять лет без Договора по ПРО : Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях : науч. докл. Ин-та США и Канады РАН. М. : Спецкнига, 2012. 81 с.

Десять шагов к созданию зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке. М. : ПИР-Центр, 2013. 20 с.

Джекишенкулов А. Дж. О безъядерной зоне в Центральной Азии // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 92–96.

Дронишинец Н. П. Ядерная безопасность, ядерные угрозы и ядерное нераспространение в структуре ценностей российских студентов / Н. П. Дронишинец, Н. А. Носырев // Фундаментальные исследования. 2005. № 2. С. 60–63. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5738> (дата обращения: 31.08.2016).

Евланов Д. С. Теча – 50 лет радиационных проблем / Д. С. Евланов // Полярное сияние. URL: <https://polar.mephi.ru/ru/conf/2000/6/7.html> (дата обращения: 31.08.2016).

Евстафьев Г. М. Позитивные гарантии безопасности / Г. М. Евстафьев // ПИР-Центр [официальный сайт]. URL: <http://www.pircenter.org/sections/160-pozitivnye-garantii-bezopasnosti> (дата обращения: 31.08.2016).

Жежерук И. Ф. Строительство и пуск первого в СССР атомного реактора. М. : [Б. и.], 1978.

Кацва М. Роль и место ядерного оружия в контексте взаимодействия России и институтов европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / М. Кацва ; под ред. Д. Тренина ; М. : Моск. Центр Карнеги, 2000.

Ключанская С. А. Проблема нераспространения ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (середина 90-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Ключанская // Томск, 2012. 31 с.

Кожевников В. В. Авария на АЭС «Фукусима-1» и российско-японские отношения / В. В. Кожевников // Изв. Вост. ин-та. 2011. № 2. С. 45–53.

Крючков Э. Ф. Ядерное образование и обучение в России / Э. Ф. Крючков // Росатом [официальный сайт]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2012/07/23/35002> (дата обращения: 19.12.2016).

Кудрявцев Е. Международные проекты по утилизации оружейного плутония. Результаты и перспективы / Е. Кудрявцев // Ядерный контроль. 1997. № 34–35 (окт.-нояб.). С. 16–31.

Кузнецов В. Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность / В. Н. Кузнецов ; Ин-т истории и археологии УрО РАН ; Акад. военно-историч. наук УрО ; отв. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург : БКИ, 2015. 440 с.

Кутнаева Н. А. Безъядерная зона в Северной Европе: идеи и реальность / Н. А. Кутнаева // Современная Европа. 2013. № 3. С. 41–52.

Кутнаева Н. А. Безъядерные зоны как один из инструментов международного режима нераспространения ядерного оружия / Н. А. Кутнаева // Вестн. КРСУ. 2013. Т. 13. № 6. С. 97–101.

Кутнаева Н. А. Зоны, свободные от ядерного оружия, в структуре международного режима нераспространения / Н. А. Кутнаева // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 73–89.

Кутнаева Н. А. Зоны, свободные от ядерного оружия, в структуре международного режима ядерного нераспространения / Н. А. Кутнаева // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 73–89.

Кутнаева Н. А. Проблемы и перспективы развития Центрально-Азиатской зоны, свободной от ядерного оружия / Н. А. Кутнаева. Бишкек : Салам, 2014. 242 с.

Кутнаева Н. А. Ядерные объекты и экологические последствия военной ядерной программы СССР в государствах Центральной Азии / Н. А. Кутнаева // Ракетное и ядерное распространение: вызовы XXI века : материалы междунар. конкурса аналитич. эссе участников сообщества исследователей нераспространения. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. 148 с. С. 92–108.

Кутнаева Н. А. О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии / Н. А. Кутнаева, И. А. Ахтамзян // Индекс безопасности. М. 2007. № 1. С. 131–136.

Луциани Дж. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива: в чем целесообразность? // Индекс безопасности. 2012. № 2 (101). С. 27–36.

Мамедова Н. М. Соглашение по ядерной программе Ирана и перспективы его реализации / Н. М. Мамедова // Запад – Восток – Россия : ежегодник / отв. ред. Д. Б. Малышева, В. Г. Хорос. 2016. С. 150–153.

Михайлов В. Н. Необходимость новых концептуальных подходов к проблеме ядерных вооружений / В. Н. Михайлов // Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. М. : Межведомств. Координац. совет по информации и связям с общественностью в области атомной энергии. 1996. Июль. Спецвып.

Некlessа Г. Г. Международно-правовая характеристика формирующейся в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия (ЦА ЗСЯО) / Г. Г. Неклесса // Московский журнал международного права. 2003. № 3. С. 34–43.

Новоселов В. Н. Атомный след на Урале / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. Челябинск : [Б. и.], Рифей. 1997. 239 с.

Орлов В. А. Стекланный зверинец нераспространения // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyannyi-zverinets-nerasprostraneniya-17639> (дата обращения: 20.08.2016).

Осада А. Дети Хиросимы / А. Осада ; пер. с яп. М. А. Кириченко, предисл. А. А. Кириченко. М. : Печатные традиции, 2010. 336 с.

Парк атомной и возобновляемой энергетики им. короля Абдуллы (KACARE) // Российское атомное сообщество : Ядерные и научные центры [официальный сайт]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/organizations/park-atomnoi-i-vozobnovlyaemoi-energetiki-im-korolya-abdully-kacare> (дата обращения: 12.08.2016).

Перминова М. В. Управление ядерными знаниями в высших учебных заведениях / М. В. Перминова, Д. Г. Демянук // Томский политехнический университет [официальный сайт]. URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/14802/1/conference_tpu-2015-C15-V1-166.pdf (дата обращения: 30.10.2016).

Петросьянц А. М. Проблемы атомной науки и техники / А. М. Петросьянц. М. : Атомиздат, 1979. 454 с.

Пискунова Н. Кибербезопасность и атомная энергетика: все еще впереди / Н. Пискунова // Индекс безопасности. 2014. № 1 (108). С. 137–140.

Полухин Г. А. Атомный первенец России – ПО «Маяк» : ист. очерки : в 2 ч. Озерск : Изд-во ПО «Маяк», 1998. Ч. 1. 156 с.

Последствия техногенного радиационного воздействия и проблемы реабилитации Уральского региона. М. : Комтехпринт, 2002. 204 с.

Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М. : РОССПЭН, 2012. 373 с.

Радиационные аварии на Урале: экологические, медицинские и социальные аспекты // Проблемы экологии Южного Урала. 1997. № 2.

Рекомендации ПИР-Центра по укреплению международного режима ядерного нераспространения // Индекс безопасности. 2016. № 1 (116). С. 11–18.

Рогов С. М. Поворотный пункт в ядерной конфронтации / С. М. Рогов // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 1. С. 4–17.

Сивинцев Ю. В. И. В. Курчатова и ядерная энергетика / Ю. В. Сивинцев. М. : Атомиздат, 1980. 80 с.

Скрябина М. С. Влияние аварии на АЭС «Фукусима-1» на планы государств Восточной Азии по развитию «мирного атома» / М. С. Скрябина // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4. С. 31–32.

Создание первой советской ядерной бомбы. М. : [Б. и.], 1995.

Социальные, экономические, экологические и медицинские последствия, обусловленные авариями на ПО «Маяк» и 4-м блоке Чернобыльской АЭС : (Обзор и анализ материалов открытых публикаций) : внеплан. отчет / Гордон Б. Г., Рубцов, П. М. и др. М. : НТЦ ЯРБ, 2004. 196 с.

Стриханов М. Н., Дмитриев Н. М. НИЯУ «МИФИ»: от института боеприпасов до университета мирового класса / М. Н. Стриханов, Н. М. Дмитриев // Грани российского образования. М. : Центр социол. исслед., 2015. 644 с.

Угрозы режиму ядерного нераспространения на Ближнем и Среднем Востоке / под ред. А. Арбатова, В. Наумкина. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. 37 с.

Фроггатт Э. Ядерный реактор как источник опасности / Э. Фроггатт // Ядерная энергия: миф и реальность. 2005. Дек. № 2. URL: <http://www.dront.ru/old/defense/aes/public/istochnik.pdf> (дата обращения: 28.08.2016).

Хамраев Ф. Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и политика Китая / Ф. Хамраев // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 42–45.

Харитон Ю. Б. У истоков ядерного дела / Ю. Б. Харитон // Природа. 1996. № 3–4. С. 144–147.

Харитонов В. В. Глобализация ядерного образования / В. В. Харитонов // ProAtom : информ. агентство [официальный сайт]. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=145> (дата обращения: 15.08.2016).

Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М. : РОССПЭН, 2012. 513 с.

Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договор / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М. : РОССПЭН, 2009. 272 с.

Ядерное сдерживание и нераспространение / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина // М. : Моск. центр Карнеги, 2005. 86 с.

Ядерно-техническое образование в закрытых атомных городах России : (Системный подход) / А. Н. Жиганов, С. А. Карпов, Б. М. Кербель и др. Северск : СГТИ, 2004, 186 с.

Ядерные знания : докл. генерального директора // МАГАТЭ [официальный сайт]. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/challengemanaging-nuclear-knowledge> (дата обращения: 30.12.2016).

Arbatov A. An Unnoticed Crisis : The End of History for Nuclear Arms Control / A. Arbatov // Carnegie Moscow Center [official website]. June 16, 2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control/ians> (mode of access: 20.08.2016).

Asia Pacific Multilateral Nuclear Safety and Non-Proliferation : Exploring the Possibilities / Ed. R. A. Cossa. Honolulu : Pacific Forum CSIS, 1996.

Baisnée O. Publiciser le risque nucléaire : La polémique autour de la conduite de rejets en mer de l'usine de La Hague / O. Baisnée // Politix. Vol. 14, N°54. Deuxième trimestre 2001. Pp. 157–181.

Baklitskiy A. The 2015 NPT Review Conference and the Future of the Nonproliferation Regime / A. Baklitskiy // Arms Control Association [official website]. July/Aug. 2015. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_0708/Features/The-2015-NPT-Review-Conference-and-the-Future-of-The-Nonproliferation-Regime (mode of access: 20.08.2016).

Ball D. Burma's Nuclear Secrets / D. Ball, P. Thornton // The Sydney Morning Herald. Aug. 1, 2009. URL: <http://www.smh.com.au/world/burmax2019s-nuclear-secrets-20090731-e4fv.html> (mode of access: 31.08.2016).

Booth K. Britain, NATO and Nuclear Weapons : Alternative Defense versus Alliance Reform / K. Booth, J. Baylis. L. : Macmillan, 1989. 374 p.

Borreguero E. India y Pakistán: el dilema nuclear / E. Borreguero // Real Instituto Elcano [official website]. URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/asia-pacifico/ari+68-2004 (mode of access: 31.08.2016).

Brodie B. Strategy in the Missile Age / B. Brodie. Princeton : Princeton Univ. Press, 1959. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/commercial_books/2007/RAND_CB137-1.pdf (mode of access: 23.03.2017).

Building a Nuclear Safe World : The Kazakhstan Way. Astana : Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2010. 92 p.

Butt Y. The myth of missile defense as a deterrent / Y. Butt // Bulletin of the Atomic Scientists. May 8, 2010. URL: <http://thebulletin.org/myth-missile-defense-deterrent> (mode of access: 25.03.2017).

Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / B. Buzan. Hemel Hempstead : Harvester Wheatsheaf, 1991. 318 p.

Buzan B. Regions and Powers : The structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. 598 p.

Buzan B. Security : A New Framework For Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. 239 p.

Buzan B. The Evolution of International Security Studies / B. Buzan, L. Hansen. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. 398 p.

Chafetz G. The end of the Cold War and the future of nonproliferation: an alternative to the neo – realist perspective / G. Chafetz // Security Studies. 1993. Vol. 2. P. 127–158.

Conflict and Cooperation in Cyberspace : The Challenge to National Security / Ed. by P. A. Yannakogeorgos, A. B. Lowther. Boca Raton : Taylor & Francis Group, 2014. 360 p.

Cotton M. Structure, agency and post-Fukushima nuclear policy: an alliance-context-actantiality model of political change / M. Cotton // J. of Risk Research. 2015. Vol. 18 (3). Pp. 317–332.

Dawson J. Anti-nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine / J. Dawson. Durham : Duke Univ. Press, 1996. 240 p.

Developments in Iranian Cyber Warfare 2013–2014 // Inst. for National Security Studies [official website]. Tel-Aviv, Aug. 2014. URL: <http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/SiboniKronenfeld.pdf> (mode of access: 17.01.2016).

Durkalec J. NATO's Nuclear Adaptation at the Warsaw Summit / J. Durkalec // NATO and Collective Defense in the 21st Century : An Assessment of the Warsaw Summit. L. ; NY : Routledge, 2017. 118 p.

Eisenhower D. D. Atoms for Peace / D. D. Eisenhower // Am. Rhetoric. Dec. 8, 1953. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhower-atomsforpeace.html> (mode of access: 20.08.2016).

Europeans and Nuclear Safety // Special Eurobarometer. 2010. No. 324. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_324_en.pdf. (mode of access: 03.08.2016).

Evans G. Eliminating Nuclear Threats : A Practical Agenda for Global Policymakers / G. Evans, Y. Kawaguchi // International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament [official website]. URL: http://www.icnnd.org/reference/reports/ent/pdf/ICNND_Report-EliminatingNuclearThreats.pdf (mode of access: 31.08.2016).

Fitzpatrick M. ASEAN response to nuclear risks / M. Fitzpatrick // The Japan Times. Oct. 11, 2009. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2009/10/11/commentary/world-commentary/asean-response-to-nuclear-risks/#.V8FPu0avQo> (mode of access: 31.08.2016).

Freedman L. On Deterrence / L. Freedman. Cambridge : Polity, 2004. 160 p.

Funabashi Y. Fukushima in review : A complex disaster, a disastrous response / Y. Funabashi, K. Kitazawa // Bulletin of the Atomic Scientists. 2012. Vol. 68 (2). Pp. 9–21.

Futter A. Nuclear Weapons In The Cyber Age: New Challenges For Security, Strategy And Stability / Andrew Futter // Valdai Club [official website]. Valdai Paper #56, Sept. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-56-nuclear-weapons-in-the-cyber-age-n/> (mode of access: 05.10.2016).

Goldblat J. Arms Control : The New Guide to Negotiations and Agreements / J. Goldblat. L. : Sage Publ., 2002. 396 p.

Goldblat J. Denuclearization of Central Asia / J. Goldblat // Disarmament Forum. Nov. 2007. P. 25–32.

Hansen K. The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty : An Insider's Perspective / K. Hansen. Stanford, Stanford Univ. Press, 2006. 256 p.

Horner D. Fuel-Bank Moving in Congress as IAEA Board Meeting Nears / D. Horner // Nuclear Fuel. May 21, 2007.

Hymans J. The Psychology of Nuclear Proliferation : Identity, Emotions, and Foreign Policy / J. Hymans. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. 286 p.

Implementation of the Conclusions and Recommendations for Follow-on Actions // James Martin Center for Nonproliferation Studies 2015 Monitoring Report. Monterey : CNS, 2015. 104 p.

Jaramillo C. NPT Review Conference : No outcome document better than a weak one / C. Jaramillo // Bulletin of the Atomic Scientists. June 3, 2015. URL: <http://thebulletin.org/npt-review-conference-no-outcome-document-better-weak-one8366> (mode of access: 20.08.2016).

Kalinowski M. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Verification / M. Kalinowski // Verifying Treaty Compliance: Limiting Weapons of Mass Destruction and Monitoring Kyoto Protocol provisions / ed. by R. Avenhaus, N. Kyriakopoulos, M. Richard, G. Stein. Berlin. Spring, 2006. 629 p.

Kanako I. Peace education, domestic tranquility, and democracy: the Fukushima Daiichi nuclear disaster as domestic violence / I. Kanako // *Ethics and Education*. 2014. Vol. 9 (1). Pp. 102–112.

Kasenov Ou. On the Creation of a Nuclear weapon-Free Zone in Central Asia / Ou. Kasenov // *The Nonproliferation Rev.* Fall. 1998. P. 144–147.

Kashpur V. V. Public Attitude to the Development of Nuclear Power Industry and Ecological Risks (the Case of the Tomsk Region) / V. V. Kashpur, D. O. Afanasieva et al. // *Intern. J. of Environmental Studies*. 2015. Vol. 72, № 3. P. 592–598.

Kassenova T. WMD proliferation threats in Central Asia / T. Kassenova // *The Nonproliferation Rev.* 2004. № 1 (11). P. 170–192.

Kibaroglu M. Turkey's nuclear contradictions / M. Kibaroglu // *Bulletin of the Atomic Scientists*. Sept. 15, 2015. URL: <http://thebulletin.org/hiroshima-and-nagasaki-lessons-learned/turkeys-nuclear-contradictions> (mode of access: 25.03.2017).

Kimball D. G. NATO Clings to Its Cold War Nuclear Relics / D. G. Kimball // *Arms Control Today*. Vol. 1. No 1. Apr., 2010. URL: <https://www.arms-control.org/issuebriefs/NATORElics> (mode of access: 27.03.2017).

Kimball D. G. NATO On Nuclear Weapons : Opportunities Missed and Next Steps Forward / D. G. Kimball, O. Meier, P. Ingram // *Arms Control Now*. May 21, 2012. URL: https://armscontrolnow.org/2012/05/21/nato-on-nuclear-weapons-opportunities-missed-and-next-steps-forward/#_edn1 (mode of access: 25.03.2017).

Kingston J. Japan's Nuclear Village / J. Kingston // *The Asia-Pacific J. Japan Focus*. Sep. 2012. Vol. 10. Iss. 37, no 1. Pp. 1–23.

Krause J. Threat Scenarios, Risk Assessments, and the Future of Nuclear Deterrence / J. Krause // *The Future of Extended Deterrence. The US, NATO, and Beyond* / Ed. by Von Hlatky S., Wenger A. Washington, DC : Georgetown Univ. Press, 2015. P. 19–38.

Krieger Zanyvl and Ariel Ilan Roth : Nuclear Weapons in Neo-Realist Theory // *Intern. Studies Rev.* Vol. 9, No. 3 (Autumn 2007). Pp. 369–384.

Kristensen H. M. Adjusting NATO's Nuclear Posture / H. M. Kristensen // *Federation of Am. Scientists*. Dec. 7, 2015. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKewjy7YXPiv7SAhUhCpoKHVR4CpsQFggaMAA&url=https%3A%2F%2Ffas.org%2Fblogs%2Fsecurity%2F2015%2F12%2Fpoland%2F&usg=AFQjCN-FEC-gAweIZyb3cl0comgfY4EcCEg&sig2=CBWrKKRc-oQ9rxsRmOoL5A&bv=vm=151426398,bs.2,d.bGg> (mode of access: 27.03.2017).

Kristensen H. M. Nuclear Weapons in NATO's Deterrence Posture : Status Quo or Change? / H. M. Kristensen // *The Future of Extended Deterrence : The US, NATO, and Beyond* / Ed. by S. Von Hlatky, A. Wenger. Washington, DC : Georgetown Univ. Press, 2015. P. 135–152.

Kroenig M. The Renewed Russian Nuclear Threat and NATO Nuclear Deterrence Posture / M. Kroenig // *Atlantic Council Issue Brief*. Febr., 2016.

URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Russian_Nuclear_Threat_0203_web.pdf (mode of access: 27.03.2017).

Kubiak K. Comparing German and Polish Post-Cold War Nuclear Policies : A Convergence of European Attitudes on Nuclear Disarmament and Deterrence? / K. Kubiak, O. Meier // *The War that Must Never Be Fought : Dilemmas of Nuclear Deterrence* / Ed. by J. P. Shultz, J. E. Goodby. Stanford : Hoover Inst. Press, 2015. P. 175–207.

Kugler J. Terror without Deterrence: Reassessing the Role of Nuclear Weapons / J. Kugler // *The J. of Conflict Resolution*. Vol. 28, no. 3. Sept., 1984. P. 470–506.

Kutchesfahani S. Z. *Politics and the Bomb : The Role of Experts in the Creation of Cooperative Nuclear Non-Proliferation Agreements* / S. Z. Kutchesfahani. L. : Routledge, 2014. 188 p.

Legge M. J. *Theatre Nuclear Weapons and the NATO Strategy of Flexible Response* / M. J. Legge. Santa Monica : RAND Corporation, 1983. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R2964.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

Lindell M. K. Effects of the Chernobyl Accident on Public Perceptions of Nuclear Plant Accident Risks / M. K. Lindell, R. W. Perry // *Risk Analysis*. 1990. Vol. 10, no. 3. P. 393–399.

Maettig T. Tactical Nuclear Weapons in Germany: Time for Withdrawal? / T. Maettig // *Nuclear Threat Initiative*. March 1, 2008. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/tactical-nuclear-weapons-germany/> (mode of access: 25.03.2017).

McNamara R. S. The Military Role of Nuclear Weapons : Perceptions and Misperceptions / R. S. McNamara // *Foreign Affairs* [official website]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1983-09-01/military-role-nuclear-weapons-perceptions-and-misperceptions> (mode of access: 28.03.2017).

Meier O. The 2015 NPT Review Conference Failure Implications for the Nuclear Order / O. Meier // FG03-WP No 04, Oct. 2015. Berlin. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/mro_wp_NVV_October2015.pdf (mode of access: 20.08.2016).

Melis N. Comment la Russie devient la poubelle nucléaire du monde / N. Melis // *Le Monde Diplomatique*. Févr. 2002.

Meyer P. Why the NPT needs more transparency by the nuclear weapon states / P. Meyer, H. Salander, Z. Mian // *Bulletin of the Atomic Scientists* [official website]. URL: thebulletin.org/why-npt-needs-more-transparency-nuclear-weapon-states8188 (mode of access: 25.11.2016).

Mukhatzhanova M. Coalitions to Watch at the 2015 NPT Review Conference / M. Mukhatzhanova // *Nuclear Threat Initiative* [official website]. Febr. 24, 2015. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/coalitions-watch-2015-npt-review-conference/> (mode of access: 20.08.2016).

Nehring H. Cold War, Apocalypse and Peaceful Atoms. Interpretations of Nuclear Energy in the British and West German Anti-Nuclear Weapons Move-

ments, 1955—1964 / H. Nehring // *Historical Social Research (Historische Sozialforschung)*. Vol. 29, no. 3 (109). The Frontiers of Environmental History (Umweltgeschichte in der Erweiterung) (2004). P. 150–170.

Nöggerath J. Fukushima : The myth of safety, the reality of geoscience / J. Nöggerath, R. J. Geller, V. K. Gusiakov // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2011. Vol. 67 (5). Pp. 37–46.

Non-Western International Relations Theory Perspectives on and beyond Asia / Ed. A. Acharya, B. Buzan. L. : Routledge, 2010. 256 p.

Norm Dynamics in Multilateral Arms Control : Interests, Conflicts, and Justice / Ed. H. Müller, C. Wunderlich. Athens ; L. : Univ. of Georgia Press, 2013. 400 p.

Norris R. S. US tactical nuclear weapons in Europe, 2011 / R. S. Norris, H. M. Kristensen // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2011. Vol. 67. Iss. 1. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0096340210393931> (mode of access: 28.03.2017).

Nunn S. The Race Between Cooperation and Catastrophe / S. Nunn // *Nuclear Threat Initiative [official website]*. 2011. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NTI_Senator_Nunn_essay.pdf?_=1322694397 (mode of access: 28.03.2017).

Paul T. V. Nuclear Taboo and War Initiation in Regional Conflicts / T. V. Paul // *The J. of Conflict Resolution*. Vol. 39, no. 4. Dec., 1995. P. 696–717.

Paul T. V. Power versus Prudence : Why Nations Forgo Nuclear Weapons. / T. V. Paul. Montréal : McGill-Queen's University Press, 2000. 232 p.

Pifer S. US Nuclear and Extended Deterrence : Considerations and Challenges / S. Pifer, R. C. Bush, V. Felbab-Brown et al. // *Brookings Arms Control Series [official website]*. Paper 3. May 2010. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/06_nuclear_deterrence.pdf (mode of access: 28.03.2017).

Porfiriev B. N. Profile: Environmental aftermath of the radiation accident at Tomsk-7 / B. N. Porfiriev // *Environmental Management*. Jan., 1996. Vol. 20. Iss. 1. P. 25–33.

Potter W. Central Asia Becomes a Nuclear-Weapon-Free-Zone / W. Potter, T. Kassenova, A. Loukianova / James Martin Center for Nonproliferation Studies [official website]. Dec. 11, 2008. URL: http://cns.miis.edu/stories/081201_canwfz.htm (mode of access: 28.03.2017).

Powell R. Nuclear Deterrence Theory: the Search for Credibility / R. Powell. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. 240 p.

Ramaker J. The Final Test : A History of the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Negotiations / J. Ramaker, J. Mackby et al. Vienna : Preparatory Commission, 2003. 291 p.

Rathke J. NATO's Nuclear Policy as Part of a Revitalized Deterrence Strategy / J. Rathke, S. de Galbert // *Center for Strategic and International Studies*. Jan. 27, 2016. URL: <https://www.csis.org/analysis/nato%E2%80%99s-nuclear-policy-part-revitalized-deterrence-strategy> (mode of access 5.03.2017)

Rauf T. From 'Atoms for Peace' to an IAEA Nuclear Fuel Bank / T. Rauf // *Arms Control Today*. Oct., 2015. URL: <https://www.armscontrol.org/>

ACT/2015_10/Features/From-Atoms-for-Peace-to-an-IAEA-Nuclear-Fuel-Bank (mode of access: 28.03.2017).

Rauf T. The 2015 NPT Review Conference: setting the record straight. 24 June 2015 / T. Rauf // SIPRI [official website]. URL: <https://www.sipri.org/node/384>. (mode of access: 20.08.2016).

Rauf T. Fuel for Thought / T. Rauf, Z. Vovchok // IAEA Bulletin. March 2008. No 2 (49). URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/49204845963.pdf> (mode of access: 28.03.2017).

Reif K. NATO Weighs Nuclear Exercises / K. Reif // Arms Control Association [official website]. Nov. 2015. URL: https://www.armscontrol.org/ACT/2015_11/News/NATO-Weighs-Nuclear-Exercises (mode of access: 29.03.2017).

Renshon J. Assessing Capabilities in International Politics : Biased Over-estimation and the Case of the Imaginary 'Missile Gap' / J. Renshon // The J. of Strategic Studies. Vol. 32, no. 1. Febr. 2009. P. 115–147.

Ringsmose J. Can NATO's new Very High Readiness Joint Task Force deter? / J. Ringsmose, S. Rynning // NATO and Collective Defense in the 21st Century: An Assessment of the Warsaw Summit. L. ; NY : Routledge, 2017. 118 p.

Rosi E. J. Mass and Attentive Opinion on Nuclear Weapons Test and Fallout, 1954–1963 // The Public Opinion Quarterly. Vol. 29, no 2. Summer 1965. Pp. 280–297.

Rossi F. A Brief History of Nuclear Power in Italy / F. Rossi // Stanford University [official website]. URL: <http://large.stanford.edu/courses/2015/ph241/rossi2/> (mode of access: 18.12.2016).

Russia in World Nuclear Forces // Stockholm International Peace Research Institute [official website]. URL: <https://www.sipri.org/research/armaments-and-disarmament/nuclear-weapons/world-nuclear-forces/russia> (mode of access: 25.03.2017).

Sagan S. D. Why Do States Build Nuclear Weapons? : Three Models in Search of a Bomb / S. D. Sagan // Intern. Security. Vol. 21. No 3. Winter 1996–1997. P. 54–86. URL: <http://faculty.maxwell.syr.edu/rdenever/ppa%20730-11/sagan.pdf> (mode of access: 23.03.2017).

Sagan S. D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb / S. D. Sagan // Intern. Security. Vol. 21, no. 3. Winter, 1996–1997. P. 54–86.

Salander H. Reviewing a Review Conference : Can there ever be a successful NPT RevCon? / H. Salander // Europ. Leadership Network. June 8, 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/reviewing-a-review-conference-can-there-ever-be-a-successful-npt-revcon_2827.html (mode of access: 20.08.2016).

Sauer T. US Tactical Nuclear Weapons in Europe after NATO's Lisbon Summit : Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible / T. Sauer, B. Der Zwaan // Belfer Center for Science and International Affairs [official website]. May 2011. URL: <http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/us-tactical-nuclearweapons-in-europe.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

Shultz G. P. World Free of Nuclear Weapons / G. P. Shultz, W. J. Perry, H. A. Kissinger, S. A. Nunn // *The Wall Street J.* Jan. 4, 2007. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/NSP_op-eds_final_.pdf?_=1360883065 (mode of access: 25.03.2017).

Sims B. Repairing credibility : Repositioning nuclear weapons knowledge after the Cold War / B. Sims, C. R. Henke // *Social Studies of Science.* Vol. 42, no 3. June 2012. P. 324–347.

Snyder G. H. Deterrence and Power / G. H. Snyder // *The J. of Conflict Resolution.* 1960. Vol. 4. Iss. 2. P. 163–178. URL: http://www.jstor.org/stable/172650?seq=1#page_scan_tab_contents (mode of access: 25.03.2017).

Socor V. Central Asian Nuclear-Weapon-Free Zone : A Long Gestation (Part Two) / V. Socor // *Eurasia Daily Monitor.* Vol. 13. Iss. 6. Apr. 7, 2016.

Sokov N. N. Why Russia calls a limited nuclear strike “de-escalation” / N. N. Sokov // *Bulletin of the Atomic Scientists.* March 13, 2014. URL: <http://thebulletin.org/why-russia-calls-limited-nuclear-strike-de-escalation> (mode of access: 25.03.2017).

Solingen E. Nuclear Logics : Contrasting Paths in East Asia and Middle East / E. Solingen. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2007. 424 p.

Spiers E. M. A History of Chemical and Biological Weapons / E. M. Spiers. L. : Reaktion Books, 2010. 223 p.

Takubo M. Nuclear or not? The complex and uncertain politics of Japan's post-Fukushima energy policy / M. Takubo // *Bulletin of the Atomic Scientists.* 2011. Vol. 67 (5). Pp. 19–26.

Tannenwald N. The Nuclear Taboo : The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945 / N. Tannenwald. Cambridge Univ. Press, 2007. 472 p.

The Future of Nuclear Power // Interdisciplinary MIT study. 2003. URL: <http://web.mit.edu/nuclearpower/pdf/nuclearpower-full.pdf> (mode of access: 25.03.2017).

The Viability of Human Security / Ed. M. den Boer, J. de Wilde. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2008. 272 p.

Thraenert O. Nuclear Arms and Missile Defence in Transatlantic Security / O. Thraenert // *European Security and the Future of Transatlantic Relations* / Instituto Affari Internazionali [official website]. Apr. 2011. URL: http://www.iai.it/sites/default/files/iairp_01.pdf (mode of access: 25.03.2017).

Thranert O. NATO and Missile Defense: Opportunities and Open Questions / O. Thranert // *CSS Analysis in Security Policy.* № 86. Dec. 2010. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-> (mode of access: 25.03.2017).

Thranert O. From Offense to Defense? Extended Deterrence and Missile Defense / O. Thranert, K. M. Kartchner // *The Future of Extended Deterrence : The US, NATO, and Beyond* / Ed. by S. Von Hlatky, A. Wenger. Washington, DC : Georgetown Univ. Press, 2015. P. 155–176.

Van Wyk J.-A. Nuclear diplomacy as niche diplomacy: South Africa's post-apartheid relations with the International Atomic Energy Agency / J.-A. Van Wyk // *South African J. of Intern. Affairs*. Aug. 2012. Vol. 19, no 2. Pp. 179–200.

Van Wyk J.-A. South African nuclear diplomacy since the termination of its nuclear weapons programme / J.-A. Van Wyk // *Scientia Militaria : South African J. of Military Studies*. 2014. Vol 42, no 1. Pp. 80–101.

Wan W. Regional Approaches to Nuclear Non-Proliferation : “Fresh Ideas for the Future: Symposium on the NPT Nuclear Disarmament, Non-proliferation, and Energy” : Project on Managing the Atom / W. Wan // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. Apr. 30, 2015. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/WWNPTPoster.pdf?web-SyncID=93eecb6c-8e5b-72a8-1656-5a6ddc081726&sessionGUID=84adad27-2a42-b61d-3e5c-3a105141cc48> (mode of access: 20.08.2016).

Weiss L. Nuclear-Weapon Syayes and the Grand Batgain / L. Weiss // Arms Control Association [official website]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2003_12/Weiss (mode of access: 20.08.2016).

Woolf A. F. Russian Compliance with the Intermediate Range Nuclear Forces (INF) Treaty: Background and Issues for Congress / A. F. Woolf // Congressional Research Service. Apr. 13, 2016.

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Абен Даурен Абенулы, старший научный сотрудник, Евразийский научно-исследовательский институт при Международном казахско-турецком университете. Сфера научных интересов: международная и региональная безопасность, нераспространение оружия массового уничтожения, ядерная безопасность.

dauraben@gmail.com

Валиахметова Гульнара Ниловна, профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: международная и региональная безопасность, энергетическая дипломатия, исламский фактор в мировой политике.

vgulnara@mail.ru

Дериглазова Лариса Валериевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета. Сфера научных интересов: международная безопасность и проблемы нераспространения ядерного оружия, международные конфликты и урегулирование конфликтов, общество и военные институты.

dlarisa@inbox.ru

Дронишинец Николай Павлович, заведующий кафедрой философии Новоуральского технологического института НИЯУ МИФИ, доктор философских наук, профессор. Сфера научных интересов: социология и история образования, нераспространение оружия массового уничтожения.

dronishinets1@yandex.ru

Жермон Алекси, заместитель советника по ядерным вопросам, посольство Франции в Российской Федерации. Магистр политологии (Институт политических наук Бордо – Российский университет дружбы народов), специалист в области международных отношений (Институт политических наук Бордо).

alexis.germon@hotmail.fr

Зиновьев Григорий Сергеевич, исполняющий обязанности руководителя института, заведующий кафедрой промышленной электроники Новоуральского технологического института НИЯУ МИФИ, кандидат технических наук, доцент. Сфера научных интересов: проблемы и перспективы развития атомной отрасли, культура ядерной безопасности, ядерное образование.

gszinovyev@gmail.com

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: история и историография отечественной истории, экономическая история и история международных отношений.

kamyninv@yandex.ru

Кутнаева Нурия Асылбековна, кандидат политических наук. Сфера научных интересов: ядерное нераспространение, международная безопасность, политические процессы в Центральной Азии, методы политических исследований, теории международных отношений, интеграционные процессы.

kutnaeva@gmail.com

Лапанович Екатерина Александровна, ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: европейская безопасность, международная безопасность, НАТО, нераспространение ядерного оружия.

ekaterina.lapanovich@urfu.ru

Лямзин Андрей Валерьевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: современная внешняя политика России, СНГ, постсоветское пространство в международных отношениях.

lyamzin@mail.ru

Малыгина Анастасия Александровна, доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ. Сфера научных интересов: нераспространение оружия массового уничтожения, стратегические исследования.

a.malygina@spbu.ru

Михайленко Валерий Иванович, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, заведующий кафедрой Жана Монне. Сфера научных интересов: внешняя политика ЕС и России, идеологии и тоталитарные режимы.

Valery.Mikhaylenko@urfu.ru

Михайленко Екатерина Борисовна, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета, преподаватель кафедры Жана Монне. Сфера научных интересов: международная и региональная безопасность, нераспространение оружия массового уничтожения.

earslanova@urfu.ru

Муратшина Ксения Геннадьевна, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика КНР, внешняя политика Японии, региональная безопасность в Восточной Азии.

ksenia.muratshina@urfu.ru

Павлов Андрей Юрьевич, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ. Руководитель магистерской программы «Стратегические исследования». Сфера научных интересов: международная безопасность, военная стратегия, контроль над вооружениями.

a.y.pavlov@spbu.ru

Победаш Дмитрий Иванович, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: теории международных отношений, нераспространение оружия массового уничтожения, негосударственные акторы мировой политики.

Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Рожановская Нина Константиновна, координатор научно-образовательных проектов в России, Институт Кеннана (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США). Сфера научных интересов: международные отношения, ядерное разоружение, нераспространение ядерного оружия.

nina.rozhanovskaya@gmail.com

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внутренняя и внешняя политика Италии, Европейский союз, культурная дипломатия.

kmromanova@mail.ru

Торопчин Глеб Вячеславович, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета и кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. Сфера научных интересов: ядерное нераспространение, региональная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционные процессы, семиотика.

glebtoropchin@mail.ru

Фоминых Алексей Евгеньевич, начальник отдела международных программ и проектов, преподаватель Центра совершенства Жана Монне, Поволжский государственный технологический университет. Сфера научных интересов: публичная и культурная дипломатия, «мягкая сила», проблемы международной безопасности, постсоветское пространство.

alexfofom@volgatech.net

Черных Ирина Александровна, главный научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор. Сфера научных интересов: теория и методология исследований международной безопасности, военно-политическая безопасность в Центральной Азии, социетальная безопасность в Центральной Азии, миграционные процессы в Евразии.

chernykhi@yahoo.com

Aben Dauren, Senior Research Fellow, Eurasian Research Institute, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. Research interests: international and regional security, non-proliferation of weapons of mass destruction, nuclear security.

dauraben@gmail.com

Chernykh Irina, Chief Research Fellow, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of History, Professor. Research interests: covers theory and methodology of security studies and international relations, military and political security in Central Asia, societal security in Central Asia, migration in Eurasia.

chernykhi@yahoo.com

Deriglazova Larisa, Doctor of History, Professor at Department of World Politics, Faculty of History, Tomsk State University. Research interests: international security, international conflicts, non-proliferation of nuclear weapons, society and military institutions.

dlarisa@inbox.ru

Dronishinets Nikolay, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department at Novouralsk Technological Institute NRNU MEPhI. Research interests: history and sociology of education, non-proliferation of weapons of mass destruction.

dronishinets1@yandex.ru

Germon Alexis, Deputy Counselor for Nuclear Energy, French Embassy in Russian Federation. Master of Arts in Political Sciences (Institut d'Etudes Politiques de Bordeaux – People's Friendship University of Russia), Specialist in International Relations (Institut d'Etudes Politiques de Bordeaux)

alexis.germon@hotmail.fr

Fominykh Alexey, Head of International Projects Office Research Fellow at the Jean Monnet Centre of Excellence, Volga State University of Technology. Research interests: public and cultural diplomacy, “soft power”, problems of international security, post-Soviet space.

alexfo@volgatech.net

Kamynin Vladimir, Doctor of History, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Russian history and historiography, economic history, history of international relations.

kamyninv@yandex.ru

Kutnaeva Nuria, PhD in Political Science. Research interests: nuclear non-proliferation, international security, political processes in Central Asia, research methods of political studies, international relations theories, integration processes in Central Asia.

kutnaeva@gmail.com

Lapanovich Ekaterina, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: European security, international security, NATO, nuclear non-proliferation.

ekaterina.lapanovich@urfu.ru

Lyamzin Andrey, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Russian foreign policy, CIS, post soviet area in international relations.

lyamzin@mail.ru

Malygina Anastasia, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University. Research interests: non-proliferation of weapons of mass destruction, strategic studies.

a.malygina@spbu.ru

Mikhaylenko Valery, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, Head of the Jean Monnet Chair. Research interests: foreign policy of the EU and Russia, ideologies and totalitarian regimes.

Valery.Mikhaylenko@urfu.ru

Mikhaylenko Ekaterina, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University, teacher of the Jean Monnet Chair. Research interests: international and regional security, non-proliferation of weapons of mass destruction.

earslanova@urfu.ru

Muratshina Ksenia, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: foreign policy of the People's Republic of China, foreign policy of Japan, regional security in East Asia.

ksenia.muratshina@urfu.ru

Pavlov Andrey, Professor, Department of Theory and History of International, Saint-Petersburg State University. Academic supervisor of the master program "Strategic and Arms Control Studies".

Research interests: international security, strategic studies, arms control
a.y.pavlov@spbu.ru

Pobedash Dmitry, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: theories of international relations, non-proliferation of weapons of mass destruction, non-state actors of world politics.

Dmitry.Pobedash@urfu.ru

Rozhanovskaya Nina, Coordinator and Academic Liaison in Russia, Kennan Institute (Wilson Center, USA). Research interests: international relations, nuclear disarmament, nuclear nonproliferation.

nina.rozhanovskaya@gmail.com

Tabarintseva-Romanova Ksenia, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Italian domestic and foreign policy, the European Union, cultural diplomacy

kmromanova@mail.ru

Toropchin Gleb, Associate Professor at the Foreign Languages Department (Technical Programmes), Novosibirsk State Technical University; Department of Global Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management. Research interests: nuclear non-proliferation, regional security, Asia-Pacific region, integration processes, and semiotics.

glebtoropchin@mail.ru

Zinovyev Grigory, PhD in Engineering Science, Acting Director of Institute and Head of Industrial Electronics Department at Novouralsk Technological Institute NRNU MEPhI. Research interests: issues and prospect of nuclear power engineering development, nuclear security culture and nuclear education.

gszinovyev@gmail.com

Valiakhmetova Gulnara, Doctor of History, Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University. Research interests: international and regional security, energy diplomacy, Islamic factor in world politics.

vgulnara@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ANENT – Asian Network for Education in Nuclear Technology
(Азиатская образовательная сеть по ядерным технологиям)
- Cs – цезий
- EDF – Электроэнергетическая компания Франции
- ENEL – Национальное учреждение по электроэнергии
- ENEN – European Nuclear Education Network (Европейская сеть ядерного образования)
- EPR – Европейский реактор с водой под давлением
- INES – International Nuclear Event Scale (шкала международной классификации радиоактивных инцидентов)
- ISPRA – Институт по охране окружающей среды и экологическим исследованиям
- KACARE – King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy (Парк атомной и возобновляемой энергетики имени короля Абдуллы, Саудовская Аравия)
- MEMRI – The Middle East Media Research Institute (Институт по исследованию средств массовой информации Ближнего Востока, Израиль)
- Pu – плутоний
- SOGIN – Государственная компания по управлению ядерными установками
- Sr – стронций
- Tr – тритий
- АНБ – Агентство национальной безопасности США
- АНЗЮС – Тихоокеанский пакт безопасности (Договор о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и Соединёнными Штатами Америки)
- АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
- АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
- АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
- АЭС – атомная электростанция
- БГУ – Система быстрого глобального удара (Prompt Global Strike)
- Бк (беккерель) – единица измерения радиоактивности в Международной системе единиц (СИ)
- ВВП – валовый внутренний продукт
- ВОУ – высокообогащённый уран
- ВТО – высокоточное оружие
- ВУРС – восточно-уральский радиоактивный след
- ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения

ГА ООН	–	Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ГКО	–	Государственный комитет обороны
ГУЛАГ	–	Главное управление лагерей
ГЯП	–	Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	–	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗПРМ	–	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	–	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	–	Договор об обычных вооруженных силах в Европе
Договор ПРО	–	Договор об ограничении систем противоракетной обороны
Договор РСМД	–	Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности
Договор СНВ	–	Договор о сокращении наступательных вооружений
ЕБРР	–	Европейский банк реконструкции и развития
ЕврАзЭС	–	Евразийское экономическое сообщество
Евратом	–	Европейское сообщество по атомной энергии
ЕС	–	Европейский союз
ЖРАО	–	жидкие радиоактивные отходы
ЗАТО	–	закрытое административно-территориальное образование
Зв	–	зиверт
ЗСОМУ	–	зона, свободная от оружия массового уничтожения
ЗСЯО	–	зона, свободная от ядерного оружия
ИГИЛ	–	Исламское государство Ирака и Леванта, террористическая организация
ИТЛ	–	исправительно-трудовой лагерь
КАРИКОМ	–	Карибское сообщество
КЗХО	–	Конвенция о запрещении химического оружия
Ки	–	кюри
КИСИ	–	Казахстанский институт стратегических исследований
КРП ДНЯО	–	Конференция по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия
ЛАГ	–	Лига арабских государств
МАГАТЭ	–	Международное агентство по атомной энергии
МАЯМ	–	Международная академия ядерного менеджмента
МБР	–	межконтинентальная баллистическая ракета
МВФ	–	Международный валютный фонд
Минсредмаш	–	Министерство среднего машиностроения СССР

- МКЯНР – Международная комиссия по ядерному нераспространению и разоружению
- ММИ ПГУ – Московский механический институт Первого Главного управления
- МНПО – международная неправительственная организация
- МРНЯО – Международный режим нераспространения ядерного оружия
- НАТО – Организация Североатлантического Договора
- НИЯУ МИФИ – Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт»
- ЦИПК «Росатома» – Центральный институт повышения квалификации госкорпорации «Росатом»
- НПО – неправительственная организация
- НРБ – нормы радиационной безопасности
- НСЯО – нестратегическое ядерное оружие
- НЯОГ – государство, не обладающее ядерным оружием
- ОАГ – Организация американских государств
- ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
- ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
- ОВД – Организация Варшавского договора
- ОДВЗЯИ – Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
- ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
- ОЗХО – Организация по запрещению химического оружия
- ОМУ – оружие массового уничтожения
- ОНИС – опытная научно-исследовательская станция
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ОСВ-1 – Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (26.05.1972)
- ОСВ-2 – Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений (18.06.1979)
- ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
- ПГУ – Первое Главное управление при ГКО СССР (впоследствии – Минсредмаш)
- ПК – Подготовительный комитет ДНЯО
- Р – рентген
- РКРТ – Режим контроля за ракетными технологиями
- РСМД – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности

СБ ООН	– Совет Безопасности ООН
СБСЕ	– Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВПД	– Совместный всеобъемлющий план действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы
СК	– Специальный комитет по атомным делам при Совнаркоме СССР
СНВ	– Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений
СНВ-3	– Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (05.02.2011)
СНГ	– Содружество Независимых Государств
СНК	– Совет Народных Комиссаров
СНП	– Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов
ТОР	– территория опережающего развития
ТС	– Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана
ТЭПКО	– Tokyo Electric Power Company
ТЯО	– тактическое ядерное оружие
ФОМ	– Фонд «Общественное мнение»
ЦА	– Центральная Азия, центральноазиатский
ЦА ЗСЯО	– Центральноазиатская зона, свободная от ядерного оружия
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества
ЭК	– Экспортный контроль
ЮВА	– Юго-Восточная Азия
ЯВУ	– ядерное взрывное устройство
ЯОГ	– государство, обладающее ядерным оружием
ЯТЦ	– ядерный топливный цикл

ABSTRACTS

Dmitry Pobedash

Nuclear security issues dramatically changed after the demise of the Soviet Union. At the height of the Cold War, we were concerned about a possible thermonuclear Armageddon triggered by the confrontation of the two superpowers. It does not seem to be the case now. Still, the very existence of nuclear arsenals is fraught with danger – an accident can start a nuclear conflict, a conventional conflict can escalate into a nuclear one. Issues of special concern are further proliferation of nuclear weapons and lower nuclear threshold. In addition, we are increasingly worried about new threats posed by non-governmental actors. The Gordian knot of complex threats is to be scrutinized both by governmental agencies and by independent experts. This article is an attempt to not only list and briefly characterize major new threats to the international nuclear nonproliferation regime but also to single out major reasons why these new threats appear or become more threatening. The author suggests analyzing these reasons by studying an interplay of three major concepts – power, institutions, and ideas. This approach allows us both to assess new threats to the nuclear nonproliferation regime by using insights from the most influential theories of International Relations and to avoid getting bogged down in theoretical disputes.

Ekaterina Mikhaylenko

The 2015 NPT Review Conference failed to agree on a Final Document. Non-proliferation experts perceived the trend as very worrying, as it demonstrates inability of the NPT member states to achieve a consensus on the issue. Moreover, the experts think that this trend jeopardizes the very non-proliferation regime. Taking a political constructivist and regime theories approaches, the paper deals with challenges the non-proliferation regime faces today. Research shows that the Review Conference is facing serious challenges. Formed in the 1970s, the non-proliferation regime is being tested by new actors, regional non-nuclear communities, and changes in the global distribution of power. There appears a new format of political confrontation between NWS and NNWS. Every group pursues their own interests and ambitions. Yet, the confrontation between these groups can dramatically change the nuclear nonproliferation regime.

Andrey Pavlov

Preservation of Russian-USA Arms Control Regime and the Future of Nuclear Non-Proliferation. The bilateral Russian-USA relations in the sphere of nuclear arms control may be regarded as a specific international regime. This regime is closely tied to the global nuclear non-proliferation regime. In many aspects, the two regimes are interdependent, though there is no hard official connection. Thus, the eventual deterioration of the bilateral arms control regime may lead to development of grave existential problems for the NPT regime. The author argues that political advisers and decision-makers in both governments should take this circumstance into consideration.

Anastasia Malygina

Chemical Weapons Convention (CWC) and Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty (CTBT) are the most complex international disarmament and non-proliferation treaties. CWC and CTBT have profound systems of verification. In this chapter, we will study the specifics of challenge inspections procedures in the context of negotiations in Geneva Conference on Disarmament and the concept of CWC and CTBT. The comparative analysis of the elements of those two regimes is needed for several reasons. It can help to study the role of epistemic communities in constructing international arms control regimes. Moreover, it will give us additional arguments to work on the definition of an international regime and clarify the basic points of international regimes theory.

Gulnara Valiakhmetova

The Middle East is the region with the highest concentration of nuclear proliferation threats. NPT regime is already violated in that part of the world; there is also a complex of factors there that are conducive to further weakening of the regime. The world community have been trying to establish a Nuclear-Weapon-Free zone in the region for many years. The efforts have proved abortive, as the outcomes of the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons demonstrate. The author implements topological approach (analysis) and considers Middle Eastern geopolitical space as a topological model of a “Möbius strip” to identify causes of the existing situation in the Middle East. The article studies a number of aspects of Middle Eastern nuclear arrangements related to nuclear programs of Israel, Iran, and Saudi Arabia, and to growing role of cyber factor in broadening the spectrum of nuclear threats on regional and global

levels. The author concludes that the nuclear factor plays an increasingly important role in the processes of further transformations. Moreover, relatively low predictability of the military-political situation in the region, conflicting interests of major geopolitical actors and of other numerous subjects of Middle Eastern politics, their adherence to double standards, allow the author to suggest that that searching for ways out of the Middle Eastern “nuclear Möbius strip” will remain an equation with many unknowns for the world community. The author believes, that in this case we should think not so much of ways out of the Middle Eastern nuclear deadlock as of methods to reveal, neutralize and eliminate factors that pull new geopolitical actors into the “Möbius strip” and thus create new topological phenomena.

Gleb Toropchin

The chapter deals with peculiarities of establishment of the regional nuclear nonproliferation regime in the Asia Pacific as well as its condition in the modern period. From the standpoint of research methodology, the paper actively utilizes advances of the international regimes theory. The author analyses premises of the formation of different aspects comprising nuclear nonproliferation system in the Asia Pacific region, from military and politics (e.g. positive security assurances provided to NNWSs) on out to economy (in particular, with regard to the situation on the nuclear energy and raw materials market). Special attention is paid to the pressing problems of nuclear nonproliferation, NWFZs in the region and their functioning and role of the nuclear factor on the agenda of the regional organisations. In spite of certain legal discrepancies intrinsic to the nonproliferation regime in the APR, states of the region make a significant contribution to nonproliferation of nuclear weapons and disarmament globally.

Ekaterina Lapanovich.

International security environment has changed dramatically since the end of the Cold War. That is why the role of nuclear weapons in NATO's security policy was significantly reduced. The paper deals with the shifts in NATO's perceptions about the role of nuclear weapons and deterrence in its security policy. Balance of threat, securitization and social constructivism theories form the methodological basis of the research. The period prior to 2010 is considered to be the one of uncertainty witnessing attempts to find the place for NWs in the new security environment. NWs seem to the solution to the problem that doesn't. The difference of the se-

curity environment and in perceptions about the role NWs play in it held by the allies led to the adoption of the new mix based on both offensive and defensive capabilities as deterrence. NATO's approach to deterrence in the aftermath of the Ukrainian crisis is regarded as an attempt to find a common ground between the new members committed to the symbolic role of NWs as the strong transatlantic bond and the others standing for a minimalist approach. The most crucial problem NATO faces today is the Alliance's cohesion to be maintained.

Nuria Kutnaeva

The treaty of the youngest Central Asian nuclear-weapon-free zone (CANWFZ) entered into force in 2009. It is unique in many ways. One of its peculiarities lies in the geographical position of Central Asia – between official nuclear states – Russia, China and in close proximity to non-official ones – India, Pakistan and Iran. The procedure of establishment of any NWFZ suggests that nuclear states – Russia, China, US, UK and France – have to sign and ratify the Additional protocol to the Treaty. However nuclear three (US, UK and France) until 2014 refused to sign the Protocol on negative assurances to the CANWFZ Treaty. By 2017, all but the United States ratified it. The article is divided into two parts. The first part focuses on the evolution of the Zone: what were the driving forces behind the establishment of the Zone? Why nuclear states opposed the signing of the protocol? How was it related to the Organization of Collective Security Treaty Organization (CSTO)? The author identifies some points that can be found in the previous NWFZ treaties and are not acknowledged in the CANWFZ treaty. The second part of the article considers the impact of the CANWFZ on regional security's architecture in terms of political support of the CSTO and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) for the Zone. Besides, the author examines how the CANWFZ Treaty influenced the environmental dimension of security in Central Asia.

Alexey Fominykh, Irina Chernykh

The chapter discusses how the issues of nuclear nonproliferation are covered in governmental, expert and public discourse of Central Asian countries. Content analysis of official documents, publications of the regional media and discussions in social networks allows defining a list of subjects that set the key narratives on nonproliferation. This list includes governmental initiatives on nuclear-free zones, development of nuclear power industry, environmental problems caused by urani-

um production and utilization of nuclear waste. The authors argue that the Republic of Kazakhstan is much more proactive in using nonproliferation issues in its official and expert discourse. Moreover, promotion of nuclear-free status and initiatives makes nonproliferation a diplomatic niche for Astana, or an element of Kazakhstan's nation brand.

Ksenia Muratshina

The 2011 Fukushima-1 nuclear accident was disastrous for Japan and affected both its domestic and foreign policy. This paper analyses, what changes the country's energy policy, nuclear safety, bank sector, political decision-making and foreign policy have undergone. The author concludes that Japan has entirely revised safety standards and legislations in nuclear sphere and focused on energy-effective technologies, control, transparency, as well as development of alternative energy sector and increase in the use of traditional fuels. In its international relations the country has intensified the cooperation with non-proliferation institutes, nuclear states (including technology and research sector) and energy resource exporter states.

Ksenia Tabarintseva-Romanova

Italian energy policy plays an equivocal role on the international arena. The state has to maneuver between attempts to develop renewable and nonconventional energy and the desire to resume development of nuclear energy. Italy can have the following options to resolve the energy issue: return to coal (Clean Coal Technology), and use of renewable sources. The article demonstrates that attempts to return to nuclear energy failed in 2011. The author uses most important referenda to suggest a timeline of Italian nuclear policy: from the first research reactors to a referendum over abandoning nuclear energy and a transfer to new forms of cooperation with other countries within the framework of nuclear policy. The author concludes that the high-tech industry capable of providing cheap energy to Italian regions remains on the periphery. The only project the authorities manage to implement in practice is constructing a radioactive waste storage facility.

Nikolay Dronishinets

Grigory Zinovyev

The keeping and transfer of knowledge in nuclear industry are critically important – their loss or distortion bear serious challenges to the development of nuclear power engineering and global nuclear

security. Therefore, the role of education as the instrument of transfer and keeping of the human knowledge and culture in this area or, in other words, the “nuclear education” are especially high.

The peculiarities of the nuclear education are as follows: the necessity of the transfer of nuclear knowledge and technical information to the several generations of specialists, the demanding regulation of the exchange of nuclear knowledge and of their application due to the necessity of observing of rules and norms of nuclear safety of nuclear materials and technologies.

Miscalculations in this field can pose a real threat to all the human-kind, environment protection and economics. At the same time, the nuclear education helps in deeper understanding of the use of nuclear weapons, and promotes the disarmament and nuclear non-proliferation, thus leading to the creation of the nuclear-free world.

This work's aims are to study and analyze the development of nuclear education in Russia undertaken at the different historical stages as well as the study of the most significant tendencies in the contemporary nuclear education in Russia.

Dauren Aben

The international community has for a long period been looking for innovative mechanisms and solutions that, combined with the traditional system of non-proliferation safeguards, would help meet nuclear energy needs and, at the same time, strengthen the global nuclear non-proliferation regime. The IAEA low-enriched uranium bank in Kazakhstan is intended to become such an effective non-discriminatory instrument for the supply of nuclear fuel. Benefits for Kazakhstan from hosting this strategic facility are not limited to public image gains. Making a concrete contribution to international nonproliferation efforts and increasing its role in world affairs, Kazakhstan also strengthens its national security and lays the foundation for the progressive development of the country's nuclear industry.

Larisa Deriglazova

Nina Rozhanovskaya

The paper focuses on the public perception of the nuclear energy sector and nuclear weapons in Russia, as well as on the factors and events that have shaped the Russian public opinion on these phenomena in the post-Soviet period. The authors rely on the polling data and argue that the attitude to nuclear energy is affected by the traditional closed

nature of the sector and unresolved environmental problems inherited from the Soviet period and that Russians consider the issues of nuclear arsenal preservation, modernization and/or reduction in close connection with the dynamic of Russia's relations with the West, particularly with the United States. Overall, one can claim that there is a national consensus in Russia regarding the risks and advantages of nuclear energy and the crucial role of nuclear weapons in the national security.

Alexis Germon

This article explores an evolving Russian civil society that is currently facing structural challenges. Through the prism of mobilization in favor of or against nuclear power, this study aims to highlight the crucial role of concern to contemporary issues, the influence of mass media and information, but first of all, the impact of the authorities and politics on the development of real movements in Russia's civil society. Drawing a comparison with European civil movements, this study highlights the fact that Russian civil society is not inexistent but remains slightly different in both form and occurrence.

Vladimir Kamynin

The author examines major trends in Soviet policy aimed at minimization of human costs of nuclear accidents in the Urals. The author also analyzes Russian legislation aimed at rehabilitation and security of people who live in areas affected by nuclear accidents. Using documents on Soviet nuclear industry history unclassified and published at the turn of Millennium, reports on current ecological situation in Chelyabinsk Oblast, and documents of a personal provenance the author demonstrates applicability of social mobilization theory to studying the Soviet nuclear program. The theory posits that domination of political factors and, consequently, excessive role of the government or of the central authority is the main characteristic of Russian development throughout all historical stages. The article also describes still unresolved issues of contaminated territories in the Urals; their contamination is linked with PA "Mayak" activities.

Andrey Lyamzin

Currently in Russia there are a number of closed cities, important for nuclear energy and nuclear safety of Russia. Ministry of Economic Development plans to deprive them of the status of closed administrative-territorial formations soon.

The study analyzed the peculiar features of the Closed Nuclear Cities. It is important for a proper understanding of the prospects for the development of these cities and the evolution of human capital of its population. The features and peculiarities of the inhabitants' perception of the closed cities and their position and status are identified in the investigation.

Научное издание

ЯДЕРНЫЙ МИР:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕЖИМУ ЯДЕРНОГО
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Редактор и корректор Е. В. Березина
Компьютерная верстка А. Ю. Матвеев

Подписано в печать 23.10.2017. Формат 84х108 1/32
Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 27,01. Уч.-изд. л. 25,12. Тираж 190 экз. Заказ 331.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

